

ЭТНОГЕНЕЗ НАРОДОВ СЕВЕРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Монография посвящена проблемам этногенеза народов Крайнего Севера и Дальнего Востока. В ней обобщены и проанализированы материалы, освещающие процессы формирования северных народов на древних этапах их истории. На основе новейших археологических, этнографических и антропологических данных авторским коллективом рассмотрены этногенетические процессы в арктической и субарктической зонах.

Ответственный редактор И. С. ГУРВИЧ

20602—386

012(02)—79

™196—79 0508000000

© Издательство «Наука», 1980 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая монография посвящена рассмотрению проблем этногенеза народов Крайнего Севера СССР.

Процесс сложения населения в полярных областях нашей страны еще в XVIII в. привлек к себе внимание историков, этнографов, естествоведов (Миллер, 1937; Крашенинников, 1949). В конце XVIII в. в сводной монографии Г. Ланганса «Собрание известий о начале и происхождении различных племен иноверцев, в Иркутской губернии проживающих» были высказаны серьезные мысли о происхождении чукчей, коряков, ительменов, эвенков (Гурвич, 1971),

По мере накопления данных о языках, облике хозяйства, особенностях культуры коренных обитателей Севера исследователи получили основания для построения обоснованных гипотез и предположений о формировании тех или иных групп населения тайги и тундры.

Значительные материалы, позволяющие судить об этногенетических процессах на территории Крайнего Севера и Дальнего Востока СССР, добыты за советский период, в особенности за последние десятилетия, археологами, антропологами, этнографами и лингвистами. Накопившиеся данные углубили картину происхождения основных групп коренных обитателей тайги и тундры.

В связи с этим в представлениях об этногенезе народов Севера произошли значительные изменения. Выделявшиеся этнографами и историками северные и южные пласты в культуре народов Севера сами по себе оказались многослойными и разновременными. Известные нам этносы зоны Севера в большинстве случаев теперь представляются не двухкомпонентными, а многокомпонентными образованиями. Это объясняется не только тем, что формирование этих этносов происходило в результате длительной инфильтрации и отдельных крупных перемещений на Север различных этнических групп южного происхождения, но и обособлением северных этнических образований вследствие дивергентного развития, изменения хозяйства, приспособления его к природной специфике тех или иных областей Севера. Все это делает не только возможным, но и необходимым обобщение данных о сложении коренных народностей в рамках всей обширной, специфичной и крайне обособленной в прошлом зоны Севера.

Значимость проблемы побудила коллектив североведов Института этнографии Академии наук СССР взять на-себя смелость разработать общий эскизный набросок этногенеза всей зоны Крайнего Севера Советского Союза.

В книге прослеживается происхождение коренных народов Севера и Дальнего Востока СССР — саамов (лопарей), хантов (остяков), манси (вогулов), селькупов (остяко-самоедов), кетов, ненцев (самоедов), энцев (хантайских и карасинских самоедов), эвенков (тунгусов), эвенов (ламутов), чукчей, коряков, ительменов (камчадалов), азиатских эскимосов, нивхов (гиляков), нанайцев (гольдов), ульчей, сроков, орочей, негидальцев, удэгейцев.

В связи с известной языковой и культурной близостью ряда народов из этого списка этногенетические проблемы в книге рассматриваются в пределах больших этнолингвистических групп.

Это первый опыт создания такого рода работы. Поэтому целесообразно остановиться на ряде общих методологических положений. Под этногенезом авторский коллектив понимает исторический процесс сложения той или иной этнической общности, т. е. формирования ее антропологических, лингвистических и этнографических особенностей. Как неоднократно подчеркивалось в советской литературе в связи с обсуждением этой проблемы в целом, этногенез представляет собой процесс, протекающий на основе развития производительных сил и производственных отношений (Удальцов, 1947, 301—303). Исследование этногенеза обычно сводится к отысканию тех элементов, из которых составились данная народность и ее культура, и тех исторических процессов, в результате которых она складывалась (Токарев, 1949, 12—13; Долгих, 1964, 77). Неоднократно подчеркивалась неправомерность подмены проблемы формирования народностей: проблемой их механического пространственного перемещения, что нередко случалось в дореволюционных исследованиях.

Разумеется, это ни в коей мере не освобождает исследователей от изучения вопросов о прародине, последующих перемещениях, расширении или сужении территории обитания, смешении с соседями и т. д.

Проблема этногенеза в силу своей специфики требует комплексного исследования, т. е. привлечения данных различных смежных наук. Несмотря на трудность сопоставления выводов, полученных в результате применения специфических средств и методов, присущих разным дисциплинам, только такой подход к этногенезу дает возможность представить в общих чертах этот крайне сложный и длительный процесс.

Попутно подчеркнем, что мы можем судить о становлении этносов и о характере этнических процессов в древности лишь по косвенным данным. Сходство языков, соответствия антропологических характеристик, тождественность отдельных культурных элементов, совпадение хозяйственных приемов, близость

родоплеменных наименований обычно рассматриваются как свидетельство общности происхождения,

как результат этнических взаимодействий и взаимовлияний. Нельзя не указать, что имеющиеся источники, освещающие этногенез народов Севера, крайне ограничены и неравноценны.

За последние десятилетия значительный прогресс в области изучения этногенеза этих народов достигнут благодаря стремительному разворачиванию археологических исследований. Выявлены не только специфические северные археологические неолитические культуры, но и этнокультурные ареалы, гипотетически увязывающиеся с конкретными языковыми семьями. В Сибири выделены урало-обская, или западносибирская хозяйственно-культурная провинция, байкальская, ленская, приамурская, северо-восточная или северо-тихоокеанская. Сопоставление археологических и этнографических данных позволяет полагать, что в пределах этих провинций, или историко-культурных областей, происходило формирование отдельных народностей (культурно-генетических общностей), так как внутри каждой из названных провинций между этносами наблюдаются определенные соответствия, являющиеся, видимо, следствием общего происхождения, а чаще — длительных исторических контактов.

Несомненное влияние на этногенетические процессы оказало и сложение хозяйственно-культурных типов. Так, возникновение специализированного морского зверобойного промысла, крупнотабунного оленеводства, заполнение в связи с этим особых экологических ниш привело к обособлению ряда этнических групп. Археологические материалы в сочетании с этнографическими проливают свет и на формирование, и на последовательность развития историко-культурных типов, датировку их возникновения и тем самым позволяют в известной мере реконструировать процесс сложения этнографических культурных особенностей отдельных этнических образований.

Этнические черты более или менее отчетливо начинают проступать в культурах бронзы. Здесь обнаруживаются этнографические детали, дающие возможность в ряде случаев рассматривать их как «этнические определители», т. е. элементы культуры, не несущие большой функциональной нагрузки, но отличающиеся устойчивыми специфическими особенностями, характерными для определенного этноса. В сочетании с другими элементами культуры эти определители могут быть основанием для суждения о характере и направлении этнических миграций, а применительно к эпохе железа дают возможность облегчить привязку археологических культур к тем или иным этническим группам, известным нам по этнографическим описаниям.

Археологические материалы позволяют учитывать (что весьма важно для нашей темы) миграции этносов, различавшихся по материальной культуре. Однако перемещения близких по основному направлению хозяйства и инвентарю этносов в пределах

5

уже сложившихся культурных ареалов археологией не улавливаются. И картина этногенеза, если она основывается только на археологических материалах, крайне обедняется.

Новые возможности для освещения этногенетических вопросов Сибири открывает развитие палеогеографии, палеоклиматологии, палеоботаники, позволяющих представить колебания климатических условий, изменения в растительном покрове и животном мире арктических и субарктических областей на протяжении четвертичного периода. Эти данные, сопоставленные с археологическими материалами, объясняют в ряде случаев распространение тех или иных культур. Например, потепление, имевшее место в Арктике около V в. до н. э., способствовало распространению зверобойных морских культур и, видимо, расширению области расселения предков эскимосов. Усыхание азиатских степей в конце I тысячелетия до н. э. и в начале I тысячелетия н. э., можно полагать, вызвало значительные перемещения и миграции не только на юге, но и на севере Сибири. Однако необходима еще значительная работа для того, чтобы выявить влияние климатического фактора, особенно климатических катастроф, на миграции, на изменение этнического облика отдельных районов севера Сибири. Учитывая естественные факторы, следует иметь в виду, что они переплетались и сочетались с социальными — внутренними конфликтами, например с пастбищной теснотой и т. д.

Большую ценность для решения этногенетических проблем Севера представляют палеоантропологические и антропологические данные. Вопрос об их использовании, так же как и вопрос о значении антропологической классификации народов Севера и для понимания их образования и этнических взаимосвязей, неоднократно освещался (Дебец, Левин, Трофимова, 1952; Дебец, 1948; Левин, 1958, 13—57; Алексеев, 1968). Отметим, что за последние десятилетия возросла роль серологических исследований, позволяющих со значительной долей достоверности судить о близости или отличии физического типа отдельных народностей Севера (Левин, 1959; Золотарева, 1964, и др.). Видимо, многое могут дать одонтологические и дерматоглифические исследования (Гладкова, Левин, 1960). Заслуживают особого внимания работы об изменчивости признаков в малых популяциях в условиях изоляции (Рынков, 1969).

Выше уже говорилось об особом значении языковых данных для исследуемой нами проблемы. В последние десятилетия появились работы, позволяющие значительно углубить историю языковых

систем Северной Азии. Этим вопросам в настоящей монографии посвящена специальная глава. К сожалению, конкретная история отдельных языков народов Севера изучена еще крайне недостаточно. То же следует сказать и о сравнительном изучении языков этого региона.

6

Обнадеживающие результаты дают вспомогательные лингвистические исследования. За последние десятилетия для решения этногенетических вопросов стали широко и успешно применяться топонимические и гидронимические данные. Метод анализа топонимических материалов с учетом структурной типологии и семантических моделей живых языков, причастных к их созданию, разработанный А. П. Дульзаном, позволяет использовать этот источник как для относительной датировки древних миграций в Сибири, так и для определения первоначального местообитания жителей отдельных языковых групп. Заслуживает внимания произведенное им исследование гидронимов Западной Сибири, проливающее свет на историю перемещения южносамодийских племен из районов Средней Оби к верховьям Енисея. Весьма перспективным представляется сопоставление топонимических карт с картами распространения отдельных археологических культур (Дульзон, 1969 в).

Однако не по всем областям Сибири мы располагаем необходимыми топонимическими данными, в некоторых районах древние топонимы вытеснены позднейшими.

Коснемся некоторых аспектов использования этнографических материалов в целях освещения этногенетических вопросов на Севере. Как известно, становление этносов часто связано с формированием культуры в широком понимании этого термина. Изобретение новых орудий производства, позволившее различным этническим группам заниматься иными видами деятельности, чем их соседи, расширить область своего обитания, несомненно оказывало влияние на этногенетические процессы. Это положение в меру возможностей учитывалось авторским коллективом.

Большое значение для освещения этногенетических проблем на Севере имеет этнографическая классификация народов этой зоны, выделение историко-культурных областей. Разработка этих проблем дает возможность в ряде случаев увязать этнографические памятники с археологическими и тем самым позволяет судить об источниках формирования отдельных этносов, о древних культурных связях как между народами Севера, так и с народами более отдаленных областей. В этом отношении следует указать на еще далеко не использованные возможности этнографического картографирования материальной и духовной культуры. Перспективным для интересующей нас проблемы является сравнительное изучение фольклора и религиозных верований. К сожалению, эта тема еще не привлекла к себе внимания исследователей.

Заслуживают внимания попытки использовать для разрешения некоторых этногенетических вопросов - памятники изобразительного и орнаментального искусства. Анализ типов орнамента, характерных для больших историко-культурных ареалов, и выделение устойчивых комплексов позволяют подойти к сравнительному изучению этого вида искусства, обнаружить типологические черты сходства или различий, что дает весьма важные аргументы при конструировании этногенетических гипотез.

О возможностях этнографии в разрешении этногенетических вопросов имеется богатая литература. То обстоятельство, что главным объектом этнографии являются этносы, их развитие с древнейших времен до наших дней, что ею фактически монополюно исследуются архаические черты культуры у отсталых в социально-экономическом отношении народов (Бромлей, 1973), предопределяет ее ведущую роль в изучении проблем этногенеза. При этом этнографы используют не только данные своей, но и других наук. Этой традиции и придерживались авторы настоящей монографии.

В связи с обзором источников следует указать на ряд специфических вопросов, возникающих при исследовании этногенеза народов Севера. Одним из них является вопрос о характере этнических образований в этой зоне в древности, в эпоху неолита и железного века. Археологические материалы мало дают для выяснения социальной организации и особенностей этнических образований. Больше данных содержат этнографические материалы, позволяющие в общей форме реконструировать этнические образования Севера в эпоху присоединения этого края к Русскому государству.

Родоплеменная или фратриальная специфика в большинстве этих образований в XVII в., как показывают русские официальные документы, еще сохранялась. Однако шло интенсивное смешение родов и племен. Племенная эндогамия была нарушена. Происходило формирование крупных межплеменных этнических образований. Они состояли из близких по культуре и диалектам групп, возможно, имевших даже общее происхождение. Наши источники позволяют предполагать, что в этих крупных этнических образованиях шел процесс сложения этнического самосознания. Наряду с четко осознавшимся причислением себя к конкретному роду или племени осознавалась и близость к определенной группе племен, противопоставлявшейся соседям с иными языками и иной культурой. Все это подтверждается опросами представителей коренного населения об их близких и далеких соседях, производившимися с фискальными целями русскими служилыми людьми.

В XVII в. местная русская администрация в Восточной Сибири отличала юкагиров от эвенов (ламуты), чукчей от коряков. Почти все современные северные этнонимы, такие, как тунгусы, ламуты, чукчи, коряки, юкагиры, в той или иной форме (часто искаженной) встречаются в русских документах XVII в., что свидетельствует об относительной консолидации отдельных народов Сибири. Небезынтересно и то, что отдельные племена и само население и служилые люди причисляли то к одним, то к другим этносам. Видимо, это были пограничные группы, близкие и к тем и к другим народностям.

Материалы XVII в. в общем подтверждают положение о первобытной языковой и этнографической непрерывности. Четкие, резкие границы и переходы между этносами, вероятно, отсутствовали. Соседские группы разного этнического происхождения общались и перемешивались. На этнических рубежах, очевидно, были двуязычные группы.

В этой связи следует подчеркнуть, что между народами Севера еще до прихода русских сложились какие-то традиционные формы общения и обмена. Напомним, что янские и индигирские юкагиры знали о расселении, образе жизни населения Амура и даже о событиях, имевших место в этом районе, удаленном от их местожительства на тысячи верст (Степанов, 1950; Долгих, 1960а, 389).

В какой-то мере данные о формах этнических образований XVII в., особенностях взаимосвязей могут быть проецированы в более отдаленные от нас эпохи. В свете имеющихся материалов этносы эпохи неолита и раннего железного века Севера представляются малочисленными, весьма аморфными группами племен с близкими языками и некоторыми общими чертами в хозяйстве и культурно-бытовом укладе.

Важным представляется вопрос и о механизме взаимодействия этносов в это далекое время. Обычно этот механизм восстанавливается на основе логических соображений и археологических данных, свидетельствующих об изменениях в материальной культуре. Между тем вопрос может быть уточнен путем применения фольклорных и этнографических источников. Небезынтересен и вопрос о характере этнокультурных связей между отдельными историко-культурными областями Севера.

Представляется необходимым предпослать несколько замечаний по поводу предлагаемой работы. Авторы монографии учитывали высказывавшиеся в историко-этнографической литературе гипотезы и предположения о происхождении тех или иных народов Севера. Однако систематический обзор и критика мнений и точек зрения по этой теме не входит в задачи данной монографии. Историография проблемы этногенеза народов Севера СССР заслуживает особого рассмотрения. Попутно отметим, что многие гипотезы и предположения, высказывавшиеся в XVIII—XIX вв., теперь, в связи с накоплением новых языковых и этнографических материалов, с прогрессом в области археологии и антропологии, представляют лишь интерес с точки зрения истории науки.

Настоящая работа жестко ограничена территориальными рамками — областью расселения народов Севера.

Хотя формирование этих народов связано в известной мере с событиями, происходившими на юге Сибири, с процессами сложения и передвижения монгольских и тюркских народов, эти вопросы в монографии специально не рассматриваются. Южные связи и влияния отмечаются лишь постольку, поскольку они

9

важны для понимания этногенеза народов Севера. Все же для того, чтобы показать хотя бы схематично особенности этих связей, в монографию включена глава, посвященная этногенетическим вопросам на Саянах.

Следует также отметить, что в данной работе не рассматриваются проблемы этнической истории. Под этим термином мы понимаем развитие уже сложившихся этносов, характеризующихся относительно устойчивыми признаками (язык, культура). В связи с этим монография хронологически ограничивается XVII в., несмотря на то, что в отдельных главах широко привлекаются в исследовательских целях материалы более позднего времени.

В зависимости от наличия и характера источников построение глав, посвященных этногенезу отдельных народов, варьирует. Так, при рассмотрении этногенеза самодийцев широко использованы данные, полученные в результате анализа их родоплеменного состава. Однако по некоторым народам такие данные отсутствуют.

Отдельные области Сибири, такие, как тундровые районы севера Якутии, внутренние районы Чукотки крайне слабо изучены в археологическом отношении. Это затрудняет не только выяснение вопроса о древних взаимосвязях предков юкагиров и чукчей, но и контактов юкагиров с предками самодийских народов.

Характер источников далеко не во всех случаях позволяет показать и хронологическую глубину этногенетических процессов на Севере. Например, видимо, крайне сложная история формирования уже упоминавшихся юкагиров пока не может быть выявлена с необходимой последовательностью, так как выделение в среде юкагиров каких-либо субстратных элементов при стертости юкагирской

традиционной культуры весьма затруднительно.

Дальнейшее накопление материалов, возможно, позволит заполнить как эти, так и множество других пробелов в наших знаниях по древней истории народов Севера.

Сознавая ограниченность и неполноту источников, авторы предлагаемой работы все же предприняли попытку реконструировать этногенетические процессы в зоне Севера, полагая, что это будет способствовать прогрессу в исследовании этой большой проблемы.

В подготовке рукописи к печати участвовали В. В. Лебедев и Т. М. Мастюгина.

И. С. Гурвич

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ЭТНОГЕНЕЗ УРАЛОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ И КЕТСКАЯ ПРОБЛЕМА

Глава первая

РАННИЕ ЭТАПЫ ЭТНОГЕНЕЗА

НАРОДОВ УРАЛЬСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ ЗАПОЛЯРЬЯ И ПРИПОЛЯРЬЯ ЕВРАЗИИ

Решение вопросов этногенеза коренного населения Заполярья и Приполярья Старого света связано в значительной мере с рассмотрением проблем происхождения, формирования и дифференциации народов, представлявших в наше время уральскую языковую семью.

Палеолингвистические исследования последних лет позволяют в значительной степени детализировать древнюю этническую историю уралоязычного населения Крайнего Севера Старого света. По предположениям языковедов первая речевая система на Балтийском побережье сложилась на финской основе (Моора, 1956). На финских или прафинских языках говорило население, которое не позже, чем со II тысячелетия до н. э., характеризовалось культурой грабенчато-ямочной керамики. В то же время эта культура была распространена на территории, большей, чем современная площадь расселения народов прибалтийского языкового ареала: эстонцев, ливов, ижорцев, води, финнов-суоми, карелов и вепсов (Аристэ, 1956).

Было бы неправильно прямо отождествлять территорию распространения какой-то культуры с расселением одного или нескольких народов, говорящих на общем языке или на родственных языках. Однако все же можно считать, что прибалтийские языки были ранее распространены на большей, чем сейчас, территории. Во всяком случае бесспорным является тот факт, что прибалтийские языки уже в исторические времена были распространены от Балтийского побережья до территории коми, у летописной «веси» (Попов А. И., 1948; Пименов, 1965). Эти языки на Европейском Севере захватывали таежную зону, а также Северное Поволжье.

В этой группе языков особое место занимает саамский (лопарский язык). Исследование распространения некоторых элементов этого языка свидетельствует о его широком в прошлом распространении на Скандинавском п-ове и на территории, сопредельной с землями карел и вепсов. Саамский язык, который относит-

11

ся к особой северной ветви- финских языков, содержит некий субстрат, имеющий прямые аналогии в самодийской группе языков. В лингвистической литературе этот факт не имеет однозначного объяснения. Чаще всего говорят о контактном влиянии самодийских ЯЗЫКОВ на язык предков лопарей. Контакт предков современных лопарей и самодоязычных пришельцев не мог быть ранее I тысячелетия н. э. Отсюда можно считать, что если уже в это время существовали такие серьезные отличия саамского языка по сравнению с другими языками уральской семьи, которые оставили след в карельском и венском, то саамская речь не могла иметь и специфического сходства с самодийской. К этому следует добавить, что общие лингвистические моменты в саамском и самодийских языках могут быть объяснимы языковым влиянием какого-то иного населения, говорящего на языке уральской семьи. Иначе говоря, рассматриваемые подобию могут быть объяснены влиянием какого-то уралоязычного автохтонного населения, явившегося этническим субстратом по отношению к саамам и самодийцам.

Рассматривая под этим углом проблему этногенеза западных уральцев и вопрос о долопарском населении, предложить какую-либо одну точку зрения не представляется возможным, хотя данных, говорящих в пользу уральского происхождения автохтонов Заполярья и Приполярья севера Европы гораздо больше, чем других. Так, по мнению А. К. Матвеева, древнейший пласт в саамском языке может быть отнесен не собственно к саамам, а к «родственным им племенам», т. е. А. К. Матвеев говорит о возможности существования некогда на территории расселения современных северных народов Европейской части единого ура-лоязычного населения. В этом случае становится понятной сложность выявления этого субстрата по лингвистическим данным саамов и самодийцев ввиду единства принадлежности этих языков (как и праязыков) к одной языковой семье (Матвеев, 1964а, 83). Принципиальное значение имеет вопрос об этнолингвистической принадлежности древнего населения, расселявшегося на землях между низовьями Хатанги и Чукоткой. Прежде всего эта проблема связана с вопросом о происхождении юкагирского языка (языков) и его соотношении с языками известных

семей. Большая трудность определения принадлежности юкагирского языка связана с его плохой изученностью, причиной которой является как малочисленность данного народа, так и сравнительно поздние исследования.

В лингвистике до недавнего времени имелись две более или менее фундированные точки зрения о принадлежности юкагирского языка. Первая точка зрения предлагала рассматривать юкагирский язык как прауральский, т. е. язык, который состоит в известном родстве с уральской языковой семьей. Эту гипотезу разрабатывал И. Анкере (Ankeria, 1951). И. Анкере предложил

12

считать юкагирский и уральские языки восходящими к древнейшему единому родству. Однако И. Анкере не характеризует период этого исходного единства, как и не определяет периода юкагирского языкового обособления.

Более определенное обоснование принадлежности юкагирского языка к уральской семье на материале лексических соответствий было предложено г. Коллиндером (Collinder, 1940, 1955, 1958, 1960).

Исследования уральских и юкагирского языков привели к той же трактовке К. Буда (Bouda, 1940). О возможности отнесения юкагирского к уральской семье писали Д. В. Бубрих (1948), И. И. Мещанинов (1948), Е. А. Крейнович (1948) и др. Наиболее убедительно принадлежность юкагирского языка к уральской языковой семье была показана Оливье Тайером, подвергшим резкой критике неопределенную позицию прежних исследователей (Tailleur, 1959). В настоящее время точка зрения о принадлежности юкагирского языка к уральской языковой семье разделяется подавляющим большинством исследователей, занимающихся проблемами палеолингвистики (А. Б. Долгопольский, 1964).

Значительные различия юкагирского языка при сравнении его с другими уральскими языками прежде всего приводят к мысли о одновременности обособления всех языков этой семьи. По значимости отличий языки уральской семьи можно разделить на две равнозначные группы, в одной из которых будут языки финно-угорских и самодийских народов, а в другой — юкагирский язык (языки).

Принадлежность юкагирского языка к уральской семье позволяет выделить несколько этапов дифференциации уральцев и оформления известных ныне ветвей языков. Этнокультурное разделение предков юкагиров по степени отличий юкагирского языка можно отнести к наиболее раннему этапу языковой дифференциации уральцев. Этот период можно определить, разумеется, весьма грубо, при сопоставлении этого факта с антропологическими и археологическими данными. Явления древнеуральского субстрата в языке северо-западных уральцев и принадлежность юкагирского языка к уральской семье в то же время позволяют говорить о неразобщенности различных иноэтнических групп в составе древнейшего уралоязычного населения на огромной территории Северной Евразии от Скандинавии до Чукотки.

Весьма примечательно, что уральское языковое влияние обнаруживается в экскалеутских языках (Bergsland, 1959).

Таким образом, данные лингвистики позволяют говорить о существовании некогда в высоких широтах единого на значительной территории Приполярья и Заполярья уральского языкового субстрата, а следовательно, и населения, которому он принадлежал. Это население, судя по древнеуральскому языковому влиянию, должно было принять участие в этногенезе саамов, европейских и азиатских ненцев, энцев, нганасан и юкагиров.

13

Этнолингвистическая и расовоантропологическая классификации народов Севера Старого света обнаруживают известный параллелизм. Обращаясь к уральской семье народов, весьма схематично ее можно охарактеризовать нарастанием с запада на восток монголоидных признаков. История формирования уральского антропологического типа и его генетических связей с древним населением Сибири остается необъясненной до конца. В 1930-х годах широкое распространение приобрело положение Г. Ф. Дебеца о тесном сходстве неолитического населения Прибайкалья с эвенками того же региона (Дебеч, 1930).

Вопрос об антропологической преемственности неолитического и современного населения Восточной Сибири был вновь подвергнут фундаментальному рассмотрению Г. Ф. Дебецем в классической работе «Антропологические исследования в Камчатской области» (1951, 92—95).

Отказавшись от характеристики выделяемых типов по сходству форм черепной коробки и приняв в качестве более значимых признаков особенности строения лицевого скелета, Г. Ф. Дебеч пришел к следующему выводу: «Тип неолитического населения Прибайкалья представляет собой древнюю форму, но не обнаруживаемую в современном населении. По отношению ко всем современным монголоидным типам населения Сибири (а не только байкальскому) палеосибирский тип неолитического населения занимает примерно такое же положение, как кроманьонский или протоевропейский тип по отношению к современным типам европеоидной

расы». Постановка вопроса о прямой преемственности каким-либо народом Сибири черт неолитического населения оказывается неправомерной.

На основании таких признаков, как степень выступления носа, строение верхнего века, вертикальная профилировка лица, ширина грушевидного отверстия, пигментация волос и глаз, развитие третичного волосяного покрова, Г. Ф. Дебец выделяет четыре соматические группы, бесспорно связанные генетическим родством: арктическую, куда вошли эскимосы, коряки, чукчи, алеуты и ительмены; байкальскую — ламуты, большая часть эвенков, негидальцы, ороки, нанайцы, большинство ульчей, юкагиры и долганы; центральноазиатскую — алтайцы (кроме северных), тувинцы, монголы, буряты и якуты; уральскую, объединяющую угров и самоедов, северных алтайцев, шорцев, отчасти хакасов, чулымцев и кетов (Дебец, 1951, 119).

Основные выводы Г. Ф. Дебца были приняты и развиты М. Г. Левиным (1958). М. Г. Левин в разработке проблем этногенеза народов Дальнего Востока пришел к выводу о том, что в формировании народов, принадлежащих к уральской расе, и народов, заселяющих Северную Сибирь к востоку от Обь-Енисейского водораздела, принимал участие единый древний пласт, который М. Г. Левин назвал «юкагирским». Это положение М. Г. Левина по существу подтверждает точку зрения о едином этническом субстрате, который оказал определенное влияние на формиро-

14

вание известных ныне народов. Сопоставляя эту точку зрения с палеолингвистическими данными, можно говорить о соответствии древнего физического субстратного типа с уральским древним языковым субстратом.

Точка зрения М. Г. Левина была уточнена Ю. Г. Рычковым. Рассматривая антропологию западных групп эвенков, Ю. Г. Рычков, не отвергая в общих чертах положение о существовании в прошлом единого «юкагирского» пласта, предложил ограничить представление о чрезвычайно широком его распространении и выявил существенную роль катангского типа в расогенезе Сибири (1961). По мнению Ю. Г. Рыčkова, Восточная Сибирь явилась контактной зоной катангского (среднесибирского) и «юкагирского» типов, которые выступают внутри байкальской расы как противоположные.

У антропологов относительно гипотезы о субстратных пластах нет единства мнений. При этом под сомнение ставится не только столь широкое распространение древнего пласта, но и то, что исходные признаки древнего населения, явившегося предками народов уральской языковой семьи, были монголоидными. Подвергалась сомнению даже сама возможность говорить об определенном единстве народов, принадлежащих к «карело-угорскому доязыковому ареалу» (Бубрих, 1948, 1949; Чебоксаров, 1948, 1949).

Все же несомненная языковая общность заставляла антропологов учитывать исходное генетическое родство финно-угорских народов при решении вопросов происхождения и классификации древних уральцев. Н. Н. Чебоксаров, в частности, использовал антропологические данные при определении территории формирования финно-угорских народов, ограничив ее Приуральем и Зауральем, и обнаружив широкие этнические связи этого региона с сопредельными территориями (Чебоксаров, 1952). Н. Н. Чебоксаров по существу вернулся к традиционной точке зрения о метисном происхождении финно-угорских народов. Упрощенно этногенез финно-угорских народов, согласно этой точке зрения, сводится к смешиванию исходных западных европеоидных элементов с восточными монголоидами, что сопровождалось и формированием финно-угорского языка на уральской основе с последующей дифференциацией на языки известных нам народов.

Эта традиционная точка зрения о смешанном происхождении финно-угорских народов разделяется значительным числом антропологов. В. П. Алексеев пишет (1969, 115):

«Антропология располагает прямыми свидетельствами о физическом типе древнего населения (костные остатки людей ранних эпох). Эти свидетельства, а также промежуточное положение антропологического типа большинства финно-угорских народов между «чистыми» представителями европеоидной и монголоидной рас говорят о том, что население, составляющее ядро финно-угорской языковой общности, формировалось на территории, расположенной между

15

ареалами европеоидов и монголоидов. Разница между ними сейчас практически совпадает с границей между Европой и Азией. На основании палеоантропологических материалов можно утверждать, что в эпохи неолита и бронзы европеоиды цмели более широкое распространение, занимая степи Казахстана и Южной Сибири. Но в более северных лесных районах граница между

зонами распространения европеоидов и монголоидов, по-видимому, существенно не изменялась до нескольких последних тысячелетий. Таким образом, Приуралье, Западная и Южная Сибирь — наиболее вероятная зона формирования предков современных финно-угорских народов, как об этом можно судить на основании анализа антропологических материалов».

В. В. Бунак выдвинул принципиально отличное объяснение наличия у уральских народов разных расовых признаков (1965, 174—196). Рассматривая вопросы расогенеза народов Балтийской зоны, он подверг критике точку зрения о присутствии в балтийской расе каких-либо вариантов уральской группы или монголоидного компонента, которую предполагал еще Е. Эйкштедт (Eickstadt, 1934; Coon, 1939). В. В. Бунак определяет югорский тип как уральский по происхождению европейский вариант, сохранившийся в качестве остаточной формы, и отрицает его влияние на специфические балтийские варианты, как и влияние уральского комплекса вообще. В. В. Бунак ставит под сомнение возможность связывать гребенчато-ямочную культуру европейского мезолита с древним монголоидным населением, как это делали многие исследователи (Дебец, 1948, Марк, 1956; Якимов, 1956 и др.). «Вполне вероятно, — пишет В. В. Бунак (1965, 177), — что в мезо- и неолитическое время существовали группы не столь резко различные (по европеоидным и монголоидным признакам. — Ю. С.) и что в неолите сохранились некоторые особенности древнейших, менее дифференцированных форм». По существу, В. В. Бунак выдвигает идею о протоморфности исходного типа древнего населения.

В. В. Бунак подвергает сомнению и возможность трактовать языковое и культурное соответствие населения Прибалтики и Приуралья на основании физического единства. По мнению В. В. Бунака, собственно уральский тип, выделенный еще И. Е. Деникером в качестве угорской расы (1902), является реликтовым вариантом типа, заселявшего в прошлом Западную Сибирь и лесную часть Восточной Европы. Ее формирование В. В. Бунак не находит возможным связывать с той основой, на которой происходило складывание монголоидных вариантов Сибири, хотя эта основа и обнаруживает сходство с ненецким и юкагирскими типами.

Уральский тип, по В. В. Бунаку, является вариантом особой «протоазиатской расы», который выделился из общего монголоидного ствола еще задолго, до того, когда сформировались архи-
16

морижые, типически монголоидные признаки, и является мезо-морфным, не ярко выраженным протоазиатским вариантом.

Какова бы ни была точка зрения на происхождение уральского, антропологического типа (т. е. считать ли его результатом меттизации представителей двух больших рас или рассматривать его как эволюционную ступень развития исходного типа, одинаково сочетавшего монголоидные и европеоидные признаки), все уральскоязычные народы в разной степени монголоидные признаки обнаруживают. В составе лопарей В. П. Алексеев видит монголоидный компонент, который находит возможным связывать с «самодийским Субстратом», отличным от варианта низколицего монголоидного субстрата, который примешался к антропологическим типам Восточной Прибалтики (1969, 140—141). Это наблюдение дает возможность сопоставить упомянутый «самодийский» субстрат с древним населением Севера, вошедшим в состав как лопарей, так и самоедов.

Ю. Г. Рычков считает иерархичность и параллелизм в антропологической и этнолингвистической структурах следствием процесса генетической дифференциации. «Этот процесс, — пишет Ю. Г. Рычков (1969, 17), — протекает в значительной мере на базе наличного генетического материала, по-видимому верхнепалеолитического или раннеолитического населения Северной Азии. Так, реконструируемый ход развития, разумеется, не исключает возможность иных влияний со стороны сопредельных с Сибирью районов Европы, Центральной и Восточной Азии. Именно благодаря присутствию основного ядра в суммарном генофонде Сибири эти внешние влияния действительно улавливаются в окраинных областях. Таковы значительная депигментация и частота типа Rh (—) групп крови в угро-самодийских народностях Северо-Западной Сибири, сравнительно обильный волосяной покров и частота типа Rh (—) тюрков Алтая; айноидные элементы в физическом типе населения Амура, черты тихоокеанских антропологических типов у северо-восточных палеоазиатов».

По мнению Ю. Г. Рычкова, уже неолитическое население было достаточно дифференцированным, что и определяло разницу, когда в качестве критериев бралась степень монголоидности или европеоидности. Ю. Г. Рычков считает, что Средняя Сибирь (земли между Енисеем и Леной) была зоной распространения особого морфологического типа, противоречиво сочетающего как резко выраженные, так и менее характерные монголоидные признаки (Рычков, Перевозчиков,

Шереметьева, Волкова, Башлай, 1969). Этот тип распространен также на восток от Енисея до Охотского побережья.

Исходя из идеи единого исходного генофонда сибирских монголоидов, Ю. Г. Рычков считает возможным рассматривать современные антропологические типы, входящие в данный ареал, как результат процесса генетической адаптации, при которой решающее значение играл эффект изоляции. Преобладание.» изоляции

17

над селективным фактором именно и характеризуется исключительно большим размахом изменчивости популяций. По плотности популяций в пределах этногенетических общностей в координатах частот генов современные группы народов Ю. Г. Рычков классифицирует следующим образом: северо-восточные палеази-ты, северные тунгусы, алтае-саянские тюрки, угро-самодийцы, якуты и буряты, отмечая при этом убывание «древности» каждой этногенетической общности. Ю. Г. Рычков пишет (1959, 29): «Можно думать, что (Соотношение этих давлений (случайный дрейф генов и миграционные процессы.— Ю. С.) претерпевает эволюцию параллельно с этногенетической дифференциацией, пока не перекрывается время от времени мощными инородными напластованиями. Примером последних могут послужить современные угро-самодийские группы Западной Сибири, относительная однородность которых может быть результатом не столько их молодой истории, сколько смешения самодийского пласта с досамодийскими аборигенами». Это заключение особенно важно при рассмотрении этногенеза северо-западных и северо-восточных уральцев, в состав которых, как можно предполагать, вошел древний этнический субстрат. В этой связи следует отметить, что в данном случае метисизация должна была оформляться на базе родственных элементов, разной степени «древности».

И. М. Золотарева считает достаточно ярким проявлением древнего антропологического пласта физические типы как лопарей, так и нганасан. И те и другие в специфических вариантах обладают комплексом признаков, отличных от типичных монголоидных позднего порядка. Эти типы характеризуются слабым распределением генов О, А и очень слабой концентрацией гена В (Золотарева, 1964).

Рассматривая антропологический тип нганасан, И. М. Золотарева приходит к следующему выводу: «...анализ соматологических материалов по нганасанам указывает на большое своеобразие антропологического типа нганасан, который пока занимает особое положение среди известных нам антропологических типов Сибири и не может быть отнесен с достаточным основанием к какому-либо известному до сих пор антропологическому комплексу. Весьма вероятно, что своеобразие физического облика нганасан связано с тем, что нганасаны являются остатком древнейшего антропологического пласта Севера Средней Сибири, сохранившегося в изолированных условиях Таймырского полуострова» (1962).

Этот вывод следует особо учитывать при палеокультурной реконструкции древнего населения Северной Евразии, так как позволяет принять в качестве эталона этнокультурные характеристики нганасан для выявления различных элементов, характерных для древнейших насельников, вошедших в качестве субстрата в состав современных народов.

Лингвистические и антропологические данные в известной

18

степени согласуются с археологическими и этнографическими материалами. Подобие значительного количества культурных явлений; в Заполярье и Приполярье позволило говорить о существовании некой «циркумполярной культуры», единой на определенном этапе истории народов Крайнего Севера. Так, Ф. Гребнер выделял культуры охотников Арктики и Субарктики, связывая их формирование с древнейшим слоем населения, некогда жившего на Крайнем Севере (Graebner, 1911). Основным соображением, по которому эти культуры относились к «древнейшему слою», было их периферийное расположение. Выделение этих культур в особую категорию было сделано по формальным признакам, таким, как употребление костяного инвентаря.

В. Г. Богораз-Тан также выделял культуры арктических народов, объясняя их тождество конвергенцией (Bogoraz, 1929). При этом В. Г. Богораз-Тан допускал возможность и иного толкования подобия культур народов Арктики и Субарктики Старого и Нового света — связь этих народов в далеком прошлом с единым этническим пластом. Идею В. Г. Богораз-Тана развивал Ф. Флор (Flor, 1930, 293; 1930a, 123—130), который предложил теорию «протосамоедского культурного круга». Этот круг охватывал всю Северную Азию и Прибалтику. Ф. Флор исключил из «арктической культурной общности» Север Нового света. По Ф. Флору, исходной территорией «протосамоедского культурного круга» были Саяны, откуда и распространились все элементы арктической культуры.

Существенный вклад в изучение проблем происхождения культур народов Арктики и Субарктики внесли В. Тальбицер и Ф. Боас (Thalbitzer, 1924; Boas, 1929). Эти исследователи впервые попытались

обосновать точку зрения о происхождении арктических культур из единого центра, находящегося на Азиатском материке, о чем гипотетически высказывались еще К. Висслер, Р. Лови, А. Холлвел и др. В. Тальбицер и Ф. Боас разработали методику исследования, предложив в качестве критерия определения культуры комплекс специфических признаков. В. Тальбицер, занимаясь исследованием параллелей в духовной культуре саамов и эскимосов, пришел к выводу о невозможности возникновения изолированных тождеств, если в основе их не лежало единство происхождения. Этот вывод В. Тальбицера не соответствует современным представлениям об этногенезе этих народов, однако его исследования позволили позже прийти к идее поглощения этими народами единого этнического субстрата.

Ф. Боас, признавая неизбежность конвергенции в формировании культур единой географической зоны, считал, что только единство происхождения может объяснить определенный арктический комплекс признаков культуры. Сейчас можно оспаривать и принципы выявления комплекса, и отношение к нему, однако разработка методических принципов определила более высокий уровень исследования. Особо значительным событием в арктиче-

19

ской этнологии были работы выдающегося датского исследователя Г. Хатта (Hatt, 1934, 1969). Хатту первому удалось расчленить арктическую культуру на два разновременных пласта. Этот вывод Г. Хатт сделал на основании изучения типов одежды. Различные технологические комплексы, выявленные Г. Кат-том, были отнесены им к двум разным культурам: древнейшей — «прибрежной» — и более поздней — «материковой». Эта точка зрения была принята К. Биркет-Смитом и А. М. Золотаревым (Birket-Smith, 1929, 1953; Золотарев, 1938). К. Бирке/-Смит предложил другие наименования культур — «культура охоты и рыболовства на льду» и «лыжная культура». Внутриматериковую культуру К. Биркет-Смит относил к эппалеолиту и даже к палеолиту.

Иную трактовку вопроса о циркумполярной культуре предложил Г. Джессинг. Г. Джессинг выявляет две синхронно существующие культуры в Арктике — приморскую и внутриматериковую, отличающиеся комплексом групп признаков (Gessing, 1944). Выводы Г. Джессинга были подвергнуты справедливой критике со стороны В. И. Мошинской (Мошинская, 1965). В. И. Мошинская прежде всего обращает внимание на разновременность возникновения признаков, выделенных Г. Джессингом, и невозможность считать их поэтому целостными комплексами. В. И. Мошинская отрицает возможность существования циркумполярной культуры и присоединяется к точке зрения Х. Ларсена и Ф. Рейни, которые видели причины совпадения некоторых культурных явлений в многократных и постоянных передвижках населения Арктики, имевших место в начале периода освоения Заполярья и Приполярья (Larsen, 1961; Larsen, Reiney, 1948).

Крупнейший исследователь уральских языков Г. Н. Прокофьев на основании лексического анализа финно-угро-самодийских языков также выдвигал идею двухкомпонентности этнического состава народов Крайнего Севера (Прокофьев, 19406).

Исключительное значение для изучения освоения человеком Северной Азии имеют работы А. П. Окладникова. А. П. Окладниковым были созданы и основные разработки, позволяющие выявить этапы расселения человека в северной части Евразийского материка и в общих пределах датировать их. А. П. Окладников (1950 г, 150—152), обращая внимание на то, что в Сибири не было найдено каких-либо признаков приматов, которые могли являться предками современного человека, что объясняется суровыми климатическими условиями данного региона в период формирования человека и общей локализацией территории формирования предков человека, относит начало заселения Азии к сравнительно позднему времени.

В этот период расселение человека в сравнительно суровом географическом поясе было возможным благодаря соответственному уровню культуры, позволившему освоить огромные арктические пространства. По мнению А. П. Окладникова (1950а,

20

і 54—1

154—157), в эту эпоху в арктических условиях Восточной Европы сложилась высокоразвитая культура охотников верхнего палеолита. Древние охотники, по А. П. Окладникову, в конце ледникового периода заселили территории к востоку от Урала и, оказавшись в изоляции, создали здесь свою культуру, отличную от той, которая наблюдалась на исходной территории на западе. В. И. Громов считал, что связи обеих частей Евразийского материка существовали еще в рисское, доледниковое время, когда человек обитал в пещерах Южного Урала, а затем двинулся вслед за ледником в бассейн Камы, выйдя из стадии позднего палеолита на берега Белого моря (Громов, 1950, 103).

Следуя наблюдениям А. П. Окладникова, в позднепалеолитическое время с потеплением климата заселяются Ангара, Лена, Селенга, Енисей, предгорья Алтая (Окладников, 1963а, 55—65). В это время изменяется характер культур населения Сибири — микролитические орудия сменяют массивные чопперы и скребла, появляются остроконечники и нуклеусы новых форм, а также неизвестные ранее костяные клюшки с каменными вкладышами и плоские гарпуны.

Характер культур IV—III тысячелетий до н. э. позволяет проследить миграционные пути населения с территории Камского бассейна на север Европейской части и связать это население с предками финно-пермской группы уральцев (Бадер, Чернецов, 1963, 104). Расселение это, как свидетельствуют археологические памятники, шло через север Верхнего Поволжья, Карелию и Прибалтику. Позже на значительных территориях севера Европейской части материка эти культуры выходцев с Урала были поглощены культурами окско-волжского массива (Брюсов, Крайнев, Пассек, Формозов, 1963, 88—94).

Синхронно с этим неолитические памятники Сибири позволяют выделить культуру охотников и рыболовов Нижнего Приобья, культуру таежных охотников на лося и дикого северного оленя в нижнем течении Лены и Колымы, откуда охотники на дикого оленя продвинулись, по мнению А. П. Окладникова, уже во II тысячелетии до н. э. в центральную часть Чукотского п-ова (1963а, 1963б, 1963в). Эта культура здесь предшествовала прибрежной культуре охотников на морского зверя и распространилась именно в это время на севере Американского континента.

Исключительный интерес для периодизации каменного века лесной полосы Сибири и установления этнокультурных связей Севера Старого и Нового света имеют исследования Ю. А. Мочанова. Мочановым многократно стоянки Белькачи I (Мочанов, 1969б). Опираясь на стратиграфию этой стоянки, Ю. А. Мочанов выдвигает следующие этапы заселения Восточной Сибири начиная с раннего голоцена: 1) поздний (голоценовый) палеолит — III—V тысячелетия до н. э.; 2) ранний неолит — IV тысячелетие до н. э.; 3) средний неолит — III тысячелетие до н. э.; 4) поздний неолит — II тысячелетие до н. э. (Мочанов, 1969а, 197), Ю. А. Мо-

21

чанов отмечает автохтонность происхождения памятников каменного века Якутии.

/

По наблюдениям Ю. А. Мочанова, эти памятники позднего палеолита локализуются на территории бассейнов Алдань и Вилюя (Мочанов, 1969б, 120—130). В это время формируется культурный уклад охотников на дикого оленя и рыболовов, который сохранялся в тайге весь период неолита. Эта культура коррелирует с чукотскими материалами (Диков, 1964б, 5—27) и археологическими культурами полярной и приполярной зон Северной Америки, в частности с полярным комплексом Денби (Giddings, 1964). Ранний неолит отмечен памятниками нижнего течения Лены и охватывает территорию низовьев Индигирки и Хатанги. В это время у древних охотников появляются лук и керамика. Средний неолит характеризуется расцветом техники обработки каменных орудий. Ранне-неолитическая культура распространяется от Хатанги до бассейна Анадыря (белькачинская культура). Поздне-неолитическая (ымяхтахская) культура принадлежала полукочевым охотникам.

Существенные коррективы в историю освоения человеком высоких широт вносят исследования Л. П. Хлобыстина (1973б, 141—143). При раскопках стоянки возле Тагенарских озер на Таймыре Л. П. Хлобыстин обнаружил бескерамическую культуру охотников на дикого северного оленя периода V—VI тысячелетий до н. э., т. е. периода климатического оптимума. Л. П. Хлобыстин вслед за В. Н. Чернецовым (см. далее) считает, что именно к этому времени относится широкое расселение древних охотников на дикого оленя в высоких широтах, а в последующий период — на рубеже III—II тысячелетия до н. э. — формируется специфическая для Заполярья и Приполярья культура населения, которое вошло в состав более поздних пришельцев в качестве этнического субстрата.

Таким образом, неолитические памятники севера Евразии свидетельствуют о чрезвычайно широком распространении на огромной территории Заполярья и Приполярья Старого света относительно единообразных культур. Если при этом можно совершенно определенно связывать памятники Европейского Севера и Западной Сибири с древними уральцами, то в Восточной Сибири допустимо (вплоть до Чукотки) находить связь праюкагиров с неолитическими памятниками типа Усть-Бельского могильника и др. (Диков, 1958, 1960, 1961а, 1961б, 1964а, 1964б, 1967а, 1967б, 1968).

Сопоставляя данные археологии, лингвистики и антропологии, В. Н. Чернецов предложил стройную концепцию складывания культур древнего и современного населения циркумполярной

зоны (Чернецов, 1964). В. Н. Чернецов прежде всего обращает внимание на длительный период складывания культур Заполярья и Приполярья, на зависимость этого процесса от многих факторов: зонально-географической сферы и вековых колебаний клима-

22

та, обуславливавших в комплексе с уровнем производительных сил формирование стадиально-конвергентных форм хозяйства и культуры; внешних географических факторов локального воздействия, определяющих темпы развития культур; диффузионного распространения основных идей; контактного заимствования отдельных комплексов и орудий; миграционных явлений, вызвавших сложные этнокультурные процессы.

Миграционные и ассимиляционные процессы привели к субстратным явлениям в топонимике, языке, культуре и антропологии. Эти субъективные явления хорошо прослеживаются, когда за основу определения их берутся функционально не обусловленные формы предметов материальной культуры. Одной из этих характерных черт В. Н. Чернецов считал глухую одежду типа парки, отнеся ее к древнейшему типу для Евразийского материка и Нового света.

Возникновение ее В. Н. Чернецов связывает « континентальными районами Восточной Сибири. В конце палеолита, по мнению В. Н. Чернецова, восточносибирское население распространилось на запад до Урала, о чем свидетельствует проникновение сюда орудий восточносибирских форм. Здесь это население слилось с представителями уральской этнической группы, образовав в позднем мезолите уральский метисный антропологический вариант, принесся сюда также и глухая одежда в качестве одного из элементов культуры. Таким образом, формирование уральской расы В. Н. Чернецов относит к неолиту.

Появление в Зауралье и Западной Сибири населения уральской языковой семьи В. Н. Чернецов относит к V—IV тысячелетиям до н. э. Он выдвинул свою концепцию формирования финно-угро-самодийской общности (Чернецов, 1964а, 405—410). В. Н. Чернецов находит возможным связывать некоторые ранне-ананьинские культуры с финно-уграми. Большая часть этих памятников в этническом плане может быть отнесена к предкам пермских народов. Черты ананьинской культуры — типы бронзовых кельтов, копий, костяные изделия, керамика, орнамента и многое другое — прослеживаются также в археологическом материале самого Урала, лесостепной зоны и лесной полосы Зауралья и Нижнего Приобья. Прикамье и Обско-Иртышское Зауралье при этом составляют область родственных культур, которые четко выделяются на скифо-сарматском и тагарском фоне.

Культуры раннего железа в этой области увязываются с культурами эпохи бронзы, т. е. со II тысячелетием до н. э. Прапермский этап относится к Прикамью, культуры Зауралья связываются с праугорским слоем. Этот вывод подтверждается распространением специфических наскальных изображений, позволяющих, с одной стороны, найти прямые связи неолитических памятников с элементами современной культуры угров, а с другой — более или менее точно определить границы ее распространения. Изучение орнамента обских угров позволило В. Н. Черне-

23

цову увязать зауральскую культуру эпохи бронзы с неолитом и проследить ее развитие и распространение от самого древнего из известных этапов — Козловской стадии.

Эта стадия по характеру кремневого инвентаря может быть отнесена к IV в. до н. э. Следующая стадия — Горбуновская (конец IV — третья четверть III тысячелетия до н. э.) распространяется на всей территории Северной Сосьвы и отсюда — до нарымской Оби и на запад — до камского Приуралья. В. Н. Чернецов связывает продвижение уральцев в Прионежье и Финляндию именно с этим временем. Энеолитический этап хронологически совпадает с концом III — началом II тысячелетия до н. э., когда появляются следы обработки меди, а по низовьям Тобола и Иншма складывается скотоводческая культура.

Широкое распространение от Среднего Зауралья до Енисея и Ангары микролитической культуры со специфическими формами кремневых и вкладышевых наконечников позволяет В. Н. Чернецову очертить границу расселения древних охотников. Их продвижению, бесспорно, мог способствовать сдвиг южной границы леса до широт современного Васюгана и Кети.

В. Н. Чернецов связывал расселение прасамоедских групп с миграцией неолитического населения, освоившего Среднюю Обь и Притомье, а также самых удаленных от уральского ядра групп праюкагиров. Как и в Зауралье, в это время в связи с передвижением уралоязычного неолитического населения в Восточной Сибири, в Прибайкалье возник метисный, или протоморфный, байкальский антропологический тип, сближающийся именно с юкагирами. Приблизительно в конце IV тысячелетия до н. э. в Зауралье, появляются лыжи, специфическая

однополосная нарта и каркасная лодка. Во время термического максимума с помощью этих транспортных средств уральцы расселяются очень широко вплоть до севера Европы. Миграционные явления, по В. Н. Чернецову, начавшиеся на рубеже IV—III тысячелетий до н. э., привели к распространению от Прионежья до Ангары и Подкаменной Тунгуски сходных типов керамики и каменных и костяных орудий. Неолитический комплекс Среднего Енисея, Нижней Ангары и Подкаменной Тунгуски, за исключением некоторых форм серовского и кетойского типов, находят соответствие во второй и третьей формах уральского неолита. Керамика уральского неолита, в свою очередь, весьма близка керамике типа Сперрингс Прионежья. Погребальный обряд и похоронный инвентарь Оленеостровского могильника, сближающиеся с культурой Приангарья, позволяют ставить вопрос о восточном происхождении населения, которому этот могильник принадлежал.

В. Н. Чернецов считает, что именно на территории между Уралом и Енисеем вследствие взаимодействия праугорского, прасамоедского и праюкагирского населения происходило форми-

рование пралопарей, остатки которых были известны в историческое время под именем «печеры» и фигурируют в ненецком фольклоре в качестве «сииртя». Этот вывод подтверждается археологическими материалами Большеземельской и Малоземельской тундр, имеющими и уральские, и онежско-беломорские черты.

Все вышесказанное и позволяет считать, что тундровая зона Старого света начала заселяться в послеледниковый период — в мезолите и раннем неолите. Распространение древних насельников было несинхронным, что объяснялось в первую очередь природно-климатическими особенностями той или иной территории. В Восточной Сибири не было таких мощных ледниковых образований, как на западе Евразии. Условия жизни здесь стали более благоприятными, чем в Западной и Средней Сибири. Можно предполагать, что неолитическое население территории между Уралом и Енисеем, которое можно считать уралоязычным и монголоидным по физическим признакам, расселилось в Восточной Сибири раньше, чем произошло его проникновение в более западные регионы. Территория расселения юкагиров оказалась освоенной раньше, и население ее оторвалось от уральского ядра также раньше, что, по-видимому, сказалось на более длительном обособлении и формировании больших по сравнению с позже оформившимися народами отличий. Этот факт может служить объяснением значительной языковой специфики юкагиров.

Уралоязычные неолитические предки юкагиров выделились на уральской общности ранее того времени, когда произошло разделение на финно-угров и самодийцев. В силу этого степень языкового подобия юкагиров при сравнении с языками уральской семьи меньшая, чем у других народов. Можно предположить, что юкагиры выделились в интерстадиале между периодом урало-алтайского языкового единства и периодом консолидации уральского языкового единства с последующей дифференциацией.

Древние уральцы, расселившиеся на обширных пространствах Арктики и Субарктики, впоследствии были поглощены пришельцами с юга, различными на разных территориях по своей этнической принадлежности. К западу от Енисея они испытывали влияние народов уральской языковой семьи. Процесс ассимиляции древнего населения севера Западной Сибири, Европейского Севера представляет собой, по всей видимости, явление, значительно протяженное во времени, которое можно подразделить на несколько этапов. Так, на самодийском севере история формирования современных родов выявляет два основных этапа этнических изменений (Симченко, 1968).

Первый связан с приходом в высокие широты самодийцев. Этнические процессы этого периода характеризуются взаимодействием древних северных уральцев и пришельцев — самодийцев.

Второй этап можно рассматривать как взаимовлияние новой волны переселенцев на север — предков современных ненцев — с на-

25

селением, сформировавшимся вследствие взаимовлияния самоедов и неолитических охотников — уральцев. Особенности этнических процессов в Западной Сибири и на Европейском Севере заключаются во взаимовлиянии уральцев разной степени дифференциации. Эта особенность позволяет лишь весьма приблизительно¹ выделить в составе современных финно-угров пласты, сопоставимые с древними уральцами и самодийцами. Единство происхождения тех и других не позволяет определить достаточно четкие границы, как это бывает возможно сделать в случае взаимовлияния населения, различного по этнической принадлежности.

Древнее население Севера в зоне влияния самодийцев образовало в составе современных народов — ненцев, энцев, нганасан — особые экзогамные общности, по ряду признаков отличающиеся от аналогичных институтов пришельцев (Васильев, 1974а).

Этнографические материалы позволяют достаточно четко-реконструировать культуры древнего населения Крайнего Севера. Прежде всего совершенно отчетливо определяется хозяйственная направленность тундровой культуры — ведущая роль охоты на дикого северного оленя вплоть до оформления крупнотабунного продуктивного оленеводства. Дикий северный олень являлся основным объектом промысла, источником пищи и материала для одежды и жилищ, пригодных в Арктической и Субарктической зонах. Моноотраслевая направленность хозяйства древних охотников позволяет в самых общих пределах произвести расчеты численности этого населения.

В принцип расчета положено состояние биологического равновесия древних охотников и всего фаунистического и флористического комплекса. Древнее население по самым приблизительным данным могло достигать всего 10—11 тыс. человек на всей территории континентальных тундр от Чукотки до Скандинавии. Древние неолитические охотники были вынуждены локализоваться в узкой полосе южной окраины тундры и в лесотундре. Климатические изменения (похолодание и постепенное ухудшение климата), наступившие после бореального периода, сопровождались природными изменениями высоких широт Старого света. Соответствующие изменения культуры у древних охотников в этот период заключались в постепенной перестройке ее отдельных элементов и приспособлении к новым, более суровым условиям.

Древние охотники на дикого оленя знали достаточно совершенные способы добычи животных. Основным из них была массовая добыча животных на воде во время сезонных миграций. Древность этого способа несомненна. Его можно считать основным явлением, определяющим культуру охотников на дикого северного оленя. Этот способ добычи доступен населению, находящемуся на самых архаичных ступенях развития. Ранней его стадией («долодочной») является прибрежная охота, когда зверь убивается близ берега охотником, забежавшим в воду. Этот спо-

26

соб был малопродуктивным, и организация его существенно от-личалась от «поколки» — добычи на воде в классической форме. Различные элементы прибрежной охоты сохранились в виде реликтивно-этнических установлений у нганасан и юкагиров (Сим-ченко, 1976).

С оформлением способа добычи на воде заканчивается и формирование культуры тундровой охоты на дикого северного оленя. Июколка могла проводиться только дважды в году во время массовых сезонных миграций животных. Стабильность миграционных путей дикого оленя, обусловленная постоянством пастбищеоборота, определила северную границу расселения людей, характер производственных объединений и основных элементов материальной культуры. Древние охотники выходили к местам весенних переправ весной и оставались там до осени, до возвращения оленей на юг, к лесной зоне. Совершенствование добычи оленей на воде привело к созданию каркасной лодки. Создание лодки, которая употреблялась также в качестве волокуши, явилось заметным событием в культурной истории высоких широт.

С появлением достаточно совершенной каркасной лодки древние охотники стали более мобильными, получили возможность оп-ромышлять новые земли, соответственно увеличить размер добычи.

Непреодолимые ранее водные преграды, встававшие на пути неолитических насельников, стали, напротив, дорогами на Север, в богатые дичью тундры. В это же время, по всей вероятности, более интенсивными становятся широтные миграции, устанавливаются связи между локальными группами. Большая мобильность, расселение охотников на значительной территории не могли не сказаться и на демографических характеристиках. Период оформления способа добычи оленя на воде с помощью каркасной лодки должен был сопровождаться ростом общей численности тундрового населения и социальной перестройкой общества. С этого времени оформляется характерный для охотников на дикого оленя производственный коллектив. С этого времени вступает в силу биологический баланс тундровой зоны.

Глава вторая ЭТНОГЕНЕЗ СААМОВ

Саамы — коренные насельники Европейского Севера. Это небольшой народ общей численностью свыше 34 тыс. человек. Большинство саамов населяют северные районы Норвегии — около 20 тыс. человек, Швеции — около 10 тыс. и Финляндии — около 2,5 тыс. человек (Ruong, 1962, 1). Часть саамов — 1,9 тыс. человек — живет в СССР, на Кольском п-ове (Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г., 1973, с. 10).

Как свидетельствуют данные археологии, антропологии, лингвистики и этнографии, предки саамов в прошлом занимали более широкую территорию к югу, но постепенно были оттеснены на Крайний Север другими народами. Антропологический тип саамов, своеобразие их языка, особенности материальной и духовной культуры выделяют этот народ не только среди его североευропейских соседей, но и среди других народов арктической зоны. Все это послужило причиной того, что саамы с

давних пор привлекали к себе внимание исследователей. Однако этногенез саамов до сих пор остается не вполне выясненным.

В данной главе мы считаем необходимым остановиться на характеристике тех археологических культур, Носители которых приняли участие в формировании саамского этноса; на существующих теориях о происхождении антропологического типа к языка саамов; наконец, на сложении основных особенностей саамской культуры.

Нижняя хронологическая граница главы определяется временем, известным по археологическим материалам (в основном IV—III тысячелетиями до н. э.), а верхняя условно доходит до середины II тысячелетия н. э. Примерно к этому времени закончилось сложение основных историко-этнографических групп саамов в том виде, в каком они известны нам по этнографическим материалам XIX—XX вв.

Освещение рассматриваемых вопросов дается в большей мере на более доступных для нас материалах по Кольским саамам. Это представляется нам вполне допустимым, так как все основные принципиальные вопросы саамского этногенеза (происхождение антропологического типа, языка, формирование основных хозяйственных и культурных особенностей) решаются одинаково для всего народа в целом. Что же касается более позднего этнического развития разных групп саамов, проживающих в течение долгих веков на территории разных государств, в разных исторических условиях, то оно протекало по-разному. Рассмотрение этих процессов не входит в задачи данной главы.

Больше всего, пожалуй, занимались проблемой этногенеза

28

саамов археологи, и ими высказано по этому поводу наибольшее число противоречивых гипотез.

Так, одни из них считали саамов потомками какого-то древнего населения Восточной или даже Центральной Европы, связывая их происхождение с эстонской мезолитической культурой Кунда или со свидерской культурой, распространенной на территории современной Польши (Г. Ласло, Д. Европеус и др.). Другие исследователи связывали происхождение саамов с древнейшей береговой северной культурой, открытой в Северной Норвегии и на Кольском п-ове (К. Виклунд и др.). Наконец, значительное число ученых выводило саамов из-за Урала (Л. Ю. Янитс, О. Н. Бадер и др.).

Рассмотрение опубликованных к настоящему времени археологических материалов и исследований позволяет считать возможными районами, где происходило формирование предков саамов и где были открыты древнейшие стоянки первобытного человека, северное побережье Норвегии и крайний северо-запад Кольского п-ова (п-ов Рыбачий), с одной стороны, и территорию Восточной Финляндии и Карелию — с другой.

В первом районе, на Крайнем-Севере Европы, открыта своеобразная культура арктического палеолита. Она обнаружена, как уже было сказано, на крайнем северо-западе Кольского п-ова — на п-ове Рыбачьем (Земляков, 1937; Третьяков, 1937) и на территории Северной Норвегии — культура Комса (Pohlhausen, 1953, 846-852).

Все немногочисленные стоянки этой культуры расположены по древним береговым линиям, на больших высотах, и датируются примерно IX—VII тысячелетиями до н. э. (Норвегия) и VII тысячелетием до н. э. (п-ов Рыбачий). Инвентарь стоянок представлен в основном орудиями из кварца и кварцита и состоит как из крупных орудий, выполненных в грубой технике, так и из мелких, близких по технике к неолитическим. Остатков жилищ на стоянках не обнаружено (Н. Н. Турина, 1961, с. 27-28).

Культура Кольского арктического палеолита носит локальный характер. На вопрос о ее происхождении археологи затрудняются дать определенный ответ, чему препятствует прежде всего малочисленность открытых памятников.

Население этой культуры было скорее всего полуседлым и занималось главным образом ловлей морского зверя. Некоторыми скандинавскими исследователями высказывалось предположение, что Комса-культура связана с предками саамов, и выдвигались два возможных варианта ее происхождения. Согласно первому в мезолитическое время какие-то группы населения проникли с востока (возможно, из-за Урала) на территорию Восточной Финляндии, где положили начало Аскола-культуре, из которой, в свою очередь, несколько позже выделилась Комса-культура. В соответствии со вторым вариантом население Комса-культуры

29

появилось из Южной Скандинавии, двигаясь по полосе морского побережья, свободного от ледника (Simonsen, 1960, 100; Vorren, Manker, 1962, p. 8—9).

Другая группа древнейших стоянок известна в Восточной Финляндии и Карелии, где открыты бескерамические памятники мезолитического времени с кварцевым и сланцевым инвентарем, В Финляндии — это стоянки культуры Аскола, датируемой финским археологом В. Лухо IX—VII тысячелетиями до н. э., и ее более поздней стадии — культуры Суомус-ярви, которая датируется VI—

IV тысячелетиями до н. э. (V. Luho, 1956; Турина, 1961, 28). В Карелии — очень сходные с ними памятники, наиболее ранние из которых датируются X—IX тысячелетиями до н. э. \ (пять стоянок) и VIII—VII тысячелетиями до н. э. (Панкрушев, 1978, 87).

По мнению Г. А. Панкрушева, уже в IV тысячелетии до н. э. среди бескерамических стоянок Карелии можно выделить памятники, принадлежащие двум разным этническим общностям: потомкам культуры Аскола, оставившим стоянки с кварцевым инвентарем (локализуются главным образом в Средней и Северной Карелии), и пришельцам из Волго-Окского междуречья, оставившим стоянки со сланцевым и кремневым инвентарем (локализуются преимущественно в Южной Карелии). Именно с волго-окскими переселенцами Г. А. Панкрушев связывает происхождение Оленеостровского могильника на Онежском озере, датируя его концом IV тысячелетия до н. э. и расходясь в этом с Н. Н. Гу-риной, которая относит упомянутый могильник ко второй половине III тысячелетия до н. э. (Панкрушев, 1964, 40, 97). По последним исследованиям карельских археологов, датировка Оленеостровского могильника отодвигается в еще большую древность, к рубежу VI—V тысячелетий до н. э. (Филатова, 1972, 33). Вопрос о происхождении древнего населения Карелии и Финляндии представляется нерешенным. Г. А. Панкрушев, рассматривая этот вопрос, присоединяется к точке зрения о восточном происхождении населения. В то же время исследователь подчеркивает, что прямых аналогий древней кварцевой культуре Карелии и Финляндии за пределами этой территории не обнаружено, и вопрос о ее происхождении на современном уровне научных знаний «может быть решен только гипотетически» (Панкрушев, 1978, с. 87).

Следовательно, как нам представляется, мнение археологов о восточном происхождении древнего населения Карелии и Финляндии основывается не на фактах, а является в значительной мере данью установившейся традиции. Археологи пытаются найти подтверждение своей точке зрения в данных смежных наук.

Вышеназванным двум видам стоянок докерамического времени соответствуют два типа памятников и на более позднем, керамическом, этапе истории Карелии (с середины IV тысячелетия до н. э. и позже). Одни из них характеризуются наличием свое-

30

образной керамики типа Сперрингс (появляется в Карелии в середине IV тысячелетия до н. э.), другие — древнеямочной керамики (известна с начала III тысячелетия до н. э.) (Панкрушев, 1964, 82—85; Панкрушев, 1966, 40). На раннеолитических стоянках Финляндии, которые финский археолог К. Мейнандер датирует первой половиной III тысячелетия до н. э., также распространена керамика Сперрингс, а на более поздних стоянках той же территории, датируемых второй половиной III тысячелетия до н. э., появляется гребенчатая (или гребенчато-ямочная) керамика (Панкрушев, 1964, 32—33). Керамика Сперрингс, по мнению большинства археологов, имеет местное происхождение. Другой вид керамики — древнеямочную, а на более поздних стоянках — ямочно-зубчатую, находимую на территории Карелии, и гребенчатую (или гребенчато-ямочную), встречающуюся в Финляндии, все археологи связывают с появлением населения из Волго-Окского Междуречья. Особенно усилился поток этого населения во второй половине III тысячелетия до н. э., о чем свидетельствуют многочисленные памятники, датируемые этим временем.

Основными занятиями населения описанных стоянок Карелии и Восточной Финляндии (как с керамикой Сперрингс, так и с ямочно-гребенчатой) были охота и рыболовство, о чем свидетельствует характер находимого на стоянках инвентаря (наконечники стрел и копий, гарпуны, грузила для сетей и т. д.). Население вело, по-видимому, полукочевой образ жизни и имело жилища двух типов: полуземлянки четырехугольной формы и: временные шалаши. Средствами передвижения служили лыжи и: лодки (Турина, 1961, 120—137; Панкрушев, 1964, 99—114). Кроме волго-окских переселенцев, во второй половине и в конце III тысячелетия до н. э. в Карелию и Финляндию проникают также отдельные группы из Прибалтики, Новгородской и Вологодской областей. Контакты, возникавшие между волго-окскими и другими переселенцами и местным населением культуры Сперрингс, приводили к смешению этих родоплеменных групп и постепенному слиянию их культур. К концу III тысячелетия до н. э. на территории Карелии сформировалась единая культура, получившая у археологов название карельской (Панкрушев, 1964, 90). Основу ее составили наиболее многочисленные племенные группы из Волго-Окского Междуречья. В дальнейшем в этой культуре отмечается образование ряда локальных вариантов.

Опубликованные материалы, характеризующие неолитические памятники Кольского п-ова, касаются главным образом его северного и южного побережий. Большинство обнаруженных стоянок датируется концом III — II тысячелетием до н. э. и представляют собой летние временные поселения, расположенные на берегу моря, вблизи устьев рек и рыболовных тоней. Некоторые стоянки, несколько удаленные от морского побережья, по-видимому, служили осенне-зимними поселениями, рассчитанными на

более длительное пребывание людей. В местах таких поселений (их известно всего четыре: три на северном побережье и одно на южном) найдены остатки жилищ полужемляночного типа. Основным материалом для орудий служили кварц, кварцит и сланец. Очень ограниченно применялся кремнь. Керамика характеризовалась примесью толченого асбеста.

Население, оставившее эти памятники, было, вероятно, полукочевыми рыболовами и охотниками на морского и сухопутного зверя. По мнению Н. Н. Гуриной, это были предки современных саамов (Турина, 1951 а, 1950). Древняя культура Кольского п-ова обнаруживает сходство с неолитическими памятниками Карелии, главным образом с северо-восточного побережья Онежского озера (Турина, 1951 б, 166 — 167). Исследователи считают, что заселение Кольского п-ова древними людьми происходило с территории Карелии и, по всей вероятности, из ее северо-восточной части. Отдельные переселения имели место уже в конце III тысячелетия до н. э. Широкое заселение Кольского п-ова началось, по мнению археологов, не ранее конца II тысячелетия до н. э.

Неолит Северной Скандинавии исследователи датируют периодом с середины III тысячелетия до н. э. по 150 г. н. э. и делят его на три ареала: территория Варангер-фиорда, внутренние районы Финмарка и Тромсе и побережье к западу от Лаксе-фиорда (Западный Финмарк) (Simonsen, 1960, 101—103).

Памятники Варангера обнаруживают сходство с неолитическими культурами Мурманского берега и северо-восточных районов Финляндии и связываются исследователями с предками саамов.

Начальный период неолита Варангера развивался, возможно, на базе Комса-культуры, а на последующих его этапах сказалось влияние культуры северной Финляндии (появляется керамика финского типа). Исследователи предполагают, что в конце III — начале II тысячелетия до н. э. имела место миграция населения с севера Финляндии на побережье Ледовитого океана (Simonsen, 1960, 107—108). Основным материалом для изготовления орудий культуры Варангера в III — II тысячелетиях до н. э. служил сланец, а в I тысячелетии до н. э. начинается расцвет костяной индустрии. В первых веках н. э. появляются орудия из металла (находки на южном берегу Варангер-фиорда, в районе Карлбот-тена). Население неолитической культуры Варангер-фиорда было охотниками и рыболовами и вело, по-видимому, полукочевой образ жизни.

Эпоха металла на территории Карелии и Финляндии изучена недостаточно. На стоянках конца III — I тысячелетия до н. э. большинство которых можно отнести к эпохе металла, появляются новые виды керамики. Наибольшее распространение получает керамика с примесью толченого асбеста, ареал которой охватывает всю Карелию, прилегающие к ней восточные районы и часть Финляндии (Турина, 1951 б, 77—192; Панкрушев, 1964, 90—92).

32

Археологи считают асбестовую керамику местной по происхождению и связывают с предками саамов. Памятников I тысячелетия до н. э., обнаруженных на Кольском п-ове, немного. К ним относятся могильник на Большом Оленьем о-ве в Кольском заливе Баренцева моря и две небольшие стоянки на соседнем Екатерининском о-ве. Названные памятники дают представление об антропологическом типе оставившего их населения, об охотничье-рыболовецкой форме хозяйства с преобладанием морской охоты, орудиях труда из камня и кости (гарпуны, кинжалы, рыболовные крючки и пр.), уровне развития техники, а также о погребальном обряде (захоронения в шкурах или колодах-лодках) и о некоторых элементах религиозных верований. Изучение всех этих материалов и их сопоставление с аналогичными материалами по Кольским саамам дает основание считать население, оставившее могильник и стоянки, предками современных саамов (Шмидт, 1930, 119—169; Турина, 1953). Несмотря на большое сходство этого населения с саамами, говорить о существовании саамского этноса в I тысячелетии до н. э. мы, по-видимому, еще не можем: это население еще не обладало всем тем комплексом культурных особенностей, которые характерны для современных саамов.

Заканчивая краткое изложение археологических материалов, можно сделать вывод о том, что двумя возможными территориями, где происходило формирование предков саамов, были Восточная Финляндия и Карелия, с одной стороны, и северное побережье Норвегии и крайний северо-запад Кольского п-ова — с другой. Наиболее обширным и хорошо изученным в археологическом отношении является первый район, где на массовом материале имеется возможность проследить развитие племен в разные хронологические периоды и выявить последовательную преемственность культур. Можно думать, что именно с этой территорией в основном связаны первоначальные стадии саамского этногенеза.

Источники I тысячелетия н. э. сообщают нам о саамах. Первые письменные свидетельства мы находим у Тацита (около 90 г. н. э.), который называет их финнами. Затем о них под именем скрит-финнов упоминает Прокопий (около VI в. н. э.). В конце VIII в. имеются упоминания о лопарях у скандинавского путешественника П. Варнефрида и анонимного географа из Равенны (Vorren, Manker, 1962, 12—13). Все эти авторы говорят о лопарях как об охотничьем народе. К концу IX в. относится сообщение Отара, где имеются первые сведения об оленеводстве У лопарей (Vorren, Manker, 1962). К этому времени, т. е. к кон-Цу I тысячелетия н. э., можно говорить, по-видимому, о появлении на

Европейском Севере саамского этноса.

Какова была территория, занимаемая саамами к началу II тысячелетия н. э.? Как свидетельствуют письменные источники и данные топонимики, саамы на рубеже I и II тысячелетий н. э.

2 Заказ М, 2222

33

населяли очень широкий ареал, занимая северные районы Скандинавии (Финмарк), Кольский п-ов, значительную часть Финляндии и Карелии, включая побережья Ладожского и Онежского озер. На юго-востоке Заонежья (так называли земли, лежавшие вокруг Онежского озера) саамы достигали владений Муромского монастыря.

Особый интерес вызывает восточная граница расселения саамов в это время. Основываясь на данных антропологии, топонимики и некоторых этнографических свидетельствах, можно думать, что саамы занимали также бассейны рек Онеги, Северной Двины и Мезени (во всяком случае, их нижние течения), а также Канинскую тундру. М. В. Битов, производивший сбор соматологических материалов у русского населения бассейнов этих рек, обнаружил там значительную лапоноидную примесь (неопубликованные материалы М. В. Витова). А. П. Афанасьев, исследовавший микротопонику бассейна Мезени, выявил там ряд саамских топонимов (Афанасьев, 1973).

Современное население п-ова Канин, так называемых канинских ненцев, еще в начале нашего века соседние русские и коми называли лопарями. Кроме того, некоторые особенности культуры канинских ненцев сходны с саамскими. Так, очень похожи головные уборы канинских ненцев и саамов. Лодка, которой пользуются канинские оленеводы во время перекочевков, напоминает по форме лопарскую керёжу. Интересна также и ненецкая промысловая обувь — тоборки с отрезными голенищами, как бы пришитыми к саамским каньгам. Заслуживает внимания и тот факт, что основной элемент орнамента канинских ненцев на меховой одежде и сумках отмечен также на керамической посуде с примесью асбеста, ареал которой примерно совпадает с территорией расселения саамов.

Население, жившее к востоку от Канина до прихода самодийцев на Европейский Север (сиртя ненецкого фольклора, летописная печера), по своей этнической принадлежности относилось, вероятно, к народам уральской языковой семьи, но считать их частью саамского этноса мы пока оснований не имеем.

По своему антропологическому типу саамы занимают особое место в расовой систематике народов. Их отличает сочетание особенностей, которые можно расценивать как черты европеоидной и монголоидной больших рас. Будучи в основе своей европеоидным, лапоноидный антропологический тип характеризуется в то же время следующими чертами: низким ростом, довольно темной пигментацией волос и глаз, часто встречающейся вогнутой спинкой носа, низким лицом и брахицефалией (Mark, 1970, 49, 74). Эти черты ставят саамов в промежуточное положение между европеоидами и монголоидами. Такое же промежуточное положение (также несравненно более близкое к европеоидам) занимают саамы и по своей одонтологической характеристике (Аксянова, 1974 а). Серологические материалы (Хазанова, Шам-

34

лян, 1970), как и данные дерматоглифики (Хазанова, 1971), также по одним признакам сближают саамов с европеоидами, по другим — с монголоидами.

По вопросу о происхождении антропологического типа саамов мнения исследователей расходятся. Одни считают его результатом древней метисации монголоидного населения, проникавшего еще в мезолитическое и ранненеолитическое время на Европейский Север из-за Урала, с европеоидами (Левин, 1951, 489; Де-бец, 1961, 54; Алексеев, 1969, 140). Другие рассматривают антропологический тип саамов как древний недифференцированный тип (Бунак, 1956; Якимов, 1960, 221—359).

И те и другие антропологи ищут подтверждения своим взглядам в краниологическом материале, который, к сожалению, имеется в недостаточном количестве. Это черепа из неолитического могильника на Южном Оленьем о-ве Онежского озера, черепа из захоронений на Большом Оленьем о-ве Баренцева моря и материалы К. Е. Скрейнера из могильника XVII — начала XIX в. юго-восточного района Норвегии.

Краниологические материалы, полученные в последние годы с территории Кольского п-ова, и новые исследования вопроса о происхождении антропологического типа саамов не позволяют объяснить лапоноидный комплекс признаков монголоидной примесью (Гохман, Лукьянченко, Хартанович, 1978).

Современный саамский язык относится к финно-угорской семье языков, но занимает в ней особое положение. Около трети саамской лексики, обозначающей понятия окружающей природы,

животного мира, занятий населения, не имеет соответствий в остальных финно-угорских языках. Значительное число слов (свыше 60) можно считать общими по происхождению с языками угров и самодийцев. Некоторые особенности грамматического строя также отличают саамский язык от других финно-угорских языков и в то же время сближают его с языками хантов, манси, ненцев, селькупов. Лингвисты выделяют, таким образом, в современном саамском языке субстрат, восходящий, по их мнению, к угро-самодийским языкам, и сходятся на том, что саамы, вернее, их предки, перешли на прибалтийско-финскую речь к началу I тысячелетия до н. э. (Бубрих, 1948 а, 517; Аристэ, 1956, 14; Керт, 1971, 8—9; Toivonen, 1950; Sebestyen, 1953).

Саамский язык распадается на ряд диалектов и множество говоров. Исследователи делят всех саамов в языковом отношении на две ветви: западную и восточную. К первой относится большинство саамов Швеции и Норвегии и саамы северо-запада Финляндии, а ко второй — саамы Кольского п-ова, северо-востока Финляндии и небольшая группа саамов Норвегии (Керт, 1971, 6—7). Различия между диалектами (фонетические, грамматические и лексические) настолько значительны, что не всегда имеется возможность взаимопонимания. Причина этого явления, возможно, заключается в том, что саамы издавна населяли огромный

35

2*

ареал при сравнительно невысокой плотности населения и отдельные их группы могли мало контактировать друг с другом. Кроме того, сказались, по-видимому, и контакты с разными народами: саамы западного ареала издавна больше контактировали с гер-маноязычными народами, а восточные саамы — с финноязычными и славянскими.

Исследование традиционной культуры саамов позволяет сделать некоторые выводы об исходном хозяйственно-культурном типе этого народа, представить себе, в каком направлении этот тип развивался, и провести некоторые сопоставления с аналогичными явлениями у других народов. Древнейшую основу саамского этноса, видимо, составила пешая доолениводческая культура охотников на дикого оленя и рыболовов севера Евразии. Основные черты этой культуры, характерной в прошлом для всего коренного населения Арктики, сформулированы Ю. Б. Симченко (Симченко, 1964). Такими чертами у саамов являются: комплексное охотничье-рыболовческое хозяйство; коллективная загонная охота на дикого оленя (или лося) с помощью изгородей и ловчих ям и индивидуальная охота с оленеманщиком; рыболовство с широким применением сетей; очень легкая переносная лодка, используемая также в качестве ручной охотничьей нарт; два вида жилищ: полуземлянка и типа чума; преобладание в пантеоне женских божеств (Сар-акка — покровительница женщин, Ябме-акка — мать смерти и т. д.); поклонение священным камням-сеидам. Некоторые из этих особенностей прослеживались в культуре саамов еще в конце XIX — начале XX в. Такой тип частично сохраняется и сейчас у небольшой группы лопарей-сколтов, живущих по берегам о-ва Ина-ри (Ruong, 1962, 3).

Первоначальный хозяйственно-культурный тип саамов на протяжении веков не оставался неизменным. Территория их расселения начиная с самого раннего времени входила в две разные природно-географические зоны, в которых лежат Карелия, Кольский п-ов, Финляндия и Скандинавия. Это зоны тайги и тундры. Особый в экологическом отношении район представляет побережье Северного Ледовитого океана.

Различия в природно-географических условиях способствовали тому, что хозяйство саамов в разных районах стало развиваться по-разному, менялись соотношение и роль отдельных видов занятий. На какой-то стадии, по-видимому где-то во второй половине I тысячелетия п. э., у саамов появилось оленеводство, имевшее вначале чисто транспортное значение. В результате, как свидетельствуют источники XV—XVII вв., внутри саамского этноса сложились две основные историко-этнографические группы: лесные саамы Карелии, Кольского п-ова, Финляндии и Швеции (позже из них выделилась особая группа горных саамов-олениводо-скандинавии) и «морские», или береговые, саамы побережья Северного Ледовитого океана.

36

В основе обособления отдельных групп саамов лежали, возможно, не только природно-географические и в соответствии с ними возникшие хозяйственные различия, но и различия этнические, ведущие свое начало еще со времен неолита. Так, неолитическое население северного побережья Кольского п-ова и Ва-рангер-фиорда, в хозяйстве которого преобладала морская охота, составляло несколько особую группу. Возможно, что такой тип хозяйства развился здесь из культуры пеших охотничьих племен, попавших в специфические условия береговой полосы. Однако, как мы уже отмечали, скандинавские исследователи предполагают, что в формировании береговых саамов определенную роль сыграла Комса-культура, происхождение которой может быть связано с Южной Скандинавией.

Материалы, которыми мы располагаем, не позволяют с достаточной полнотой дать этнографическую характеристику двум названным группам саамов периода XV—XVII вв. Основываясь на сообщениях авторов XVII—XVIII вв., на старинных графических материалах, а также исходя из анализа

традиционной культуры саамов конца XIX — начала XX в., мы можем лишь в самых общих чертах охарактеризовать эти группы.

Лесные саамы («тарья-саме») были, по-видимому, наиболее многочисленны. Они населяли обширные лесные районы Швеции, Финляндии, Карелии и Кольского п-ова и занимались пешей охотой на дикого северного оленя и пушных зверей, озерным рыболовством и оленеводством. Именно у этой группы саамов, как можно думать, впервые произошло одомашнивание оленя и возникло оленеводство, имевшее лесную форму (Лукиянченко, 1971, 29—32). На его основе позже развилось то своеобразное оленеводческое хозяйство, которое исследователи выделили в особый тип, отличный от оленеводства сибирских народов (Василевич, Левин, 1951).

Лесные саамы вели полукочевой образ жизни и имели два типа жилищ: постоянные полуземлянки и переносные конические шалаши. Как свидетельствуют самые разнообразные материалы, одним из элементов культуры лесных саамов была короткая распашная одежда в сочетании с низкой меховой обувью — каньга-ми, отдельно надевавшимися ноговицами, и меховыми штанами — огузеньем. Береговые, или «морские», саамы («рынт-саме») жили по побережью Северного Ледовитого океана, главным образом в районе Варангер-фиорда (Норвегия) и Мурманского берега Кольского п-ова. Эти саамы — потомки тех морских зверобоев и охотников на сухопутного зверя, поселения которых существовали здесь в неолите.

Основными занятиями береговых саамов были, по-видимому, морское рыболовство, сухопутная охота, отчасти промысел морского зверя и позднее — оленеводство. Образ жизни их отличался несколько меньшей подвижностью, чем у лесных саамов. Можно

37

думать, что именно береговые саамы вначале носили длинный меховой «печок» (одежда из оленьих шкур) глухого покроя в сочетании с высокой обувью — ярами, соединенными с меховыми штанами. К XIX в. «глухой» печок распространился уже у всех саамов.

Дальнейшее развитие саамского этноса шло по линии сокращения занимаемой им территории, стирания культурных различий у локальных групп при сохранении некоторых особенностей хозяйства в зависимости от занимаемого района, выработки относительно единых черт материальной и духовной культуры.

Интересно привести небольшое замечание по поводу родового состава саамов — вопроса, совершенно не изученного. Основываясь на материалах саамского фольклора и некоторых этнографических данных, можно думать, что у саамов Кольского п-ова существовали в прошлом какие-то три родовые группы. Одна из них связывала свое происхождение с диким оленем — Мянда-шем (Чарнолуский, 1965), другая — с вороном, третья — с тюленем. Миф об олене-человеке Мяндаше распространен среди так называемых терских саамов, представляющих, по всей вероятности, потомков той «лешей лопи», которая фигурирует в документах XVI—XVII вв. и остатки которой еще в середине XVIII в. обитали на территории Северной Карелии (ЦГВИА, СССР, ф. 416, Д. 42, 44).

С тюленем связывает свое происхождение небольшая юго-восточная группа береговых саамов Кольского п-ова (фамилия Хар-линых). Представления о вороне распространены у многих групп Кольских саамов. На основании сказанного можно думать, что лесные, тундровые и береговые саамы соответствуют трем саамским тотемическим группам: дикого оленя, ворона и тюленя.

Как уже говорилось, саамы входят в круг приполярных этносов и в соответствии с этим обнаруживают ряд черт, сходных с культурами ненцев, чукчей, эскимосов и других северных народов. Появление таких общих культурных особенностей может быть связано с различными факторами и не обязательно должно свидетельствовать об общем происхождении народов. Для выявления этнической близости каких-то групп необходима общность у них таких культурных черт, которые не были бы обусловлены функционально (Чернецов, 1964 а). Речь может идти о деталях костюма, каких-то частностях в конструкции построек и т. д.

Таких сходных культурных особенностей у саамов и народов Сибири немного. Можно назвать, пожалуй, только два соответствия. Так, некоторое конструктивное сходство обнаруживает основное жилище саамов — вежа — с угорской полуземлянкой пирамидальной формы. Каркас того и другого жилища состоит из четырех наклонных столбов, соединенных попарно или с помощью четырехугольной рамы. Интересен и тот факт, что сам процесс развития вежи сходен, по-видимому, с процессом развития обско-

38

угорского жилища от полуземлянки к наземным сооружениям (Соколова, 1963 а).

У Кольских саамов выявляется аналогичный процесс развития полуземлянки в наземную вежу со срубом в основании, лишь слегка углубленную в землю. Кроме того, у саамов, так же как и у

хантов и манси, распространен так называемый приобский тип лыж. Это широкие и довольно длинные камусные лыжи, выгнутые в средней части, с высокой ступательной площадкой. Лыжи такой конструкции не известны больше ни у одного из сибирских народов. Несравнимо больше общих особенностей выявляется у саамов с их европейскими соседями: финнами, карелами, эстонцами, коми, северными русскими, народами Скандинавии. Они проявляются в одежде, средствах передвижения, постройках и др. Например, у саамов, финнов и карелов были распространены в прошлом так называемые непарные лыжи, состоящие из левой длинной голицы и правой короткой камусной лыжи, которая служила для лучшего отталкивания. Можно назвать и целый ряд других примеров; подобного сходства. Следует заметить, что саамов отделяет от народов Сибири и сам тип лопарского оленеводства, которое отличается комплексом особенностей и которое, по всей вероятности, развивалось на местной «европейской» почве. Суммируя все материалы, которыми располагают археология, антропология, лингвистика и этнография по вопросу об этногенезе саамов, можно сделать вывод, что в формировании саамского этноса приняли участие два основных компонента. Первый и более древний составили немногочисленные группы — потомки носителей культуры Сперрингс. Именно с этими группами можно связывать происхождение особенностей антропологического типа саамов, дофинно-угорский субстрат в их языке и некоторые особенности культуры. С другим, относительно более поздним, но явственно проявляющимся, компонентом связано формирование другого, «европейского», комплекса особенностей. Эти особенности сказываются и в антропологическом типе саамов, являющемся в основе своей европеоидным, и в языке, который уже с I тысячелетия до н. э. входит в финскую языковую семью, и в культуре. Основываясь на данных археологии, можно думать, что этим вторым компонентом, принявшим участие в формировании саамов, могло быть население из Волго-Окского Междуречья, появление которого на территории Карелии фиксируется уже в конце IV тысячелетия до н. э. По карельским материалам следующего, III, тысячелетия, до н. э. очень хорошо прослеживаются возникавшие контакты волго-окских переселенцев с местным населением, их постепенное сближение и последующее слияние.

39

К концу III тысячелетия до н. э. на территории Карелии отмечено образование единой археологической культуры. Какая-то часть ее носителей из района северо-восточного побережья Онежского озера проникла на Кольский п-ов. Однако сложение Карельской культуры еще не означало образования здесь единой этнической общности. Единой стала только материальная культура (особенности орудий труда, керамики и т. д.), но еще сохранялись, по-видимому, различия в языке и, возможно, в духовной культуре. Процесс слияния языков местного населения (носителей керамики Сперрингс) и пришлого (волго-окского, из Прибалтики и др.) продолжался в течение следующего, II, тысячелетия и шел, вероятно, на всем ареале обитания саамов.

В результате к I тысячелетию до н. э. образовалось относительно однородное в этническом отношении население, которое можно считать предками саамов. Это население было финноязычным по своей языковой принадлежности. Его антропологический тип был близок к современному типу, называемому исследователями лапоноидным. Одну из особенностей материальной культуры составляла керамическая посуда с примесью толченого асбеста. О занятиях населения, его духовной культуре нам дают представление материалы с Большого Оленьего острова и соседних стоянок, а также материалы I тысячелетия до н. э. из района Варангер-фиорда.

Еще не все вопросы, касающиеся саамского этногенеза, представляются ясными. Такими являются, например, вопросы о взаимодействии археологических культур (неолитических и особенно периода металла) на территории, занимаемой в прошлом саамами; вопросы о происхождении антропологического типа саамов, о переходе предков саамов на прибалтийско-финскую речь, о восточной границе саамов на Европейском Севере в I — II тысячелетии н. э., а также об этнической принадлежности населения, жившего к востоку от Канинской тундры. Можно надеяться, что продолжающиеся исследования внесут большую ясность в эти вопросы.

40

Глава третья

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГЕНЕЗА СЕВЕРОСАМОДИЙСКИХ НАРОДОВ (ненцы, энцы, нганасаны)

В исторической науке сосуществуют различные точки зрения на происхождение самодийских народов. Первая из них связана с именем Д. Г. Мессершмидта, естествоиспытателя и историка, работавшего в Сибири в 1720—1727 гг., который обратил внимание на родство языка одного из южносибирских народов — ка-масинцев («kagmaschi») — с языками самодийских народов Севера. Ф. И. Страленберг,

один из сотрудников Д. Г. Мессершмидта по экспедиции, высказал предположение, что некогда прародина самодийцев находилась к северу и западу от Урала, откуда они затем продвинулись не только в тундровые и таежные районы Западной Сибири, но и далее на юг вплоть до Саянского нагорья (Strahlenberg, 1730).

Иная точка зрения была высказана несколькими десятилетиями позже участником Второй Камчатской экспедиции Академии наук И. Э. Фишером. Основываясь на языковой близости ненцев, томских селькупов и камасинцев Южной Сибири, он пришел к заключению, «что томские остяки и камаша жили прежде сего вместе и составляли один токмо народ, хотя ныне далеко живут друг от друга. По всему видно, что они — остатки древних жителей Средней Сибири, из которых часть, боясь татар, пошла в ближайшие к северу страны. Живущих там называют самоядь» (Фишер, 1774, 84).

Гипотеза И. Э. Фишера получила дальнейшее развитие и аргументацию в трудах выдающегося финского лингвиста и этнографа XIX в. М. А. Кастрена (Castren, 1855, 1856). Согласно его положениям, исходным плацдармом формирования современных самодийских народов была Южная Сибирь, в частности район Саянского нагорья. Отсюда самодийцы переселились затем на Север, в тундровые и таежные районы.

За десятилетия, прошедшие со времени выхода работ М. А. Кастрена, обе названные точки зрения приобрели новых сторонников со стороны представителей различных областей науки. Если северная, или северо-западная, гипотеза нашла поддержку главным образом у лингвистов (Бубрих, 1948; Sebestyen, 1952; Хайду, 1953; Дульзон, 1960, 1961 а), то в числе исследователей, разделяющих положения Фишера — Кастрена, можно найти этнографов (Долгих, 1960 а, 1970; Хомич, 1964), историков (Моль-нар, 1955), археологов (Руденко, 1914 и др.), антропологов (Шлу-гер, 1941), лингвистов (Прокофьев, 1940 а, 1940 б; Матвеев, 1964 а; Вербов, 1973).

41

При этом Г. Н. Прокофьев существенно углубил и реконструировал «саянскую» гипотезу, установив, что в формировании современных ненцев, энцев и нганасан наряду с южносибирскими компонентами приняло участие и аборигенное население, освоившее циркумполярную зону Европейского Севера и Сибири задолго до появления там самодийцев.

Значительный объем археологических работ, осуществленных на территории Западной Сибири, в особенности в последние десятилетия (раскопки В. Н. Чернецова, М. Ф. Косарева, В. А. Могильникова и др.), открытие новых культурных памятников существенно обогатили разработку ранних этапов этногенеза самодийских народов (Чернецов, 1955, 1957, 1963, 1969; Косарев, 1964 а, 1966, 1969, 1973б, 1974 а; Генинг, 1971, 1972; Могильников, 1969 а, б; 1970, 1972, 1973 а; Чиндина, 1969, 1973).

Важным источником для исследования южносибирского периода истории самодийских народов являются данные топонимики. Наиболее значительные достижения в этой области связаны с именем А. П. Дульзона, в течение многих лет возглавлявшего этно-топонимические исследования в Сибири. На опубликованной им топонимической карте Западной Сибири в пределах лесостепной зоны выделены три обширных ареала гидронимов, которые автор считает возможным связывать с самодийским этносом (Дульзон, 1960) ¹. Материалы, свидетельствующие о былой самодийской принадлежности ряда топонимов Саяно-Алтайского региона и Бурятии, приводятся также в работах Л. Р. Кызласова, С. И. Вайнштейна, М. Н. Мельхеева (Кызласов, 1959; Вайнштейн, 1961; Мельхеев, 1969).

В значительно меньшей степени разработана этнотопонимика Европейского Севера и Северной Сибири. Особенно это касается ее субстратного досамодийского пласта, который практически на уровне установления этнической природы формантов еще не выявлен.

Однако известные шаги за последние годы сделаны и в этой области, правда, в географическом отношении — главным образом на территории Европейского Севера (Матвеев, 1964 а, б).

Определенные материалы по проблематике этногенеза северосамодийских народов дают антропологические исследования, начатые еще в довоенные годы С. А. Шлугером (Шлугер, 1941) и позднее успешно продолженные И. М. Золотаревой, В. П. Алексеевым, Г. А. Аксяновой и др. (Золотарева, 1964, 1971, 1974; Алексеев, 1971; Аксянова, 1974 а, б, 1975) ².

Важным моментом в процессе исследования проблемы формирования северосамодийских народностей является установление в их составе конкретных родовых или племенных компонентов, которые могут быть генетически увязаны с южносибирским регионом.

Отправной точкой в этом отношении служат данные этнонимии, значение которых для решения проблем этногенеза уже

42

отмечалось в литературе (Токарев, 1949). В сочетании с археологическими, топонимическими,

фольклорными и другими источниками материалы этнонимии позволяют выявить в составе энцев, ненцев и нганасан этнические подразделения, относительно-которых с большей или меньшей степенью вероятности можно утверждать их южносибирское происхождение.

Еще М. А. Кастрен обратил внимание, что отдельные родовые названия «самоедов» Сибирского Севера находят аналогии у ка-масинцев, маторов, карагасов и других небольших в численном отношении народов, населяющих область Саянского нагорья. На сегодняшний день список таких сопоставлений пополнился, и ниже мы рассмотрим этот вопрос подробнее.

Наибольшее число южносибирских аналогий выявляется в родовом составе энцев, на котором мы позволим себе кратко остановиться³.

В составе тундровых энцев в данной связи в первую очередь обращает внимание название Маду (выступающее обычно как собирательное для всей этой самодийской группы), а также родовые имена Сойта и Мундеда.

Этноним Маду, как показал в свое время Г. Н. Прокофьев, «прослеживается у самодийских племен Саянского нагорья, в состав которых входило племя мату (маторы)» (Прокофьев, 1940 б, 74). О древней территории этого племени на Саянах предположительно можно судить на основании установленного А. П. Дуль-зоном ареала распространения самодийского гидронима «ба» в бассейне верхнего Енисея (Дульзон, 1960, см. карту между с. 2-3).

Этноним Сойта созвучен названию саянов, или сойотов. Это название, которое в XVIII—XIX вв. распространялось на разнородное в этническом отношении охотничье-оленоводческое население Саянского нагорья, восходит, как мы полагаем, к родовому имени Соян. Наличие самодийских гидронимов в Северо-Восточной Туве, где проживают члены этого рода в настоящее время, ведущая роль оленеводства в хозяйственной деятельности семей, принадлежавших к арбану Соян в прошлом, являются существенными аргументами в пользу самодийского происхождения этого рода на Саянах.

Энецкий этноним Мундеда, возможно, связан по происхождению с южносибирским родом Мундэй. Это название одного из сумонов тувинцев XIX в. иногда подменялось названием Ирхит (Потанин, 1883, 12). Принадлежность родовых компонентов с названиями Irgit (Irhit) к самодийскому этносу была установлена еще М. А. Кастреном (Castren, 1856, 389). Поэтому мы склонны рассматривать Мундэй в качестве одного из подразделений южносамодийского рода Иргэ (Иргит, Ирхит), о широком распространении которого на Саяно-Алтае в прошлом можно судить по наличию родовых компонентов, восходящих к тому же названию, в составе кобайлов, тофаларов и южных алтайцев.

43

К числу этнонимов, связанных с югом Сибири, в составе лесной группы энцев можно отнести родовые названия Муггади, Бай, Ючи и Аседа.

Этноним Муггади, как предположил Л. П. Потапов, находит аналогии в названии южносибирского родового подразделения Могати (Мунгатков улус в составе камасинцев XVII в.) и самодийскоязычных родов Бёгёдий у койбалов и Бёгёшэ у камасинцев (Потапов, 1957, 125). В то же время устанавливаемая по этнографическим материалам общность происхождения рода Муггади и ненецкого рода Чор (Васильев, 1963, 36) позволяет предполагать, что и род Чор в составе современных шорцев восходит к происхождению к самодийскому этносу.

Об этом же косвенно свидетельствует и присутствие самодийских гидронимов на «ма» на территории современного расселения этого рода.

Этноним Бай на Саяно-Алтае, вероятнее всего, связан по происхождению с кетоязычной этнической группой. Самобдизация Бай, вошедших впоследствии в состав энцев, произошла, по-видимому, уже позже, когда часть этого рода, обитавшая в бассейне Чулыма, была вовлечена в русло самодийского потока, двигавшегося на Север.

Кетоязычный компонент, как мы полагаем, лежит в основе и энцкого рода Аседа (Нгаседа). Это название может быть поставлено в связь с именем народа Аз, упоминаемого в памятниках древнетюркской письменности, ашкиштымами, жившими в XVII в. в бассейне обских притоков Ини и Чумыша, и асанами — частью исчезнувшего ныне с исторической карты кетоязычного народа коттов.

О самодийской принадлежности носителей этнонима Еуши (род Ючи в составе современных энцев), кроме данных этнонимии (еуштышцы — одна из групп в составе томских татар, роды Дьоты, Юуты — в составе северных алтайцев — кумандинцев и тубаларов, роды Чогду и Чооду — у тофаларов и тувинцев-тод-жинцев), свидетельствуют и археологические материалы, выявляющие связь предков еуштинских татар XVII в. на территории Притомья с самодийским

этносом.

Если обратиться к ненецким материалам, то в первую очередь привлекает внимание в аспекте южносибирских связей этноним Кара, или Харю. Относительно генетической связи носителей южносибирского этнонима Кара (Харю) и предков современного ненецкого рода Харючи ранее писали Г. Н. Прокофьев и Б. О. Долгих (Прокофьев, 1940 б, 74; Долгих, 1962 б, 220; Долгих, 1964). В одной из своих работ нам также приходилось касаться этого вопроса, приводя аргументы в пользу южносибирского происхождения этого самодийского рода (Васильев, 1970 а, 185). Род Харючи (Карачейский), судя по архивным документам, являлся одним из крупнейших экзогамных подразделений сибирских ненцев на протяжении XVII — первой половины XIX столетия,

44

В ясачной «Книге обдорской самоеди» 1695 г. в составе этого рода зарегистрированы 391, а в 1712 г. — 323 плательщика ясака (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1095, л. 140-268; кн. 1560, л. 2—122).

Слова «Кара» по-энецки и «Харю» в ненецком языке означают «журавль», исходя из чего название рода Харючи (Харюци) может быть переведено как «журавлиный». Как установлено Г. Н. Прокофьевым, этноним Кара в этом же значении присутствует у тымских селькупов, у которых имеется род с названием К^араль'куп (т. е. «журавлиные люди») и встречается фамилия Ка-ралькин (Прокофьев, 1940 б, 74). Е. Д. Прокофьева относит членов этой фамилии к роду г^арраль укыль тамтыр («журавлиного клюва род»), который, в свою очередь, она рассматривает как подразделение рода К^арраль тамтыр (т. е. «журавлиного рода») (Прокофьева, 1952, 90—106). Фамилия Каралькин встречается и у кумандинцев, причем, по предположению Л. П. Потапова, она также восходит к родовому имени «журавль» (Потапов, 1953, 158). Наконец, название «карагасы», по мнению Г. Н. Прокофьева, может быть этимологизировано как «кара каса», т. е. «журавлиные люди» (Прокофьев, 1940 б, 74; Кызласов, 1959, 80-81).

Западные пределы распространения этнонима Кара устанавливаются на основе материалов исторической этнонимии. Среди названий административных единиц (волостей), существовавших на юге Сибири в XVII в., наше внимание привлекают два: Карагалинская и Каскаринская. В этой связи также обращают на себя внимание этнографические материалы о так называемых заболотных татарах, введенные в научный оборот сравнительно недавно.

Один из этапов истории Заболотного края связан с самодийцами, причем, вероятнее всего, с носителями этнонима Кара. Как установил Г. И. Еремин, один из выразителей злого начала в духовном пантеоне заболотных татар носит имя Сядей — типичное ненецкое название деревянного или каменного изображения духа-хозяина определенной местности или определенного вида промысловых животных (Еремин, 1972. 417). Более того, под именем Сядей фигурировал один из родов болыпеземельских ненцев, а ныне это название превратилось в фамилию. В целом же мы должны констатировать наличие на юге Сибири по крайней мере трех регионов распространения этнонима Кара. Самый восточный из них находится на территории Саянского нагорья и связан с современными тофаларами (карагасами).

Центральный регион охватывает обширную область Томского Приобья и через этногенетическую цепь еуштинцы — чаты — карагалы заходит широким языком в Северо-Восточную Барабу. Столь же очевидна генетическая связь с этим самодийским ядром и всех остальных групп томских карагасов. Наконец, позволительно думать, что какая-то группа Кара вошла в качестве одного

45

из компонентов в состав нарымских селькупов и уже в качестве таковых была впоследствии частично тюркизирована, в результате чего и образовалась, как нам кажется, группа Карагалинских татар. Можно также предположить, что с этой группой Кара связаны по своему происхождению и Тазу-Харючи — одно из подразделений обширного ненецкого рода Харючи, обитавшее, судя по архивным источникам конца XVIII — первой половины XIX в., в бассейне р. Таз.

Что же касается обстоятельств проникновения какой-то части самодийцев Кара на Северный Алтай (они представлены в составе кумандинцев), то имеющиеся в нашем распоряжении материалы не позволяют высказать по этому вопросу даже предположительного суждения.

Западный регион расселения носителей этнонима Кара, как мы полагаем, совпадает с территорией распространения саргатской, а возможно, и гороховской культур, принадлежавших, как думает В. А. Могильников, двум родственным этническим группам, сосуществовавшим в лесостепной области Притоболья и Среднего Прииртышья в эпоху раннего железа — с V в. до н. э. по II—IV вв. н. э. (Могильников, 1973 а, 175).

В вопросе об этнической природе саргатцев В. А. Могильников не решился отойти от традиционной точки зрения, согласно которой создатели археологических культур I тысячелетия н. э. на территории Прииртышья по своей этнической природе являлись древними уграми. Однако он все же счел необходимым отметить, что весьма обильный материал, полученный в последнее время с лесостепных памятников, «содержит очень мало данных для его этнической привязки в ретроспективном плане с современными уграми» (Могильников, 1972).

С позиций самодийской принадлежности населения лесостепного Прииртышья находит объяснение и резкое отличие керамики памятников этой территории с керамическим комплексом Нижнего Приобья. Как считает тот же автор, исторические судьбы Нижнего Приобья конца I тысячелетия до н. э. — первой половины I тысячелетия н. э. были теснее связаны со Средним Приобьем и, вероятно, даже с Ачинско-Мариинским лесостепным районом, нежели с лесостепной областью Прииртышья (Могильников, 1973 а, 184).

Иными словами, если стать на точку зрения самодийской принадлежности саргатской и гороховской культур (как считает В. Ф. Генинг) и угорской принадлежности усть-полуйской культуры, картина этнических судеб носителей этнонима Кара западного региона рисуется следующим образом. Великое переселение народов II—IV вв. н. э. коренным образом изменило этническую карту лесостепной полосы Западной Сибири. Под ударами кочевников самодийцы, населявшие эти районы, были вынуждены отступать частично на северо-запад по отрогам Урала, частично на северо-восток, в тайгу Заболотья.

46

Вероятно, какое-то время северо-западная группа носителей этнонима Кара дислоцировалась на территории современной Башкирии, о чем свидетельствует наличие саргатских элементов в памятниках с этой территории, датируемых серединой и второй половиной I тысячелетия н. э. (Генинг, 1971; Могильников, 1971). Можно напомнить в этой связи и одно из сообщений Ибн-Фадлана, относящееся к первым десятилетиям X в., согласно которому у башкир существовал обычай поклонения журавлям. По версии арабского автора, этот обычай восходит к одному из событий их военной истории, когда, будучи тесными противником, предки башкир получили неожиданную помощь со стороны журавлей, напавших на неприятеля с тыла и своими криками обративших его в бегство (Ибн-Фадлан, 1937, 66—67).

Обращает на себя внимание в этой связи и установленное А. С. Кривошековой-Гантман присутствие самодийских вкраплений в топонимике Верхнего и Среднего Прикамья (Кривошекова-Гантман, 1973, 132).

Факт пребывания самодийцев Кара на восточных склонах Урала устанавливается наличием у коренного населения Сосьвинской волости XVII в. тамги, изображающей журавля (Симченко, 1966, 52—53, табл. 42).

Согласно историческим данным, небольшая группа самодийского населения проживала на территории Ляпинской волости в конце XVIII — начале XIX в. Отдельные семьи потомков ляпинских «самоедов» живут по рекам Сосьве и ее притоку Ляпину и поныне (подробнее см.: Васильев, 1974 б). Мы, со своей стороны, склонны связывать с северо-западной ветвью самодийцев Кара появление рода Харючи (или Карачейского, Карачея в архивных документах конца XVII — первой половины XIX в.) в составе современных тундровых ненцев.

Северо-восточная ветвь самодийцев Кара, как мы полагаем, оказалась причастна к формированию этнографической группы лесных ненцев. В составе последних есть род под названием Вэла, относительно которого еще Г. Д. Вербовым был установлен факт наличия у его членов запрета вступать в брачные отношения с группой родов, принадлежащих к тундрово-ненецкой фратрии Харючи (Вербов, 1936, 67).

Исходя из этих данных, этническая судьба северо-восточной ветви западного региона самодийцев Кара представляется следующим образом. Будучи вытеснена из степей и лесостепей Приобья и Прииртышья в таежные районы Заболотья, эта группа Кара частично там осела, а частично, очевидно, продвинулась на Север — Нгано-Харючи в составе тундровых ненцев. Значительно позже, уже в XI—XII столетиях, под давлением угров, которые, в свою очередь, передвинулись в таежные районы из лесостепи под натиском тюрко-монголов, эта часть Кара ушла дальше на Север, широко расселившись по таежной полосе Западной Сибири. Впоследствии ханты, продвинувшиеся с юга вниз

47

по Оби, разорвали единство этой группы. Западная часть ее, будучи оттесненной за Урал, вошла в качестве рода Вэли в состав европейских ненцев, восточная — составила ядро рода Вэла сибирских лесных ненцев.

К числу родовых компонентов лесных ненцев, связанных генетически с югом Сибири, могут быть отнесены еще два: Юуси и Нгэваседа.

Относительно первого из них мы уже писали, что же касается Нгэваседа, то к приведенной ранее

легенде о генетической близости этого рода южносибирским группам Муггади и Чор, вошедшим в состав лесных энцев и тундровых ненцев, можно добавить следующее.

В архивных документах середины XVIII в. в устье Таза нередко упоминается род Наусицкий, плативший ясак в Мангазейском ведомстве. В Государственном архиве Тюменской области в г. Тобольске нами был обнаружен документ о крещении членов этого рода, относящийся к 1755 г. В документе в числе прочих лиц, принявших крещение, упоминается и некий Палча, несомненно родоначальник современной ненецко-энецкой фамилии Пальчин (ТФ ГАТО, ф. 156, оп. 1, 1755 г., д. 108, л. 5). Если иметь в виду, что название рода Наусицкого можно рассматривать как несколько искаженный родовой термин Нгэваседа, а Пальчин — современная фамилия лесных энцев рода Чор, то мы получим определенное подтверждение упомянутой выше легенде (подробнее см.: Васильев, 1973). Таким образом, есть дополнительные основания для положительного решения вопроса о возможной генетической близости северосамодийских родов Нгэваседа и Чор (плюс Муггади).

Появление этого южносибирского рода в таежной и тундровой полосе Западной Сибири связано, очевидно, с той же тюркской этнической волной, которая расколола в IX в. н. э. алтайский этнический массив самодийцев Чор, о чем мы уже писали.

Из родовых подразделений европейских ненцев, кроме Вэли и Выучи (Вы-Ючи. — В. В.), генетически к южносибирским, с определенной долей вероятности, могут быть отнесены еще два: Лэхэ и Тайбари. Род Лэхэ, или, как он именовался в русских документах конца XVII—XVIII вв., Логей, был одним из крупнейших ненецких родов Европейского Севера. В 1693 г. в составе этого рода, кочевавшего в Болынеземельской тундре в пределах Пустозерского ведомства, было учтено 48, а в 1708 г. — 58 взрослых мужчин (Колычева, 1956, 83). Часть этого рода кочевала так же, как предполагает Б. О. Долгих, в составе канинской группы европейских ненцев (Долгих, 1970, 13), но родовой состав этой группы в ясачных документах указанного времени отражения не нашел.

Мысль о южносибирской природе европейско-ненецкого родового компонента Лэхэ (в форме Логей) принадлежит покойному

48

венгерскому этнографу В. Диосеги, который сопоставлял его с названием волости Лугуй, входившей в конце XVI—XVII вв. в число административных единиц Тарского уезда⁴. Располагалась она, как сообщает Б. О. Долгих, ссылаясь на данные Г. Ф. Миллера, на северо-западе Барабинской степи и в архивных документах указанного времени упоминается вместе с волостью Тунус, с которой она позднее и слилась (Долгих, 1960 а, 55). В 1595 г. в составе этих волостей насчитывалось 40 плательщиков ясака или 160 человек всего населения (Долгих, 1960 а, 54, табл. 15).

Кроме совпадения этнонимов, обращает на себя внимание то, что Омское Прииртышье в конце I тысячелетия до н. э. — начале I тысячелетия н. э. входило в сферу распространения памятников саргатской культуры (Могильников, 1967, 151—152; Генинг, Корякова, Овчинникова, Федорова, 1970), о вероятной принадлежности носителей которой к самодийскому этносу нам приходилось писать выше. Как показала в своей совместной работе группа свердловских археологов, уход саргатских (абатских) племен из Ишимской и, возможно, Барабинской лесостепей датируется не позднее, чем II в. н. э. (Генинг, Корякова, Овчинникова, Федорова, 1970).

На рубеже IV и в течение III в. до н. э. саргатское население продвигается на север по Иртышу и на северо-запад по Таре. Далее на запад саргатские памятники корреспондируют с приуральскими, в частности с так называемой сылвенской культурой (Овчинникова, 1967). Напомним в этой связи, что В. Ф. Генинг, на которого нам уже приходилось ссылаться, на основании сходства погребального комплекса раскопанных А. П. Дульзоном па Чулыме селькупских захоронений XVI—XVII вв. и западносибирских и приуральских могильников середины I тысячелетия н. э. пришел к выводу, что указанные памятники также можно считать по этнической принадлежности самодийскими (Генинг, 1972, 274).

Таким образом, мы имеем определенные основания считать, что территория, на которой в XVII в. располагались ясачная и пашенная Табаринские волости Пелымского уезда, ранее входила в сферу освоения самодийского этноса, В 1629 г. в составе этих волостей числилось соответственно 14 и 88, а в 1645 г. — 54 и 36 плательщиков ясака (Долгих, 1960а, 29, табл. 4).

По этнической принадлежности Б. О. Долгих считал табаринцев XVII в. «вогулами», хотя архивные источники иногда именуют их и татарами. В то же время обращает на себя внимание тот факт, что для указанного времени это была, очевидно, единственная группа манси — «вогул», занимавшаяся наряду с охотой и рыболовством не только скотоводством, но даже и земледелием.

С волостным наименованием Табари генетически связано, как мы считаем, название ненецкого рода Тайбари.

•49

В XIX — начале XX в. это был один из наиболее многочисленных родов европейских ненцев.

Интересно, что в более ранних архивных источниках, датируемых XVII—XVIII столетиями, род с

таким названием совершенно не встречается/ Предполагая, что в указанное время члены данного рода учитывались в составе какого-то другого рода, Б. О. Долгих считает таковым Лэхэ (Долгих, 1970, 11). Изучение архивных материалов, в частности метрических книг середины и второй половины XIX в., приводит нас к выводу, что этим родом является Тысяя.

В метрической книге колвинской Николаевской церкви за 1857 г., например, сообщается о рождении у «самоедина Пусто-зерского ведомства рода Тайбарей-Тысый Ляка Яндова Менова Григория и законной жены его Анны сына Иакова». В другой книге той же церкви за 1859 г. имеется запись о бракосочетании «Болынеземельской тундры Пустозерского ведомства рода Тайбарей-Тысый самоедина Хаде Яндова Малова Ефрема Косно-фонтова» и «той же тундры и ведомства рода Легей-Пырерка самоедина Нетелю Нявтина сестры девки Неконе, Анны» (АПГЗ, Метрические книги Колвинской церкви (1857—1864), л. 2 об.—3, 59 об.—60).

Есть, таким образом, все основания полагать, что род Тысяя представляет собой подразделение, некогда отпочковавшееся от основного, или первоначального, рода Тайбари. По причинам, остающимся неизвестными, в XVII—XVIII столетиях название этого подразделения распространялось, очевидно, на весь род Тайбари, который фигурировал в переписных материалах указанного времени под именем Тысяя.

Возвращаясь к южносибирскому периоду истории Тайбари, мы можем предположить, что на этнические судьбы этого родового компонента, так же как и на этнические судьбы Лэхэ, решающее влияние оказали те же факторы, которые привели к уходу на Север самодийцев Кара. Можно, пожалуй, лишь добавить, что в многослойном этническом пироге юга Западной Сибири слой, лежащий ниже тюркского, является угорским. В этой связи уместно вспомнить гипотезу Л. Р. Кызласова о движении угров на запад из Хакасско-Минусинской котловины в начале н. э., разделяемую и некоторыми другими археологами (Кызласов, 1960, 172; Мартынова, Мартынов, 1969, 90), и мнение М. П. Грязнова об угорских чертах верхнеобской археологической культуры (Грязнов, 1956, 113, 140). Наконец, отметим исследование В. А. Могильникова в Барабе, свидетельствующее о том, что предшественниками тюрков, появившихся здесь сравнительно поздно — в XI—XII вв. н. э., в этой области были угры (Могильников, 1965, 281).

Что же касается возможных путей продвижения на Север самодийцев из групп Тайбари и Лэхэ, то, к сожалению, мы не располагаем материалами, для того чтобы сказать по этому вопросу что-нибудь определенное. Можно лишь предполагать (и то

50

с большей вероятностью в сторону Тайбари), что скорее всего их путь пролегал по западным отрогам Среднего Урала.

Переходя к нганасанам, мы должны в первую очередь отметить, что в составе этой северосамодийской народности южносибирские родовые компоненты выражены наименее рельефно. Современные названия нганасанских родов в данном аспекте почти ничего не дают, а из исторических этнонимов наибольшего внимания заслуживает, пожалуй, Кураки. Кураками в XVII в. в архивных документах именовались предки рода Нгамту-су'о. В 1628 г. в составе этой группы было учтено 38, а в 1645 г. — 56 ясачных людей (Долгих, 19526, 46). Названия Кураки Б. О. Долгих разъясняет из энецкого «курэ», «курэкэ» — «ворон», но Ю. Б. Симченко полагает, что это название более правильно отождествлять с «харю» («кару» — «журавль») (Долгих, 19526, 46; Симченко, 1968, 211). Он же приводит любопытное предание, согласно которому по крайней мере какая-то часть рода Нгамту-су'о ведет свое начало от воспитанного нганасанами ненца — «юрака» (Симченко, 1968, 206—210).

С этих позиций закономерно видеть в Кураках какую-то группу самодийцев Кара, вероятно, незадолго до появления в Сибири русских, проникшую на Таймыр. Интересно, что, по словам Б. О. Долгих, у нганасан сохранились предания о том, что предки Нгамту-су'о некогда пришли в бассейн Пясины с запада, из-за Енисея, «с тазовской стороны» (Долгих, 19526, 47).

К аналогичному корню со значением «журавль», как пишет Ю. Б. Симченко, восходит и название одного из родов вадеевских нганасан — Кокары, хотя существует и другая версия, согласно которой предком этого рода был эвенк (тунгус) (Долгих, 19526, 14, сн. 2; Симченко, 1968, 211).

Наконец, в этой же связи можно упомянуть еще небольшой по численности (от 10 до 18 плательщиков) род Мадуцкой, отмеченный в документах XVII в. в составе тавгов (Долгих, 1952 б, 55). В этом роде можно видеть какое-то подразделение Маду (тундровых энцев), откочевавшее на Таймыр, и, по-видимому, причастное к «самоедизации» аборигенного ядра тавгов.

В число южносибирских компонентных этнических единиц в составе нганасан, вероятно, можно включить и часть предков современного рода Нгомде. В XVII в., как считает Б. О. Долгих, члены этого рода входили в группу так называемой пясидской самоеды — род Кудесников, насчитывавший в своем составе в 1628 г. 15, а в 1645 г. — 11 ясачных плательщиков (Долгих, 19526, 41). По рассказам самих нганасан Нгомде является наиболее «чисто самоедским» по происхождению родом в их составе (Долгих, 19526, 44).

О времени появления на Таймыре этого самодийского компонента можно предположительно судить на основании археологических данных. В 1973 г. Л. П. Хлобыстиным в бассейне р. Пя-сина было раскопано огромное по размерам жилище типа полу-

51

землянки площадью ок. 320 м². Как показало исследование столь необычного памятника, это жилище не было постоянным, более того, им пользовались, вероятно, в течение всего лишь одной зимы. Радиоуглеродная датировка этого памятника дает цифру 1050 (±50 лет) н. э. (Хлобыстин, Мелентьев, Студзитская, 1974).

Зная по археологическим и ряду этнографических данных, сколь редки и малочисленны были коллективы аборигенов тундровой зоны, нам ничего другого не остается, как предполагать, что указанный археологический памятник оставлен одной из групп самодийцев, которая в своем движении на Север, вызванном в IX в. ранней волной тюркской экспансии в Южную Сибирь, достигла Центрального Таймыра. Такую возможность, насколько нам известно, не отрицает и автор этого уникального открытия.

В целом же изложенные выше материалы позволяют наметить по крайней мере три этнические волны южных самодийцев, каждая из которых продвинулась на Север, очевидно независимо от остальных, под влиянием самостоятельных факторов, обусловивших этот процесс. Эти этнические волны, кроме того, как мы пытались показать выше, были не связаны между собой хронологически и, вероятно, проникли на Север различными путями.

Первый этнический сдвиг южносибирских самодийских групп в северные районы падает, вероятно, на II — IV вв. н. э., когда лесостепное Прииртышье оказалось втянутым в сферу военно-политического влияния гуннского союза. Как полагает В. А. Могильников, под влиянием гуннов «лесостепные племена Западной Сибири частично отступили на запад, частично были истреблены пришельцами. Лишь небольшая часть их осталась на старых местах» (Могильников, 1967, 152). Археологически данное время может быть датировано концом саргатской культуры (Могильников, 1969, 137).

С этим самодийским пластом, как мы полагаем, связано продвижение на Север носителей этнонима Кара, сыгравших важную роль в формировании тундровых и лесных ненцев Сибири, а также компонентных групп, принявших участие в этногенезе европейских лесных ненцев. Пути продвижения на Север представителей этой самодийской волны пролегали, как мы предполагаем, по обоим склонам Урала, а также через Иртышское Заболотье в бассейн Средней Оби.

После ухода самодийцев и распада гуннского военно-политического союза лесостепная часть Прииртышья оказалась крайне редко населенной (Могильников, 1967, 152), что способствовало проникновению туда из лесной полосы новых этнических групп, в которых, вероятно, можно видеть предков современных угров.

Продвижение другой группы самодийских родов на Сибирский север мы, вслед за В. А. Могильниковым, связываем с западно-тюркской волной, распространившейся в период активной военной экспансии каганата с территории Южного Алтая на Среднюю Обь и в бассейн Томи. Границы распространения указанной

52

тюркской волны могут быть установлены на основании материалов топонимики, позволяющих проследить появление на этой территории тюркских по происхождению гидронимов на «су». Анализ материалов археологических памятников с территории Притомья позволяет датировать это событие IX в. н. э. С этой тюркской волной мы связываем перемещение на север самодийскоязычных (Еуши, Чор) и кетоязычных (Бай, Ас) родовых компонентов, которые впоследствии вошли в состав лесных энцев. Пути продвижения на Север этой группы южных самодийцев и кетов, вероятно, пролегали по правым притокам Оби (Кети, Тыму и Ваху), откуда она затем проникла в бассейн Верхнего и Среднего Таза, где и отмечены в XVII в. предки лесных энцев. Часть населения самодийскоязычных родов этой же группы, продвинувшаяся в бассейн Пура (Еуши и Чор), приняла также участие в формировании некоторых групп лесных и тундровых ненцев.

Самое позднее по времени продвижение самодийцев на Север произошло, по нашему предположению, под влиянием другой тюркской волны, появление которой в бассейне р. Чулым и Верхнего Енисея топонимически может быть прослежено на основании распространения гидронима «юл» на этой территории. С этой тюркской волной, датируемой, по материалам археологии, XIII в. н. э., мы связываем продвижение на Север тех южисамодийских родо-племенных групп (Маду, Соян, Мундэй, Могати), которые впоследствии приняли участие в формировании главным образом тундровых и отчасти лесных энцев. Вместе с ними в это движение могли быть вовлечены и некоторые кетоязычные элементы (часть Ас), с которыми мы склонны связывать появление в составе лесных энцев родового подразделения Салерта.

У нас имеется достаточно оснований считать, что продвижение этой группы самодийскоязычных и кетоязычных родов проходило по левому берегу Енисея. Именно на левобережье, в окрестностях г.

Енисейска, помещалась так называемая Кузнецкая волость, ясачное население которой в ранних грамотах начала XVII в. именовалось кузнецкой «самоядь», а позже стало называться кузнецкими «остяками»⁵. Далее, можно предположить, что теснимые с юга кетами, эти самодийцы продвинулись на Север в бассейн Сыма, судя по данным А. П. Степанова, также являвшимся некогда районом их местожительства. Видимо, именно здесь могли возникнуть контакты между этой группой самодийцев и самодийскими родами, которые кочевали в бассейне Ваха и верховьях Таза. Впоследствии, когда, как пишет А. П. Степанов, «Манчела, или Самоядь, с реки Сыма была прижата к полярному кругу пришедшими с запада остяками, известными в настоящее время под именем сымских, самороковских, нижнеин-бацких и верхнеинбацких» (Степанов, 1835, ч. II, 37, 66), часть самодийских и осамоедившихся кетских родов, входивших в эту группу, откочевала в бассейн Таза⁶. Так, нам кажется, можно

53

объяснить появление предков Муггади и Салерта в числе родов, из которых позднее сложилась этнографическая группировка лесных энцев. Может быть, именно с этим обстоятельством связано и переосмысление родового названия Муггади как «лесной», поскольку члены этого рода действительно остались жить в лесной зоне, в то время как все остальные роды этой группы ушли дальше на Север, в тундру и лесотундру.

То обстоятельство, что современные северосамодийские народности сложились на основе различных родовых групп южных са-модийцев, которые к тому же продвинулись на Север в разновременные исторические периоды, подтверждает выдвинутое Г. Н. Прокофьевым около 35 лет назад, но, к сожалению, оставшееся незаслуженно забытым положение о том, что ненцы, энцы, нганасаны и селькупы являются не потомками какого-нибудь одного южносамодийского племени, а представляют собою «трансформацию разноплеменных частей отдельных родов, принадлежавших к различным самодийским племенам...», (Прокофьев, 1940а, л. 4). В то же время на основании приведенных материалов высказанное Л. В. Хомич предположение о том, что «первой волной самодийских племен были, по-видимому, племена (?— В. В.), вошедшие в состав энцев и нганасан» (Хомич, 1966, 37), по крайней мере в отношении энцев, следует признать ошибочным¹.

Гипотеза об участии в этногенезе ненцев, энцев и нганасан наряду с южносибирскими группами, пришедшими из района Саяно-Алтая, также какого-то древнего аборигенного субстрата, заселявшего в досамодийский период тундру и лесотундру Европейского Севера и Западной Сибири, как уже говорилось выше, была сформулирована известным советским этнографом и лингвистом Г. Н. Прокофьевым (Прокофьев, 1940б, 67—76).

В подтверждение своей концепции Г. Н. Прокофьев привел некоторый археологический и этнографический материал и, в частности, обратил внимание на существование у ненцев цикла преданий о «сииртя» («сирте», «сиирти», «сихиртя») — загадочных полумифических людях, ушедших в силу неизвестных причин под землю.

Эти предания стали известны со слов путешественников и исследователей Европейского Севера еще в конце XVIII — первой половине XIX в. И. Лепехин, А. Шренк, В. Латкин и др. в своих путевых дневниках и отчетах неоднократно упоминали о виденных ими в различных местностях, и в особенности в Болыпезе-мельской тундре, полуразрушенных пустующих земляных жилищах, обитателей которых ненцы называли «сииртя» (Лепехин, 1805, 203; Латкин, 1853, 95-96; Шренк, 1855, 321-323). По словам ненцев, «сииртя» жили в этой стране до них, но затем ушли под землю, где обитают и поныне.

Предания о «сииртя» записаны и у других групп ненцев в низовьях Енисея, на побережье Обской губы, на северном Ямале

54

(подробнее см.: Васильев, 1970а; Хомич, 1970а). В одной из сказок ямальских ненцев, фрагменты которой приведены в работе В. Н. Чернецова, рассказывается о трех земляных хозяевах, занимающихся промыслом морского зверя и не знающих санного оленеводства (Чернецов, 1935, 126). По словам членов рода Вэнонгка, ненцы, придя на Ямал, встретили там народность, жившую в земляных домах и промышлявшую морского зверя, которую они именовали «sirt^{1,8n1}» («сииртя». — В. В.). С «сииртя» ненцам приходилось неоднократно вступать в военные столкновения. В частности, предок одной из ветвей рода Вэнонгка погиб в сражении с «сииртя» на р. Юмба-яга. Наконец, согласно сообщению представителя того же рода Вэнонгка, сестра одного из его прямых предков была замужем за «сииртя» (Чернецов, 1935, 126).

Следы былого обитания «сииртя» в тундрах Европейского Севера и Сибири сохранились и в многочисленных топонимах, встречающихся на территории современного расселения ненцев (Сиртя-яха — река Сиирти, Сирти-седа — сопка Сиирти и т. д.) (Чернецов, 1955, 241; Хомич, 1966, 36). Аналогичные топонимы, хотя и в небольшом количестве, встречаются и на востоке самодийского ареала — в низовьях Енисея.

Предания о древних людях, живших в тундре Северной Азии до прихода туда самодийцев, довольно широко бытуют и у энцев, в фольклоре которых часто фигурируют персонажи по имени Моррэдэ, что в буквальном переводе значит «охотник на диких оленей». Несколько таких преданий, содержащих, правда, значительное число анахронизмов и фантастических элементов, включены Б. О. Долгих в один из опубликованных им выпусков энецкого фольклора (Долгих, 1961а, 82—87, 117—140).

Все эти данные, подкрепленные к тому же некоторыми археологическими материалами, о которых нам уже приходилось говорить выше, убедительно свидетельствуют о несомненном наличии на территории Северной Евразии какого-то аборигенного населения, которое, очевидно, сыграло определенную роль в этногенезе северосамодийских народов и формировании их культуры.

В рамках настоящей главы, не задаваясь целью охватить указанную проблему в целом и тем более не входя в дискуссию об этнической и языковой принадлежности досамодийского населения Севера, мы попытаемся лишь, насколько это позволяют имеющиеся материалы, выявить те родовые компоненты в составе северосамодийских народов, которые генетически можно сопоставить с аборигенным субстратом Северной Сибири.

У современных энцев в этом аспекте, на наш взгляд, в первую очередь заслуживает рассмотрения родовое подразделение, известное по архивным материалам XVII в. под именем Тыда-сидин. Это название в форме «Тетасидин» встречается уже в одной из самых ранних ясачных книг Мангазейского уезда

55

(1607 г.), дошедших до нашего времени не в подлиннике, а в копии, изготовленной в конце первой половины XVIII в. по поручению Г. Ф. Миллера. Численность плательщиков ясака в составе данного рода, по этим материалам, определяется в 21 человек (1607 г.) (ЛО ААН, ф. 21, оп. 4, д. 21, л. 13 об.). Название «Тыдасидин» состоит из двух, вполне самостоятельных компонентов: тыде («род») и седа («без»). Таким образом, целиком это слово может быть переведено как «без рода», или «безродный». Именно так переводят название «Тыдасидин» и сами энцы, которые считают его старым именем рода Лодоседа. В одном из энецких преданий о происхождении рода Лодоседа, записанном Б. О. Долгих, говорится: «Тыдуседа (безродные) это раньше род Лодоседа такие были, они сперва Тыдуседа назывались» (Долгих, 1961а, 223).

Это предание, свидетельствующее о тождестве родовых названий Тыдасидин в составе хантайских «самоедов» XVII в. и Лодоседа у современных тундровых энцев, входит в цикл коротких, но довольно многочисленных по своим вариантам энецких рассказов, повествующих о происхождении рода Лодоседа (Долгих, 1961а, 221—225). Общим для преданий названного цикла является то, что представители этого рода совершают странные, порой граничащие с безумием поступки. Предки Лодоседа убивают друг друга, ощипывают живого лебедя, ложатся в костер, так что у них обгорает верхняя часть сокуя или малицы, и т. д. Последнее обстоятельство, кстати, служит традиционным объяснением названия «Лодоседа», т. е. «без плеч».

Анализируя этот цикл преданий, Б. О. Долгих справедливо полагает, что они, по-видимому, отражают представление самодийцев о каких-то аборигенах, предках рода Лодоседа, обычаи которых, с точки зрения самодийцев, были странными и дикими (Долгих, 1961а, 225). В другой своей работе Б. О. Долгих еще более определенно высказывается относительно генетической связи Лодоседа с аборигенным субстратом, ссылаясь на то, что этот род ведет свое начало от древних охотников на дикого северного оленя — Моррэдэ (Долгих, 1962б, 214—215).

Еще одно родовое подразделение, заслуживающее, по нашему мнению, рассмотрения в связи с вопросом об участии досамодийского аборигенного субстрата в этногенезе современных тундровых энцев, — это род Сонуко. Ненецкое название Сонуко — Санэр. По данным Б. О. Долгих, это родовое имя восходит к названию р. Печоры, которое по-ненецки звучит как Санэро-ям, откуда, по преданию, пришел к энцам предок этого рода (Долгих, 1957, 25).

Как показал в одной из своих работ Ю. Б. Симченко, слово «чера», встречающееся в северосамодийских языках в качестве составной части ряда этнонимических и топонимических названий, означает «заполнение» — «то, что заполняет», и в прошлом всегда выступало вместе с понятием, определяющим территорию

56

(Симченко, 1968, 194). С этих позиций название «Печора» может быть транскрибировано как «пэ чера», т. е. «жители леса».

Ценна и другая мысль Ю. Б. Симченко, согласно которой термин «чера» присутствует лишь в тех родовых названиях, которые генетически связаны по происхождению с аборигенным субстратом, вошедшим в состав нганасан и тундровых энцев (Симченко, 1968, 194—198).

Таким образом, высказанное Л. П. Лашуком и поддержанное В. Н. Чернецовым предположение о том, что летописная «печера» была связана по происхождению с аборигенным населением Европейского Севера, находит подкрепление и с точки зрения этимологии самого этого названия. Наконец, еще

одним аргументом в пользу аборигенного происхождения рода Сонуко (Санэр) могут служить и некоторые энецкие традиционные рассказы, в которых члены этого рода фигурируют как безоленные люди, живущие рыбной ловлей и охотой на зайцев и куропаток (Долгих, 1962а, 202-213). Материалы фольклора дают основание предполагать участие досамодийского субстрата и в формировании современных лесных энцев, с которым в их составе мы склонны связывать родовое подразделение Я[?]не (Яд, Яд). В энецких рассказах представители этого рода рисуются безоленными охотниками и рыболовами (Долгих, 1962а, 175—183, 202—213). В единственном известном нам предании, где члены рода Яд не фигурируют как владельцы определенного числа оленей, его рассказчик Р. А. Силкин счел необходимым сделать следующую, чрезвычайно характерную в этом отношении ремарку: «Ну, конечно, люди рода Яд никогда не имели раньше много оленей. Оленей у него (героя рассказа.— В. В.) 70, на аргиш только хватает. Зимой он на оленях кочует, а весной пастуху отдает своих оленей» (Долгих, 1962а, 183).

Ко всему сказанному следует добавить, что даже само название этого рода — Я[?]не, т. е. «пешком идет», свидетельствует о том, что члены его в прошлом не знали оленеводства.

В аспекте участия субстратных этнических элементов в этногенезе тундровых ненцев заслуживают, в первую очередь, рассмотрения роды, входящие во фратрию Вануйта. По материалам конца XVII в. (1695 г.), в составе этой фратрии сибирских тундровых ненцев устанавливается восемь таких родов: Ванюты (Вануйта), в котором числилось 188 плательщиков ясака, Луци-Ванюта и Соль-Ванюта (первый в количестве 27, второй — в количестве 30 плательщиков ясака, являвшиеся, по-видимому, подразделениями основного рода Ванюта (Вануйта)), Сабе и Яптики и Сопли и Япти, состоящие из 146 и 15 ясачных плательщиков, Вынги (Вэнго) и Обдорский (Саландер) — соответственно 3 и 14 ясачных плательщиков и, наконец, Яры (Яр), куда входило 45 ясачных людей (Долгих, 1960а, 73, табл. 23). В составе ненцев Европейского Севера Пустозерского и Ижемского ведомств по данным, относящимся к 1693 г., было

57

18 ясачных людей, принадлежащих к роду Ванюта (Вануйта) (Колычева, 1956, 83). Наконец, еще 40 луков (т. е. взрослых мужчин) было зарегистрировано примерно в то же время (1688 г.) в числе тиманских («тиунских») самоедов, которые, как считает Б. О. Долгих, целиком принадлежали к роду Ванюта (Вануйта) (Долгих, 1970, 13, 16).

Мысль о том, что фратрия Вануйта в значительной степени составила из родов, генетически связанных с представителями досамодийского населения Северной Азии, также принадлежит, Б. О. Долгих, который считает, что у сибирских тундровых ненцев «одну фратрию образуют, видимо, потомки пришельцев-оленоводо-вод, а другую — потомки аборигенов Севера» (Долгих, 1964, 8). Хотя Б. О. Долгих и не обосновал подробно свою точку зрения, анализ этнонимических названий родов, входящих во фратрию Вануйта, данные ненецкого фольклора и некоторые этнографические материалы говорят в пользу такого предположения.

Само название основного рода этой фратрии, являющееся одновременно и названием всей фратрии — Вануйта — ненцы обычно переводят «корневой» от слова «вано» («вана», «вану») — корень. Такой перевод дает и F; Д. Вербов (Вербов, 1939, 44).

Б. О. Долгих предположил, что это название происходит от слова «ванг» (точнее, ванк.— В. В.) — «яма» и первоначально распространялось на каких-то «ямных жителей», в которых можно видеть аборигенных предков родов, вошедших в состав этой фратрии (Долгих, 1970, 54). Подобная этимологизация, несмотря на ее внешнюю убедительность, представляется все же слишком произвольной.

Енисейские ненцы и энцы производят название «Вануйта» также от слова «вано» (в енисейском ненецком говоре — «вануй», в энецком — «бадуэ»), т. е. «корень». Рассказывают, что прежде этот корень выкапывали в тундре, сушили, а затем перетирали в своего рода муку и засыпали в мясную похлебку.

Не исключено, что возникновение самого термина «Вануйта» связано с тем, что аборигенное население Севера широко употребляло в пищу корень «вануй» — продукт, неизвестный пришедшим с юга скотоводам-самодийцам Кара. В этом значении указанное название постепенно закрепилось за всем аборигенным населением, противостоящим самодийцам в брачном отношении, а в дальнейшем, по мере окончательного оформления фратриально-родовой организации азиатских тундровых ненцев, стало именем одной из ненецких фратрий.

В плане генетической преемственности по отношению к доса-модийскому аборигенному субстрату, вошедшему в состав сибирских тундровых ненцев, заслуживает внимания и еще одно подразделение фратрии Вануйта, а именно род с названием Яптик. Как мы полагаем, с родом Яптик уместно сопоставить роды Сабе и Яптики и Сопли и Япти, отмеченные в составе самоедов

Березовского уезда в ясачных списках конца XVII в. В преданиях ненцев, энцев и даже нганасан представители рода Яптик рисуются не знающими оленеводства и не умеющими выпасать оленей.

1

В качестве примера одного из таких преданий можно привести рассказ «Приключения Яптика», записанный Б. О. Долгих в 1948 г. от 69-летнего нганасана Монтуку Турдагина, жившего вместе с тундровыми энцами в пос. Воронцово (АИЭ, полевые материалы Б. О. Долгих). Герой этого рассказа — Большой Яптик — получает от сказочного человека сто оленей, но всех их съедает в течение года, рассуждая при этом: «Кто собирать их станет, кто караулить будет? Надо всех съесть. Оленей сильных как держать, я не знаю».

Обращают на себя внимание и другие детали этого предания. Так, рассказ начинается с сообщения о том, что «семь Яптиков берег моря все время кормит. Ни в чем нужды нет, только оленей нет. Все время они на берегу моря живут, всякие промыслы промышленяют... промышленяют диких (оленей.— В. В.), песка, рыбу каждый год».

Интересно, что, судя по этнографическим данным первого десятилетия и 30-х годов нашего столетия (Житков, 1913, 207, карта; Броднев, 1953, 70), летние кочевья членов рода Яптик были расположены в западной части северного Ямала вплоть до побережья Карского моря. Именно на территории, осваиваемой членами этого рода на Ямале, на мысе Тиутей-сале, были обнаружены землянки, которые свидетельствуют о морском зверобойном промысле как основном занятии их обитателей. В. Н. Чернецов, открывший стоянку Тиутей-сале, считает носителей этой культуры аборигенами (Чернецов, 1935, 109—133).

Укажем еще одно место из того же предания, где сказочный человек, обращаясь к Большому Яптику, говорит ему: «Оу! В яме живущий Яптик!» Наконец, в связи с вышесказанным, заслуживает внимания и авторская ремарка рассказчика, сообщившая, что другое имя Яптиков — Сале-ям-чера, т. е. «мысо-вые жители». Присутствие в этом названии компонента «чера» может служить дополнительным свидетельством генетической связи предков данного рода с досамодийским аборигенным субстратом.

Из числа этнографических материалов, которые могут быть приведены в качестве обоснования предположения об аборигенной принадлежности предков рода Яптик, можно отметить факт существования у членов данного рода жертвоприношения собаки — явления, как справедливо отмечает В. Н. Чернецов, чрезвычайно нехарактерного «для оленеводов, где обычно жертвенным животным является олень» (Чернецов, 1935, 132).

Этническим определителем для причисления к аборигенному субстрату еще двух ненецких родов — Саяндер⁸ и Лаптандер — также является присутствие в их названиях компонента «чера».

59

Саяндер в переводе означает «мысовые жители», Лаптандер — жители тундры. Обращает внимание и то обстоятельство, что оба рода связаны строими брачными запретами, хотя один из них — Саяндер — по происхождению считается хантыйским, а второй — Лаптандер — европейско-ненецким. Более того, авторы середины XIX в. относят род Лаптандер к числу подразделений рода Тысяя (Иславин, 1847, 132—135; Вениамин, 1855, 97). Это же подтверждают и имеющиеся в нашем распоряжении архивные материалы (АНОЗ, метрические книги Пустозерского прихода, кн. 2 (1886-1900 гг.), л. 296 об. 297).

Как нам кажется, генетическая близость этих родов не может быть объяснена не чем иным, как общностью составляющего их основу этносоциального субстрата. В дальнейшем же пути этих подразделений разошлись. Этнические судьбы рода Саяндер оказались связаны с уграми, а если рассматривать вопрос более узко — с проблемами формирования нижеобских хантов, а род Лаптандер в силу других конкретно-исторических и социальных причин стал выступать в качестве подразделения крупного евро-пейско-ненецкого рода Тысяя (Тайбари).

Впоследствии уже в качестве хантыйского компонента часть рода Саяндер вошла в состав тундровых ненцев и оказалась на юго-западном Ямале, куда из-за Урала перекочевала группа семей рода Лаптандер, в результате чего создались условия для непосредственного контакта представителей обоих родов. В конце XVII в., как предполагает Б. О. Долгих, род Саяндер уже входил в состав тундровых ненцев под названием Обдорский.

В том же списке 1695 г. фигурирует, как мы отмечали, и род Вынги. Название этого ненецкого рода Вэнго (Вэнонгка), как и название соответствующего ему у тундровых энцев рода Буналя, в переводе означает «собачий» или «собачье ухо» (Вербов, 1939, 44; Долгих, 1957, 25), что можно также рассматривать как косвенное указание на связь предков данного рода с аборигенами Северной Азии, в

жизни которых собака всегда играла немаловажную роль: в частности, являлась, по-видимому, основным транспортным животным. Заслуживает быть отмеченным и то обстоятельство, что так же, как на территории рода Яптик, на северном побережье Ямала, в местности, к которой прилегали летние пастбища членов рода Вэнго (Вэнонгка), В. Н. Чернецовым было обнаружено поселение (на мысе Хаэн-сале), которое этот исследователь связывает с досамодийским населением Севера, хотя и датирует началом — первой половиной XVII в (Чернецов, 1935, 124—125).

Субстратные компоненты могут быть выделены и в составе лесных ненцев как сибирских, так и европейских. Причем есть основания думать, что субстратные подразделения, которые приняли участие в формировании обеих названных этнографических групп ненецкой народности, были различны по своей этнической

60

природе. Более того, мы полагаем, что диалектные и этнографические особенности этих ненецких этнических образований в значительной степени обусловлены специфическими особенностями их субстратно-компонентных частей.

В составе сибирских лесных ненцев к числу родовых подразделений, генетически восходящих по своей природе к аборигенному пласту, мы относим роды Пяк и Нечу, в составе европейских лесных ненцев — род Хэтанзи.

Род Пяк представляет собой сложное формирование, в создании которого приняли участие разнородные этнические компоненты. Основой его, как мы считаем, были аборигены. В состав этого рода вошли также ханты. В этом отношении род Пяк сибирских лесных ненцев несколько напоминает тундровоненецкую фратрию Вануйта (см. Васильев, 1970 а, 185—186). Если оперировать конкретными фактами, то обращает на себя внимание установленное еще Г. Д. Вербовым наличие брачных запретов между родом Пяк и родом Поронгуй в составе тундровых ненцев, являющимся по происхождению хантыйским (Вербов, 1936, 67). Как нам рассказал Илья Поронгуй 1897 г. рождения, члены его рода не могли вступать в брак с членами рода Пяк, так как «это наша родня». Тот же Г. Д. Вербов указывал и на существование брачных запретов между родом Пяк и родом Нгаседа (Аседа), являющимся по происхождению энецким (Вербов, 1936, 67).

Наконец, обращает на себя внимание зафиксированное еще Г. Д. Вербовым существование брачных запретов между членами рода Пяк и хантами по фамилии Казымкины (Вербов, 1936, 69). Лесной ненец Энсли Айваседа (Нгаэващата) 1890 г. рождения на наш вопрос о степени родственных взаимоотношений Пяк и Казымкиных категорически заявил: «Казымкин и Пяк — одна фамилия Пяк» (подробнее см.; Васильев, 1973).

Потомками аборигенного населения лесной полосы Европейского Севера мы считаем членов рода Хэтанзи. Б. О. Долгих, этимологизируя термин «Хэтанзи», склонен расшифровать вторую часть этого родового названия как «тэанз», или «тэнз», что в переводе с ненецкого означает «племя». Первую же часть этого названия он трактует по аналогии с ненецким «пэа», «пэ», т. е. «дерево», «лес», как то же самое по значению понятие, но на диалекте лесных европейских ненцев (Долгих, 1970, 58—59).

Поскольку диалект (или говор) европейских лесных ненцев к настоящему времени уже полностью исчез, проверить это предположение не представляется возможным.

Однако другое положение этого автора, как нам кажется, заслуживает самого внимательного рассмотрения. Речь идет о том, что, по мнению Б. О. Долгих, в роде Хэтанзи европейских лесных ненцев вполне вероятно видеть «прямых потомков именно того племени, которое в XI—XIV вв. было известно под названием «печеры» (Долгих, 1970, 59).

61

По поводу этнической принадлежности летописной «печеры» в литературе известно несколько точек зрения (Обзор см.: Ла-шук, 1958, 61). Л. П. Лашук, автор монографии по этнической истории Печерского края, высказал предположение, что по своему происхождению «печеряне» (термин Л. П. Лашука. — В. В.) имели определенное отношение к «сииртя» и являлись одной из групп аборигенного населения Европейского Севера (Лашук, 1958, 63-64).

Подобная точка зрения представляется правильной, но с одной оговоркой. В путевых записках французского врача Пьера де Ламартиньера, путешествовавшего во второй половине XVII в. по тундрам Европейского Севера, упоминается «городок Вичора», состоявший из хижин, сделанных из рыбьих костей и крытых дерном, жители которых занимались преимущественно рыболовством (Ламартиньер, 1912, 54). Вход в такие дома (точнее, полуземлянки. — В. В.) устраивался через крышу, так же как в жилищах аборигенов Камчатки — ительменов, известных по описанию С. П.

Крашенинникова (Крашенинников, 1948, 166—168), что, в свою очередь, может являться свидетельством их принадлежности к досамодийскому населению европейской тундры.

Исходя из вышесказанного, мы склонны транскрибировать слово «вичора» как «вы чера», т. е. «тундровые жители», полагая, что так пришедшие на Север самодийцы могли называть аборигенов тундры (они же «сииртя») в отличие от аборигенов лесной зоны, коих они именовали «пэ чера»

(«пещера»).

Эта точка зрения находит подтверждение и в археологических материалах. Судя по данным Г. А. Чернова, керамика Петрушинской стоянки на Средней Печоре при общем сходстве с Больнеземельской имеет отличный от нее щипковый орнамент (Чернов, 1951, 83). Наконец: находки орудий в стоянках на р. Колве свидетельствуют о том, что при изготовлении их применялась техника отжимной ретуши, тогда как на Нижней Печоре они делались преимущественно из отщепов. Иными словами, мы можем с достаточным основанием предполагать, что аборигенный субстрат лесной и тундровой полосы Европейского Севера в культурном, а вероятно, и в этническом отношении не был однородным. И если рассматривать летописную «пещеру» как аборигенов лесной полосы ижемско-печерско-го бассейна, то точка зрения Б. О. Долгих, считающего членов рода Хэтанзи их потомками, получает, на наш взгляд, достаточно солидное подтверждение.

Отметим также, что М. А. Кастрен выделял у европейских ненцев ижемский диалект (Castren, 1853, 247), что, в свою очередь, может быть поставлено во взаимосвязь с наличием в составе лесной группы аборигенов рода Хэтанзи.

Наиболее значительный аборигенный пласт прослеживается в составе нганасан. Из современных нганасанских родов в этом

62

аспекте привлекают внимание в первую очередь два: Фалочера (Чунанчера) и Линанчера. О субстратной природе этих нганасанских родов свидетельствует прежде всего присутствие в их названии компонента «чера».

Б. О. Долгих считал Чунанчера потомками тавгов, одного из исторических подразделений нганасан XVII в., а точнее, рода, возглавляемого князем Адамулом, под эгидой которого в 1633 г. было 33 человека взрослых мужчин (Долгих, 1952 б, 52). Самих тавгов он рассматривал как осамоедившихся «тунгусов», в основе которых, однако, лежал древний субстратный этнический слой, по его предположению, родственный юкагирскому (Долгих, 1952 б, 57, 74). Ю. Б. Симченко переводит название «Фалочера» как «жители гор» и также считает возможным связывать их генетически с юкагирами — «горными яндырями» (Симченко, 1968, 204).

Род Линанчера Б. О. Долгих рассматривает как потомков тидирисов — одной из исторических группировок нганасан, члены которой в первой половине XVII в. вносили ясак в Пясидском и Хантайском зимовьях. Численность тидирисов в 1643 г. составляла 29 человек (Долгих, 1952б, 48). Слово «тидири» Б. О. Долгих представляет как словосочетание «тидеро-ося», которое он переводит как «родственники по матери, тунгусы» (Долгих, 1952б, 51). Иначе смотрит на этот вопрос Ю. Б. Симченко. «Одя» — вторую часть слова «тидири-сы» («тидеро-ося») он считает возможным сопоставлять с самоназванием тундровых юкагиров — «одул» и на этом основании выдвигает гипотезу о генетической связи названного нганасанского рода с юкагирами (Симченко, 1968, 200).

Наличие аборигенных элементов устанавливается и в составе других родов авамских нганасан: Ньюнде (Ниноде), Нгом-де и Нгамту-суо (Симченко, 1968, 205—206, 210). Потомками аборигенов Ю. Б. Симченко, в отличие от Б. О. Долгих, считает и основной костяк вадеевских нганасан (Симченко, 1968, 201—203). Название «ванядыри», «фа-яндыри» он транскрибирует как «лесные яндыри», возводя таким образом исторических ваниядырей XVII в. к юкагирскому этническому пласту.

В предыдущей главе говорилось, что многие элементы культуры современных северосамодийских народов связаны с так называемым циркумполярным комплексом. К их числу следует отнести в первую очередь глухую одежду типа парки, своеобразную одноползную нарту-лодку с деревянным каркасом и покрытием из кожи, послужившую основой для возникновения оленьей нарты современного типа, лыжи, а если обратиться к сфере духовной культуры — культ матери-природы, различные обряды и запреты, связанные с промыслом дикого оленя и нерпы, почитание священных камней и скал и т. д.

С югом Сибири, со своей стороны, связано большинство элементов оленеводческого комплекса. Как показывает анализ осте-

63

«логического материала памятников раннего железного века с территории степного и лесостепного Приобья и Прииртышья, основным хозяйственным занятием местного населения было скотоводство. Скотоводство с преобладанием лошади в стаде играло определяющую роль в занятиях носителей саргатской культуры (Могильников, 1969б, 136; Могильников, 1973б, 176), которую мы, как это говорилось выше, считаем самодийской.

Таким образом, имеются основания думать, что основное ядро самодийцев пришло на Север, имея навыки ведения скотоводческого хозяйства, которые они применили для освоения нового хозяйственного занятия — домашнего оленеводства, используя при этом приемы приручения оленей, известные местному населению, в частности его опыт охоты на диких оленей с помощью манщика (Чернецов, 1964а, 2; Вайнштейн, 1971, 49).

В то же время не следует забывать, что, как убедительно показал С. И. Вайнштейн, Присяные являются древнейшим очагом domestikации оленя, а начальный этап домашнего оленеводства — использование оленя под выюк — протекал именно в самодийской среде (Вайнштейн, 1970а).

В этой связи следует напомнить, что судя по этнографическим данным, использование оленя под выюк в прошлом было известно энцам и лесным ненцам (Рычков, 1916, 175—176; Вербов, 1936, 64; Подробнее см. Васильев, 1962б). Это, в свою очередь, дает основание полагать, что оленеводство выючного типа было привнесено на Север Западной Сибири самодийскими группами, принявшими участие в формировании энцев и лесных ненцев. Такая точка зрения находит подтверждение и в абсолютных датировках. Как мы указывали выше, последняя по хронологической последовательности этническая волна самодийцев продвинулась на Север в XIII столетии. В то же время, как показывает С. И. Вайнштейн, саянский тип оленеводства в его классической форме (верховое седло со стремянами, доение важенки и т. д.) сложился не ранее XIV в. н. э. (Вайнштейн, 1970а, 7).

С южносибирским регионом, возможно, генетически связан и передвижной тип жилища оленеводов Европейского Севера и Западной Сибири, о чем свидетельствует, по мнению Л. В. Хомич, общность терминологии для обозначения этого элемента культуры во всех самодийских языках (Хомич, 1966, 101). Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что коническое жилище типа чума было известно на юге Сибири уже в таш-тыкскую эпоху (Вадецкая, 1969, 87).

В то же время, как показали Ю. Б. Симченко, а вслед за ним и Т. Б. Долгих, в самодийском чуме, в особенности в его энецко-нганасанском варианте, прослеживаются определенные черты, характерные для конструкции полужемлянок, в которых обитали древние охотники на дикого северного оленя —

абори-

64
гены арктической зоны Евразии (Симченко, 1964, 5; Долгих Т., 1971).

К южносибирскому периоду истории самодийских народов восходит и появление у них распашной одежды. По мнению Н. Ф. Прытковой, специально занимавшейся исследованием этого элемента материальной культуры ненцев, энцев и нганасан, «все они пришли на север, имея распашную одежду, т. е. одежду южного происхождения, одинаковую как у мужчин, так и у женщин» (Прыткова, 1970, 92—93).

Появление глухой одежды типа малицы, вероятно, — довольно позднее явление и, несомненно, связано с прогрессом оленеводческого хозяйства и превращением его в ведущую отрасль северного экономического комплекса. Как явствует из материалов В. Ф. Зуева, еще в XVIII в. ненецкая малица не имела пришитого мехового капюшона (Зуев, 1955, 24). Нельзя не привести также сообщение Л. В. Хомич, которая первой установила наличие на малице лесных ненцев продольного шва спереди (Хомич, 1966, 39, сн. 82), что несколько позже было подтверждено и нашими полевыми наблюдениями. В этой связи особо следует выделить своеобразный тип верхней мужской и женской одежды канинской группы европейских ненцев. Малица канинских ненцев не имеет пришитого мехового капюшона, а заканчивается круглым высоким воротником. Шапка шьется отдельно. Для шитья женской одежды использовались шкурки белок, лисиц и бобров. Меховой орнамент отсутствовал. В отличие от большинства других самодийских групп и в то же время подобно селькупам и некоторым народностям Саянского нагорья женские штаны канинских ненцев не имели пришитого мехового или ровдужного нагрудника (подробнее см.: Хомич, 1970б).

Указанные особенности одежды позволяют, по мнению Л. В. Хомич, думать, что «канинские ненцы, видимо, были одной из первых групп предков ненцев, заселивших тундру» (Хомич, 1970б, 121). В этом же аспекте обращает на себя внимание и установленный тем же исследователем факт отсутствия в канинском говоре заднеязычного н (ц) в начале слова — явление, характерное для южносамодийских, в том числе и селькупского языков (Хомич, 1966, 38).

Заключая перечень наиболее важных южносибирских элементов в культуре современных северосамодийских народов, мы должны отметить, что именно с югом Сибири связано и появление в арктических тундрах железа. Как установлено раскопками в Томском Приобье, плавка железа была освоена местным населением уже в конце I тысячелетия до н. э. (Плетнева, 1973, 199). Примерно в это же время искусство плавить железо становится известным и по всей степной и лесостепной полосе Западной и Средней Сибири. Как было показано выше, все археологические культуры этого региона, которые генетически можно

65

связывать с конкретными компонентами, принявшими участие в этногенезе самодийских народов, относятся в основном к эпохе раннего железа.

Изложенные выше материалы, как нам кажется, достаточно убедительно свидетельствуют в пользу двухкомпонентности генезиса народов северосамодийской группы.

Языковые, антропологические и этнографические различия между отдельными народами в

значительной степени объясняются, по-видимому, тем, что в каждом конкретном случае соотношение южносибирских и субстратных компонентов было различным. В ряде случаев в формировании тех или иных народов или даже этнографических групп внутри них принимали участие различные по своей этнической природе субстратные и южносибирские элементы. Наконец, уже на историческом этапе своего становления северосамодийские народы этнически взаимовлияли друг на друга и в то же время впитывали в себя отдельные инонациональные компоненты. В частности, в составе сибирских тундровых ненцев немало родов энецкого и хантыйского происхождения. В свою очередь, ненецкие по своей генетической природе группы вошли в состав коми, хантов и манси.

Окончательное сложение современных ненцев, энцев и нганасан произошло уже в советское время, а некоторые заключительные фазы этого процесса мы можем наблюдать и сегодня.

¹ Необходимо отметить, что в выводах, сделанных на основании топонимических материалов, А. П. Дульзон, как мы отмечали выше, стоит на позициях северо-западной (европейско-русской) прародины самодийских народов.

Возражая против подобной концепции, А. К. Матвеев, один из оппонентов Дульзона, обоснованно указывал, что в исторически обозримый период переселения народов на территории Евразии происходили в основном в направлении с востока на запад или же (хотя и значительно реже) с юга на север. «Трудно представить себе,— пишет А. К. Матвеев,— чтобы в это время было возможно движение народов в обратном направлении на восток и юго-восток, движение, волны которого достигли бы пределов Алтая и Саян. К тому же северные народы жили небольшими этническими группами (родами, племенами), которые, конечно, не смогли бы совершить массированное вторжение на юг, способное расчленить полчища кочевых народов».

К аргументам, которые далее приводит А. К. Матвеев, мы могли бы прибавить, что отсутствие ненецко-самодийского гидронима «яха» в юго-восточной части Сибири действительно объясняется тем, как считает и А. П. Дульзон, что предки ненцев в этой области не проживали. Однако связано это вовсе не с тем, что они являлись поздними пришельцами в Сибирь с севера Восточной Европы, как следует из версии А. П. Дульзона. По-видимому, этот регион занимали в первом тысячелетии н. э. иные

66

самодийские этнические образования. Предки современных ненцев жили много западнее, на территории Восточного Зауралья, в окрестностях современной Тюмени, по среднему течению Иртыша и далее в лесостепной области, включая зону Барабы. Ниже мы еще вернемся к этому вопросу и приведем материалы в подтверждение высказанных положений. ¹ Подробнее характеристику источников по проблематике этногенеза северосамодийских народов см.: Васильев, 1977.

³ Более обстоятельно этот вопрос освещается нами в специальной статье см.: Васильев, 1974а.

⁴ Устное сообщение В. Н. Чернецова.

⁵ См. примеч. А. И. Андреева к гл. 7 «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера (1941, т. II, 560—561).

« Не исключено, что с этими самодийскими родами, в частности с Юуси (Еуши), связаны по происхождению загадочные юги, жившие на р. Сым до прихода туда кетов (Алексеев, 1973а).

⁷ См. нашу рецензию на книгу Л. В. Хомич «Ненцы» (Васильев, 1967, 192—195).

⁸ В материалах Всесоюзной переписи 1926 г. это родовое название встречается в форме Сольянчер (см. ГАКК, ф. Р-769, оп. 5, д. 136, л. 96—103).

Глава четвертая

ПРОИСХОЖДЕНИЕ САЯНСКИХ ОЛЕНЕВОДОВ (Проблема этногенеза тувинцев-тоджинцев и тофаларов)

Саянская горная страна и сопредельные с ней районы рассматриваются многими исследователями как один из важнейших этногенетических узлов Северной Азии. Для выяснения его роли в этнической истории народов Сибири важное значение имеет изучение этногенеза охотничье-оленьеводческого населения, издавна обитающего в Саянах в условиях относительной изоляции. В настоящее время оно представлено тофаларами и тувинцами-тоджинцами (восточными тувинцами). Хотя интерес к этническим процессам, протекавшим в Саянах, привлекает внимание ученых уже свыше двух столетий, лишь в последнее время накопление археологических, этнографических и лингвистических данных, а также антропологических, топонимических и других материалов позволяет с большей или меньшей полнотой подойти к решению этой сложной проблемы.

Следует отметить, что исследований, посвященных происхождению тофаларов, нет и поныне, что же касается тувинцев-тоджинцев, то вопросы их происхождения рассматривались нами в монографии о восточных тувинцах (Вайнштейн, 1961). Однако за последние годы накопились новые ценные материалы, позволяющие уточнить и дополнить выдвинутые нами ранее положения. Рассмотрим основные виды источников в интересующем нас аспекте.

Древнейшие археологические памятники, обнаруженные в таежной зоне Саян, свидетельствуют о том, что она была населена человеком по крайней мере уже в неолитическое время. Открытая мною у берегов оз. Тоджа в восточной Туве Тонмак-ская стоянка (см.: Вайнштейн, 1956а) служила

местом обитания рыболовецких и охотничьих племен в течение весьма длительного времени начиная с неолитического времени. Наряду с костями диких зверей и птиц здесь были обнаружены многочисленные обломки орнаментированной керамики. Подобная орнаментация встречена и в других тоджинских стоянках, изученных позднее (Дэвлет, 1973б).

Весьма существенно, что ряд особенностей ранней керамики из тоджинских стоянок позволяет сближать ее с керамикой из неолитических стоянок на широкой территории лесной зоны Евразии вплоть до Скандинавии. О том, кем были в этническом отношении племена, обитавшие на Тонмакской и других стоянках в Саянской тайге, судить пока трудно. Однако более чем вероятно, как полагал В. Н. Чернецов, что племена, населявшие в неолите лесную зону Евразии — от Тоджи, Верхнего Ени-

68

сея и Ангары на востоке до Северной Норвегии на западе и имевшие ряд общих черт в орнаментации и изготовлении керамики, в приемах обработки кремня и кости могут быть выделены в урало-сибирскую этнокультурную общность, носители которой были связаны с восточной ветвью (финно-угро-само-дийской) уральской семьи (Чернецов, 1973, 14—15).

По-видимому, далекие предки самодийского населения проникли в Саяны еще в неолитическое время. Вместе с тем нельзя не отметить, что в археологической культуре саянских неолитических племен прослеживаются особенности, свидетельствующие также об определенных и достаточно устойчивых местных традициях, быть может, отражающих этническую специфику.

В эпоху раннего железа (VII—III вв. до н. э.) на территории юго-западных склонов Восточного Саяна в район современной Тоджи из степных районов Тувы проникают племена ранних кочевников. Их курганы были обнаружены и раскопаны мною в остепненных районах Тоджи и позволили установить распространение казылганской культуры, характерной для степных племен Тувы и северо-западной Монголии вплоть до Восточных Саян (Вайнштейн, 1956а, 33—36; 1966б, 143—184).

Казылганская культура входила в обширный круг раннекочевнических скотоводческих культур «скифского мира» и, возможно, часть ее носителей имела определенное этническое родство со скифскими ираноязычными племенами. Можно также полагать, что некоторые из племен, населявших Южную Сибирь в скифское время и известные в китайских источниках как дин-лины, были кетоязычны, во всяком случае в отношении тагар-цев Минусинской котловины это весьма вероятно (см.: Вайнштейн, 1951). Не исключено, что кетоязычной была и часть казылганских племен. Этот интересный и весьма сложный вопрос остается поныне нерешенным и требует дальнейших углубленных исследований.

Во II в. до н. э. в Туве распространяется сыынчюрекская культура степных скотоводческих племен, которые были культурно, а возможно и этнически, близки по крайней мере части племен хунну Центральной Азии (Вайнштейн, Дьяконова, 1966). Из степей Тувы сыынчюреки продвинулись в Тоджу. Здесь на границе тайги найдены погребения сыынчюрекской культуры (Дэвлет, 1973а, 215—216). То обстоятельство, что сыынчюрекские племена населяли территории Восточного Саяна, непосредственно примыкавшие к таежной зоне, позволяет предполагать не только возможность их этнических контактов с населением тайги, но и проникновение отдельных групп сыынчюрекских племен в лесную зону Саян уже на рубеже н. э.

В этой связи представляет значительный интерес вопрос о языке племен, входивших в хуннуский союз. Большинство исследователей считают, что язык хунну был тюркским. Если это так, то можно было бы с достаточным основанием предполо-

69

жить, что тюркизация населения Саян началась еще на рубеже нашей эры. Однако, не говоря уже о том, что этническое родство хунну и сыынчюреков весьма проблематично, тюркоязычность собственно хунну также остается недоказанной.

Неоднократно выдвигалось мнение и об их тюркоязычности, и о том, что хунну были монголоязычны, и о том, что их речь была нерасчлененной тюрко-монгольской, тунгусской, кетской (см., например: Shiratori, 1902; Ramstedt, 1937; Бернштам, 1951; Гумилев, 1960; Clauson, 1962; Сухбаатар, 1974). Высказывалось мнение, что язык хунну принадлежал исчезнувшей языковой семье (Doerfer, 1973). Есть серьезные основания полагать, что хуннуский племенной союз в Центральной Азии уже в начальный период своего существования включал разноязычные, но сходные по хозяйственно-культурному уровню племена, жившие к северу от пустыни Гоби. Основным этническим ядром, во всяком случае у поздних хунну Центральной Азии, были, по-видимому, тюрки, но более чем вероятно, что в составе ранних хунну были и кетоязычные

племена, роль которых постепенно уменьшалась. Анализируя хуннусские слова в китайских источниках, Пуллибланк пришел к выводу, что до 17% их элементов, которые не объясняются из алтайских языков, указывают на связи с кетскими языками (Pulleyblank, 1962). Есть основания предполагать, что продвинувшиеся в Тоджу сынычюрексские группы были генетически связаны с казылганцами скифского времени * и, возможно, кетоязычны, так как мы не знаем других археологических культур в зоне распространения здесь кетской топонимики (о чем пойдет речь ниже), которые могли бы рассматриваться как носители кетского этноса.

Нельзя не отметить, что характерные для степных районов Тувы памятники древних тюрок — курганы с погребениями человека и коня, «тюркские» оградки, каменные изваяния и рунические надписи не встречены пока ни в таежной зоне Саян, ни в остепненных долинах Тоджи, но можно все же полагать, что вместе с появлением в Туве древнетюркских племен они достигли и Восточного Саяна. Тем не менее на весьма важный для нашей темы вопрос о том, когда в таежной зоне Саян появляются тюрки, археологические памятники ответа не дают.

К раннему средневековью и более позднему времени относятся отдельные свидетельства письменных источников, представляющие значительный интерес. Но их целесообразнее рассмотреть ниже, так как для их оценки необходимо предварительно привлечь другие источники, имеющие важнейшее значение для решения вопросов этнической истории Восточных Саян и этногенеза саянских оленеводов-охотников, а именно данные топонимики этого региона, языка, родо-племенного состава и традиционной народной культуры саянских оленеводов.

70

Итак, обратимся к топонимике. Она убедительно свидетельствует о том, что в Восточном Саяне, в районах, где по крайней мере с середины XIX в. жило тюркоязычное оленеводческое население, в прошлом обитали самодийские, кетоязычные и другие нетюркские племена.

Еще В. Радлов обратил внимание на существование в Южной Сибири енисейской (кетоязычной) топонимики (Радлов, 1884, 9). Есть она и в таежной части Тоджи (Вайнштейн, 1961, 22). Таковы Азас, Казас, Шет-Хем (зас, сас — «река» в кетском диалекте; шет — «река» в коттском). В Тофаларии, помимо коттских (реки Алгашет, Туманшет, Решет), сохранились и ас-санские гидронимы (реки Агул, Тагул). На этом основании А. П. Дульзон выделил в Сибири по названиям рек несколько диалектов кетских языков: ул-юл, сес-сет, тет-шет (Дульзон, 1963, 289-295).

В средней Сибири топонимы, сохранившие диалектные особенности различных кетоязычных групп, занимают довольно обширную территорию, однако в Саянах они фиксируются в узком регионе. Так, в Тодже две сравнительно близко расположенные реки сохраняют кетские топонимы, различные, однако, по своему диалектному происхождению, — Азас (А-зас) и Шет-Хем. Это может служить указанием на то, что именно в Саянах был в прошлом район расселения нескольких кетских племен. Видимо, в процессе своего движения из этого района кетские племена оказались разобщенными.

Как в Восточной Туве, так и в Тофаларии выявлена также южносамодийская топонимика. Таковы гидронимы с южносамодийскими компонентами «яха, -чага, -ма, -бы (Вайнштейн, 1961, 21; Дульзон, 1963, 289—295; Рассадин, 1971, 93): например, гидронимы Би(й)-Хем, Яха, Сырых-Би, Чайма, Ирма, Тайба и ряд др.

Среди топонимических памятников Саян, помимо кетских и самодийских гидронимов, сохранились также названия рек, по-видимому, тунгусского происхождения, на что обратила внимание Г. М. Василевич (Vasilevich, 1959, 427). Так, она высказала предположение, что наименование реки Кантегир и горного хребта того же названия в Западном Саяне может быть сопоставлено с тунгусским племенным этнонимом Кантегир, известным еще в VII в. в Охотском регионе, а название реки Кам-чала — с племенным этнонимом Камчегир, известным в то же время в верховьях Лены (Vasilevitch, 1959, 424).

Названия р. Уды и ряда ее притоков сопоставимы с подобными гидронимами в районе расселения тунгусских групп вплоть до Приамурья (например, Уда — приток Амгуни). Нельзя не отметить, что названия рек Хунга и Хонга в Восточных Саянах, неперебиваемые в тюркских языках, также могут рассматриваться, вероятно, как гидронимы тунгусского происхождения.

Основная же масса современных топонимических названий

71

в Тодже и Тофаларии — тюркская. Таким образом, топонимика свидетельствует о том, что в дотюркское время рассматриваемую территорию населяли самодийские, кетские и, видимо, тунгусские этнические группы.

Язык тофаларов и тувинцев-тоджинцев как источник для этногенетических выводов привлекался

еще исследователями XVIII в. П. С. Паллас и И. Г. Георги решительно утверждали, что тофалары (карагассы) самоедоязычны. Георги писал: «Кар-агассы принадлежат к небольшим остаткам красноярских народов самоедского племени. Язык их — самоедское наречие и при этом не столько испорченное, как у многих других остатков самоедского племени» (Георги, 1799, 19). Паллас, сделав вывод о самоедоязычности карагассов, привел ряд их слов, явно самодийских: *kale* — «рыба», *charga* — «мех», *sira* — «снег», *merge* — «ветер», *dry* — «дерево», *gide* — «два» и др. (Паллас, 1788, 524—526). Но спустя немногим более полувека (в середине XIX в.) Кастрен, тщательно изучая карагасский язык, пришел к неожиданному выводу, что он отнюдь не самодийский, а тюркский. Опубликованный им словарь (Castren, 1857) не оставляет в этом никакого сомнения. Более того, ныне установлено, что словарный фонд, зафиксированный Кастреном, не имеет существенных отличий от современного тофаларского языка (Рассадин, 1971, 95).

Паллас отнес к самодийским и язык тувинцев, которых он именовал сойотами. «В доказательство сходствия их языков довольно будет привести сих наречий, коих взять сличить только одни Маторския, как сходственнейшие с незнакомыми мне Сойотскими, что, однако, сами Маторы и Кайбалы, на промыслах на границе с Сойотами встречающиеся, единогласно подтверждают» (Паллас, 1788, 524).

Судя по этим данным, Паллас имел в виду таежных тувинцев,, населявших Саяны, так как маторы и койбалы могли встретить па границе, по всей вероятности, лишь таежных тувинцев-оленевонов, т. е. тоджинцев.

Однако господствующим языком у большинства саянских тувинцев во времена путешествия Палласа, очевидно, был все же тюркский, иначе нельзя было бы объяснить тот факт, что почти на столетие ранее этого времени, в XVII в., названия улусов «Саянской землицы» (в основном территории Тоджи) содержали тюркские (точнее, тюрко-монгольские) языковые элементы (например, Караетов, т. е. Кара-тодут, Карчитаев, т. е. Кара-Чооду и др.) (Долгих, 1960б, 258), а русский исследователь Г. Спасский, спустя четверть века после Палласа посетивший «Саянскую землицу», сам записал у тувинцев-тоджинцев словарики, свидетельствующие об их несомненной тюркоязычности (Спасский, 1820, 63; Вайнштейн, 1961, 22).

Современный тоджинский диалект тувинского языка и тофа-ларский язык относятся к тюркским языкам, однако как в пер-

72

вом, так и в последнем удастся проследить отдельные лексические соответствия (самодийские, кетские и тунгусские), которые можно рассматривать как реликтовые явления в языках тоджинцев и тофаларов, отражающие их исторические связи.

Лексических соответствий с самодийскими языками немного. Так, название усеченно-конического берестяного сосуда для молока — «соо» (у тоджинцев и тофаларов: Вайнштейн, 1961, рис. 78) •— может быть сопоставлено с названием «со» — «береста» — в койбальском языке (Спасский, 1956), «хо» — «береста» в ненецком и др. (Рассадин, 1971, 92). Название «ире» — «прадед» — в тувинском и «дед» — в тофаларском Рассадин также сопоставляет с самодийскими терминами. Он же приводит ряд слов тофаларского языка (есть они и у тоджинцев), которые, по его мнению, корреспондируют с кетскими, преимущественно с коттскими и ассанскими диалектами. Он особенно подчеркивает, что кетское влияние пронизывает фонетику, создавая характерное своеобразие, специфику тофаларского языка (Рассадин, 1971, 93).

В лексике саянских оленеводов мне удалось выявить некоторые тунгусские параллели (см.: Вайнштейн, 1956б, 8; см.: Вайнштейн, 1961, 25). Это влияние прослеживается в названии лыж-голиц «хаак» у тувинцев-тоджинцев и тофаларов (ср. в тунгусских языках: «хакрэ» — лыжа-голица, полоз ручной нарт; «хактэ» — доска для лыжи), в названии основных шестов тоджинского и тофаларского чума — «суран» (ср. тунгусское «се-ранг», «херанг» — жердь для чума), а также в некоторых других терминах. Ряд дополнительных тунгусских соответствий был отмечен также Рассадиным (Рассадин, 1971, 94). Так, смола по-тувински и тофаларски — «чук», а по-эвенкийски — «чуксэ»; «киик» — возглас, издаваемый, когда охотник подходит к дому при удачной охоте на медведя, у тоджинских оленеводов и тофаларов имеет лексическую параллель у эвенков — «кук». Обнаружен и ряд других соответствий.

Наконец, весьма значителен у тоджинцев и тофаларов слой монгольской лексики (Рассадин, 1971, 96; Чадамба, 1974, 82—83). Монгольская лексика у тофаларов была проанализирована Рассадиным, который пришел к выводу, что основная масса монгольских слов, проникших в тофаларский язык, относится к периоду монгольских завоеваний, т. е. к XIII—XIV вв. (Рассадин,

1971, 96).

Значительный интерес представляют вопросы формирования тоджинского диалекта, в особенности оленеводческого говора, и тофаларского языка, их отношения друг к другу. Современный язык тувинцев-тоджинцев образует диалект тувинского языка, который, по классификации Н. А. Баскакова, относится к уйгуро-тукуюнской подгруппе северо-восточной группы тюркских языков (Баскаков, 1962, 131—132). Тоджинский диалект распадается, в свою очередь, на два говора — ското-

73

водов и оленеводов (или, как их иногда именуют, «речной» и «таежный») (Чадамба, 1974). В тоджинском диалекте, в особенности в говоре оленеводов, имеется ряд специфических черт в фонетике, лексике и грамматике, не характерных для других диалектов тувинского языка, причем отмечаются некоторые архаические элементы в грамматике (остаточные формы звательного и древнего направительного падежа, особенности в склонении местоимений и др.) (Чадамба, 1974, 110). Думается, что единственным объяснением сохранения в говоре тоджинских оленеводов специфических черт, включающих ряд архаических древнетюркских элементов, отсутствующих в других тувинских диалектах, может служить выдвинутая нами гипотеза, согласно которой в саянскую тайгу тюркоязычное население проникло не в XVIII или XIX в., как полагали некоторые исследователи, а значительно раньше, скорее всего в древнетюркскую эпоху, иначе вряд ли говор тувинских оленеводов столь существенно отличался бы от речи западных тувинцев и сохранял столь архаичные формы. Тофаларский язык, по классификации Баскакова, относится к той же группе тюркских языков, что и тувинский. Ученый считает, что этот язык по своим фонетическим, грамматическим и лексическим признакам наиболее близок тувинскому языку и может считаться одним из его диалектов (Баскаков, 1962, 280). Однако, по мнению Рассадина, между тофаларским и тувинским языками имеются значительные различия. Это обстоятельство побуждает указанного автора критически оценить мнение Л. П. Потапова о том, что на рубеже XVIII—XIX вв. самоедо-язычные карагасы, предки тофаларов, утратив свой язык, восприняли тюркский язык от тувинцев (Потапов, 1957, 227). Возражая Потапову, Рассадин считает, что если бы это было так, то карагасский язык XIX в., зафиксированный Кастреном, не отличался бы от тувинского; он и тогда бы имел те же отличия, что и современный тофаларский язык (Рассадин, 1971, 95—96).

Рассадин на лексическом материале тофаларов подтвердил сделанный мною ранее вывод, что кетоязычное и самоедоязычное население таежной зоны Саян было ассимилировано группами, язык которых восходит к древнетюркскому этносу, т. е. начало этого языкового процесса восходит еще к концу I тысячелетия н. э. (см.: Вайнштейн, 1961, 20—36). Вместе с тем Рассадин сопоставляет тофаларский язык с тувинским в целом, а не с говором тувинских оленеводов, что вряд ли оправдано. Таким образом, если данные топонимики позволяют утверждать, что на территории, занятой ныне саянскими оленеводами, в прошлом обитали самодийские, кетские и, вероятно, тунгусские группы, то материалы языка дают основания говорить о существовании у предков современных тоджинцев и тофаларов определенных исторических контактов с указанными группами и не исключают возможного вывода, что последние были

74

ассимилированы продвинувшимся в восточносаянскую тайгу в I тысячелетии н. э. тюркоязычными племенами.

Перейдем к рассмотрению традиционно-бытовой культуры саянских оленеводов как одному из важнейших источников изучения их этногенеза. Привлекая традиционную культуру в качестве источника исследования этногенетических проблем, следует, разумеется, иметь в виду, что она, как и формы хозяйства, претерпевает изменения во времени. Так, присущий таежному населению Саян в конце XIX — начале XX в. хозяйственно-культурный тип охотников-олeneводoв горной тайги прошел длительный путь развития, прежде чем он сложился в известных нам характерных особенностях (Вайнштейн, 1971, 88—125). Причем у части племен, населявших Саяны, в том числе у самодийских, которых некоторые исследователи склонны рассматривать как исконных охотников и оленеводов, еще в XVII—XVIII в. были представлены иные хозяйственно-культурные типы (Вайнштейн, 1979). Итак, рассмотрим традиционно-бытовую культуру тувинцев-олeneводoв и тофаларов в интересующем нас аспекте. В их традиционной материальной и духовной культуре почти нет различий. Вместе с тем тувинцы-олeneводoв имеют в своей культуре весьма существенные отличия от западных тувинцев-скотоводов — особенности в жилище, одежде и других сферах материальной культуры. Существенные различия проявляются в духовной культуре, в частности в шаманизме и искусстве (см.: Вайнштейн, 1961, 1964, 1972, 1974 а, б).

В материальной и духовной культуре тоджинцев, как и тофаларов, можно проследить два комплекса: лесной и степной. Лесной комплекс включает берестяной чум, лыжи, оленеводство, некоторые виды

утвари (например, берестяное ведро «соо»), одежды и обуви, орнамент, ряд атрибутов шаманства. Берестяной чум тувинцев-оленьеводов и тофаларов имеет ближайшие параллели с эвенкийским (количество и название основных шестов, количество и форма шивных берестяных покрывал, способ вставки двух основных шестов в развилку и др.), а также некоторые, менее выраженные параллели с кетским, хантыйским и селькупским чумом.

По сведениям, полученным мною от старейших информаторов-тофаларов, близкий их типу берестяной чум они наблюдали у камасинцев. По своим основным особенностям саянский тип чума, характерный для тувинцев-оленьеводов и тофаларов, по-видимому, генетически восходит к общему прототипу с эвенкийским чумом. Берестяное ведро «соо» имеет аналогии в подобных сосудах у эвенков, однако его название разъясняется, как уже отмечалось выше, из ряда самодийских языков, где «со» означает «береста». Впрочем, указанный тип сосуда самодийским народам ныне неизвестен. К этому же слою можно отнести также лыжи, причем напомним, что название лыж — «хаак» — имеет аналог в эвенкийских языках.

75

Некоторые виды одежды саянских оленьеводов также можно отнести к лесному комплексу. Прежде всего — это распашная одежда енисейского типа с нагрудником. У тофаларов она до недавнего времени сохранялась в бытовой (один экземпляр был выявлен мною во время тофаларской экспедиции 1967 г.) и шаманской культовой одежде, а у тувинцев-оленьеводов — лишь в шаманской. Одежда енисейского типа выявлена, помимо Саяно-Алтая, лишь в таежной зоне Сибири, а ее наиболее древние следы обнаружены А. П. Окладниковым в погребении глазковского времени (IV тысячелетие до н. э.) в Прибайкалье (Окладников, 1968, 28) и С. И. Руденко — в одном из курганов середины I тысячелетия до н. э. на Алтае (Руденко, 1953, 115 и сл.). По-видимому, нагрудник был известен предкам тунгусов еще в древности, а в XIX — начале XX в. он был для эвенков наиболее характерен (Василевич, 1969, 131 и сл.). Камусная обувь — также элемент древней лесной культуры.

Наконец, к лесному комплексу относится и оленеводство, происхождение которого рассмотрено мною в специальной работе (Вайнштейн, 1970а, 1971). Его возникновение здесь на рубеже н. э. было связано с проникшими на Алтае-Саянское нагорье древними прасамодийскими племенами, знакомыми со скотоводством. Сначала оно было выючным и лишь позднее, под воздействием Тюркских коневодческих племен, проникших в таежную зону Саян, развилось верховое оленеводство со свойственными ему особенностями (в первой половине II тысячелетия н. э.). Анализ орнаментального искусства тувинцев-оленьеводов и тофаларов позволяет сделать вывод, что как для тех, так и для других характерны мелкие геометрические узоры — шеврон, елочки, зигзаг и др., в комплексе присущие так называемому саяно-алтайскому типу орнамента, который прослеживается, помимо Саяно-Алтая, также у народов самодийской группы, приенисейских эвенков и у некоторых других (Иванов, 1961, 373). Существенно отличаясь от орнаментики западных тувинцев, традиционный орнамент тувинцев-оленьеводов и тофаларов совершенно не различается, указывая тем самым на древние связи этого комплекса в культуре оленьеводов с лесным населением сопредельных районов Сибири.

В шаманстве тофаларов (Dioszegi, 1963) и тувинцев-оленьеводов (см.: Вайнштейн, 1961, 170—192; 1964) нет каких-либо существенных отличий, и оно может быть выделено по типологии материальных атрибутов культа, характеру камланий и др. признакам в особый тоджинско-тофаларский тип шаманства. Существенно отличаясь от западнотувинского, он имеет ярко выраженные черты сходства с шаманством самодийских народов — в покрое и деталях ритуального костюма, конструкции бубна (Dioszegi, 1963), а также параллели с шаманством кетов (в некоторых деталях бубна) и тунгусов (шаманский нагруд-

76

ник) (Вайнштейн, 1964). Таким образом, и тоджинско-тофаларское шаманство может быть включено в лесной комплекс культуры саянских оленьеводов.

Степной комплекс у саянских оленьеводов представлен в традиционной материальной культуре значительной частью элементов оленьей упряжки (верховое и детское седла, стремяна), некоторыми видами одежды и головных уборов, утвари, способами приготовления пищи и др. В духовной культуре к степному комплексу можно отнести некоторые сюжеты в фольклоре, ряд музыкальных инструментов у тоджинцев, а также распространенный у них наряду с шаманством ламаизм и др. Остановимся на некоторых элементах этого комплекса, представленных как у тоджинцев, так и у тофаларов.

Верховое оленье седло, аналогичное конскому у степных кочевников, у других оленьеводов, кроме саянских, неизвестно. Такая форма седла распространилась в Евразии лишь в середине I

тысячелетия н. э. (см.: Вайнштейн, 1966а). Своеобразное детское седло с крестовинами также связано со степной средой и было заимствовано саянскими оленеводами, вероятно, еще у енисейских кыргызов. Ныне, помимо саянских оленеводов, такое седло известно лишь киргизам Тянь-Шаня и отдельным группам казахов (см.: Вайнштейн, 1968а).

Некоторые виды головных уборов, а также халатообразная одежда со ступенчатым вырезом имеют степное происхождение, причем особенности последней распространились здесь лишь в XVIII в. (ступенчатый вырез на левой поле) (см.: Вайнштейн, 1969а).

Лесной комплекс почти не имеет различий у тоджинцев и тофаларов. Степной комплекс в определенной мере также представлен у обеих групп, за исключением некоторых поздних его элементов, которые характерны лишь для тувинских оленеводов. Это ламаизм, проникший в последние столетия к тоджинским оленеводам и оказавший влияние на некоторые стороны их духовной культуры, неизвестный тофаларам. Заметим попутно, что православие, получившее в XVII—XVIII вв. распространение у тофаларов, не было известно тоджинцам. Таким образом, в целом традиционно-бытовая культура у оленеводов-тувинцев и тофаларов не имеет существенных различий и может рассматриваться как тоджинско-тофаларская охотничье-оленьеводческая культура.

Суммируя приведенные данные, мы приходим к выводу, что лесной комплекс может рассматриваться как древний субстратный слой в культуре саянских оленеводов. Степной комплекс образует здесь суперстратный, средневековый в своей основе исто-рико-генетический слой, испытавший также воздействие и в более позднее время.

Древний слой в культуре саянских оленеводов сформировался в лесной зоне главным образом на основе аборигенных пле-

77

мен с участием в его генезисе самодийских и кетских компонентов. Более поздний, средневековый историко-генетический слой сформировался в результате воздействия тюрко-монгольской культуры и приспособления ее к местным условиям, к иной ландшафтной зоне. Это не исключало, разумеется, дальнейшего, хотя и медленного, в условиях крайне низкого уровня производительных сил эндогенного развития субстратных компонентов аборигенной лесной культуры нетюркских племен, находившихся в процессе языковой и культурной ассимиляции.

Таковы результаты привлечения традиционно-бытовой культуры саянских оленеводов для разработки вопросов их этногенеза.

Значительный интерес для данной темы представляют антропологические материалы, в особенности данные антропометрии и серологии, в изучении которых наибольшая заслуга принадлежит М. Г. Левину и Ю. Г. Рычкову.

Антропологическое изучение тувинцев-тоджинцев и тофаларов позволило М. Г. Левину прийти к выводу, что те и другие обнаруживают своеобразное сочетание антропологических признаков, отличающих их от тувинцев степных районов еще более слабым ростом бороды, сравнительно мягкими волосами, более сильно выступающими скулами, более тонкими губами. По антропологическим особенностям М. Г. Левин отнес их к катангскому антропологическому типу, распространенному также у западных эвенков и в меньшей мере — у чулымцев, селькупов и ненцев. М. Г. Левин рассматривает этот антропологический тип как древний тип бассейна Енисея (Левин, 1954). Отметим, что череп, найденный в погребении на территории Тонмакской стоянки и относящийся, по-видимому, к эпохе бронзы, оказался типично катангского облика и был очень близок антропологическому типу тунгусов Подкаменной Тунгуски (исследован Г. Ф. Дебецем). Изучение Ю. Г. Рычковым групп крови у тувинцев-тоджинцев и тофаларов позволило ему указать на их определенные древние генетические связи с западными эвенками (Рычков, 1965).

Таким образом, на основании антропологических материалов можно сделать вывод о решающей роли в этногенезе тувинских оленеводов и тофаларов носителей катангского типа; и не только об общем субстрате у саянских оленеводов и западных эвенков и их генетической связи, но также и о значительной древности лесного антропологического типа у местных саянских племен. На вопрос о том, в какой мере участвовали в этногенезе саянских оленеводов древние тюрки, современные антропологические исследования ответить пока не могут, тем более, что физический облик древних тюрков на востоке их расселения был крайне неоднороден и представлен как монголоидами, так и европеоидами (Гинзбург, 1963, 315—317; Вайнштейн, Крюков, 1966).

78

То обстоятельство, что у всех остальных групп тувинцев господствует центральноазиатский тип (он стал характерен для тувинцев в послемонгольское время), почти не представленный у

оленоводов, говорит о том, что поздние суперстратные влияния не смогли изменить древнего физического облика местных племен и, следовательно, не были достаточно сильными.

Важнейшее значение для разработки проблемы происхождения тоджинских оленеводов и тофаларов имеет этногенетический анализ их родо-племенного состава. В начале XX в. тувинцы-оленоводы были представлены следующими родовыми группами: Демчи, Маады, Кезек-Куулар, Кезек-Маады, Кара-Ба-лыкчп, Чогду, Кара-Чооду, Кара-Соян, Сарыг-Соян, Тоодут, Кара-Тодут, Кыштаг, Хаазут. Некоторые из отмеченных родов тувинцев включают как оленеводческие, так и скотоводческие хозяйства (Вайнштейн, 1961, 37—41).

До недавнего времени считалось, что у тофаларов в конце XIX — начале XX в. было пять родовых групп: Каш, Сарыг-Каш, Чогду и Чептей (Народы Сибири, 1956, 534). Однако в результате экспедиционного изучения удалось установить, что у них вплоть до начала XX в. было не пять, а восемь родовых групп: Кара-Йогду, Чогду, Чептей, Кара-Хаш, Тырк-Хаш, Ирге-Хаш, Тенек-Хаш и Сары-Хаш (этноним «хаш» произносится то-фаларами с долгим «а» — «хааш»), а также ведущая свое происхождение от рода Туулай патронимическая группа того же названия (Вайнштейн, 19686, 60—67)².

Кастрен сообщал о существовании в составе тофаларов рода Богошэ (Castren, 1856, 389—391). Однако во второй половине XIX в. он прекратил свое существование. Мне удалось установить, что от этого рода вела свое происхождение тофаларская фамилия Богучей, последний представитель которой жил еще в начале XX в., а также патронимическая группа Буучей-аалы. Если происхождение части родовых групп выяснить пока не удастся, то относительно генезиса некоторых из них можно говорить более или менее определенно. Обратимся к таковым в составе тоджинских оленеводов.

Название рода тоджинцев «Хаазут» — монгольская форма множественного числа этнонима «хаас», который, в свою очередь, может быть сопоставлен с древним самодийским этнонимом «хаса», сохранившимся среди северосамодийских групп, например: «хасава» — «мужчина» — самоназвание некоторых групп ненцев, энецкое «каса» — «мужчина», употреблявшееся в качестве самоназвания, и др. (Прокофьев, 19406, 69). В русских документах тувинские хаазуты именовались «кайсотскими людьми», а занимавшийся ими район — «Кайсотской землицей» (Долгих, 19606, 260). От названия хаазутов, живших вокруг оз. Косогол, и происходит его название (Хаса-гол). В Тодже, по преданиям, жили в прошлом родственные хаазу-там члены рода Хаш — одного из основных тофаларских родов

79

(Вайнштейн, 19686, 59—63). О пребывании в Тодже рода Кара-Хаш свидетельствует и топонимика: один из правых притоков р. Бий-Хем в таежной части Тоджи носит название Кара-Хаш.

Название восточной Тувы — Тоджа (в местном диалекте произносится как «Тодьу») — может быть сопоставлено с названием племенной группы, известной в русских документах XVII в. под именем точи или точигасы и неоднократно упоминаемой среди населения Саян. Например, точигасы с тубинца-ми, маторцами и могулами в 1634 г. напали на Красноярский острог (Миллер, 1941, 154). В 1636 г. точи упоминаются в русских документах вместе с соянами и другими племенами (Миллер, 1941, 440; ЦГАДА, 53, 214, 467, 468). Название точигасов включает самодийский этноним «каса» (точи-г[к]ас).

К нетюркским, вероятно самодийским по происхождению, следует отнести и тоджинские роды Хойюк, Маады, Кезек-Маа-ды. Хойюк известны, помимо восточных тувинцев, также в составе койбалов под названием Кейек (Кастроен, 1860, 392). По всей вероятности, с этим тоджинским родом связано название «Коетского (Коекова) улуса» «Саянской землицы» в русских документах XVII в. (Долгих, 19606, 257). В Тодже этот род был отмечен Крыжиным в середине XIX в. (Шварц, 1864, 91).

Есть все основания относить к самодийскому по происхождению и род Маады, расселенный, кстати, и в других частях восточной Тувы, вне Тоджи. Еще Кастрен связывал группы Маады с самоедоязычными маторами (Кастрен, 1860, 392, 429), отмечая, что у них сохранилось предание об их происхождении от Матора (Castren, 1857, 360). На связь мааду и маторов обратил внимание еще Г. Миллер (Миллер, 1937, 323). Хотя по правобережью Енисея, к северу от р. Тубы (Упсы), в XVIII в. жили тюркоязычные маады, но в зоне их расселения и поныне сохранилась самодийская топонимика (Дульзон, 1963, 2), быть может, связанная с той же группой до ее тюркизации.

Мнение о самодийском происхождении этнонима «мады» разделяет и В. И. Васильев (Васильев, 1974а, 134 и ел.).

К кетоязычным по происхождению можно отнести роды То-дут, Ак-Тодут и Кара-Тодут. Существование в Тодже родов Ак-Тодут (Акт-Додот) и Кара-Тодут (Кара-Додот) было впервые отмечено Крыжиным, который обратил внимание на то, что Ак-Тодут — скотоводы, а Кара-Тодут — оленеводы (Шварц, 1864, 91). В русских документах XVII в. упоминается Татоков улус (Долгих, 1961, 257), название которого может быть сопоставлено с этнонимом «тодут» (см.: Вайнштейн, 1958, 90—99) и является его искаженной формой. По утверждению Кастрена, род Тот имел в прошлом такой же язык, как и койбальский род Коллёр (Castren, 1856, 360). Отсюда Кастрен, считавший всех койбалов самоедским племенем, делает неправильный вывод о

80

самодийском происхождении рода Тодут. Между тем еще Г. Ф. Миллер в первой половине XVIII в. писал о населении койбальского улуса Коль как о кетоязычном (Потапов, 1957, 37).

Род Тодут издавна населял Тоджу. На северо-востоке Тоджи есть р. Тодут (Додут). Выдвинутую мною ранее точку зрения о том, что род Тодут имеет кетское происхождение, поддержал Б. О. Долгих, полагавший, что тюркизация кетского населения Саян началась с рода Тодут, с чем нельзя не согласиться. Возможно, что кетский род Тодут, уже в древности поселившийся на Саянах, вошел позднее в состав самодийских групп. В этой связи следует указать на существование в составе энцев рода Тедус (Долгих, 1970).

4

Роды Чогду и Кара-Чооду некоторые исследователи относили к самодийским по происхождению. Изучение этого вопроса позволило нам прийти к выводу, что, вероятно, в прошлом этноним «чооду — чогду» был действительно связан с самодийской средой, но его носители в Южной Сибири не позднее начала II тысячелетия н. э. были оторочены, так как этот этноним получил в различных фонетических вариантах значительное распространение в тюркской среде, причем в тех этнических группах, которые утратили связь с ареалом расселения самодийских народов не позднее начала II тысячелетия н. э. (Вайнштейн, 1957).

Значительный интерес представляет вопрос о происхождении родо-племенного объединения Соян (у тувинских оленеводов представлены роды Кара-Соян и Сарыг-Соян). В Тодже и в других районах Тувы имеются также Сояны-скотоводы. Это, несомненно, одно из древнейших племенных образований рассматриваемого района. В свое время, изучая вопрос о происхождении Соянов и используя некоторые их предания, я высказал мнение об их значительной древности (Вайнштейн, 1961, 38), что было поддержано позднее Б. О. Долгих (Долгих, 1970, 243—244), который также уделил большое внимание вопросу о происхождении Соянов.

Сояны вошли в состав многих народов, в том числе тюркских и самодийских (среди последних этноним «соян» представлен у энцев под названием Сойта). Мне приходилось высказывать предположение о том, что Сояны — один из древних тюркских родов. Долгих высказал сомнение в тюркском происхождении соянов. Вместе с тем он был согласен, что этот этноним вряд ли был самодийского происхождения, принадлежа, вероятно, этническому элементу, населявшему Саяны до самодийцев, кетов, тюрков и монголов (Долгих, 1970, 244—245). В. И. Васильев высказал мнение, что этноним Сояны восходит к самодийскому этносу (Васильев, 1974а, 141), но не обосновал его. Вполне возможно, что Сояны являются представителями древнейшего дотюркского субстратного компонента в составе

81

•современных восточных тувинцев. Однако этот вопрос требует дальнейших исследований.

В составе восточных тувинцев имеются и монгольские по происхождению группы. Среди них должен быть отмечен род Урат, который не вошел в состав западных тувинцев. Племя Урат (Урут) встречается у Рашид-ад-Дина в числе древнейших монгольских племен (Рашид-ад-Дин, 1952, 78, примеч. 21). Происхождение рода Урат от монгольского племени — явление, вполне типичное для кочевников, когда остатки или часть племен или народов оказываются включенными в состав других народов, принимая вид родовых групп.

Наконец, восточные тувинцы включают тюркскую по происхождению родо-племенную группу Куулар (род Кезек-Куулар), расселенную также в других районах Тувы, где Куулары занимаются кочевым скотоводством. В Тодже есть скотоводы-охотники из этого рода. Куулар означает «лебеди», «лебединцы». Это один из древнейших тюркских этнонимов Южной Сибири и Центральной Азии, что было впервые обосновано Н. А. Аристовым (Аристов, 1897, 103—106) и поддержано рядом других исследователей, в том числе и автором данной работы (Вайнштейн, 1957, 186).

Перейдем к вопросам происхождения родовых групп тофаларов.

Несомненно, к самодийским по происхождению, включающим характерный для них этноним «хаш» относятся роды: Хаш, Сары-Хаш, Иргэ-Хаш, Тенек-Хаш и род Богошэ. Кастрен считал этот род самодийским (Castren, 1856). Он входил в состав койбалов и камасинцев (Долгих, 1960б). В русских

документах XVII—XVIII вв. этот род упоминается под названием бугачей и богучей. Роды Кара-Йогду и Чогду восходят к общему, вероятно племенному этнониму «Чогду». Как мы уже отмечали выше, есть «снования предполагать, что этот этноним принадлежал к весьма древним самодийским группам, отороченным не позднее начала II тысячелетия н. э. Можно полагать, что в состав тофаларов роды Кара-Йогду и Чогду вошли, уже будучи оторочен-лыми. Они, без сомнения, родственны родам тоджинцев Чогду и Кара-Чооду. Вполне возможно, что племя Чогду входило в конфедерацию туба (дубо) в конце I тысячелетия н. э. и уже в то время было носителем, наряду с племенным этнонимом, и общего имени конфедерации Туба по названию господствующего в нем племени. Тем самым оно занесло этот этноним и в среду тех этнических групп, которые позднее сложились в то-раларскую народность.

Вероятно, именно с родами Чогду и Кара-Йогду была связана тюркизация остальных нетюркских групп, вошедших в состав тофаларов. Таким образом, анализ родо-племенного состава саянских оленеводов указывает на их сложное происхождение-

82

ние, в котором приняли участие тюркские, монгольские, самодийские, кетские группы. Обратимся к письменным источникам. Ко второй половине I тысячелетия н. э. относится ряд свидетельств в китайских хрониках о племенах, населявших Восточные Саяны и Присяя-нье. Из них наибольший интерес вызывают сведения о племени дубо. Есть все основания полагать, что этноним «Дубо» в китайских хрониках является искаженным этническим названием племени «Туба» (Вайнштейн, 19746). Последние сыграли важную роль в этногенезе тувинцев и тофаларов, само название и тех и других восходит к этническому имени «Туба».

Напомним, что самоназвание тувинцев — тыва, тува (тод-жинцев-олленеводов — туга, туха), тофаларов — тофа, тыфа, топ-ха. Этот этноним и его близкие модификации распространены весьма широко и встречаются также у алтайцев, хакасов и других народов, в том числе тунгусских. В связи с этим весьма важно выяснить вопрос о том, кем были в этническом отношении древние туба. Начиная с XVIII в. в научной литературе сложилось мнение, что туба имеют самодийское происхождение. Эта точка зрения и поныне отстаивается некоторыми этнографами (Потапов, 1957, 104—106). Если свести воедино аргументы ее сторонников, то они таковы: этноним «Туба» распространен только у самодийцев либо у тех народов, которые были в прошлом самодийцами; быт племени туба, обрисованный в источниках второй половины I тысячелетия н. э., характерен для самодийских народов.

Н. И. Козьмин высказал предположение о тюркском, а не самодийском происхождении Туба (Козьмин, 1918). Однако его точка зрения долгое время не находила приверженцев. Между тем предпринятый мною историко-этнографический анализ различных видов источников, и прежде всего письменных, позволяет обосновать гипотезу тюркского происхождения древних туба, населявших Саяны в I тысячелетии. Здесь я позволю себе привести основную аргументацию по данному вопросу, имеющему кардинальное значение для разработки проблемы этногенеза саянских оленеводов.

Известно, что туба упоминаются в Тан-шу в главе 217 в разделе об уйгурах как одно их тйелэских (телэских) поколений (Бичурин, 1950, 348), однако в том же источнике в главе 217-6 в разделе о кыргызах о туба говорится как об одном из аймаков тюрк-тугю (Бичурин, 1950, 354). Мне уже приходилось отмечать, что это кажущееся противоречие объясняется тем, что в первом случае речь идет об этнической принадлежности, во втором — о политической (Вайнштейн, 1957, 205). Телэ (тйелэ) было конфедерацией тюркоязычных этнически родственных племен. О том, что племена тйелэ были подчинены тюркам-тугю, есть прямое указание китайских хроник. «Вэньсянтун-као» отмечает, в частности, при характеристике телэ, что среди их пле-

83

мен «на юге от оз. Бэйхай (Байкала.— С. В.) есть дубо и др. Хотя фамилии и роды все различны, в общем называются тйеле. Притом имеются правители и старшины. [Тйеле] подчиняются восточным и западным туюцзюэ (тюркам-тугю.— С. В.)» (Кюннер, 1961, 39). О том, что курыкане (гулигань) — телэское племя, соседи туба, были подчинены тюркам-тугю, сообщает и собственный памятник тюрк — большая надпись в честь Кюль-Теги-на (Малов, 1951, 38). Таким образом, письменные источники не оставляют сомнений в том, что туба были телэским племенем, подчиненным тюркам-тугю.

Нельзя принять и другого возражения, выдвигаемого сторонниками самодийской принадлежности туба, о том, будто бы этот этноним распространен у самодийских народов, в том числе северосамодийских. Северосамодийским народам этноним «туба» вообще неизвестен, что касается южносамодийских по происхождению групп, то он встречается только у тех из них, которые были тюркизированы (Вайнштейн, 1961, 33—35).

Вместе с тем этноним «туба» и его модификации — туха, тума (тумат, тумат), тыва, тофа —

встречаются отнюдь не только среди тех тюркских групп, в этногенезе которых можно предположить участие самодийцев, как, например, тувинцев (тыва), тофаларов (тофа, тына), северных алтайцев, хакасов и тубинцев. Этноним «туба», в особенности его модификация — тума — встречается у широкого круга «алтайских» народов. Достаточно сказать, что этноним «тума» известен, например, узбекам (Грумм-Гржимайло, 1926, 128), якутам, алтайцам (Швецов, 1900), монголам. Знают его и тунгусы (Василевич, 1969б, 280).

Неосновательно и возражение, что быт туба, обрисованный в китайских хрониках, характерен лишь для самодийских охотни-чье-оленоводческих таежных племен, а не для тюрков. Рисуя быт туба в I тысячелетии н. э., китайские хроники отмечают, что у них богатые дарилы коней на свадьбах, что «у них много хороших лошадей» (Бичурин, 1950, 348, 354). Это обстоятельство игнорируют сторонники самодийской принадлежности туба. Между тем коневодство — важный хозяйственно-культурный признак, отличавший быт коневодов от таежных самодийских охотничье-звероловческих племен в Саянах, которые во второй половине I тысячелетия уже были знакомы с оленеводством (вьючным), но не знали коневодства (Вайнштейн, 1970а).

Нам уже приходилось отмечать, что продвинувшиеся в тайгу племена коневодов не могли в новых условиях сохранить свой традиционный быт степных кочевников и должны были приспособить его к иным условиям. Хорошо известно, что имело место продвижение тюркских степных племен в тайгу. Так, часть лесных народов, обитавших в VIII—XI вв. в низовьях Селенги, по берегам Байкала, на Ангаре и, вероятно, на верхней Лене, была, вероятно, потомками тюркоязычных курыканов (Окладников,

84

1955б, 310). Новая природная среда меняла привычные условия быта (хозяйственно-культурный тип и этнос — понятия отнюдь не тождественные).

Подобные изменения засвидетельствованы письменными источниками и по отношению к уйгурским племенам. Абу-л-Гази сообщает в «Родословном древе тюрков», что одно из «колен» уйгуров, ушедшее в лесные районы Иртыша, вело таежный образ жизни: они не разводили скота, питались за счет охоты и рыбной ловли, одевались в шкуры диких животных (Радлов, 1893, 53). В новых условиях переселенцы сумели сохранить лишь отдельные черты прежнего хозяйства и быта, в частности коневодство и свой язык.

Письменные источники XIII в. также упоминают туба. Так, «Сокровенное сказание», перечисляя «лесные народы», покоренные монгольским полководцем Чжочи в 1207 г. по пути к кыр-гызам, называют тубасов (Сокровенное сказание, § 239). Соседями кыргызов в Саянах за несколько столетий, до этих событий китайские хроники называли племя туба (дубо). «Тубас» «Сокровенного сказания» является монгольской передачей этнонима -«туба» (окончание-с — показатель множественности). В «Сборнике летописей» Рашид-ад-Дина имеется ценнейшее описание быта лесных урянкотов (Рашид-ад-Дин, 1952, 124) — народа, который, как мы полагаем, населял Саяны и носил имя туба (см.: Вайнштейн, 1961, 30—31). Очевидно, лесными урянкатами персидский историк назвал этот народ из-за их этнической связи со степными урянкатами, которые судя по его описанию, были тюрко-кыязычны и этнически близки уйгурам (см.: Вайнштейн, 1961, 30-31).

Из этого же источника можно сделать вывод, что туба (лесные урянкаты) к монгольскому времени еще более приспособились к условиям жизни в горной тайге, освоив вьючное оленеводство и доение оленей (Рашид-ад-Дин, 1952, 124). Что касается языка, то они были, несомненно, тюркоязычны: Рашид-ад-Дин приводит их тюркские названия для чума — «аладжуг» и бересты — «тоз» (Рашид-ад-Дин, 1858, 91).

Однако население этого района в конце первого — начале второго тысячелетия н. э. включало не только тюрков. Оно было исходя из изложенного выше весьма сложным в этническом отношении. Это подтверждается и анализом письменных источников. Наряду с тюркоязычными здесь тогда жили самодийские, кетские, а возможно, и тунгусские группы. Письменные источники сообщают, что здесь в конце I тысячелетия наряду с туба (дубо) жили племена милигэ и эчжы, подчиненные тюркам-тугю (Бичурин, 1950, 354). По-видимому, милигэ могут быть сопоставлены с кетоязычным родом Мангалиев, жившем в XVII в. в Восточных Саянах (Долгих, 1953, 41). Соседями туба (тубасов) «Сокровенное сказание» называет племя ханхасов (Сокровенное сказание, § 239). В названии при-

85

сутствует самодийский этноним «хас» (хаш). Согласно Юань-ши (XIII в.), в Западных Саянах по р. Ус обитали усы (Кычанов, 1963, 59—61; Hambis, 1957, 25—30), наименованные так по названию

реки. Они разводили крупный и мелкий рогатый скот (вероятно, в небольшом количестве) и почитали воду реки, откуда вели происхождение своего родоначальника. Невольно напрашивается сопоставление этого мифологического сюжета с подобным у некоторых кетских групп, у которых представление о происхождении из воды родоначальников засвидетельствовано этнографическими материалами³.

Наконец, у истока Енисея, в котловине, окруженной со всех сторон горами, откуда есть только два прохода (нынешняя Тод-жа), жили ханьхэна. Быт ханьхэна, подробно описанный в Юань-ши, сходен до деталей с описанием быта лесных урянкотов (по Рашид-ад-Дину). Ханьхэна, свидетельствует Юань-ши, жили в берестяных чумах и юртах; имели мало домашнего скота; грузы выюком перевозили на оленях; доили оленей; пользовались лыжами; охотились; важную роль играло собирательство. Обращает на себя внимание созвучие названий лесных народов хаб-ханасов и ханхасов, упомянутых в «Сокровенном сказании» вместе с тубасами, и ханьхэна в Юань-ши. Что касается ханхасов «Сокровенного сказания», то они могут быть сопоставлены с самодийским Кангатским (Хаш) родом, населявшим Саяны и вошедшим в состав тофаларов (Долгих, 1961; Вайнштейн, 19746). Итак, историко-этнографический анализ письменных источников позволяет сделать вывод, что тюркоязычные туба, этнически близкие уйгурам, проникнув на территорию Саян еще в I тысячелетии н. э., оказались в чуждой им, главным образом самодийской и кетоязычной, этнической среде и постепенно приспосабливали свой быт и хозяйство к новым условиям.

Наш вывод о том, что тюркоязычные туба еще в древности поселились в Саянах, что, став в новых условиях «лесным народом», они постепенно смешались с другими «лесными народами» и отюречили их, подтверждается также рассмотренными выше лингвистическими материалами. Как мы отмечали, в языке тофаларов, как и в диалекте ту-винцев-тоджинцев, сохранилось особенно много древнетюркских языковых форм. Это обстоятельство связано с тем, что тюркоязычное население проникло в Саяны не в последние столетия, а в ту эпоху своей языковой истории, которая засвидетельствована орхоно-енисейскими памятниками.

Изложенное выше позволяет прийти к выводу, что формирование этноса и традиционной культуры тувинских охотников-оленьеводов и тофаларов прошло весьма длительный и сложный путь, отражающий этнические процессы, протекавшие в Саянской горной стране. Общность части родовых групп тувинцев-оленьеводов и тофаларов, единство антропологического типа тех и других позволяют утверждать бесспорность их этнического родства.

86

Заключая главу, отметим, что ныне традиционно-бытовая культура тувинцев-оленьеводов и тофаларов не имеет существенных различий и может рассматриваться как тоджинско-тофалар-ская охотничье-оленьеводческая культура. Ее общность явилась следствием весьма длительного обитания предков тофаларов и тувинцев-оленьеводов в сходной экологической среде, единства хозяйственно-культурного типа тех и других, их длительного и тесного взаимодействия (семейно-брачные связи, обмен и др.), этнического родства. Формирование общей тоджинско-тофалар-ской охотничье-оленьеводческой культуры завершилось не позднее конца XVII — начала XVIII в. В происхождении тувинцев-оленьеводов и тофаларов может быть предложена следующая схема. Продвинувшиеся, возможно еще в неолите, в таежную зону Саян «уральские» (скорее всего протосамодийские) племена смешались здесь с аборигенами дан-ного региона — носителями катангского (байкальского) антропологического типа. Последние, по-видимому, были протоэвенками⁴. У них пришельцы заимствовали определенные культурные достижения, выработанные аборигенами в таежной зоне, в частности берестяной чум (к нему восходит чум саянских оленьеводов и эвенков); конический сосуд из бересты типа «соо»; распашную, первоначально, вероятно, меховую одежду енисейского типа с нагрудником; лыжи-голицы «хаак» и некоторые другие элементы материальной культуры, сохранившиеся у саянских оленьеводов и имеющие генетическую связь с культурой эвенков.

Позднее, очевидно, в конце I тысячелетия до н. э. в этот район продвинулись самодийские группы, знакомые со скотоводством, в среде которых в таежной зоне происходит на рубеже н. э. domestикация оленя. Самодийские компоненты в этногенезе саянских оленьеводов и самодийская топонимика в зоне их расселения восходят, по всей вероятности, именно к этим древним племенам. Следующая этническая волна была связана с кетоязычными группами, проникшими в саянскую тайгу не ниже середины I тысячелетия н. э. Скорее всего движение кетоязычных племен в этот район началось еще на рубеже н. э., т. е. в период хуннус-ской экспансии в Центральной Азии и Южной Сибири (весьма вероятно, что кеты входили в состав хунну). Кетские

компоненты прослеживаются в родовом составе восточных тувинцев-оленьеводов, а в языке саянских оленеводов (в лексике и фонетике) обнаруживаются кетские воздействия. О пребывании кетских трупп на территории нынешнего расселения саянских оленеводов убедительно свидетельствует и топонимика.

Третьей мощной этнической волной было продвижение в Саяны тюркских племен туба, входивших в конфедерацию «теле» и этнически близких уйгурам. Произошло это в древнетюркское время, по-видимому, в начале второй половины I тысячелетия. Наиболее вероятно, что первыми были тюркизированы кетские группы и лишь позднее самодийские. Этим, вероятно, объясняется

8»

специфика тофаларской фонетики, состоящей в своеобразном переплетении древнетюркских (огузских) черт с кетскими.

В XIII в. в Саяны проникли и монгольские группы (к ним можно отнести родовую группу Урат в составе тувинцев-оленьеводов), но они были сравнительно быстро растворены в тюркской среде. Сложение тофаларов в отдельный народ с общим тюркским языком и общим самоназванием «тофа», «тына» произошло, видимо, лишь к середине XIX в. Во всяком случае в конце XVII в. они не представляли какого-либо единства, образуя самостоятельные роды, и еще во второй половине XVIII в. отдельные тофаларские роды пользовались самодийским языком.

Племена охотников-оленьеводов Тоджи и скотоводов горностепных районов Тувы окончательно сложились в одну тувинскую народность не позднее середины XIX в. Для этого времени есть все основания говорить о завершении сложения тувинской народности с общим языком и самоназванием «тыва». Но и в условиях одной тувинской народности у тувинцев-оленьеводов в определенной мере сохранился свой, «таежный», говор тоджинского диалекта тувинского языка.

¹ Сыынчюрские погребения в Тодже содержат костяки, скорченные на боку и ориентированные на запад, что, с одной стороны, отличает их от характерного для сыынчюрцев обряда погребения в вытянутом положении, с другой — указывает на сохранение здесь традиций казылганцев.

² По мнению исследователя тофаларского языка В. И. Рассадина, для выделения родов Тырк-Хаш и Тенек-Хаш нет оснований, так как «Тырк-хаш» этимологизируется тофаларами как «хаш, страдающие запором», и этим названием они дразнили членов одного из подразделений рода Хаш, а Тенек-Хаш означало «глупый Хаш», причем этим названием дразнили членов другого подразделения (патронимии) рода Хаш из-за их «тугодумств-ва» (Рассадин, 1976, 116). Не отрицая желательности дополнительного изучения этого вопроса* спешу же считать, что в данном случае, вероятно, имеет место позднейшая народная этимология старых родовых этнонимов с нередким в таких случаях их искажением — явление, зафиксированное у ряда народов Сибири. Попутно замечу, что А. Кастрен отметил существование рода Тарак у товаларов еще в середине XIX в. (Кастрен, 1860, 429) и есть основания считать, что современный этноним Тырк, или Ты-рык, восходит к нему.

³ Кетоязычные жители Улеготского улуса, располагавшегося на северных склонах Саян, вели происхождение своего предка из воды; такие же представления были зафиксированы в кетском роде Олгит на Елогуе (данные Б. О. Долгих).

⁴ Во всяком случае, можно утверждать, что это аборигенное население вошло в состав позднейших западных эвенков, определив их антропологический тип, повлияв на их лексику и культуру. Наличие общего субстратного элемента у западных эвенков и саянских оленеводов представляется мне бесспорным.

Глава пятая

К ПРОБЛЕМЕ ЭТНОГЕНЕЗА ОБСКИХ УГРОВ И СЕЛЬКУПОВ

Рассматривая в данной главе обских угров (хантов и манси) вместе с селькупам, мы исходим из целого ряда обстоятельств: их территориальной близости, большого сходства в культуре и обусловленного этим сходства в названии (остяки и остяко-само-еды). Как известно, они принадлежат к одной историко-этнографической зоне и к одному хозяйственно-культурному типу. Нельзя не отметить и неразрывной связи археологических, антропологических и лингвистических данных, относящихся к территории их современного расселения.

Со времени выхода в свет статьи В. Н. Чернецова «Очерк этногенеза обских угров» прошло более 30 лет, но эта проблема до сих пор вызывает споры среди ученых. А. К. Матвеев в одной из работ справедливо заметил: «Думается, что попытки создания теории происхождения угорских племен следует считать преждевременными до тех пор, пока не будут опубликованы исчерпывающие труды по отдельным областям исследований» (Матвеев, 1968, 136). Это в полной мере относится и к селькупам, проблему этногенеза которых, несмотря на вышедшую работу Г. И. Пелих (Пелих, 19726), еще нельзя считать решенной.

Объясняется это тем, что мы пока не имеем выполненных с достаточной полнотой обобщающих исследований ни по этнографии, ни по антропологии, ни по этнолингвистике обских угров и селькупов. Антропологические и археологические исследования находятся еще в стадии накопления материалов, так как до недавних пор территория Западной Сибири в этом отношении была изучена слабо. Об этнографическом изучении обских угров и селькупов этого сказать нельзя, тем более, что

чем далее, тем меньше остается материалов по традиционной культуре этих народов. Хотя еще и возможно накопление новых материалов по исторической этнографии, тем не менее основной фонд их уже собран. Но у нас еще мало исследований по материальной и духовной культуре обских угров и селькупов, выполненных в широком плане, особенно в аспекте этногенетических проблем. И тем не менее, обращаясь к проблеме этногенеза этих народов, мы ставим перед собой задачу осмысления некоторых этнографических материалов в свете имеющихся археологических, лингвистических и антропологических данных и существующих точек зрения на этногонию обских угров и селькупов.

Исследуя этнографию обских угров, мы сталкиваемся со сложнейшей проблемой дифференциации культуры хантов и манси. В самом деле, несмотря на их четкое разграничение по языку и

89

самосознанию, по культуре разделить их чрезвычайно трудно. В их культуре действительно много общего. Чем это объяснить? Их весьма близким родством или тем, что они со временем в значительной степени перемешались? А возможно, и тем и другим? И всегда ли в их культуре было так много общего? Большое сходство и единообразие их культуры может быть, на наш взгляд, объяснено общим субстратом — уральской основой, замедленным по сравнению с лесостепными и степными районами развитием в условиях сходной природно-климатической среды и наличием единого хозяйственно-культурного типа. Последующая нивелировка культуры предков хантов и манси объясняется слиянием их с пришлым южным угорским населением, а позднее — особенностью этнической истории, когда их различные группы перемешивались в процессе миграций.

Селькупы в настоящее время состоят из двух этнографических групп — северных (тазовско-туруханских) и южных, или нарым-ских. Северная группа сложилась в XVII в. в результате переселения на р. Таз и притоки Енисея — Курейки и Турухан — тым-ских и караконских селькупов (Прокофьева, 1950, 37; «Народы Сибири», 1956, 665, Долгих, 1960а, 82—84). С течением времени эта группа приобрела значительные отличия от южных селькупов (оленоводческий характер хозяйства, культуры и быта, более длительное сохранение некоторых архаичных элементов культуры — следов бывшего родового и фратриального деления, тотемизма и др.) и превратилась в особую этнографическую группу.

Тем не менее исследователи, описывая селькупов, считают их происхождение и культуру едиными («Народы Сибири», 1956; Прокофьев, 19406; Прокофьева, 1950, 1952; Пелих, 1972а, б). И хотя в течение почти трех столетий развитие северных и южных селькупов проходило «изолированно друг от друга», Г. И. Пелих, например, занимаясь проблемой этногенеза селькупов, отметила «наличие в их культуре (северных селькупов.— 3. С.) тех же самых компонентов, что и у южной группы» (Пелих, 1972а, 30). В связи с этим мы также будем рассматривать проблему этногенеза селькупов в целом. Вопрос о происхождении селькупов представляется нам достаточно сложным в силу того, что на территории современного расселения селькупов в прошлом происходили весьма интенсивные и значительные этнические процессы.

Нам хотелось бы отметить несколько вопросов, связанных с происхождением как хантов, так и селькупов. Во-первых, интересно происхождение термина «остяко-самоеды». М. А. Кастрен называл селькупов томскими самоедами, их язык — остяко-само-едским; он исходил из определенного сходства языков двух народов — хантов и селькупов. Без сомнения, сходство обнаруживается и в культуре этих двух народов, что было отмечено еще И. Г. Георги (1776, 77), а затем и другими исследователями (см. например, работы Н. В. Лукиной, 1972а, 87-91; 1972б, 21; 1972в, 17).

90

Г. И. Пелих объясняет это тем, что в состав тех и других в прошлом вошли некоторые общие этнические элементы (Пелих, 1972б, 259—314). Сходство в культуре селькупов и восточных хантов было настолько велико, что раньше нарымских селькупов русские называли, так же как и хантов, остяками («Народы Сибири», 1956, 665).

Вторая характерная особенность селькупов и обских угров состоит в неоднократно подчеркиваемой исследователями «высокой степени традиционной устойчивости ряда элементов их духовной и материальной культуры» (Пелих, 1972а, 11). М. Ф. Косарев указывал на «длительное переживание в нарымском Приобье неолитических традиций» (Косарев, 1964, 71). А. П. Ду-льзон, описывая погребальный обряд Томского неолитического могильника III тысячелетия до н. э., подчеркнул, что этот погребальный обычай «сохранился в районе Средней Оби до XVII в. н. э.» (Дульзон, 1958, 324). Вероятно, этой устойчивостью культуры объясняется наличие даже в современной селькупской культуре элементов, позволивших Г. И. Пелих выделить в ней пять компонентов, которые она относит к различным этносам. Эта устойчивость культуры была свойственна не только селькупам, но и другим народам, проживающим в таежно-болотистой, разрезанной многочисленными притоками зоне Западной Сибири, в частности хантам и манси. Еще В. Н. Чернецов отметил очень малую изменчивость и необыкновенную устойчивость форм предметов материальной культуры на

протяжении тысячелетий (форм орудий труда, сосудов, их орнаментации) у племен, населявших Обь-Иртышье, Урал и Прикамье (Чернецов, 1957, 136—137).

В указанной выше работе В. Н. Чернецов (1941) высказал гипотезу о происхождении обских угров, которую он развивал в течение последующих трех десятилетий, привлекая для ее подкрепления новые археологические, лингвистические, фольклорные и этнографические данные. При обосновании данной гипотезы он опирался на два основных положения: 1) наличие ярко выраженной двухкомпонентности в культуре обских угров: с одной стороны, ее северный, таежный характер, обусловленный многовековой приспособленностью к местным природным условиям (тип хозяйства и соответствующая материальная культура), а с другой стороны, — элементы южного характера в этой северной культуре (роль коня в фольклоре и религии, элементы скифо-сарматской культуры в археологических памятниках этой территории, большая вероятность южного происхождения угорских — хантыйского, мансийского и венгерского — языков, связанных, по всей видимости, с кочевыми коневодческими южными племенами); 2) большой интерес с точки зрения этногенеза обских угров представляла высказанная за год до появления работы В. Н. Чернецова гипотеза Г. Н. Прокофьева (Прокофьев, 1940б) о связи аборигенного населения Западной Сибири с палео-

91

азиатами северо-востока Сибири. Она укрепляла позиции В. Н. Чернецова в отношении аборигенного пласта обско-угорского населения, а также отчасти объясняла сходство в культуре обских угров и селькупов.

Г. Н. Прокофьев выявил автохтонный компонент, который наряду с пришлым, собственно самодийским, лег в основу северосамодийской народности, в том числе и селькупов. Этот компонент, или западный пласт, кум, куп (по терминологии Г. Н. Прокофьева), лег в основу как селькупов, так и хантов и манси в отличие от восточного, тоже аборигенного пласта, тьян, дьян, легшего в основу ненцев, нганасан и других народов северо-востока Азии (Прокофьев, 1940б, 68—70). Аборигенное население занималось охотой и рыболовством, жило в землянках карамо, выделявало глиняную посуду (Прокофьев, 1947, 202; «Народы Сибири», 1956, 666-667).

Археологические исследования на территории современного расселения селькупов по существу были начаты лишь сравнительно недавно. В. Н. Чернецов специально не занимался изучением археологических памятников на данной территории, но он отмечал единство культуры населения Западной Сибири в эпоху мезолита и неолита (VI—IV—III тысячелетия до н. э.), связывая его с уральской языковой семьей.

На основе крайне скудных данных В. Н. Чернецов построил свою гипотезу происхождения обских угров и отчасти селькупов, которая заключалась в следующем. В основе обско-угорского населения (как самодийского, так и селькупского) лежала неолитическая культура аборигенного населения Западной Сибири, которое впоследствии В. Н. Чернецов связал с населением уральской языковой семьи, субстратным уральским пластом (Чернецов, 1963). В I тысячелетии до н. э. на территорию Северо-Западной Сибири пришли новые племена «с традициями скифо-сарматской культуры», которые были, по мнению В. Н. Чернецова, связаны с уграми, племенем сабиров-себеров, или сабир-угров.

«Появление в Приобье этого нового этнического элемента и последующее скрещение его с аборигенным населением привело к возникновению современных вогул и остяков» (Чернецов, 1941, 24). Процесс слияния этих этнических элементов и складывания обско-угорских этносов длился, по его мнению, до середины I тысячелетия н. э., когда в основном сложились обско-угорские племена (Чернецов, 1941, 26; 1946, 3). К концу I тысячелетия н. э. с востока и юго-востока в Северо-Западную Сибирь пришли самодийские племена, ассимилировавшие аборигенные арктические племена и отчасти северные группы обских угров, которые восприняли элементы их культуры, в том числе оленеводство (Чернецов, 1941, 28). Этот процесс взаимодействия с самодийцами продолжался и в первые века II тысячелетия н. э., а на Крайнем Севере — вплоть до XVII в. (приморская культура).

92

Происхождение селькупов в этой работе В. Н. Чернецов связывал с появлением в I тысячелетии н. э. в междуречье Оби и Енисея, на территории Нарымского края, самодийской этнической волны, в результате соприкосновения которой с местным обско-угорским и кетским населением сформировались селькупы. Этим, по его мнению, можно объяснить кетские и угорские черты в селькупской культуре (Чернецов, 1941, 27).

Концепция В. Н. Чернецова, касающаяся этногенеза обских угров, сложилась в годы, когда археологическое изучение Западной Сибири еще только начиналось. Поэтому на целый ряд вопросов в то время нельзя было ответить. За последние 20 лет на территории Верхнего и Среднего Приобья, Прииртышья, Зауралья и Прикамья были проведены большие археологические исследования, получены обширные новые материалы. Однако проблема происхождения обских угров от этого не стала яснее, а, пожалуй, еще более усложнилась. Это связано в первую очередь с трудностями

этнической интерпретации археологических культур и сводится к спорам между различными исследователями о том, какие именно культуры можно считать угорскими, самодийскими или кетскими. Мнения по этому вопросу, как мы увидим далее, самые противоречивые и взаимоисключающие. Бесспорным является то, что культура обских угров двухкомпонентна и возникла в результате смешения древнего уральского населения аборигенного охотничье-рыболовецкого облика с пришлым южным скотоводческим угорским населением (см. сводку: Могильников, 1973а, 177). Южное происхождение угров никем не отрицается.

Споры у исследователей вызывает проблема места и времени формирования угорского населения. Этот вопрос тесно связан с проблемой происхождения самодийцев, определения времени и территории их расселения до ухода на север, характера их взаимодействий с аборигенным населением Западной Сибири.

К точке зрения В. Н. Чернецова, считающего население западносибирской лесостепи эпохи раннего железа (Гороховская и Саргатская культуры — вторая половина I тысячелетия до н. э.) древнеугорским, присоединяется В. А. Могильников (Могильников, 1964, 1968а, 1969а, 1969б, 1970, 1973а). Основываясь на положениях В. Н. Чернецова и В. И. Мошинской о древнехантыйском характере Усть-Полуйской культуры, В. А. Могильников показал, что она легла в основу северной группы хантов, тогда как южная группа хантов сложилась на базе слияния лесного населения с племенами южной Саргатской культуры. Памятники IX — начала XIII в. лесного Прииртышья он считает угорскими, южнохантыйскими (Могильников, 1968а, 291). Памятники Туринского района (IX—XIII вв.), по его мнению, принадлежат мансийскому населению. Самодийское население, полагает В. А. Могильников, формируется не в европейской части страны и не на Алтае-Саянском нагорье, а в Среднем и Верхнем При-

93

обье (Болыпереченская и Кулайская культуры) в I тысячелетии до н. э.

В. А. Могильников прародину самодийцев находит в Среднем и Верхнем Приобье. Самоеды, по его мнению, составляли и этническое ядро Кулайской культуры. Лишь под давлением тюрков в VII—IX вв. самоеды начинают переселяться на север, в тайгу и тундру, а также на территорию Алтае-Саянского нагорья, некоторые группы — на запад, в лесостепь, часть самодийцев была тюркизирована (Могильников, 1964, 303; 1969а, 180; 1970, 184; 1973а, 181—184). В то же время прииртышские памятники он связывает с угорским этносом (Могильников, 1964, 8, 12). К концу I тысячелетия н. э., по данным В. А. Могильникова, оформляются четко дифференцированные этнические группы — предки хантов (Обь-Иртышье), манси (Зауралье), южных самодийских групп Саяно-Алтая и селькупов нарымского Приобья (Могильников, 1964, 8, 12-13, 17-18; 1968б, 303-306; 1974).

В. Д. Викторова, изучавшая археологические памятники лесного Зауралья (бассейны Туры и Тавды с Лозьвой) X—XIII вв., пришла к выводу, что они были оставлены мансийским населением (Викторова, 1968, 252—256).

Угорской по этническому составу считают археологи и Сыл-венскую культуру X—XV вв. (бассейн р. Сылвы, притока р. Чу-совой), территория которой распространялась и на Средний Урал (верхнее течение Чусовой, Пышмы, Исети), и предшествующие ей памятники этого района III—VIII вв. (Викторова, Генинг, Стоянов, 1964, 195—196; Оборин, 1968, 43; Голдина, 1968, 97—98). Оснований для этого еще очень немного: исторические свидетельства о проживании здесь «остяков», резная орнаментация керамики и некоторые элементы погребального обряда и инвентаря.

Исследуя археологические культуры Верхнего Приобья, М. П. Грязнов на основании большого сходства вещей верхнеобских и усть-полуйских памятников предложил датировать усть-полуйскую культуру более поздним периодом (VII—VIII вв. н. э.), а на основании сходства памятников этих двух регионов он счел возможным определить Верхнеобскую культуру как древнеугорскую: «Верхнеобские племена... по своему этнографическому облику полностью принадлежат к группе угорских племен Западной Сибири» (Грязнов, 1951, 112; 1952, 97).

Л. Р. Кызласов, проводя аналогии между позднетагарскими и раннеташтыкскими материалами и современной культурой хантов, считает, что это сходство не может быть объяснено простыми связями западносибирских лесных культур, легших в основу культуры обских угров, с тагаро-таштыкскими. Он констатирует «вхождение как основного компонента в состав формирующихся хантов тагарского и раннеташтыкского населения», которое сопоставляет, в свою очередь, с динлинами китайских источников (Кызласов, 1960, 78, 166-177).

94

Однако большинство выявленных Л. Р. Кызласовым таш-тыкско-хантыйских аналогий свойственно многим народам Сибири, особенно Западной (обские угры, селькупы, ненцы, кеты); объяснить это можно, во-первых, общим уральским субстратом, во-вторых, тем что в сложении народов Западной Сибири в Саяно-Алтае принимали участие различные этнические компоненты, общие для многих народов этого региона. Тагаро-таштыкская культура была свойственна, по всей видимости, не одному,

а целому конгломерату этнических общностей различного происхождения с различными языками. Так, если бы сейчас мы изучали методом археологических раскопок культуры некоторых восточных хантов и селькупов, мы могли бы принять их за один народ. Поэтому нельзя прямо отождествлять таштыкцев и хантов.

Распространение предметов Татарской культуры (оружия, форм посуды, украшений) в Верхнем, Среднем и Нижнем Приобье (В. Н. Чернецов, 1953б, с. 241; Л. Р. Кызласов, 1960, с. 171 — 174) свидетельствует о тесных обменных связях этого населения с алтае-саянским, о возможных миграциях этого населения с юга на север и запад, а также с севера на юг (Косарев, 1974, с. 121-122).

Так обстоит дело с теориями верхнеобской и алтае-саянской прародин угорских и самодийских народов.

М. Ф. Косарев, рассматривая два этнокультурных ареала — западный (зауральский, или тоболо-иртышский) и восточный (самусьско-нарымский, или томско-нарьтмский), сложившиеся и развивавшиеся, по его мнению, параллельно в эпоху неолита и бронзы (III—II тысячелетия до н. э.), отмечая их отличия уже в позднем неолите, для которого он выделяет три культурные общности: 1) в Восточном Зауралье — представленная керамикой с гребенчатой орнаментацией; 2) в таежных районах Приобья — культуры с керамикой, орнаментированной гребенчато-ямочным штампом; 3) на Верхней Оби и в Томско-Нарымском Приобье — Самусьская, с сохранением тенденций ранне неолитических культур Западной Сибири и Приуралья (керамика с орнаментом в виде волнистых, прочерченных линий, псевдоплетенки, взаимопроникающих треугольников). Если этническую общность Восточного Зауралья автор связывает с древними самодийцами, андро-новцев-федоровцев — с уграми, а в самусьцах, с одной стороны, видит население, принявшее «участие в формировании древне-угорской этнической ветви» (Косарев, 1974, с. 155), а с другой стороны, связывает их с предками кетов (Там же, с. 158), то этническая принадлежность населения таежного Приобья остается невыясненной. Можно было предположить, что это культуры недифференцированного уральского субстратного пласта, однако локализация указанным автором самодийцев к западу от Урала препятствует такой точке зрения. Такова в целом картина этногенеза обских угров и селькупов, которую можно представить себе по археологическим данным.

95

Итак, проблема происхождения обских угров и селькупов представляется чрезвычайно сложной. Отметим, что большинство исследователей видят в древнем населении Западной Сибири, севера Казахстана и Алтае-Саянского нагорья уральцев. Значительная часть ученых склонна считать древнехантыйской усть-полуй-скую культуру, а древнеселькупской — кулайскую, обе они относятся к эпохе раннего железа. Вопрос об этническом составе населения нарымского Приобья в прошлом весьма сложен. Одни видят в нем кетов, другие — угров, третьи — самодийцев. Неясен вопрос и об этническом составе населения эпохи бронзы и раннего железа южной части территории Западной Сибири, ее лесостепной и степной зон. Нет еще и полной ясности в датировках различных археологических культур этого региона, связываемых теми или иными исследователями с определенными этносами.

Таким образом, происхождение угорских племен различные исследователи связывают с разными территориями: Приуральем, Южным Зауральем, югом Западной Сибири, Алтае-Саянами, Средним или Верхним Приобьем, Енисеем. Проблема происхождения угров теснейшим образом связана с вопросами этногенеза самодийских племен (проблема прародин самодийских племен, определения времени их миграции на север, характер взаимоотношений в древности), тем более, что нередко одни и те же археологические культуры Западной Сибири (верхнеобская, таштыкская, саргатская, гороховская, потчевашская, усть-полуй-ская) одними исследованиями трактуются как угорские, другими — как самодийские. Контакты этих двух этнических волн были настолько, очевидно, тесными и давними, что в некоторых районах эти этнические группы смешались, а в других позаимствовали многие элементы культуры друг у друга. Именно поэтому, вероятно, так сложно этнически привязать некоторые археологические культуры, а также решить, что в культуре обских угров заимствовано от ненцев и наоборот.

Переходя к этнографическим материалам, следует отметить отсутствие этнографических работ по этногенезу обских угров.

На основе анализа этнографических материалов решает вопрос о происхождении селькупов и отчасти восточных хантов Г. И. Пелих (Пелих, 1972а; 1972б). Эта работа представляет интерес, но два методических приема, которыми пользуется автор, заставляют с большой осторожностью пользоваться ее выводами. Во-первых, Г. И. Пелих не раскрывает в достаточной степени свои полевые материалы. Это вытекает как из композиции работы, так и из характера и качества иллюстративного материала, к тому же искаженного. Ее материалами трудно пользоваться. Во-

вторых, автор не разделяет этнографических, археологических и фольклорных материалов. Археологические данные, еще нуждающиеся в этнической и хронологической интерпретации, **96**

приводятся ею как бесспорно селькупские. То же самое можно сказать и о фольклорных данных. Сам метод выделения этнических комплексов, примененный автором в данном исследовании, по существу не раскрыт и не убедителен.

К чему же приходит Г. И. Пелих в своей работе? Она выявляет в селькупской культуре пять этнических комплексов, которые называет А, Б, В, Г, Д (Пелих, 19726, 107—108). Но приходится констатировать, что эта культура существует сама по себе, поскольку ни к какому определенному хронологическому периоду ее привязать нельзя: здесь фигурируют этнографические данные, собранные в поле в XX в., сведения из литературы, фольклорные материалы и, наконец, археологические материалы разных периодов. В другой работе она выделяет шесть компонентов или комплексов культурных черт, которые названы терминами, заимствованными из фольклора: киенкум, квеликуп, мадеткуп, теле, йаланы и касакуп (Пелих, 1972а, 13—17).

Эти же этнические компоненты обнаружены Г. И. Пелих у шорцев (киенкум, теле, йалан), томских карагасов (теле и йалан), кетов (киенкум, теле, йалан), хантов (квеликуп, мадеткуп, теле, йалан, киенкум).

К сожалению, остаются неясными сама механика и методика выделения этих этнических компонентов, в этом приходится верить автору исследования на слово. Поэтому, хотя в целом выводы Г. И. Пелих не противоречат археологическим и антропологическим материалам, из-за методологической неясности мы не можем принимать ее выводы безоговорочно. Неясно, например, почему те или иные типы жилища (срубная полуземлянка, землянки из двух камер и др.), лодок, лыж, типы захоронений и т. п. составляют тот или иной этнический комплекс.

Большой интерес представляет раздел «К вопросу о многокомпонентное™ хантыйского этноса», посвященный происхождению хантов, в монографии Г. И. Пелих (19726, 258—315). Г. И. Пелих обнаруживает у хантов пять из шести этнических комплексов, свойственных селькупам, нет у них только компонента, который она связывает с самодийцами (Пелих, 1972а; 19726). Многое в ее данных спорно и опирается на единичные, возможно, случайные факты, нередко, быть может, свойственные вовсе и не хантам, а заимствованные ими у других народов (в том числе у селькупов), либо эти материалы относятся к области фольклора и очень широко истолкованы или были характерны лишь для отдельных групп хантов (сидячие захоронения, захоронения в вертикальных стволах деревьев и дуплах, жилые свайные постройки, тип долбленной лодки с высоким носом и выступом на конце). Религия, погребальный культ хантов описаны и исследованы еще далеко не полно (как, впрочем, и другие элементы материальной и духовной культуры), поэтому на основе имеющихся описаний не всегда можно делать обобщающие выводы о распространенности того или иного явления.

Заказ Л1 2222

97

Соединение тех или иных элементов в один комплекс, на наш взгляд, искусственно. Странно также и то, что в культуре хан-тов Г. И. Пелих не обнаружила никаких элементов, свойственных самодийскому этническому комплексу, ведь их соседство так близко и связи такие давние.

В целом, выявленные Г. И. Пелих компоненты селькупской и хантыйской культур свидетельствуют о взаимодействии в прошлом различных культурных и этнических волн (палеосибирской, самодийской, южной среднеазиатской, угорской), благодаря которому и сложились селькупы как этнос. Миграции палеолитического населения из Прибайкалья, с одной стороны, в Западную Сибирь, а с другой — в Приамурье и на северо-восток Азии (в чем, как будто, археологи не сомневаются) могли обусловить некоторое сходство отдельных элементов селькупской культуры с элементами культуры прибайкальского неолита, народов Приамурья и северо-востока Азии (субстратные явления самого раннего этапа этногенеза народов Сибири). Общая уральская основа селькупского, обско-угорского и, возможно, кетского этносов обусловила наличие и сходство элементов их культуры, выраженных Г. И. Пелих в сходстве пяти комплексов селькупов и хантов, трех комплексов селькупов и ке-тов. Этим же объясняется, вероятно, и сходство культуры шорцев с угорской культурой. Тот же уральский субстрат, сформировавшийся на основе общего аборигенного пласта, испытавшего влияние южных среднеазиатских культур кельтеминарского типа, объясняет наличие в культуре селькупов некоторых параллелей с культурами переднеазиатского круга (автор, конечно, слишком увлекся шумерскими параллелями).

Это был, по всей видимости, следующий этап (хотя и не однозначный — он мог состоять и, видимо, состоял из нескольких периодов) этногенеза народов Западной Сибири. И наконец, последняя, самодийская, волна, которая тоже была не одна, как считают и археологи, и этнографы (Могильников, 1964; Хомич, 1964, 4; Васильев, 1974а, 173), обусловила отличие селькупов от всех

остальных их соседей — хантов, шорцев, кетов.

Обнаружение Г. И. Пелих в культуре хантов элементов, характерных для селькупов, можно объяснить, во-первых, тем, что в основе обских угров и селькупов лежит единый уральский субстрат, во-вторых, — тем, что большая часть ее материалов по хантам относится к восточной их группе, наиболее тесно связанной с селькупам, а в-третьих, — особенностями их позднейшей этнической истории, а не этногенеза. Это мы и хотим показать ниже.

В настоящее время мы не можем описать отдельно культуры хантов и манси XVIII—XIX вв. и выделить их этнические признаки по данным культуры. Тем не менее такая работа, очевидно, небесперспективна. Территории формирования манси и хантов, их расселения в I — начале II тысячелетия н. э., по всей.

98

видимости, были различными. Расселение манси в XVIII—XIX вв., а также еще в начале нашего столетия было связано с западными и восточными склонами Урала и Уралом; по архивным материалам XVII в., их расселение устанавливается довольно четко: это притоки Камы — Вишера, Косьва, верховья Чусовой, Сытва с Иренью, верховья Печоры, верховья Уфы и ее приток Бисерть, притоки Тобола — Тавда с притоком Лозьва, Сосьва (с Лялей), Пелым — и Тура с притоками Ница (с Пей-вой) и Тагил (с Салдой и Мулгаем), Исеть, Конда.

На Северной Сосьве с Ляпиным значились «остяки». Ханты населяли правые и частично левые притоки Оби и Иртыша: Ва-сюган, Вах, Юган, Пим, Аган, Тром-юган, Салым, Балык, Назым, Демьянка, низовья Конды, Казым, Куноват, Сыня, верховья Полуя, Войкар, а также Северную Сосьву и Ляпин. Если оставить в стороне северных манси, происхождение которых весьма позднего характера и является результатом смешения пришлого мансийского населения с местным хантыйским (см. об этом ниже), а использовать материалы только по южным и западным мапси (хотя их очень немного), вероятно, можно наметить некоторые их отличительные черты в сравнении с хантами. Это, во-первых, большое значение охоты вообще и загонной охоты на лося в частности (при наличии заповного рыболовства), некоторые элементы материальной культуры: «западный тип» срубного дома или амбара, тип двускатного навеса с дымовой щелью, такое же срубное жилище; вариант ровдужного или суконного халата, украшенного литыми оловянными бляшками, низкая кожаная обувь «няра», глухая одежда «порха», луз, или лу-зан, — специальная накидка для переноски груза; в области религии — культ лося. Различия в культуре этнографических и территориальных групп мапси восстановить, очевидно, еще более трудно, если не невозможно.

Ханты в отличие от манси в большей степени рыболовы («рыбоядцы»), в прошлом они носили одежду и обувь из рыбьих кож. У них выделяются особые типы одежды (южный вариант распашной холщовой, вышитой шерстью или суконной одежды особого покроя, восточный вариант зимнего мужского распашного короткого халата — «колег»), различные варианты шатрового каркасного углубленного в землю жилища. У хантов можно выделить три этнографические группы — северные, южные и восточные, облик культуры которых в XIX — начале XX в. существенно отличался.

Вместе с тем в хозяйстве и культуре обских угров ряд черт обнаруживает черты сходства с соседними народами. Это очень четко прослеживается по материалам «Историко-этнографического атласа народов Сибири» (далее — Атлас, 1961). Остановимся *яа* некоторых вопросах отдельно. Так, оленеводство обских угров обнаруживает полную аналогию с ненецким (Атлас, 1961, 12), а у восточных хантов — с оле-

99

4*

неводством лесных ненцев (Лукина, 1973, 163—165). Рыболовство обских угров, особенно заповное, находит прямые аналогии в рыболовстве других финно-угорских народов. Оно возникло еще в период финно-угорского единства, что хорошо показано в работах У. Т. Сирелиуса (1906) и В. И. Васильева (1962а). Сопоставляя отмеченные Боннерджи дравидийские параллели названий финно-угорских орудий лова, В. И. Васильев делает вывод о «древних контактах между финно-угорскими (или уральскими) и дравидийскими языками, которые могли существовать лишь в области Приаралья и Зааралья», что свидетельствует «в пользу приаральской гипотезы древнейшей прародины людей уральской общности...» (Васильев, 1962а, 152).

Если мы обратимся к охоте, то увидим, что такие способы охоты обских угров, как загонная охота, охота на крупного копытного зверя с помощью изгородей и ловчих ям, являются очень древними. Они имеют прямые аналогии в способах охоты многих народов Евразии (Третьяков, 1934) и восходят,

вероятно, к еще более раннему периоду, чем заповное рыболовство, возникшее скорее всего на основе именно таких способов охоты (с помощью изгородей с ловушками в них), т. е. еще ранее периода уральского единства.

Что касается лука со стрелами — основного типа охотничьего орудия древности, то здесь мы обнаруживаем, с одной стороны, чрезвычайно большую древность отдельных наконечников стрел (Vilkuna, 1950), а с другой стороны, — аналогии к ним (в том числе и в терминологии) у круга финно-угорских и самодийских (ненцев, селькупов) (Пелих, 19726, 19—22, табл. XIX), а также североазиатских и североамериканских народов (Vilkuna, 1950). На основании некоторых аналогий со скифами, перед-неазиатским и в целом сибирским миром Вилкуна считает, что ряд типов наконечников стрел не мог быть изобретен таежным охотничье-рыболовческим населением, и был унаследован им от их южных угорских предков (Vilkuna, 1950, 382—384).

Думается, что это заключение в достаточной степени гипотетично. Разные народы, имеющие более чем тысячелетнюю историю охоты и рыболовства, могли самостоятельно выработать специализированные, достаточно сложные типы наконечников стрел. Более убедительным представляется, что существовали общие для уральской группы типы орудий охоты, возникшие в период их единства. Второй вывод, который может быть бесспорен, — о влиянии на угров ненцев (Vilkuna, 1950, 358); об этом говорит как тип вильчатого железного наконечника, называющегося на Югане, Конде и Пелыме йорн вэп, так и тип сложного лука с изогнутой средней частью у селькупов (Пелих, 19706, 22).

В собаководстве прослеживаются два типа (местный и ненецкий), а в деталях упряжи, устройстве нарт — сходство с народами Восточной Сибири (чукчи, эскимосы, ительмены) (Атлас, 1961, 57—59).

Ручная нарта обских угров весьма похожа на кет-

100

скую и селькупскую. Лыжи обских угров известны двух типов — местного, приобского, и северо-западного, общего с кетами и селькупками (Атлас, 1961, 85) лодки долбленные и крытые, так называемые каюки, относятся к общему с селькупками и кетами типу (Атлас, 1961, 108).

Шатровое каркасное, углубленное в землю обско-угорское жилище тоже является вариантом общего для североевразийских народов жилища. Обско-угорские постройки такого типа особенно близки селькупским и кетским.

Как мы показали в своих работах (Соколова, 1957, 1963), эта форма жилища была чрезвычайно широко распространена у народов Сибири и восходит, очевидно, к древнейшему типу жилища, возникшему, возможно, еще в эпоху неолита. Это общий для народов Сибири тип постройки, и то, что близкий ему тип встречается у селькупов (Пелих, 19726, 263, 294) или у таштыкцев (в типе погребального сооружения) (Кызласов, 1960, 167), не является свидетельством прямых генетических связей между ними. Об этом могут свидетельствовать лишь детали конструкции. Ни сходство в количестве помещений в сооружениях такого типа (Пелих, 19726 — однокамерность и двухкамерность жилища), ни наличие решетчатого принципа кладки стен таштыкского склепа не могут служить основанием для сравнения этих типов построек.

Чум северных хантов и манси аналогичен ненецкому, другие варианты конического жилища в отдельных деталях (соединение основных шестов, внутренний соединительный обруч, способы покрытия корой деревьев) обнаруживают сходство с тунгусским, кетским, алтайским, шорским чумом. Чум с обручем, соединяющим жерди изнутри, близкий кетскому, обнаружен нами на Вахе. Близко кетскому полусферическое каркасное жилище восточных хантов. Сочетание конической крыши с четырехугольной формой каркасного жилища напоминает алтае-саянские четырехугольные срубные постройки с таким же покрытием. В конструкции срубных построек наблюдается близость поволжско-финно-пермским постройкам (так называемый сруб западного типа, по нашей терминологии, близкий постройкам типа куалы) (Соколова, 19636, 233).

Сруб западного типа — со свесом крыши, нередко огражденным выступающими венцами, встречается как среди жилых, так и среди хозяйственных и культовых строений (среди свайных амбаров). Он отмечен нами у западных, восточных и северных манси, у северных и южных хантов. Сруб восточных хантов, в том числе и полуземлянка ваховских хантов, на которую ссылается Г. И. Пелих (Пелих, 19726, 309), ближе примитивным шорским и алтайским срубным постройкам.

Оригинальное срубное жилище северных и восточных манси, отмеченное нами еще только на Казыме, — с центральным очагом-костром и дымовой щелью на месте конька (манс. «котиль

101

арасинг кол» — «срединного очага дом») (Соколова, 19636, 209—210, 214). У хантов жилище с дымовой щелью на месте конька чаще всего не срубное, а легкое каркасное, из жердей и коры. На возможность устройства дымовой щели на месте конька в срубной полуземлянке указывают реконструкции жилища при-камских чувовских стоянок эпохи бронзы (II тысячелетие до н. э.) (Бадер и Оборин, 1958, 51). Интересно в связи с этим заметить, что у манси никем не было

отмечено наличие углубленных в землю каркасных жилищ шатровой формы, они описаны и бытовали еще в середине нынешнего столетия лишь у хантов. Не было ли углубленное жилище манси иным по конструкции, чем у хантов, т. е. срубным, с дымовой щелью на месте конька, а не шатровым?

і Любопытен вопрос о происхождении у обских угров чувала — своеобразного очага, отапливавшего в прошлом срубное и шатровое жилище (Szokolova, 1964). Чувал известен у многих народов Сибири: кроме обских угров, он бытовал у кетов, селькупов, башкир, татар (сибирских), алтае-саянских народов (алтайцев, шорцев, телеутов, челканцев, казыльцев), якутов. Археологически чувал; прослежен в Западной Сибири на городищах Тонтур-Воз-несенское, Искер (татары XIV—XVI вв.), на поселениях Большой Лог и Андриюшин городок (I тысячелетие н. э.) (Мошинская, Чернецов, 1951, 1953; Левашова, 1950).

У обских угров чувал распространился сравнительно недавно, не ранее, очевидно, X—XII вв. и то лишь по Иртышу и на юге края (в преданиях хантов, изученных С. Паткановым и относящихся к XV—XVI вв., упоминается чувал). В ряде районов севернее Иртыша чувал появился, очевидно, не ранее XVIII в. (Sirelius, 1910, 116). Первое упоминание о чувале у манси в литературе относится к концу XVIII в. (Любарских, 1792). Устройство чувала из жердей с обмазкой глиной сверху наводит на мысль о его южном происхождении.

Как уже указывалось, археологические свидетельства о чувале — очень поздние (не ранее X в. н. э.). На Урале в древние времена, кроме обычных, устраивались иногда для различных целей глинобитные печи (Кипельское и Алексеевское селища, Пал-кинское поселение, городища Иртыш, Уфимское и т. д.) (Сальников, 1951, 104; Кривцова-Гракова, 1948, 87, 89—90), но с чувалом их сопоставлять нельзя. Техника сооружения плетенки из жердей с последующей обмазкой их глиной типична для южных районов Сибири, в частности так сооружаются глинобитные и саманные постройки башкир, сибирских татар (Руденко, 1955, 213).

Очень любопытен башкирский материал, здесь мы можем восстановить почти все стадии развития чувала: сначала это плоский глинобитный очаг с валиком, затем — угловой каменный, обмазанный глиной, очаг с обмазкой глиной стен (от возгорания), позднее в таком очаге обмазываются две доски или кольца (они

102

выступают над крышей для улучшения тяги), наконец, у такого очага оборудуется и труба чувала (Руденко, 1955).

Мансийские названия чувала — MC souval S390 или soval 4100, MK souel S390; хантыйские - XB-Ю, XCOё, XΠOб, соyal XC, соu-val. XCOб, XB t'ogol SX90, XI togol Pa23, XI t'ogol PF8, XΠ sogol PF8 *. Якутское название чувала ohoх И273, кет-ское — богдот Д164, башкирское обозначение — сыуал Руд 213. По заключению Н. А. Баскакова, это слово в обско-угорских языках может быть тюркского происхождения. Оно, возможно, происходит от тюркского слова «чов» — «чув» — «шов» — «гяув», что значит «складывать в кучу».

К мнению о южном происхождении чувала с общим неточна-, ком для кетов, селькупов, обских угров и якутов склоняется и Б. О. Долгих (1952в, 165). Возможно, что это территория Алтае-Саянского нагорья, на что обратили наше внимание сотрудники сектора Сибири Института этнографии в Ленинграде Е. Д. Прокофьева и Г. М. Василевич, а оттуда, через сибирских татар чувал проник к обским уграм. О южном происхождении чувала писал и У. Т. Сирелиус. А. А. Попов в разделе «Жилище» Исто-рико-этнографического атласа народов Сибири делает вывод о возможности заимствования якутами чувала у русских. Вероятно, однако, русские, в свою очередь могли заимствовать технику сооружения чувала у народов Западной Сибири, так как им в общем она не свойственна.

Однако близкое сходство в обско-угорской терминологии с башкирской, а также наличие типа очага, очевидно предшествовавшего чувалу (Руденко, 1955), дает основания предполагать, что очаг типа чувала мог происходить и с территории Южного Приуралья.

Современная традиционная мужская одежда хантов и манси — глухая. Это малица, парка, совик. Считается, что малица заимствована у ненцев вместе с оленеводством. Некоторые типы одежды, обуви, головных уборов северных хантов- и манси близ-

* Список сокращений: MC — манси северные; MK — манси р. Конда; XC — ханты северные; XB — ханты р. Вах; XI — ханты р. Иртыш; XH — ханты р. Назым; XHOб — ханты р. Нижняя Обь; XCOб — ханты р. Средняя Обь; XB-Ю — ханты р. Васюган.

Д164 — Долгих Б. О. Старинные землянки кетов на р. Подкаменная Тунгуска.—СЭ, 1952, № 2, с. 164; И273 — Панова О. В. Жилые и хозяйственные постройки якутов.—ТИЭ, 1953, т. XVIII, с. 273; Руд213 — Руденко С. И. Башкиры. М.; Л., 1955, с. 213; 4100 — Чернецов В. Н., Чернецо-ва И. Я. Краткий мансийско-русский словарь. М.;

Л., 1936, с. 100; S390 — *Sirelius U. T. Über die primitivem Wohnungen...*, s. 390. Pa23 — *Patkanov S. Die Irtysch-Ostjaken und ihre Volkspoesie*, Bd. I, St.-Ph., 1897, s. 23. PF8 — *Patkanov S. (bearb. von D. K. Fuchs). Laut- und Formenlehre der Siid-Os-tjakischen Dialekte*. Budapest, 1911, s. 8.

103

ки ненецким (Прыткова, 1970, 14; Чернецов, 1964, 4). Тем не менее парка (манс. «порха») является мансийской одеждой (Прыткова, 1970, 14; Чернецов, 1964а, 4). Она шьется из тонкого оленьего меха, и капюшон нередко имеет пришитые декоративные оленьи ушки. Такую же одежду можно встретить у казымских хантов. У манси же существовал и один из древних типов глухой одежды, по терминологии, предшествовавшей малице, — луз, или лузан. Он был известен, вероятно, еще уральскому населению (Чернецов, 1964а, 4).

Г. Н. Прокофьев и В. Н. Чернецов считали, что ненцы, придя на север, заимствовали у местного населения глухую одежду (Прокофьев, 1940б; Чернецов, Мошинская, 1954, 172). Л. В. Хомич и Н. Ф. Прыткова отмечают, что у ненцев в прошлом мужская одежда, как и женская, была распашной; об этом свидетельствуют как домашняя мужская одежда (она же служит мужчине и как одеяло), так и одежда на культовых изображениях (Хомич, 1966, 120; Прыткова, 1970, 24—25). У северных хантов прослеживается такое же явление: бытование распашной одежды ' в качестве одеяла мужчины (в этой же одежде мужчину и хоронят), а также наличие распашной одежды наряду с глухой на мужских культовых изображениях.

Во время обряда снятия шкуры с убитого медведя охотники имитировали снятие распашной одежды типа женского саха (в том числе и с медведя-самца), накладывая на брюхо зверя палочки, символизирующие застёжки шубы, и символически разрезая их ножом. В то же время на городищах середины I тысячелетия н. э. под Тюменью найдены глиняные антропоморфные фигурки в глухой орнаментированной одежде (Чернецов, 1957, 179, рис. И — 12). Таким образом, у обских угров в прошлом бытовала и глухая, и распашная одежда.

Считать глухую одежду более древней, унаследованной от арктического аборигенного уральского населения, а распашную — более поздней, воспринятой от пришлых южных степных племен (андроновцев? угров?), очевидно, вполне логично. Однако воспоминания о распашной одежде в таком древнем и, без сомнения, местном культе, как медвежий, заставляет думать, что проблема происхождения глухой и распашной одежды у обских угров гораздо сложнее. Вероятно, можно допустить, что издревле у разных групп предков угров существовали и развивались оба типа одежды, видоизменяясь под влиянием внешних воздействий.

Самодийские племена, пришедшие на север, тоже сначала имели распашную одежду. Здесь они позаимствовали глухую одежду от местного населения, усовершенствовали ее и в таком виде, уже сравнительно поздно (начало II тысячелетия н. э.) она вместе с оленеводством, типом чума, нарт и некоторыми другими элементами была усвоена и северным обско-угорским населением, жившим по соседству с ненцами. У северных манси этот тип одежды распространился еще позднее, в XIX в., под влиянием

104

коми-зырян, пришедших сюда из-за Урала и в свою очередь заимствовавших этот тип одежды у ненцев.

Еще более широкому распространению этого типа одежды у хантов и манси уже в настоящее время (в том числе даже у женщин) мы обязаны опять-таки большому влиянию как ненцев, так и особенно коми. В то же время приуральский тип глухой одежды хантов и манси свойствен и ненцам. В распашной одежде обских угров по покрою различаются два типа: 1) западносибирский, распространенный, кроме них, еще и у ненцев, шорцев, северных алтайцев, тобольских и томских татар; 2) енисейский, характерный для восточных хантов, кетов, селькупов, энцев и нганасан (Атлас, 1961, 237—238).

Таким образом, в обско-угорской одежде представлены четыре типа: два типа глухой одежды (местного, мансийского, и позднего, ненецкого, происхождения) и два типа распашной — западный и восточный.

Типы меховой и кожаной обуви у обских угров — поршне-видный (западносибирский и восточносибирский варианты) и башмаковидный (западносибирский вариант) (Василевич, 1963, 44, 48).

Г. М. Василевич, исследовавшая типы обуви народов Сибири, сделала следующий вывод: «Таким образом, мы видим, что обувь каждой народности отражает не только различные типы хозяйства, но и исторические связи между разными народами... Различия в раскрое частей обуви и в способах пошива указывают, во-первых, на этнический состав и взаимодействие данного народа с другими племенами Сибири в различные периоды их истории и, во-вторых, на другие районы расселения этих народов в прошлом» (Василевич, 1963, 60).

В отношении обуви хантов она пишет: «Обувь северных групп хантов и манси, так же как и обувь

ненцев, сохранила следы происхождения их с юга и древнего знакомства с верховой ездой (косой срез верхнего края голенища в ровдужной обуви). Она отражает также древние связи с пешими, по-видимому тунгусо-язычными, охотниками тайги... (...поршень, пришитый к голенищу) , тесные связи с аборигенами — приречными рыболовами Приобья (черок с голенищем) и позднейшие связи северных хантов и манси с ненцами (зимняя обувь)» (Василевич, 1963, 61).

Если же мы взглянем на карты, составленные указанным автором и отражающие распространение различных типов обуви и различий в их раскрое и пошиве (рис. 1 — 3), то обнаружим три тенденции, касающиеся развития типов обуви у хантов и манси: 1) форма и способ сшивания поршня, а также тип прямого среза верхней части голенища у них общие с народами Сибири в целом; 2) в форме раскроя подошвы аналогии ограничиваются уже более узким кругом народов Западной Сибири (ненцы, селькупы, кеты, нганасаны, долганы, эвенки, энцы); 3) тип косого среза верхней части голенища отмечен только у северных групп

; 105

хантов и манси и заимствован, по всей видимости, у самоедо-язычных народов. Получается, что особенность обуви, свойственная верховой езде и свидетельствующая о южном происхождении культуры, характерна именно для северных групп хантов и манси и представляется заимствованной ими у ненцев. Возможно, — это еще один аргумент в пользу южного происхождения самодийских народов.

Вероятно, интересные выводы дал бы анализ и других элементов материальной культуры обских угров — типов берестяной посуды, детских люлек, женских игольников и сумок для рукоделия, мужских поясов, орудий труда, и т. п. Поверхностный взгляд на эти элементы культуры говорит лишь о большом сходстве их с ненецкими и селькупскими, что может быть объяснено не только этническими связями, но и общностью хозяйственно-культурного типа. Для выводов этногенетического характера необходимо выявление более мелких деталей в конструкции и украшении данных элементов культуры.

Несколько слов можно сказать лишь о некоторых аналогиях между формами берестяной посуды и расположением орнаментальных зон на ней у обских угров и формами керамических сосудов и способами их украшения в некоторых археологических культурах. Любопытные аналогии возникают при сравнении так называемой культовой керамики самусьской культуры (поселение Самусь IV), нигде более не встреченной, и берестяной посуды обских угров. Поражают сходство в манере распределять рисунки в зонах-секциях, разграниченных вертикальными линиями (ср. М. Ф. Косарев, 1974а, 58, рис. 11-7, 3, 8, 9; 12-10 и U. T. Sirelius, 1904, рис. 4-2, XI-3, XLV-4), и сам медальонный характер на донышке сосуда или коробки, а также манера изображения солярных розеток (ср.: М. Ф. Косарев, 1974а, рис. 11-6, 10, И; 12-5, 4, 5, 8 и U. T. Sirelius, 1904, рис. 4-5, VI-5, VIII-4, XXVIII-//).

Изображения медальонного типа и расположение их в оконтуренных зонах, весьма характерные для обских угров, свойственны не только берестяной посуде и люлькам хантов и манси, они присущи также и изделиям из меха, кожи, ткани (женские сумки и мешки для рукоделия и шитья, обувь, рукавицы, подушки из сукна, обрядовые покрывала и т. п.). Мы не собираемся проводить прямые аналогии между техникой отдаленного прошлого и современной, но, думается, правомерно предположение о подражании глиняной самусьской посуды 4—6—8-угольной форм берестяным коробкам, отсюда и близость в манере расположения рисунка на берестяной посуде хантов и манси.

Сочетание круглого горла и четырехугольного дна, довольно редкое и в керамической, и в берестяной посуде, до сих пор бытует в некоторых типах берестяной посуды хантов и манси (так называемые митровидные сосуды); орнамент на них (а также на четырехугольных открытых сосудах) наносится не только на

106

стенки, но и на дно (правда, изнутри, а не снаружи, как у самусьских сосудов). На берестяной посуде обских угров часты изображения прочерченной волны, прочерченных линий с косо поставленными насечками между ними.

Манера расположения аппликативной орнаментальной полосы между многочисленными рядами простых, без рисунка, аппликативных полос на одежде обских угров также очень близка! способам нанесения орнаментальных полос на керамику западно-¹сибирских культур эпохи бронзы, в том числе и самусьской культуры. Вероятно, имеет смысл провести более обширные исследования в этой области, сравнивая не только типы орнаментов, но и способы, манеру изображения.

К исследованию орнамента хантов и манси как исторического^ источника много раз обращался С.

В. Иванов (Иванов, 1952,-1961, 1963, 1964 и др.). Его общий вывод, сделанный на основе анализа большого количества материалов, свидетельствует о том, что орнамент обских угров «включает в себя мотивы, вошедшие в его состав в разное время» (Иванов, 1952, 88), что он «представляет собой сложное и разновременное образование, слагавшееся на протяжении многих тысячелетий и постепенно принимавшее формы, характерные для его современного состояния» (Иванов, 1952,99).

Если мы обратимся к сводной капитальной работе этого автора (1963), то увидим, что по типам орнаментов он обнаруживает¹ у них элементы шести типов: 1) североазиатский (циркульный) орнамент появился, по его мнению, скорее всего в конце неолита — в начале эпохи бронзы (Иванов, 1963, 154). Он широко распространен не только у народов Сибири, но и у многих других народов, так что может считаться универсальным (Иванов, 1963, 464—473); 2) евразийский тип (треугольники, углы, зигзаг, перекрещенные квадраты и прямоугольники, комбинации этих фигур) известен в основном народам Западной Сибири (кетам, селькупам, ненцам, хакасам, чулымским татарам, шорцам, тофа-ларам, тувинцам-оленеводам, тунгусоязычным народам, а также в отдельных вариантах народам Восточной и Южной Европы, Кавказа и Средней Азии). В нем С. В. Иванов видит очень древний тип, «в разработке которого принимали участие многие народы, в их числе предки хантов и манси» (Иванов, 1963, 154). С. В. Иванов считает, что в Сибири эти элементы орнамента появились в эпоху бронзы и развились в эпоху железа (Иванов, 1963, 455); 3) северо-сибирский тип (простейший прямолинейно-геометрический орнамент — квадратики, прямоугольники, вертикальные, горизонтальные или наклонные полосы, ромбы) известен широкому кругу народов Сибири, особенно народам Крайнего северо-востока Азии. Автор датирует его появление эпохой неолита (Иванов, 1963, 155); 4) северный приобский тип (меандрированные фигуры, узоры, напоминающие рога оленя, профильные фигуры птиц, различной формы кресты, сочетание квад-

107

ратов и прямоугольников) встречается, кроме обских угров, у ненцев, селькупов, а также у народов Поволжья (мари, мордвы) и карел (Там же, 155). Вслед за В. Н. Чернецовым (1941; 1948; 1951; 1953а), С. В. Иванов связывает большинство элементов орнамента этого типа с андронидными орнаментами (Иванов, 1963, 161, рис. 100); 5) восточноевропейский, отчасти среднеазиатский тип (решетчатые фигуры, прямые отростки или кресты на выступающих частях, бордюры из парных крючков, S-видные фигуры, розетки из парных «рожек») в Сибири известен обским уграм, шорцам и кумандинцам, а в европейской части СССР — всем поволжским финно-угорским и тюркским народам, а также русским и отчасти саамам (Иванов, 1963, 155—156). Автор связывает его происхождение с орнаментом неолитической керамики Европы и Западной Сибири (Иванов, 1963, 441—449); 6) поволжский, или ближневосточный, тип (парные и учетверенные изображения птиц с деревьями между ними, восьмиконечные розетки, ступенчатые ромбы, крестообразные розетки сложного значения) в Сибири известен только хантам и манси, а в Европейской части СССР — чувашам, башкирам, карелам, отчасти мари, мордве, удмуртам, коми-пермякам. Его происхождение весьма сложно. Некоторые элементы (например, восьмиконечные розетки), известные с неолитической керамики Нижней Оби, возможно, очень древние, другие могли возникнуть не ранее VI—VII вв. н.э. либо ранее, если они были принесены угорскими или сарматскими племенами (Иванов, 1963, 156).

В обско-угорском орнаменте С. В. Иванов выделяет три основных комплекса: «Местный — приобский, восточно-европейский, характерный для славянских, финно- и отчасти тюркоязычных народов Европы, и евразийский, встречающийся у многих народов Европы и Азии» (Иванов, 1963, 158). Местный комплекс, по его мнению, складывался на протяжении всей истории и был отчасти унаследован от аборигенного, доугорского населения, а также включал в себя некоторые элементы орнаментации, свойственной соседним этническим группам (Иванов, 1963, 159). Ряд мотивов североугорского орнамента он обнаруживает в составе орнаментов самодийской группы, а в переработанном виде — и в составе орнамента кетов. С. В. Иванов отмечает, по данным орнаментики, общность народов Урала в прошлом с народами Северного Алтая и Хакасии, а также с народами Европейской части СССР (Иванов, 1951, 3-4).

Тесные связи обских угров с соседними народами прослеживаются не только в материальной культуре (типы одежды, жилища, средств передвижения, орнамент), но и в общественном строе, духовной культуре, идеологии и религии.

У хантов, манси, ненцев, кетов и селькупов наблюдается большое сходство в формах социальной организации, особенно это касается дуально-фратриальной системы. Глубокая древность ду-

даже в том случае, если его происхождение связано со смешением аборигенных и пришлых этнических групп. Формирование всех народов Западной Сибири, у которых отмечено дуально-фратриальное деление (обские угры, ненцы, селькупы, кеты), связано с двумя компонентами — аборигенным и пришлым. Если этнические группы неместного происхождения были различны (угорский, самодийский и кетский пласты), то аборигенная основа скорее всего была единой (уральской субстратный пласт).

В связи со всем вышесказанным нам представляется более вероятным то, что принцип дуально-фратриального деления общества был присущ именно этой субстратной основе, а на столь длительное сохранение этого принципа могли повлиять и этногенетические процессы (двухкомпонентность происхождения и культуры), в результате которых сложились данные народы (Соколова, 1975; 1976).

Много общего у перечисленных выше народов Западной Сибири в области представлений о мире и религии. Это представления о нескольких мирах (Нижний, Средний и Верхний), тотемические культы, элементы промыслового культа (в том числе культ медведя), шаманство, культ природы, родовых² и семейных покровителей, представления о душе и связанный с ними погребальный цикл, культ предков. Хотя у каждого из этих народов много своеобразие в каждом из перечисленных здесь представлений и связанных с ними обрядов, но много и общих черт, отличающих их от других народов, например Восточной Сибири. Не имея возможности подробно остановиться на этом вопросе, мы рассмотрим лишь два момента, связанные с погребальным культом. — погребальные маски и «вместилища» душ умерших.

Обычай делать после смерти человека изображение — вместилище его души — в той или иной форме известен широко (обские угры, ненцы, селькупы, кеты, якуты, нанайцы и др.). Лицевые покрывала или погребальные маски распространены меньше, но в прошлом употреблялись населением нарымского Приобья, Поволжья, Дуная, Алтае-Саянья (Бояршинова, 1947; Казаков, 1968, 1972; Халикова, 1972, 1973; Кызласов, 1960). Вопрос о роли погребальных масок и вместилищ души и их значении представляется весьма сложным. Его надо рассматривать в комплексе вопросов, связанных с идеологией и религиозными представлениями обских угров. Связывать эти явления с археологическими пока можно лишь очень осторожно. Связь между погребальными масками и изображениями-вместилищами душ умерших, возможно, и существовала, но установить ее сейчас можно лишь умозрительно.

Думается, что погребальные маски и вместилища душ — это реликт очень древнего обычая, связанного с представлениями о душе, возникшего очень давно, может быть, еще среди неолитического уральского населения и распространившегося затем вместе с ним по Сибири среди разных этнических групп с постепен-

ной трансформацией в разные формы (обско-угорский, таштык-ский типы, например). Проследить возникновение этого обычая по археологическим данным пока не представлялось возможным, так как, с одной стороны, ткань и дерево чаще всего не сохраняются, а с другой стороны, сами по себе такие находки, будучи представлены в различных формах, могут быть интерпретированы по-разному. В связи с этим уместно вспомнить указания С. В. Киселева на находки глазковских мужских изображений и абаканских андроновских фигурок людей (Киселев, 1951, 74, 76-табл. VIII-3,4).

Таким образом, на основании анализа материальной и духовной культуры обских угров можно сделать некоторые выводы. Почти во всех элементах культуры хантов и манси наблюдается развитие древнейших форм культуры, свойственных, во-первых, кругу арктических народов (способы охоты, типы стрел, собаководство, типы глухой одежды и обуви, шатрового каркасного подземного жилища, орнаментов — 1, 2, 3 и 5-й типы, по классификации С. В. Иванова, средств транспорта); во-вторых, народам уральской языковой семьи³, проживающим в Западной Сибири, и кетам; в-третьих, развившихся под влиянием южных скотоводческих культур (роль коня в фольклоре и культе, типы распашной одежды, тип обуви, приспособленной к верховой езде, андро-ноидные мотивы орнаментов, тип мужской прически — косы, ритуальные танцы с саблями или мечами), и, наконец, связанных с близостью в прошлом угорской культуры финно-угорским народам Поволжья (типы стрел, «западный тип» срубной постройки, сруб с дымовой щелью на месте конька, туникообразный покрой одежды и манера ее отделки, вышивание одежды шерстью, 6-й тип орнамента).

	па; 2) как южных и восточных	
Головные уборы:	хантов, энцев, нганасан	
капор	самодийского типа как у хакасов,	Атлас, 336-337
шапка Орнамент	южных алтайцев, якутов 1) приобский-самодийско-угорско-го типа; 2) иртышско-алтайский	Там же, 373- 374
Бубны	как у шорцев, кумандинцев (угорско-самодийский); саяно-енисейского типа (как у кетов, восточных хантов, тувинцев, тофаларов, качинцев, бурят, сымских эвенков)	Там же, 447
Скульптура	1) как у южных хантов, кетов; 2) как у ненцев; 3) как у эвенков	Иванов, 1970, 123-124

Таким образом, по материальной культуре мы находим аналогии элементам селькупской культуры прежде всего у угров (больше всего — в 10 случаях), самодийцев (в 8 случаях, в том числе: 1 — у северных, 1—у южных), кетов (в 7 случаях), эвенков (в 2 случаях), а также у алтайцев, тувинцев, тофаларов, качинцев, бурят и якутов (по 1 случаю). Разумеется, нельзя считать эти данные полными. Мы уже указывали на фрагментарность селькупских материалов в музейных собраниях. Это нашло отражение и в данных работах: к сожалению, в них были проанализированы лишь немногочисленные материалы, что не позволило выполнить более детальную классификацию типов лыж, лодок, жилищ, одежды.

В то же время надо учитывать, что многие черты сходства в культуре селькупов и соседящих с ними народов могли образоваться уже в более позднее время, в последние два-три столетия. Тем не менее общая тенденция выделения по материальной культуре угорско-селькупско-кегского ареала, как нам кажется, правомерна. Интересно отметить, что и в области социальной организации, религиозных представлений именно у этих народов наблюдается наибольшее сходство (дуально-фратриальная система, тотемические названия 'фратрий, родов или генеалогических групп, некоторые обряды, связанные с представлениями о душе).

Отметим, что и по данным Г. И. Пелих наибольшее число одинаковых комплексов культурных черт наблюдается именно у этих народов. Думается, что немалое значение для развития этой общности культуры имела и общность хозяйственно-культурного типа, характерного для данного круга народов. Таковы вкратце те материалы, которые мы имеем на сегод-

112

няшний день по этнографии и археологии в аспекте этногенеза обских угров и селькупов. На наш взгляд, в настоящее время наиболее аргументированной и убедительной является этногенетическая гипотеза В. Н. Чернецова. С ней согласуется большинство археологических, лингвистических, антропологических и этнографических материалов.

Культура обских угров сложилась на базе культур уральских племен, широко расселившихся от Скандинавии до Урала и от Урала до Енисея еще в период мезолита. По-видимому, в конце неолита произошло разделение прафинно-угорских племен на прафинские и праугорские. Начиная с эпохи бронзы праугорские племена испытывали постоянные влияния со стороны южных, юго-восточных и юго-западных соседей. По археологическим данным, прослеживаются тесные связи и, возможно, инфильтрации групп населения андроновских культур, а позднее — карасукской, тагарской и таштыкской.

В. Н. Чернецов считал, что уже в середине — конце I тысячелетия до н. э. значительная часть угорских племен проникла из южных степей и лесостепей Западной Сибири и Северного Казахстана в Приобье, где ассимилировало аборигенное население. Неясно, была ли это единственная угорская волна, или ей предшествовали и более ранние миграционные волны начиная с эпохи бронзы. Некоторые исследователи считают возможным видеть в части андроновцев Зауралья угорское (скорее, это праугорское население) по происхождению население. Это весьма правдоподобно, поскольку влияние андроновской культуры на складывание обско-горской культуры отчетливо прослеживается. Возможно, именно они и наложили южный отпечаток на северную обско-угорскую культуру.

Равнинный таежно-болотистый ландшафт Западной Сибири, прорезанный многочисленными притоками такой мощной реки, как Обь, не мог не повлиять на историю народов, населяющих этот край. Еще В. Н. Чернецов отметил значение естественно-географических условий для этнической истории, подчеркнув, что они могли ускорять или замедлять развитие культуры (Чернецов, 1964а, 2). Исследователи, занимавшиеся вопросами истории народов Западной Сибири, отмечали, с одной стороны, замедленное развитие культуры (Пелих, 1972, 317—318), с другой стороны, — большую роль речного пути по Оби в продвижениях этнических групп и распространении влияния соседних культур

(Косарев, 1974а, 39—40).

Думается, особенно интенсивным такое продвижение могло быть в древности с верхнего течения вниз по реке. Таким образом, наличие речного пути способствовало ускорению развития культуры под влиянием миграций и контактов, а изолированность и труднодоступность районов, расположенных в заболоченных бассейнах мелких притоков, замедляла это развитие, консервировала отдельные черты культуры.

113

Большой интерес представляют следующие два обстоятельства, связанные с этногенезом обских угров: 1) весьма большие различия между мансийским и хантыйским языками (ханты и манси не понимают друг друга) и 2) соотношение южных пра-угорских и северных, еще недифференцированных уральских языков до переселения угров в Нижнее Приобье в I тысячелетии до н. э.

Тут и встает проблема недифференцированных уральских, или «палеосибирских», языков. Еще В. Н. Чернецов писал, что процесс распада уральских языков не во всех районах уральского региона происходил равномерно и одновременно. Так, в частности, праугорские и прасамодийские языки, возможно, выделились раньше, нежели сформировался пралопарский язык. Кроме того, очевидно, часть уральского субстратного населения таежной зоны Западной Сибири, где происходило формирование пралопарей, в это и последующее время еще не была дифференцирована (Чернецов, 1972, 50).

В связи с этим интересно вспомнить мнение В. В. Бунака о том, что уральский антропологический тип является не смешанным европеоидно-монголоидным, а протоморфным исходным типом древнего, вероятно уральского, населения, который законсервировался и стал изолятом (Бунак, 1965). Возможно, на базе этого протоморфного населения, жившего на севере Западной Сибири, и сформировались обские угры благодаря слиянию их с угорским, тоже уральским по происхождению, населением. То, что они соприкасались с родственным по происхождению населением (прасамодийским и пралопарским), могло содействовать более быстрому восприятию элементов их культуры, а с другой стороны, объясняет большое сходство в культуре отдельных групп обских угров и их соседей (селькупов, кетов, ненцев). Эта общая уральская основа затрудняет этническую дифференциацию археологических культур на угорские и самодийские. Формирование обских угров, таким образом, связано, с одной стороны, со спонтанным развитием аборигенного населения, в основе которого были древние уральцы, с другой стороны, — с влиянием на него пришлого населения из других (вероятно, более южных) районов с другим языком и культурой.

Существенные различия в языках хантов и манси можно объяснить только тем, что уже в недрах этих «недифференцированных» уральских, или «палеосибирских», языков еще до прихода на север угорских племен должна была все-таки начаться их дифференциация на прамансийский и прахантыйский языки, вероятно, очень близкие угорским. В основе культуры хантов и манси лежали тоже родственные, но все-таки разные культуры.

По всей вероятности, территория формирования манси лежала западнее территории складывания хантов — на Урале и его западных и восточных склонах. Собственно хантыйская северная культура, известная нам по материалам XVIII—XIX вв., сложи-

114

лась, видимо, на основе усть-полуйской культуры, приобретая ряд новых черт вследствие смешения с ненцами. А манси стали ближе к хантам благодаря смешению с ними. Формирование южных и восточных хантов происходило на другой территории и на базе иных, хотя и близких, культур, которые, к сожалению, еще почти не изучены.

Если сходство хантов и манси обусловлено единством субстрата и природными условиями, а также последующим смешением различных их групп, то их различия связаны с разделением в пространстве, а также, как это ни парадоксально, с некоторыми различиями в субстратных культурах. Внешние воздействия не могли так существенно изменить субстрат, чтобы вызвать дифференциацию его на две этнические общности. В самом деле, ведь и на северных хантов, и на северных манси оказали влияние ненцы, так же как на южных манси и южных хантов оказали влияние татары. Это наложило особый отпечаток на культуру тех и других групп, придав им сходство, но не сделало их все-таки одинаковыми.

Нам представляется, что угорская культура сложилась раньше, чем самодийская. Различия в культуре селькупов с культурой хантов возникли под влиянием самодийских племен, смешавшихся с аборигенами Среднего Приобья, вероятно, очень сходных по культуре с предками хантов.

Неясно, когда возникло у самодийских народов оленеводство, которое, безусловно, существенно изменило их культурный облик.

Сложность выявления этногенетических процессов среди селькупов состоит в том, что одни и те же археологические культуры Западной Сибири связываются исследователями с разными этносами. Очевидно, это не случайно, так как очень долго между этими этническими общностями, развившимися из общей уральской основы, сохранялись черты сходства. Сформировались ли самодийцы на территории Среднего и Верхнего Приобья, а затем мигрировали на север и юг, слившись с тамошними аборигенными племенами, или их прародина находилась в другом месте — на Алтае-Саянском нагорье или в Прииртышье — и оттуда они прошли на территорию современных селькупов и там слились с аборигенами — эта проблема сейчас не может считаться решенной. Неясно также соотношение археологических данных, подтверждающих наличие в прошлом на территории нарымского и томского Приобья угорских или самодийских культур, с лингвистическими и топонимическими материалами, свидетельствующими, по мнению А. П. Дульзона, о древнем кетском субстрате на этой территории.

Для решения этой проблемы требуются дополнительные исследования в области и археологии, и антропологии, и этнографии, и лингвистики. Перед археологами стоят задачи определения хронологии и этнической привязки археологических культур I тысячелетия до н. э. и I тысячелетия н. э. Недостаточно накоплено и изучено палеоантропологических материалов антропологами..

115

Лингвистические данные должны быть увязаны с археологическими и палеоантропологическими. Что же касается этнографических материалов, то здесь следовало бы детально описать культуру селькупов XIX—XX вв., сопоставив ее с культурой соседних народов — хантов, кетов, эвенков, чулымцев и других, с тем чтобы выявить их связи, возникшие в разные периоды времени. Исходя из вышеизложенного, в настоящее время мы не можем нарисовать стройную и убедительную картину происхождения селькупов. Мы можем опираться лишь на некоторые, в какой-то степени достоверные моменты. Если принять гипотезу заселения Сибири и даже Урала из Прибайкалья, то, по всей видимости, в культурах всех сибирских народов, в том числе и селькупов, мы обнаружим элементы сходства в культуре, связанные с теми далекими временами. Возможно, именно к этим общим чертам относятся типы шатровых, углубленных в землю, постепенно поднимающихся на поверхность, пирамидальных и усеченно-пирамидальных жилищ, тип зимней одежды из целой шкуры, некоторые элементы промыслового культа, в том числе культа медведя. В этой связи будут, очевидно, ясны аналогии в культуре селькупов и в археологических памятниках Прибайкалья, а также народов северо-востока Азии и Приамурья, которые выявляет Г. И. Пелих.

Второе обстоятельство — это, факт большого сходства культуры селькупов и хантов. Вероятно, прав В. Н. Чернецов, считавший, что эти народы сформировались на основе единого уральского субстрата. Особенно близкое сходство селькупов с восточными хантами может объясняться их длительным соседством в последние столетия. Возможно, уральский субстрат вошел и в состав кетов. Кроме того, по всей вероятности, предки селькупов испытали сначала угорское, а потом и самодийское влияние. Думается, что селькупы — более позднее образование, чем ханты и манси. Во всяком случае правы те исследователи (В. Н. Чернецов, Г. И. Пелих, Л. А. Чиндина), которые считают, что в I тысячелетии н. э. селькупы как относительно устойчивая этническая общность уже сформировались. Разумеется, этот процесс еще не был закончен и оказался в силу определенных социально-экономических и экологических причин чрезвычайно замедленным. Вероятно, прав и В. А. Могильников, считающий, что складывание этнических общностей в Западной Сибири (в частности, угорских) шло замедленно и завершилось лишь к рубежу I—II тысячелетий н. э. Вполне вероятно, что именно в это время и происходили завершающие этапы складывания селькупского этноса.

В прошлом среди финно-угроведов вопросами этногенеза народов уральской, в том числе и финно-угорской, семьи языков занимались в основном лингвисты. Особенно сильными были венгерская и финская школы. Советский исследователь В. Н. Чер-

116

нецов нарушил эту традицию. Для решения этногенетических проблем он привлек широкий круг археологических, этнографических, лингвистических и исторических данных. Этот метод завоевывает все большее признание.

Со своей стороны, мы можем предложить еще несколько проблем, касающихся непосредственно этногенеза селькупов и обских угров, требующих разрешения в ходе детальных этнографических

исследований: 1) проблема единства культуры и различий в прошлом у хантов и манси; 2) характер различий в культуре отдельных этнографических и территориальных групп обских угров, время их формирования (в связи с развитием диалектных и говорных отличий⁶); 3) изучение этнической истории селькупов, хантов и манси; 4) выявление сходных черт в культуре обских угров, селькупов и их соседей с точки зрения их субстратного характера и позднейших заимствований. Изучение данных вопросов поможет в будущем углубить исследование проблем этногенеза обских угров.

¹ Она не отличалась по покрою от женской (Прыткова, 1953, 123; Атлас, 1961, 228), но не имела украшений из сукна и меховой мозаики (З. П. Соколова, полевые материалы, Архив ИЭ, ф. Северной экспедиции, 1973 г.). Южные и восточные ханты-мужчины носили распашную одежду еще в конце XIX — начале XX вв. (Фотоархив Национального музея в Хельсинки; коллекция У. Т. Сирелиуса).

² У обских угров — культ предков генеалогических групп.

³ К таким формам культуры можно условно отнести следующие: терминология рыболовных орудий, заповное рыболовство, типы ручных нарт, лодок и лыж, типы подземных каркасных шатровых жилищ, конических и четырехугольных строений, крытых корой, примитивного сруба, варианты распашной и глухой одежды, 4-й тип орнамента (по классификации С. В. Иванова), дуально-фратриальная система, культ журавля, представления о мире, возрождении души, связанные с ними погребальные обряды, в частности обычаи, связанные с погребальными масками и вместилищем души умершего. Возможно, некоторые из этих элементов культуры, представлений и обычаев возникли еще ранее уральского единства, но развивались и постепенно стали приобретать этнические черты (термин «народы уральской языковой семьи» употреблен нами здесь условно: речь идет о группе народов, связанных общим происхождением, — уральских народах).

⁴ Возможно, данные типы орнаментов использовались только в одежде, как и у обских угров, поэтому в археологических памятниках так трудно проследить их возникновение.

⁵ Такое детское кладбище известно нам у ляпинских манси.

⁶ Хотя, по всей вероятности, культура и язык развивались по разным законам.

117

Глава шестая КЕТСКАЯ ПРОБЛЕМА

Кеты — немногочисленная народность Енисейского Севера — давно уже привлекают внимание широкого круга исследователей. Интерес к кетам обусловлен прежде всего особым положением их языка — своего рода лингвистического феномена и последнего живого языка енисейской семьи, объединявшей, кроме кетского, коттский, арийский, ассанский, пумпокольский и некоторые другие языки, носители которых, расселявшиеся южнее кетов в бассейне Среднего Енисея, в верховьях Кети, к, XIX в. полностью растворились в окружающей иноязычной (селькупской, эвенкийской, тюркской) среде *. Обращалось внимание на своеобразие внешнего облика енисейцев-кетов по сравнению с соседним коренным населением. Наконец, была отмечена специфика их культуры, а которой наряду с архаическими элементами, присущими исконным обитателям таежной зоны, выявились черты, характерные для древних южносибирских и центральноазиатских культур. О происхождении кетов в целом было высказано немало предположений. Многие теории строились исключительно на лингвистическом материале и по сути сводились не столько к проблеме происхождения собственно кетов или енисейскоязычного этноса в целом, сколько к вопросу места енисейской языковой семьи среди других языков мира.

Первым этапом на пути этногенетического изучения кетов следует признать установление родства кетов и других енисейскоязычных групп учеными XVIII в., когда были получены первые словарные списки по кетскому (енисейско-остяцкому) и другим енисейским языкам (Д. Г. Мессершмидт, Ф. Страленберг, Г. Ф. Миллер). Было высказано предположение об особом этническом положении кетов среди других народов, именуемых «остяками» (Gmelin 1751 — 1752), а также гипотеза о том, что енисейцы представляют собой остаток древнего населения Средней Сибири, оттесненного в более северные пределы тюркскими племенами (Фишер, 1774). Началом научного изучения языка кетов и первых этногенетических построений явился XIX в., ознаменовавшийся деятельностью известного финского исследователя М. А. Кастрена (Вдовин, 1954). Активный интерес широкого круга исследователей смежных наук к кетской (енисейской) проблеме³ позволяет приступить к комплексному изучению кетского этногенеза и основных этапов их этнической истории.

В настоящей главе преимущественно рассматривается материал, относящийся к проблеме этнического и культурного форми-

118

рования собственно кетов — немногочисленной народности Енисейского Севера. Сложность их исторического прошлого находит отражение в таких определяющих этнопоказателях, как язык, материальная культура, идеология. Нижней датой изучаемого процесса, как представляется, можно считать рубеж нашей эры, т. е. время наиболее ранней (на сегодняшний день) известности

кетоязычных групп Южной и Юго-Западной Сибири.

Естественно, что некоторые культурные традиции, характерные для кетов, могут иметь и более глубокие исторические и хронологические корни. Ниже будут рассмотрены различные источники, в той или иной степени проливающие свет на прошлое кетов.

Лингвистические данные. Период начиная с 1950-х годов ознаменован чрезвычайно активным интересом лингвистов, прежде всего советских, к собственно кетскому и енисейским языкам. Можно говорить о проводимом фронтальном исследовании языка, еще недавно остававшегося одним из наименее изученных. Многочисленные работы посвящены кетской фонетике, структуре грамматического строя, диалектологии; подготовлены к печати кетско-русский и русско-кетский словари (Топоров, 1969, 243—284; Скорик, 1974, 7-24; Осипова, 1973, 189).

Важное значение имеет начатое сравнительно-историческое изучение енисейских языков (Дульзон, 1961б, 1962б; Топоров, 1967, 1968; Иванов, 1969; Поротова, 1973; Балл, Вернер, 1973, 1976; Г. К. Вернер, И. Г. Вернер, 1976; Белимов, 1976; Костяков, 1976), конечным результатом которого может стать реконструкция общеенисейского источника всех языков (Иванов, Топоров, Успенский, 1968, 11). Заслуживает внимания мнение А. П. Дульзона о том, что наиболее близкими в енисейской семье являются кетский и пумпокольский и их можно считать наречиями одного языка (кетско-пумпокольского), в то время как арийский, ассанский и коттский, возможно, представляют собой диалекты другого енисейского языка (Дульзон, 1970б, 49). Эти данные звучат в унисон с материалами о территориальной и исторической близости предков кетов и пумпоколов в енисейской среде.

Следует упомянуть и высказанные в связи с кетами гипотезы, вызванные к жизни особым положением енисейских языков и их связями. Они, как правило, служат общей проблеме происхождения енисейской языковой семьи, что, естественно, выходит за рамки вопроса формирования енисейского этноса в Сибири и тем более собственно кетов. Вместе с тем некоторые из этих теорий были и продолжают использоваться для этногенетических выводов, а языковое положение при этом постулируется как синоним этнического лица его носителей.

С конца XIX в. (Кастрен, 1858, 1860; Бэрн 1892) ведет свое начало гипотеза о связи енисейских языков с тибетско-китайскими, нашедшая активных сторонников в последующее время (Рамстедт, 1907; Доннер, 1916—1920 и др.) и получившая поддержку

119

и развитие в трудах современных исследователей (Леви, 1933; Боуда, 1957; Дульзон, 1966а).

Как одно из звеньев (крайнее западное) «праазиатских» языков, образующих цепь, соединяющую древние языки Сибири с индо-китайскими, тибетскими вплоть до индейских языков Северной и Южной Америки, считал возможным рассматривать кетский и коттский языки В. Г. Богораз (Богораз, 1927).

На основании лексических сопоставлений была высказана идея, что кеты являются остатком древнего тибетского населения, от которого ведут свое начало и североамериканские индейцы-атабаски (Collins, 1954).

Ареал выявляемых лингвистами связей енисейских языков и собственно кетского со временем значительно расширился. Все большее внимание начинают привлекать их связи с другими изолированными языками: баскским, кавказскими, бурушаским, юкагирским (Bouda, 1957; TAILLEUR, 1958, 1964; Дульзон, 1968б; Гецадзе, 1974), а также с индоевропейскими и некоторыми древними языками Передней Азии (Дульзон, 1969а; Вернер, 1969а; 1969б; Вернер, 1973). Все чаще звучит идея, согласно которой енисейские языки могут быть отнесены к существовавшей некогда, древней языковой системе палеоевразийского типа, остатки которой обнаруживаются на огромной территории от Пиринеев до Берингова пролива и в индейских языках Нового света (Holmer, 1953; Austerlitz, R. Jakobson G. Huttli-Worth, J. F. Beebe, 1959; Свадеш, 1965). Идея древней субстратной системы, к которой, возможно, восходят и енисейские языки, отдают должное и советские лингвисты (Дульзон, 1969б; Иванов, Топоров, Успенский, 1968; Вернер, 1973).

В последнее время широкое распространение получило выявление лексических этимологии из кетского и енисейских языков, которые часто рассматриваются как свидетельство реальных связей носителей сравниваемых языков. Попытки локализовать и датировать предполагаемые контакты представляют особенно большой этнографический интерес, если их можно увязать с археологическими, антропологическими, этнографическими и историческими данными. В связи с этим следует назвать гуннскую гипотезу происхождения енисейцев (Ligeti, 1951-51; Pulleyblank, 1963), получившую в дальнейшем некоторую разработку как в лингвистическом (Дульзон, 1966а; 1968а, 1968б), так и в историко-этнографическом аспекте (Иванов, Топоров, 1964; Вернер 1969а; 1973; Алексеев, 1973б).

Для изучения основных вех исторического прошлого енисейцев и собственно кетов большое значение имеет сравнительно-историческое изучение их языка и языка их исторических и современных соседей (тюркских, самодийских), начатое еще в 1950-х годах и чрезвычайно возросшее к настоящему времени (Hajdu, 1953; Bouda, 1957; Терещенко, 1957; Топоров, 1964; Дульзон, 1970а). При использовании этого материала для этно-

120

трафических разработок следует учитывать как степень изученности сопоставляемых языков, методику сопоставлений (соответствие требованиям фонетического, морфологического и семантического анализов), так и специфику языка как показатель преемственности этноса (Убрятова, 1973, 212—215). Выявленные широкие связи енисейских языков в большинстве своем еще требуют определения их природы (типологического, генетического или исторического начала) в каждом отдельном случае. Только при таком условии этот материал может иметь первостепенное значение для разработки проблемы формирования енисейской семьи, наиболее ранней локализации ее ядра и дальнейших взаимодействий.

Важными представляются данные о связях енисейских и собственно кетского языка с тюркскими и самодийскими (естественно, с учетом сравнительно-исторического анализа сравниваемых языков). В енисейских и тюркских языках выявляются существенные фонетические, морфологические, синтаксические и лексические параллели (Joki, 1952; Дульзон, 1966а; 1966б; 1971, 1974, 1975; Вернер, 1969а; Сат, 1969; Вирюкович, 1973; Демьяненко, 1973а, б; Гришина, 1975; Чиспияков, 1976).

А. П. Дульзон на основании изучения тюркской системы склонения (Дульзон, 1971, 1974, 1975) выдвинул гипотезу о том, что «тюркские языки сложились в результате переделки древнего языка енисейского типа» (Дульзон, 1974, 117). Известная сейчас для тюркских языков система склонения, по А. П. Дульзону, имела место уже в период тюркской общности в Центральной Азии, т. е. около трех тысяч лет назад (Дульзон, 1974, 109). Принимая эту гипотезу, существование енисейской языковой общности-основы следует отнести вглубь, за пределы I тысячелетия до н. э. Предложенная гипотеза, которая еще требует установления других тюркско-енисейских сходств на грамматическом и лексическом уровне (Doerfer, 1973; Дульзон, 1974), представляется перспективной не только для обоснования енисейско(кетско)-гуннских языковых параллелей, но и для решения вопроса языковой принадлежности гуннского ядра.

Все выявляемые енисейско-тюркские языковые соответствия должны быть по возможности проанализированы с точки зрения их предполагаемых корней: древних, исконно общих (от языка-основы) или историко-культурных, отражающих более поздние этапы взаимодействия енисейскоязычных и тюркских групп (от древнетюркского времени до XVII в.). Работа в этом плане уже проводится. Разновременные пласты енисейско-тюркских лексических параллелей выявлены З. П. Демьяненко, Э. Ф. Чиспияковым.

Нельзя оставить без внимания и отмеченное Е. А. Крейнови-чем сходство юкагирского языка с кетским и коттским, которое, по его мнению, не может быть объяснено только типологически. Это позволило Е. А. Крейновичу предположить вероятные контакты предков кетов и юкагиrow в районе Саян (Крейнович,

121

1958, 221—228). Любопытно, что А. П. Дульзон, критически воспринявший предложенные Е. А. Крейновичем параллели (Дульзон, 1966б, 78—87), на другом материале — топонимическом — пришел к аналогичному заключению о прежнем жительстве предков юкагиrow в Присаянье. Именно с этой территории, по мнению Дульзона, были принесены на север гидронимы, оформленные элементом *дон*, восходящим к иранскому «река» (Дульзон, 1961а, 371; Дульзон, 1964, 14—17). Следует добавить, что юкагирский язык рядом современных исследователей относится к уральской группе³.

Предки кетов начала XVII в., т. е. времени наиболее ранних исторических сведений о них, разделялись на «инбатских» (приписанных к Инбатскому зимовью) и «закаменных» (Закаменное зимовье), к которым следует отнести и остяков Сымско-Касской волости — дюканов. Первые известны под тремя названиями (с севера на юг): инбаки (бассейн Елогуя, левого притока Енисея; низовья Инбака, правого притока Енисея), богденцы (устье Вахты, правого притока Енисея) и земшаки (низовье Подкаменной Тунгуски). Всего в этих трех группах насчитывалось до 720 человек (Долгих, 1960а, 143—144). Их связывали взаимобращные отношения (инбаков, с одной стороны, и земшаков и бог-денцев — с другой, поскольку они были экзогамны). Потомки «закаменных остяков» и дюканов известны как сымские кеты, носители сымского диалекта⁴.

Среди названий кетов-инбаков XVII в., находящихся свою дальнейшую преемственность в кетской этнонимике (так называемые роды Хэнтянский, Булванский и Хонигетский), выделяется собственно Инбатский род. Потомки его далее известны как кеты, но, возможно, особое название эта

группа получила из-за своего не-кетского происхождения. К XVII в. эта небольшая группа, включавшая, вероятно, несколько семей (всего, по данным Б. О. Долгих, их насчитывалось 52 человека), могла быть поглощена кет-ским большинством.

По своему происхождению они могли быть связаны с теми южносамодийскими элементами, которые, переселившись на Север, явились составной частью будущих энцев. В. И. Васильев, исследовавший вопрос формирования энцев, сделал вывод о двух основных одновременных (после IX и после XIII вв.) волнах перемещений их предков (Васильев, 1974а, 173). Можно допустить, что какая-то группа из первой волны южносамодийских переселенцев на Север (после IX в.), продвигавшаяся по Кети, Тыму и Ваху на Таз, перешла в верховья Елогуя, а затем вышла на Енисей и осталась на Инбаке. Не исключено, однако, что это были выходцы из более поздних переселенцев (после XIII в.), путь которых проходил по Енисею (Васильев, 1974а, 173, 174). Название «земшаки» Б. О. Долгих идентифицирует со словом «сымшаки» (кетск. *сымден*) и видит в нем территориальное название прежних жителей Сыма, переселившихся оттуда на Енисей

122

в устье Подкаменной Тунгуски (Долгих, 1960а, 78—79). Большая часть земшаков была родственна богденцам, название всей этой группы, видимо, происходит от самоназвания вошедшей в ее состав группы семей, переселившихся на Енисей с Сыма.

Для социальной структуры кетов характерно разделение на две экзогамные половины (по происхождению они могут рассматриваться как две разросшиеся родовые группы). Названия обеих этих половин — Кэнтан. и Бокдэ]гет (Бокдэдец), известные с XVII в., находят свою преемственность в этнонимике южносибирских енисейцев, что позволяет предполагать генетическое родство их носителей. Есть основание полагать общенисейское происхождение этих этнонимов.

Историческими сородичами современных кетов Бокдэдец (бов-денцы XVII в.), видимо, были енисейскоязычные боктинцы (Вик-Тјin, бохтинцы, буктинцы, буклинцы), расселявшиеся, согласно русским историческим документам XVII в., в правобережных районах Верхнего Енисея, впоследствии тюркизированные (в составе хакасов известен род Бохулар енисейского происхождения) (Долгих, 1960а, 233-236; Потапов, 1957, 92-93; и др.). С этим же кетским этнонимом, видимо, следует связывать и такие топонимы, как Бохта земля, село Бохта, Погурская волость, ряд гидронимов (Богзас, Покзас и т. д.). Л. П. Потапов сопоставлял буклинцев XVII в. с народом «Беклийской степи», упоминаемым в одной из древнетюркских рунических (орхонских) надписей, где речь идет о событиях второй половины VI в. Большинство исследователей орхонской письменности связывают Bokli с наименованием северокорейского государства; представляется, однако, что нельзя отказываться и от гипотез его этнонимического происхождения (Потапов, 1963, 282—291). В любом случае, если уж связывать древнетюркское Bokli с енисейскоязычными боклинцами (буклинцами), то логично предположить здесь свидетельство древних связей создателей орхонской письменности с енисейским компонентом.

Буклинцы (бохтинцы), видимо, представляли собой родовые группы, входившие в XVII в. в состав ассанов (коттов) и аринов^{4,5}.

Среди хакаских этнонимов нетюркского происхождения имеется название Канг (Ханг), зафиксированное Г. Ф. Миллером, а позднее М. А. Кастреном в составе хакасов-койбалов, известных своим сложным (кетско-самоедско-тюркским) составом (Ка-стрен, 1860, 392). М. И. Боргояков считает род Канг кетского происхождения (Боргояков, 1969, 10). Сородичами их, возможно, была группа, продвинувшаяся в свое время на север и известная далее под родовым самоназванием I^энтац (*тац* — форма мн. ч. со значением «люди»). Этот вариант (наряду с преобладающей формой *ден*) зафиксирован в антропонимии курейских кетов (Дульзон, 1962а, 77). В XVII в. это был так называемый хэнтянский род в составе инбаков. По А. П. Дульзону, отдельные островки

123

именно этих кетов сохранялись среди тюркского населения Хакасии и в бассейне Томи до XVIII в., где с ними связаны гидронимы Конга, Кангма. Путь этой группы в бассейн Елогуя — путь так называемого знающего диалекта предков кетов (см. ниже) — отразился, согласно А. П. Дульзону, в таких топонимах, как Кё: нгунак (на Оби), Кёнга (на Парабели, притоке Оби), Кеанг-сес (Тым) (Дульзон, 1962а, 11—15).

Ретроспективный анализ этнонимов сымских кетов, потомков закаменных остяков и дюканов XVII в., позволяет говорить об участии в формировании этой группы собственно кетских (Ulj-get — Ол'гыт), кетско-пумпокольских (Тымдэгет — Тындэгет) и селькупских (Хайбанг, Имляк,

Тшипкан) элементов, а также предположить участие аборигенного (возможно, палеоазиатского) компонента, к лексике которого восходит этноним *юги* (*jui/гын*). Название «дюканы» является русско-эвенкийской (эвенк, *дюкул*) адаптацией этого этнонима (Алексеев, 1975).

Для курейских кетов из патронимии, Серковых известно на.-звание л'анарал' туттэн («сбежавшие от *лына*»). Серковы, по данным Б. О. Долгих, в XVII в. числились в составе елогуйской группы (потомков инбаков). Название отражает путь предков Серковых на Елогуй через Вах и взаимодействие с селькупам-лариатцами (ладай-кум) или хантами.

Непосредственным результатом изучения енисейских и других языков сибирских народов явилось введение в оборот нового и чрезвычайно важного источника — топонимических данных. Первостепенная роль здесь принадлежит А. П. Дульзону, установившему ретроспективным способом область древнего расселения и перемещений енисейцев, ареалы их взаимодействий с другими этническими элементами. Этот материал важен и для датировки (в основном относительной) предполагаемых процессов. Согласно А. П. Дульзону, местом сибирского расселения енисейцев (предков кетов, пумпоколов, ассанов, аринов, коттов) в Сибири на рубеже нашей эры был юг Западной Сибири. На этой территории А. П. Дульзон предполагает общее первоначальное направление передвижений с востока на запад и северо-запад (Дульзон, 1962а, 74). Это существенно для выяснения досибирского центра енисейскоязычного этноса. На топонимическом материале А. П. Дульзон наметил пути перемещений пумпоколов, аринов, ассанов, коттов на места их исторической известности (XVII в.), выделил ареалы их взаимодействий с иноязычным (тюркским, селькупским) населением.

Арины (гидроним *сет*) пришли в долину Енисея (преимущественно к северу от Красноярского отрога) поздно, в конце XVI в., из более западных районов (с Кети или Чулыма). Часть их вместе с качинцами спустилась в XVII в. в Минусинскую котловину и вошла в состав хакасов. Оставшиеся на Чулыме арины были тюркизированы, а на Кети — поглощены селькупам (Потапов, 1957; Долгих, 1960). Пумпоколы, по А. П. Дульзону,

124

в основном были тюркизированы на территории, отмеченной распространением их топонимов (гидроним *гер*), преимущественно на левобережье Енисея — от Кети до Кана — и в бассейне Тубы. Часть их с Кети перешла на Сым и вошла в состав сымских ке.-тов. Отдельные островки пумпоколов, оставшиеся на Средней Томи гидроним *тет*, вошли позднее в состав шорцев, а проживавшие на Тубе — в состав тубинцев и тувинцев. Ассаны (котты) первоначально жили между Енисеем и Каном, а также по Кану и, вероятно, к северо-востоку от него (рекам Бирюса и Уда). Большинство их растворилось среди эвенков, русского крестьянства и качинцев.

Среди собственно кетоязычных групп, т. е. предполагаемых предков кетов, оставивших свои топонимы на территории Средней и Западной Сибири, А. П. Дульзон выделяет группы «знающего» и «икающего» диалектов (с соответствующими гидронимами *сес* — *сие*). Первые некогда проживали в Саянах (в горнотаежных районах Верхней Томи, Верхнего Абакана, а также в северо-восточной части современной Тувы). Представители «икающего» диалекта также были обитателями горной тайги — их гидронимы известны в предгорьях Алтая (притоки Черного Иртыша на территории Северо-Восточного Сибиряка). Носители гидронимов *сес* — *сие*, кроме того, жили компактной группой на Среднем Иртыше (междуречье Иртыша и Васюгана, охватывающее на севере верховья р. Демьянки, а на юге — бассейн Тары).

Северную половину этой территории занимало «икающее» кетоязычное население (вероятно, наиболее ранние здесь кетоязычные жители, спустившиеся сюда с верховьев Иртыша), а южную — «знающее» (Дульзон, 1962). Выходцы отсюда и составили основную часть предков современных кетов. На места своей исторической известности уже в пределах Енисейского Севера, они, согласно данным топонимики, перешли, проделав путь с Иртыша и Васюгана через Обь, Тым и Сым, — в верховья Елогуй (какая-то часть могла выйти по Сыму на Енисей). Продвигались предки кетов, видимо, небольшими группами, состоящими из нескольких родственных семей, или отдельными семьями.

В носителях «знающего» диалекта, перешедших на Енисей из юго-западных пределов, достаточно уверенно можно видеть предков инбаков XVII в. Топонимические данные находят здесь подтверждение в этнонимике (см. выше). Не исключено, что какая-то группа этих предков кетов перешла на север по Енисею или по Томи через Обь и Кеть. Ими могли быть предки боктинцев XVII в. Выявляемая топонимическим материалом языковая общность носителей гидронима *сес* нашла преемственность в едином для потомков инбаков и боктинцев диалекте (инбатском). «Икающие» предки кетов осели на Сыме и Дубчесе (притоках Енисея). Влияние их языка

усматривается в языке их потомков — сымских кетов. А. П. Дульзон пришел к выводу, что «икающие» группы перешли на Енисей позже «знающих»; по-

,125

следний этап их переселения он относит уже к периоду, непосредственно предшествующему появлению здесь русских, т. е. к XVI в. Именно от них, согласно А. П. Дульзону, русские узнали гидроним Тым (Дульзон, 1962а, 60, 76).

Выявление субстратных и субсубстратных форм топонимов позволяет говорить о преемственности разноязычных этносов на одной территории (Дульзон, 1969в). Енисейские топонимы в обширном ареале между верховьями Иртыша и современной Иркутской областью могут быть признаны наиболее древними, им предшествовали только встречающиеся местами гидронимы индоевропейского происхождения. Южносамодийские топонимы в большинстве своем также более поздние. Верхний слой составляют топонимы тюркского происхождения, отражающие процесс тюркизации местного енисейско- и самодийскоязычного населения, зафиксированный историческими источниками. В лесной зоне кетские топонимы были перекрыты самодийскими и частично угорскими. Кетоязычное население следует признать наиболее ранними (из этнически определяемых) жителями бассейна Васюгана; после них сюда пришли предки селькупов, а последних, в свою очередь, сменили ханты (Дульзон, 1961а, 370). Этот вывод, который позволяет сделать топонимический материал, представляется очень существенным для этнического определения археологических культур эпохи железа и раннего средневековья на данной территории (в частности, Кулайской культуры).

Замена кетских топонимов селькупскими и частично хантыйскими отражает процесс расселения на обширной территории Приобья и к западу от Енисея селькупов (левые притоки Оби — Васюган, Парабель, Чая, Шегарка; правые притоки — Чулым, Кеть, Тым, Вах), потесненных затем кое-где хантами (Васюган, Вах).

Какая-то часть кетоязычного населения, оставшаяся на местах и на пути своего следования, была поглощена более поздними пришельцами (в Приобье, на Васюгане, Вахе, Кети и т. д.). Об этом свидетельствуют также антропологические, этнографические и археологические данные (Чиндина, 1975).

Археологические и антропологические данные. Территория современного расселения кетов археологически остается почти неизученной. Пробелы в археологической карте долины Енисея особенно ощутимы по сравнению с состоянием археологической изученности двух больших ареалов к востоку и западу от него, по отношению к которым Енисей занимает рубежное положение.

О древнем заселении этого региона человеком свидетельствует находка каменного скребка верхнепалеолитического типа. Немногочисленные неолитические орудия и керамика обнаруживают связь с неолитом Прибайкалья (Николаев, 1960). Единичные пока находки эпохи бронзы (нож, керамика) археологи увязывают с Карасукской и Тагарской культурами Хакаско-Минусинского юга Сибири (Николаев, 1960б; 1962).

126

Г. И. Андреевым в 60-х годах была осуществлена разведка района среднего течения Нижней Тунгуски, низовья и средней части Подкаменной Тунгуски. Согласно Г. И. Андрееву, материал с Нижней Тунгуски и среднего течения Подкаменной отражает связи с восточными и юго-восточными неолитическими культурами (Виллюй, Средняя Ангара, Илим). Представляет интерес, что материал с низовий Подкаменной Тунгуски тяготеет к иным районам — Красноярску, Западной Сибири (Андреев, 1969, 188-190). Л. П. Хлобыстин (Хлобыстин, 1973б, 163-166) предполагает здесь продвижение в таежное правобережье Енисея, Приангарье и далее на Западный Таймыр неолитического населения — носителей керамики байкитского типа, генетически выводимой из урало-казахстанского круга культур (III тысячелетие до н. э.).

Недостаточная археологическая изученность на сегодняшний день не дает возможности проследить на территории исторической известности и современного расселения кетов преемственность археологических культур до собственно кетской и поставить вопрос о том, кто предшествовал первым кетоязычным переселенцам на этой территории. В этом плане было бы очень важно обследование памятников, которые местное население (сымские эвенки) связывают с докетскими жителями — югами. Им приписываются оплывшие ямы от земляных жилищ, встречающиеся возле стариц и на берегу озер. Рассказывают, что возле ям находили черепки глиняной посуды, кости, изделия из металла. Ждет своего археологического обследования и территория в бассейнах рек, известных как пути следования кетоязычного населения (Тым,

верховья Ваха, Елогуя и др.).

Вопрос о нижней дате существования енисейскоязычного населения в Сибири, его культурной принадлежности в настоящее время нельзя считать решенным. В этом плане археологов и этнографов привлекали две южносибирские культуры бронзового-века: Карасукская и Тагарская. Гипотеза, согласно которой наиболее ранних предков кетов (точнее, енисейцев.— Е. А.) следует искать в культуре карасукского круга (XIII—VI вв. до н. э.), получила наибольшее число сторонников (В. Н. Чернецов, Б. О. Долгих, Л. Н. Гумилев, Н. Л. Членова, Э. А. Новгородова). Действительно, ареал распространения этих культур на обширной территории (Тува, Канская, Минусинская и Кузнецкая котловины, район Красноярска, южная часть лесной полосы Западной Сибири) совпадает с ареалом енисейско-кетских топонимов (Членова, 1975). Енисейско-кетские топонимы на Чулыме, Оби и других реках лесостепной и лесной зон Западной Сибири Н. Л. Членова связывает с распространением здесь близких к Карасукской Ирменской и Сейминско-Турбинской культур (Членова, 1964а, 278; 1975, 228).

В более южных и западных районах распространения карасукских памятников кетские топонимы неизвестны. Карасукские на-

127

ходки с территории исторической известности кетов остаются пока единичными и не дают возможности решать, отражают ли они какие-то переселения карасукцев на север или здесь имеет место проявление обменных отношений.

Ожидать прямых корреспонденции в культуре кетов и древних карасукцев, естественно, не приходится. Между ними стоит не только огромный временной разрыв, разные экологические, а следовательно, и хозяйственно-бытовые условия жизни, но и этнические взаимодействия предков кетов на разных исторических этапах вплоть до современности. И все же к называвшимся уже ранее параллелям (способ погребения, форма и орнамент подколенных подвязок, украшения в виде медных бляшек-пуговиц) (Долгих, 1961б, 109—112; Членова, 1975, 225—226) хотелось бы добавить еще несколько примеров. Существенным представляется тот факт, что в большинстве своем они выявляются в такой традиционно устойчивой сфере, как культ, или отражают нейтральные детали. Следует упомянуть характерные для предметов культа кетов медные пластины (овальные, подтреугольные) с точечным орнаментом, выбитым чеканкой изнутри (вписанные ромбы, крестообразные и зигзагообразные фигуры), мелкие выпуклые многоярусные бляшки (они бывают пришиты к одежде изображений умерших родственников-дангольсов), медные трубочки-пронизки (л'ориц), которые играли важную роль среди предметов шаманского культа. Они также использовались как пронизки для волос (устное сообщение А. П. Дульзона, 1969). Железные трубочки-пронизки (*ерин*) встречались в женских нагрудных украшениях, где они поочередно с бусами нанизывались на ровдужный ремешок. Названные предметы культа передавались из поколения в поколение по мужской линии, что допускает глубокие корни традиций и вероятность их долголетнего сохранения. Можно упомянуть также костяные кетские гребни, украшенные циркульным орнаментом, а также распространенный в прошлом обычай украшать резьбой рукоять (костяную или деревянную) ножа (преобладание косых насечек, зигзагообразных и ломаных линий).

С Тагарской (Динлинской) культурой Минусинского юга Сибири (VI — начало V в. до н. э.) кетов связывали С. И. Вайнштейн (С. И. Вайнштейн, 1951) и Р. В. Николаев (Николаев, 1962). По вопросу о возможности этнической принадлежности этой культуры скифского времени у археологов нет единого мнения. Кроме кетов, ее связывали с угорским (Л. Р. Кызласов), угро-самоедским (А. М. Мартынов), ираноязычным (Н. Л. Членова) компонентами. Н. Л. Членова ставит под сомнение саму принадлежность динлинов к тагарцам; по ее мнению, они должны быть отнесены к Таштыкской культуре (Членова, 1964б, 306—307).

Окончательное решение проблемы енисейской принадлежности наиболее ранних археологических культур — дело будущего. В связи с названными выше гипотезами хотелось бы сказать следующее.

128

Этническое определение археологических культур топонимическим материалом представляется безусловно перспективным, если можно быть уверенными в определенной хронологической синхронности обоих источников. Как уже говорилось, енисейские топонимы в Южной Сибири были повсеместно перекрыты тюркскими. Если связывать появление енисейского пласта топонимов с карасукскими памятниками, то неясно, почему не оставили следов в топонимике носители более поздних культур: Тагарской, Таштыкской, Больноереченской, ведь именно они, а не енисейские топонимы должны были бы предшествовать тюркскому слою.

В рамках гипотезы об ираноязычной принадлежности тагарцев находит свое объяснение существование в Южной Сибири топонимов индоевропейского происхождения. Но она, согласно А. П. Дульзону, предшествовала енисейской, следовательно появление енисейскоязычного этноса можно

ожидать в более позднее время. В связи с этим представляется важным заключение Н. Л. Членовой о том, что сведения о динлинах китайских летописей должны быть отнесены не к тагарскому, а к более позднему времени, последним векам до н. э., — III в. н. э. Этот период, как известно, был ознаменован появлением гуннов на Алтае и в Саянах и их проникновением в верховья Иртыша, Оби, Енисея. Взаимодействие пришлых кочевников монголоидов-гуннов и местных европеидов-динлинов нашло отражение в формировании Таштыкской культуры и смешанного по физическому облику типа населения, сохранявшего в определенном проценте европеоидные черты, унаследованные от своих предков (Алексеев, 1974а, 244).

Выше уже говорилось о получившей в настоящее время признание гипотезе о связи древнейшей истории енисейцев с гуннами, позволяющей предполагать, что какая-то часть племен гуннского государства говорила на енисейском языке (Pulleyblank, 1963; Дульзон, 1966а, 1968а; Вернер, 1969а, 1973). Представляется существенным уточнение Г. К. Вернера о том, что эта гипотеза не означает признания единого языка для всех гуннских племен. В мощный племенной союз, возглавляемый гуннами, входило множество разноразличных племен, покоренных гуннами или добровольно к ним примкнувших. В различных частях гуннского государства могли постепенно возобладавать тюркоязычные или мон-голоязычные компоненты. Этот процесс сопровождался растворением собственно гуннского языка, сохранявшегося более долго на северных окраинах (енисейцы Южной Сибири) (Вернер, 1969а, 126). Учитывая это, местный динлинский и енисейско-гуннский компоненты, возможно, следует считать наиболее ранними этническими компонентами, в результате взаимодействия которых оформилось енисейскоязычное население Сибири. При такой постановке вопроса убедительной представляется гипотеза о том, что потомки таштыкцев — енисейские кыргызы (или их часть) до перехода к тюркоязычию говорили на языке енисейского типа (Киселев, 1951, 560; Гумилев, 1967, 264; Вернер, 1969а, 126).

129

В связи со сказанным особое значение приобретает изучение памятников таштыкского круга, в частности периферийных, открытых в зоне енисейско-пумпокольской топонимики (Мартынова, 1969; Кулемзин, 1973).

Как уже отмечалось, непосредственные предки кетов перешли: па Енисей и с территории к западу от Оби (бассейн Среднего Иртыша, ограниченный на севере верховьями р. Демьянки, па востоке — Верхним Васюганом и бассейном Тары на юге). Плотный ареал кетской топонимики, предшествующей селькупской, свидетельствует об их достаточно длительном проживании здесь.

Прошлое предков кетов на этой территории было обусловлено общими историческими и этногенетическими процессами, характерными для лесной зоны Западной Сибири I тысячелетия. Археологическое изучение этой территории, особенно продвинувшееся за два последних десятилетия, свидетельствует о преемственности этнокультурных традиций, формировавшихся: здесь на базе достаточно однородных культур неолита и бронзового века.

Первое тысячелетие н. э. отмечено появлением неоднородных: культур, обусловленных участием в их формировании различных по происхождению компонентов как лесных, местных, так *ж* пришлых, южных. В этом нашла свое отражение сложность исторической ситуации, вызванной появлением гуннов в начале великих переселений (Чиндина, 1969, 183). В числе пришлых групп, сохранявших поначалу скотоводческие традиции, могли быть и кетоязычные переселенцы.

Население нарымского, томского и новосибирского Приобья: эпохи железа и раннего средневековья археологами связывается с будущими самодийцами, в основном с предками селькупов (В. А. Могильников, Л. А. Чиндина, М. Ф. Косарев), омское Прииртышье — с предками угров (В. Н. Чернецов, В. А. Могильников). Отмечаются тесные контакты населения этих территорий и возможные переселения, например проникновение самодийского компонента в Прииртышье и т. д. (Могильников, 1964, 1969а, б, 1973а). Достоверность таких выводов подтверждается наблюдаемой преемственностью культур раннего средневековья и этнически определенных памятников XVI—XVII вв. (например, для: селькупов — могильники Релка и Остяцкая Гора в с. Молчанове Томской обл.) (Сулев, 1969, 193-196; Чиндина, 1977, 134-135). Пребывание предков кетов в Западной Сибири в I тысячелетии н. э., известное по данным топонимики, не могло не быть отмечено взаимодействиями с формирующимся самодийским и: угорским населением. К этому периоду, вероятно, относятся корни их значительной культурной и антропологической близости, закрепленные в дальнейшем этническими контактами и сходными экологическими условиями.

Можно предположить, что в васюганском Приобье кетоязычное население встретило потомков Еловской культуры и вместе с

130

ними явилось одним из компонентов известной Кулайской культуры. Территория распространения памятников этой культуры включает нарымское, васюганское и томское Приобье, т. е. те районы, где известна кетская топонимика; время ее охватывает период от раннего железа до IX в. н. э. Этническая

многокомпонентность Кулайской культуры признается археологами единодушно, едины они и в том, что в кулайцах можно уверенно видеть предков селькупов (Р. А. Ураев, В. А. Могильников, М. Ф. Косарев, Л. А. Чиндина, Ю. Ф. Кирюшин). Р. А. Ураевым было высказано предположение, что язык носителей этой культуры мог быть близок кетскому (Ураев, 1959). Представляется, что ближе всех к истине стоит М. Ф. Косарев, отметивший, что в разных частях кулайского ареала в разное время мог преобладать то самодийский, то кетский, то угорский языковой элемент и что самодийский язык стал окончательно побеждать вряд ли ранее рубежа I—II тысячелетий н. э. (Косарев, 1974а, 153). Основные черты Кулайской культуры равно находят преемственность в культуре кетов, селькупов, хантов: рыболовческо-охотничье хозяйство, жилища, углубленные в землю, традиция поселений на мысах малых таежных рек и т. д. Можно добавить, что среди культовых вещей у кетов встречались предметы, аналогичные широко известным находкам из кулайских кладов (Мягков, 1927, 1929; Ураев, 1956). Одно из них — ажурное изображение лося, обнаруженное у подкаменнотунгусских кетов и опубликованное С. И. Вайнштейном (Вайнштейн, 1951, 5—6, рис. 2). Подобный же предмет упоминается В. И. Анучиным (Гос. архив УзССР, ф. 1726, оп. 1, д. 9, л. 100). Автору настоящей главы? довелось видеть и сфотографировать аналогичное изображение головы лося с вытянутой мордой у елогуйских кетов в 1971 г. Оно использовалось как подвеска к алэлу (изображение домашнего покровителя) ¹.

Культурное единство населения таежной полосы Западной Сибири, предков селькупов, энцев, хантов, кетов, их этнические контакты были нарушены в результате тюркской экспансии сначала в лесостепные, а затем и таежные районы. Памятники IX—X вв. уже отмечают смешение местных культур с тюркскими, инфильтрацию тюрков с Алтая в лесные районы Приобья и Притомья (Могильников, 1973б).

Следствием этого процесса, возможно, явилось переселение части кетоязычного населения вслед за самодийцами (Васильев, 1974а) с Оби на Тым, что положило начало их продвижения на Енисей. Вторая волна, вероятно, была связана с появлением тюрков-кыпчаков в Прииртышье, вытесненных татаро-монголами из степных районов, и относится к XIII в. К этому же времени, очевидно, можно отнести и продвижение кетоязычных групп по Енисею, вытесненных тюрками с его верховий и верховий Томи и Абакана.

131

В научной литературе издавна обращалось внимание на своеобразие внешнего облика кетов, подчеркивались их меньшая монголоидность по сравнению с соседним коренным населением и определенное сходство с американскими индейцами (М. А. Кастрен, Л. Мордвинов, Г. Н. Прокофьев, Б. О. Долгих). Изучение народов Сибири и накопление антропологических данных по кетам (Г. Ф. Дебец, В. П. Алексеев, И. И. Гохман) ⁸ позволили уточнить как само понятие американоидности, так и собственно их антропологическую характеристику. Советские антропологи относят современных кетов к уральскому антропологическому типу, хотя допускают, что эти черты кеты могли приобрести за последние два-три столетия под влиянием самодийских соседей, а их далекие предки могли обладать иным комплексом признаков. Сопоставление кетского, селькупского и ненецкого краниологического материала обнаруживает их большое сходство. Отмечается также краниологическая близость кетов с хантами и хакасами-бельтирами (Гохман, 1963). Характерно, что самодийские параллели более всего обнаруживают левобережные кеты (елогуйские, сургутинские и т. д.) или выходцы из этих групп, в то время как южные их соплеменники (подкаменнотунгусские) образуют локальную группу, генетически тяготеющую к некоторым южносибирским народам (в частности, к хакасам-бельтирам). Эти антропологические данные вполне согласуются с другими материалами. Современные левобережные группы кетов в основе своей составили потомки инбаков XVII в., предки которых еще до появления на Енисее имели за плечами несколько веков близких контактов с самодийским и угорским населением Западной Сибири. Н. С. Розов, рассматривая селькупский краниологический материал, относящийся к XIII—XIV (Десятовский могильник) и XVI вв. (Пачангский), выделил особый тип («А»), который близок кетскому, и пришел к выводу, что «один из кетских компонентов представлен в общем антропологическом типе селькупов» (Розов, 1958, 148—149). В. А. Дремов ведет эту преемственность вглубь до VII—X вв. (Дремов, 1967, 71). На краниологическом материале также выявляются следы пребывания предков кетов на Вахе (Чугунов, 1893, 87—88; Дебец 1947 118; Дремов, 1967, 41).

В антропологической специфике современных левобережных кетов не могли не сказаться и тесные связи, включающие взаимобрачные отношения кетов и северных селькупов, продолжающиеся более трех веков уже в условиях Енисейского Севера (Дебец, 1947, 127, 128, 133).

Особенности подкаменнотунгусской группы (сходство с хакасами-бельтирами) могут быть объяснены тем, что в ее формировании приняли участие предки кетов, спустившиеся сюда с верховьев Енисея, Абакана и не подвергавшиеся непосредственному угро-самодийскому влиянию ни в древности, ни после переселения.

Этнографические и фольклорные данные. Этнографический материал неоднократно привлекался для изучения проблемы кетского этногенеза. С. И. Вайнштейном была сформулирована гипотеза о двух компонентах в составе кетов, в одном из которых автор предполагает северный аборигенный пласт неизвестной этнической принадлежности, а в другом, южном, — татарские (динлинские) племена Среднего Енисея (Вайнштейн, 1951). С точки зрения двух компонентов — пришлого и аборигенного — изучал отдельные стороны материальной культуры и идеологии кетов Б. О. Долгих (Долгих, 1934, 1952а, 1952б, 1961б), связывая пришлый элемент с носителями Карасукской культуры эпохи бронзы в Южной Сибири. Идея формирования культуры кетов под влиянием разных компонентов, которые в общей форме можно относить к южным пришлым и аборигенным, присуща и более поздним работам (Иванов и Топоров, 1964; Алексеенко, 1967, 1976). Вопрос о разных компонентах, принявших участие в формировании кетов, в связи с исследованием этногенеза селькупов поднимала Г. И. Пелих (1972б). Накопленный к настоящему времени этнографический материал позволяет заключить, что в традиционной культуре кетов к XIX — началу XX в. преобладали черты, сложившиеся на основе хозяйственного комплекса пеших охотников и рыболовов таежных областей Южной и Юго-Западной Сибири.

Некоторые элементы материальной культуры (землянка с чувалом, свайные лабазы, ровдужная и меховая распашная парка из одной шкуры, обувь из головки и пришивного голенища, ручная нарта, камусные лыжи), своеобразные приемы обработки местного материала (бересты, дерева, травы), а также такие особенности идеологии, как чрезвычайно яркий и многообразный культ промысловых животных (прежде всего культ медведя, лося, ценных пушных зверей) и т. д., обнаруживают близость с теми же явлениями у других представителей этого хозяйственно-культурного круга: у древних южных самодийцев, селькупов, обских угров, северных алтайцев, шорцов, таежных хакасов (Алексеенко, 1967).

Особо следует выделить элементы специфической рыболовецкой культуры, которые сложились, видимо, в период преобладания рыболовства в хозяйственной жизни предков кетов при расселении их по рекам Западной Сибири и продвижении по ним на места своего более позднего жительства.

Некоторые черты этого комплекса находят аналогии у селькупов, обских угров и, возможно, генетически связаны с общим древним аборигенным компонентом, принявшем участие в их формировании. Сюда следует отнести способы заготовки рыбных продуктов впрок, использование рыбьей кожи для изготовления домашней утвари, традиции речной ориентировки погребений, речной семантический вариант размещения воображаемых миров, где верхний мир возводился к истокам, а нижний — к низовьям реки (наряду с представлениями

133

о расположении миров по вертикали в мировом дереве, соединяющем их), культы отдельных рыб (налима, карася), иносказательная форма человеческого жертвоприношения Хоседам в виде выуженной шаманом рыбы, некоторые особенности шаманства (ср. Кулемзин, 1976) и т. д. Следует сказать о существовании у кетов традиционной меры расстояния по изгибам («коленам») рек.

Характерны в этом плане замечание В. И. Анучина о том, что кеты «про любой народ спрашивают, на какой реке сидит и много ли рек до него надо пройти», а также отмеченные им кетские тамги в виде остроги, рыб (Гос, архив УзССР, ф. 1726, он. 1, д. 2, л. 150; д. 9, л. 61).

В новых условиях на Енисейском Севере кеты сохранили черты традиционной культуры, сложившейся ранее на территории их бывшего расселения, так как охотничье-рыболовецкий быт и здесь остался для них определяющим.

В условиях Енисейского Севера в хозяйственно-бытовом укладе кетов появились новые элементы, связанные с распространением у части их транспортного (в зимнее время) оленеводства: глухая меховая одежда, высокая камусная обувь, нарты, упряжь. Конструктивная типология, терминология, связанная с этими элементами культуры, не оставляют сомнения в их позднем заимствовании у северных самодийцев (энцев, ненцев). Об этом же говорят и фольклорные данные. Характерно, что оленеводство появилось только у левобережных кетов, т. е. там, где (междуречье Таза и Енисея) происходили контакты кетов с северными самодийцами; подкаменнотугусская группа на протяжении всей своей истории оставалась безоленной. Новая отрасль была приспособлена к традиционному укладу и не вызвала в нем существенных изменений (Алексеенко, 1969).

В охотничье-рыболовецкой по внешнему облику культуре кетов выявляются также черты, свойственные совсем иному типу культуры, сложившиеся на основе кочевого скотоводства и связанные с южносибирскими и центральноазиатскими этническими пластами.

Выше уже говорилось о длинной халатообразной одежде кетов из сукна (котлам). Она однотипна другому виду длинной распашной одежды с матерчатым стеганым верхом и меховым подкладом (бэсем). О южном происхождении обоих видов одежды, связанной с влиянием кочевников, впервые было сказано С. И. Вайнштейном (1951, 67). Деталь этой одежды — ластовица (*колтыца*], *холтыца*]),

вшившшаяся в пройму рукавов, обнаруживает терминологическое сходство с древнетюркским *qoltiq* (подмышка) и словами «подмышка», «ластовица» у хакасов (холтых), киргизов (колтук) (Хакасско-русский словарь, 1953; Киргизско-русский словарь, 1965).

Упомянутую распашную одежду кеты носили, запахнув полы на левую сторону (правая пола сверху), с напуском, подпоясав длинным (до трех метров) поясом из куска ткани. Традиция за-

134

пахивания полы на левую сторону, равно как и подпоясывание длинным поясом, являются устойчивым и важным этническим признаком, характерным для одежды центральноазиатских и южносибирских кочевников. Корни этой традиции уходят в древ-нетюркскую и гуннскую эпохи (Руденко, 1962, 39; Вайнштейн, Крюков, 1966, 182—185). Название пояса у кетов (кг/г) аналогично общетюркскому (*кур-хур*), также известному с древнетюркского времени.

К элементам одежды, порожденным влиянием кочевого быта предков кетов, следует отнести также штаны, изготовлявшиеся из ровдуги, вытесненной впоследствии покупной тканью, и сохранившие до начала XX в. особенности покроя, характерные для этой одежды у хакасов, алтайцев, тувинцев, киргизов, башкир. В них присутствует главная деталь, вызванная к жизни требованиями верховой езды, — очень широкая вшивная мотня из перегнутого горизонтального полотнища. Енисейское название штанов (*ален, алан*) сопоставимо с древнетюркским «низ», «нижняя часть» (*al*) и киргизским «мотня», «промежность» (*алаа*). Самым древним свидетельством бытования поясной одежды, однотипной с кетской, являются находки из Ноинулинских гуннских курганов (рубеж нашей эры). Древние кочевники носили сходные штаны на вздержке, без прорехи, с широкой мотней, которая выкраивалась из одного цельного куска ткани (Руденко, 1962, 32, 33).

Комплекс одежды, обусловленной генетической связью со скотоводческо-кочевническими компонентами в составе кетов, дополняет вариант обуви (или ноговиц) с кососрезанным краем голенища. По Г. М. Василевич, косой срез голенища составлял специфику обуви народов Саяно-Алтая, знакомых с верховой ездой (Василевич, 1963, 59—60). С южносибирскими традициями у кетов, вероятно, связано бытование чулок (суконных, холще-вых) с клином, образующим подъем, и употребление своеобразных, всегда орнаментированных подколенных подвязок, закреплявших мягкую обувь на ноге.

Этнографическая действительность не сохранила еще один вид кетской обуви, название которой — *sagdi*, переведенное М. А. Ка-стреном как «сапоги», до сих пор употребляется в том же значении (так, например, кеты называют фабричные кирзовые сапоги). Согласно А. П. Дульзону, проанализировавшему кетско-гуннские лексические сопоставления, предложенные Э. Г.

Паллиблэнком, слово *с'агдъ, сагдъ*, означает обувь (сапог) из крепкой кожи, в которой можно ходить без боязни, что она прорвется (Дульзон, 1968а, 188). Вывод А. П. Дульзона о заимствовании гуннами этого термина из кетского (енисейского) языка предполагает бытование у предков современных кетов неизвестного теперь вида обуви из кожи. Кожаная обувь характерна для скотоводческих народов и широко представлена у алтайцев, тувинцев, хакасов, киргизов и других наездников.

135

Основное жилище кетов было двух видов — конический чум и землянка. Оба вида сосуществовали с древних времен, еще до переселения предков кетов на Енисейский Север, но происхождение их связано с разными этническими компонентами. Этнографический и терминологический материал позволяет утверждать, что чум был известен предкам енисейцев до землянки (Вайн-штейн, 1954, 39—43). Чум был широко распространен в Сибири и за ее пределами как у охотничьего, так и у скотоводческого населения. Конструктивные особенности кетского чума (соединение основных шестов остова обручем) присущи не только некоторым северным соседям кетов (северным селькупам, ваховским хантам), где возможно позднее заимствование, но и ряду тюркских народов — шорцам, алтайцам, тубаларам, якутам.

О тюркском влиянии говорят и терминологические параллели. Кетское название двух передних (дверных) шестов (*алата-]-'-дац; ац* — шест) восходит к древнетюркскому *alaciq*, широко встречающемуся в разных фонетических вариантах в качестве названия разнообразных временных жилищ и хозяйственных построек (в том числе и чума) у тюркоязычных народов. В памятниках древнетюркской письменности оно встречается в значении «шатер» (*alasu*). У. Иогансен, специально исследовавшая происхождение этого термина, пришла к выводу, что в исходном варианте он употреблялся как наименование конического чума (Johansen, 1966, 189). Большой интерес для изучения генезиса кетского чума имеет предложенное А. П. Дульзоном сопоставление его названия (*кус'*) со средневековой транскрипцией наименования жилища у гуннов (Дульзон, 1968а, 141).

Примеры южносибирских соответствий из сферы материальной жизни кетов можно было бы продолжить. Они проявляются в терминологии и некоторых способах приготовления пищи (мука — *талэн*, ср. с древнетюркским *talqan*; колбаски из кишок медведя и др.), в характере наиболее распространенных наконечников стрел, в том числе так называемых свистунок, известных у алтайцев и

древних тюрков, и т. д.

Важнейшим источником для изучения истории енисейскоязычных групп, и прежде всего собственно кетов, являются народное мировоззрение, религиозные представления, культы и обряды. Как и в других сторонах культуры кетов, здесь выявляются различные пласты, связанные с разными этнокультурными компонентами, участвовавшими в формировании народа. С представлениями и обычаями, отражающими мировоззрение древних охотников и рыболовов (промысловые верования, особенно ярко проявляющиеся в культе медведя и т. д.), уживались обряды и обычаи, порожденные кочевым скотоводческим бытом. Последние, как представляется, прослеживаются в некоторых особенностях обрядов, связанных с погребением умерших.

До начала XX в. у кетов сохранялся обычай забивать при похоронах личного оленя умершего. Голову оленя при этом отреза-

136

ли и подвешивали на кол у могилы. При погребении иногда забивали и зарывали с умершим его собак (Кривошапкин, 1865, 143). Аналогичные обрядовые действия, только с конем, прослеживаются у южносибирских кочевников с древнетюркского времени до конца XIX в. Обычай держать в стаде не запрягаемого священного оленя (чаще белой масти) логично сравнить с обрядом посвящения лошадей у алтайцев, хакасов, киргизов. Наконец, обряд жертвоприношения черной и белой овцы (коровы) у алтайцев-кумандинцев находит аналогии в забивании оленя (собаки) черной или белой масти по требованию кетского шамана при лечении больного.

Материал по кетскому шаманизму также свидетельствует о одновременности формирования отдельных представлений и развития атрибутов, обусловленных разными этническими влияниями. Многие черты сближают его с шаманизмом древних и современных кочевых народов Саяно-Алтая; представления о семи-слойном верхнем мире, расположенном по вертикали (наряду с упомянутым выше горизонтальным, где ему отводится место у истоков Енисея), явно усложненный для мировоззрения первобытных охотников пантеон, связанный с этим верхним миром, сходство деталей в костюме и атрибутах, необходимых при камлании в верхний мир, их семантика, и др. Прямые соответствия обнаруживает обряд оживления бубна у кетов и народов тюрко-монгольского мира, К тюркским, южносибирским традициям, видимо, следует отнести и особую сакральную роль медного котла (свадебный обряд, шаманский культ, фольклорные сюжеты о «семиушных» котлах и т. д.), особенности культа семейных охранителей (алэ-лов) и т. д., а в социальной сфере — пережитки таких явлений, как калым, выкуп, кровная месть (лексика, трансформированные варианты). Особое место занимают косвенные свидетельства знакомства давних предков кетов с письменностью (Иванов, Топоров, Успенский, 1968, 7).

Важное значение для реконструкции ранних этапов истории кетов имеют фольклорные материалы, сбор, публикация и изучение которых в настоящее время отличаются высокой интенсивностью (Куприянова, 1973).

Специально исследованием кетского фольклора как этногенетического источника занимается Р. В. Николаев. Им в частности, сделана попытка выделить на этом материале четыре формы хозяйства, которые могли соответствовать разным этническим группам, принявшим участие в этногенезе кетов (Николаев, 1973, 192 — 193). Это, безусловно, перспективное направление исследования, если оно проводится с учетом других материалов этнографических. Этнографические данные не позволяют, однако, видеть в мифологическом образе кайгуса предполагаемых Р. В. Николаевым исконных жителей тайги.

137

имеет место развитие ранних промысловых представлений. Мифология и лексика свидетельствуют о формировании представлений о кайгусе в период горно-таежного обитания предков кетов в Южной Сибири (Алексеев, 1977, 44—46).

На основании сравнительного анализа хакасского эпоса «Ал-бынжи» и кетского цикла об Альбе Р. В. Николаев делает интересный вывод, что хакасский эпос сложился в дотюркский период в Южной Сибири, на более ранней, кетской, основе (1974, 145—151). К этой же серии южносибирских соответствий, возможно, следует отнести качинское предание об исчезновении енисейскоязычных кайдынцев после того, как они убили и съели ходившего в железных путах священного «небесного» коня-изы-ха (пересказ предания, записанного Е. К. Яковлевым; Боргояков, 1973, 176), с широко распространенным кетским сюжетом об упавшем с неба медном коне (в вариантах — лосе, гrome) и гибели людей, съевших его (Алексеев, 1970, 162). Существенно заметить, что второй вариант связан с родовым преданием кетов Богдэ-гет, выходцев из буклинцев, в числе которых в «Буклинской земле» XVII—XVIII вв. упоминаются кайдынцы (Долгих, 1960, 233—236). Интересно в рассматриваемом плане предание об Ольгите, возвращающемся с севера после войны с ненцами «на землю южного неба» — свою родину. Ему, однако, удается достигнуть только берегов Подкаменной Тунгуски, где он и остается, превратившись в прибрежные скалы (записано М. Н. Балл; опубликовано

А. П. Дульзоном, 1972, 43—47, 121 — 122).

Исторический интерес могут представлять предания о югах — песчаных людях (утиных людях). Их исконным местом жительства называется междуречье Ангары и Подкаменной Тунгуски; подчеркивается враждебное отношение к кетам и особый язык; в числе занятий упоминается рыболовство («сельчиковыми котца-ми»), охота петлей на зайцев и глухарей; промысел линияющей дичи, косули, медведя. Интересно упоминание об использовании югами отравленных стрел.

В. И. Анучиным в начале XX в. было записано предание о переселении части инбатских кетов на Сым и смешение их с югами. Эти данные, дополняемые другим материалом, в частности сведениями о составе населения, именуемого югами, позволяют достаточно уверенно говорить о докетском, аборигенном компоненте (Алексеев, 1975).

В кетском фольклоре выделяются и другие примеры, которые предположительно можно связывать с древнесибирским компонентом, но они пока не находят увязки с какой-то конкретной территорией или этнической группой: жилища (землянки) с входом через крышу, обычай скальпирования врага, поедания его печени и сердца и др. Интерес могут представить сказки, где действует враждебная кетам «земляная» (*сирис* — ср. *сиртя* — *сихаргя* — у северных самодийцев), одетая в глухую одежду из медвежьей шкуры.

138

Вяч. Вс. Иванов сравнивает осуществленную им реконструкцию одного кетского предания с мифом о разорителе гнезда с орлятами у американских индейцев (Иванов, 1973а; 1973б). Отмечаемые сходства автор определяет не только как типологические, но как свидетельства возможных генетических связей предков кетов и индейцев, оставляя открытым вопрос, сохранился ли этот миф у кетов от ранней общенисейской эпохи или он отражает более поздний этап?

Непосредственным историческим источником служат фольклорные данные, отражающие поздние этапы этнической истории кетов: союз их с селькупам, столкновения с эвенками и северными самодийцами (энцами, ненцами), заимствование у последних оленей и т. д. Следует отметить большую близость некоторых кетских фольклорных сюжетов селькупским, хантыйским.

Как и для других народов, этногенез кетов представляется сложным процессом этнического взаимодействия различных по происхождению, языку и культуре групп, происходившим на разных территориях в течение очень длительного периода вплоть до исторической действительности. Пока что остается открытой проблема территории первоначального складывания енисейской языковой общности, культурной и этнической принадлежности древнего населения, носителей этого языка. Эта проблема выходит за пределы собственно сибирского ареала; можно только полагать, что предшествующий сибирскому этапу истории енисейцев был связан с Центральной Азией.

Еще предстоит обосновать наиболее раннюю культуру (или культуры), с которой можно уверенно связывать енисейцев, оставивших следы своего былого проживания на обширной территории между Иртышом и Енисеем. Накопленный к настоящему времени материал (лингвистический, этнографический) позволяет достаточно уверенно доводить время южносибирского обитания енисейцев до гуннской эпохи. На повестке дня стоит разработка конкретной истории енисейцев в том сложном этническом конгломерате, который представляли собой древние кочевники-гунны.

Дальнейшая история енисейцев характеризуется длительными взаимосвязями с тюрками (начиная с древнетюркского времени и кончая завершением этих процессов в XIX в.).

Историческая судьба енисейскоязычного этноса чрезвычайно сложна. Наиболее близкие к нам ее этапы ознаменовались дроблением на мелкие группы, растворением в иноязычной среде (енисейские элементы приняли участие в формировании отдельных групп хакасов, тувинцев, шорцев, северных алтайцев, селькупов, энцев), миграциями небольших осколков.

Миграционные процессы были обусловлены общей исторической ситуацией в Южной и Юго-Западной Сибири, сложившейся главным образом в результате разновременных этапов тюркской экспансии.

Основные волны переселений предков кетов относятся, видимо, к IX—XIII вв. Конечным результатом таких переселе-

139

ний явилось, в частности, оседание немногочисленных групп кетоязычного населения на Енисейском Севере, составивших ядро, из которого сформировалась кетская народность.

Собственно кетская проблема начинается с выявления среди енисейцев наиболее реальных предков кетов. Данные топонимики позволяют предполагать, что они обитали в начале н. э. в горнотаежных районах Южной Сибири. В первой половине I тысячелетия состоялось, видимо, переселение кетоязычных групп в район Среднего Иртыша — Васюгана, где они жили некоторое время и находились в тесных контактных отношениях с предками селькупов и, вероятно, хантов, а затем в период дальнейшего продвижения па Енисей, — с собственно селькупам и хантами.

Сложность и разнокомпонентность этнического формирования кетов находит свое отражение, и в особенностях их традиционной культуры, в которой выявляются разные по происхождению комп-

лексы: кочевнический и охотничье-рыболовческий (в последнем выделяются горно-таежный охотничий и специфически рыболовческий пласты).

¹ Ассанов XVII в. некоторые исследователи рассматривают как часть коттов (Миллер, 1937, 48; Долгих, 1960а, 246; Алексеенко, 1967, 30; Васильев, 1974а, 138).

² Исчерпывающая аннотированная библиография по кетам на конец 1960-х годов составлена В. Н. Топоровым (Топоров, 1969, 243—284).

³ По Н. М. Терещенко (1974, 35).

⁴— ⁵ Численность «закаменных остяков» (700 человек в 1628 г.) сократилась до 40 человек к началу XVIII в. (Долгих, 1960а, 147—148).

⁶ Об этнической судьбе буклинцев см.: Васильев, 1974а, 138, 163.

⁷ Негатив снимка этого предмета хранится в МАЭ.

⁸ Материалы антропологического обследования кетов, осуществленные ИЗ АН СССР в 1965—1967 гг., подготовлены к печати.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ЭТНОГЕНЕЗ ЮКАГИРОВ И ТУНГУССКИХ НАРОДОВ

Глава первая ЭТНОГЕНЕЗ ЮКАГИРОВ

История формирования юкагиров, обитателей континентальных областей Крайнего северо-востока Сибири, хотя и затрагивается во многих работах, исследована крайне слабо в связи с бедностью источников. Археологические исследования области расселения юкагирских племен начаты сравнительно недавно и, несмотря на значительные результаты, еще далеки от завершения. В конце XIX в., когда началось этнографическое изучение юкагирской культуры, ее малочисленные носители, затерянные в дебрях Колымского края, в значительной степени перемешались с эвенгами (ламутами), якутами и утратили свою самобытность в области материальной и отчасти духовной культуры. Лингвистам известны лишь два диалекта юкагирского языка — тунд-ренный и колымский. Омокский и чуванский диалекты исчезли ко времени научного изучения юкагиров.

Документальные исторические источники XVII в. свидетельствуют, что к приходу русских юкагирские племена занимали огромную территорию от Лены до Анадыря (Огородников, 1924; Долгих, 1960а, 379—442). Фольклорные материалы рисуют юкагиров многочисленным народом, по сибирским масштабам (Сарычев, 1952, 65). Юкагирских костров, по преданиям якутов, было так много, как звезд на небе в ясную морозную ночь. Птицы, пролетавшие над юкагирской землей, становились желтыми от дыма костров юкагиров (Огородников, 1922, 272).

Большинство исследователей склонны видеть в современных юкагирах потомков древнейшего аборигенного населения северо-востока Сибири. В. И. Иохельсон полагал, что юкагиры в глубокой древности перешли через Берингов пролив в Северную Америку, а затем, после потепления, отступления ледника, вновь вернулись в Сибирь. Однако эту гипотезу он не смог подтвердить фактическими данными.

Анализ археологических и этнографических материалов, касающихся Ленского края, привел А. П. Окладникова к заключению, что из современных племен Севера имеют больше всего

141

оснований претендовать на прямое происхождение от древнейшего этнического пласта Якутии юкагиры, обитавшие на этом пространстве до якутов и тунгусских племен (Окладников, 1955б, 292).

Следует отметить, что существует и расширительное понимание термина «юкагиры». Так, Б. О. Долгих условно именовал юкагирами охотников за диким северным оленем и рыбаков внутренней части северо-востока Азии, указывая, что вместо названия «юкагиры» вполне можно было бы пользоваться выражением северные палеоазиаты или внутриматериковые северо-сибирские палеоазиаты (Долгих, 1952б).

М. Г. Левин считал юкагирским все неолитическое население не только Ленского края, но и Прибайкалья. «Прослеживаемый в археологических материалах Прибайкалья комплекс,— писал он,— связывается не с эвенками, а с дотунгусским — «палеоазиатским» в широком смысле слова — населением Восточной Сибири, предположительно — с юкагирами» (Левин, 1958, 187).

Однако новые накопленные материалы о древнем населении Прибайкалья позволяют считать этот регион особым очагом неолитического этногенеза, близким к Ленскому, но все же специфичным (Окладников, 1970; Рычков, 1961, 24).

Рассмотрим данные, освещающие этногенез юкагиров.

Археологические памятники свидетельствуют о довольно раннем заселении человеком территорий, некогда осваивавшихся юкагирами. Так, А. П. Окладников находит в полосе от среднего течения Лены до Чукотки уже в неолите культуру неолитических охотников на дикого оленя, подобную той, которая была характерна для юкагиров (Окладников, 1963в, 106—123). Основываясь на материале многослойных поселений в низовьях р. Лены и на Алдане (стоянки

Сылаах, Ымыяхтах и др.), А. П. Окладников пришел к выводу, что историческое развитие неолитических племен Якутии шло на автохтонной основе, без каких-либо крупных изменений этнического состава коренного населения, способных существенно влиять на облик его культуры. Люди, осваивавшие Ленский край, были, очевидно, прямыми потомками палеолитических охотников, проникших в Якутию (Окладников, 19556, 133; 1970, 186).

Значительный интерес для периодизации памятников этой полосы Восточной Сибири и установления этнокультурных связей представляет многослойная стоянка Балькачи-1 на Алдане (Мо-чанов, 19696). Опираясь на стратиграфию этого памятника, Ю. А. Мочанов дает следующую периодизацию каменного века Якутии: 1) поздний палеолит — VIII—V тысячелетия до н. э.; 2) ранний неолит — IV тысячелетие до н. э.; 3) средний неолит — III тысячелетие до н. э.; 4) поздний неолит — II тысячелетие до н. э.

Памятники позднего — голоценового — палеолита, по наблюдениям Ю. А. Мочанова, локализируются в бассейнах Вилюя, Алда-

142

на и среднего течения Лены. Это сезонные угодья охотников, которые занимались и рыболовством. У людей, оставивших эти памятники, бытовали жилища типа чума. В этот период еще не использовались луки, о чем свидетельствует отсутствие наконечников метательных орудий. Видимо, в это время формируется уклад, который затем с различными локальными особенностями сохраняется на всем протяжении неолита в тайге и тундре.

Позднепалеолитическая культура рассматриваемой зоны имеет целый ряд тождеств с чукотскими материалами и древними археологическими культурами Американской Арктики, с кремневым комплексом Демби в частности (Диков, 1964а, б; Giddings, 1964).

Верхний неолит характерен известной вариабельностью «верхних» стоянок на надпойменных террасах и «нижних» — на высокой пойме. Памятники раннего неолита (сылаахская культура) имеются в нижнем течении Лены, на Индигирке и распространяются на запад до Таймыра — до правого берега

Хатанги.

Этот период характерен преобладанием в культуре древнего населения охоты и относительной оседлости. В это время у древних охотников появляются лук (встречены многочисленные наконечники стрел) и сетчатая керамика.

В среднем неолите отмечается наивысшее развитие обработки каменных орудий. Однако тот же образ жизни, сформировавшийся в ранне неолитическое время, сохраняется почти без изменений. Особенностью керамики этого времени являются отпечатки шнура, а орудий — ступенчатые тесла, тесла с усиками и двусторонние, ретушированные треугольные наконечники стрел с асимметричными жалцами. Памятники раннего неолита (белька-чинская культура) распространяются от Хатанги до бассейна Анадыря. Практически белькачинская культура перекрывает временно ту территорию, которую занимали юкагиры ко времени прихода русских. На Североамериканском континенте аналогом керамики этой культуры является керамика Вудленд.

Поздне неолитическая (ымыяхтахская) культура встречается на той же территории. По мнению Ю. А. Мочанова, этот период характерен обособлением археологической культуры. Ымыях-тахцы селятся на приустьевых мысах, в долинах рек и на берегу озер. Они ведут «полуоседлый» образ жизни. В тайге добывается главным образом лось, в тундре — дикий северный олень.

Прослеживаются круглые в плане, обложенные по окружности камнями жилища. Поселения расположены на надпойменных террасах. Охотничье оружие состояло из ножей, копий и луков со стрелами. Ымыяхтахский кремневый комплекс отличают от каменных орудий предыдущего этапа меньшие размеры. Костяные орудия представлены наконечниками копий и ножей с каменными вкладышами, шильями, иглами, отжимниками и ретушерами. Керамические сосуды по большей части имеют яйцевид-

143

ную форму. Они покрыты характерными «вафельными» отпечатками.

В настоящее время накоплен значительный материал, позволяющий очертить область распространения Ымыяхтахской культуры, датирующейся по радиоуглеродному методу III — II тысячелетиями до н. э.

Археологическое изучение древних стоянок долины р. Колымы показало, что она была заселена носителями этой прилен-ской культуры. Древние обитатели Колымы, судя по материалам стоянок, находились в тесных связях с населением бассейнов Нижней и Средней Лены, а также Алдана

(Федосеева, 1975, 88-89).

Большой интерес имеют памятники пограничной зоны между Западной Сибирью и территориями на восток от Таймыра, исследованные Л. П. Хлобыстиным. Так, при раскопках стоянки Тагенары-П в междуречье Авама и Хеты Л. П. Хлобыстин обнаруживает остатки бескерамической культуры охотников за диким оленем периода IV—V тысячелетий до н. э. (Хлобыстин, 1969, 141—142). По его мнению, это были первые группы охотников, которые проникли в высокие широты во время климатического оптимума и позже, в период ухудшения климата (рубеж III — II тысячелетий до н. э.), выработали именно те характерные черты Арктической культуры, которые прослеживаются у многих народов приполярной зоны.

В междуречье Оленека и Хатанги Л. П. Хлобыстин обнаруживает для II — I тысячелетий до н. э. культуру охотников на дикого северного оленя — буолколлахскую культуру, которая имеет прямые аналоги в поздненеолитической культуре, выделенной Ю. А. Мочановым. Так же, как и в ымыяхтахских памятниках, здесь встречаются наконечники стрел трехгранной «напильничковидной» формы и керамика с «вафельным» узором. По мнению Л. П. Хлобыстина, буолколлахская культура генетически связана с памятниками Нижней Лены.

Инвентарь неолитических стоянок в долине р. Оленек обнаруживает несомненную близость к ленскому и свидетельствует о том, что освоение бассейна этой реки шло с востока (Константинов, 1970, 73—93).

Таким образом, поздненеолитическая (ымыяхтахская) культура охватывала огромную территорию от Хеты до Чукотки. Некоторая близость культуры к юкагирской, известной нам по поздним этнографическим данным, является основанием для этнической характеристики носителей ымыяхтахской культуры. По мнению ряда исследователей, в них можно видеть пра юкагиров (Окладников, 1955б; Хлобыстин, 1973б). Несколько иное мнение по этому вопросу высказал Ю. А. Мочанов. «За археологическими культурами каменного века Якутии бесспорно стояли предки многих народов. Отдельные от них, вероятно, не дожили до наших дней, другие же переселялись на новые области. В> . "какой-

то степени можно предполагать что часть поздненеолитического населения оказала определенное влияние на формирование предков северо-восточных палеоазиатов» (Мочанов, 1969, а, б).

Однако сопоставление территории расселения «северо-восточных палеоазиатов», т. е. народов чукотско-корякской языковой группы, и распространения белькачинской и ымыяхтахской культур в Восточной Сибири не подтверждает этого вывода. Если рассматривать раннеолитические памятники как исходный вариант поздненеолитической культуры, локализованной на определенной территории и культурно обособленной, то можно говорить о расселении на территории от Таймыра до Чукотки уже в VI тысячелетии до н. э. какого-то древнего населения, более или менее однородного по своим культурным признакам. Это соображение в известной мере согласуется с гипотезой В. Н. Чернецова об этапах освоения высоких широт, т. е. белькачинцы распространяются в Приполярье и Заполярье приблизительно в то же время, что и уральцы на территории Западной Сибири и Европейского Севера. Таким образом, смена культур представляется эволюцией исходного варианта.

Конечно, не следует считать, что носители неолитической культуры Якутии и прилегающих районов развивались совершенно обособленно. Неолитические племена Якутии находились в связях с племенами Прибайкалья, а также с населением Дальнего Востока и крайнего северо-востока Азии и с Северной Америкой (Окладников, 1955а, б).

Интересна стоянка Маймечи на Хете, обследованная Л. П. Хлобыстиным, относящаяся к I тысячелетию до н. э. Здесь вместе с характерным неолитическим инвентарем и сетчатой керамикой были обнаружены лабретки. Их наличие Л. П. Хлобыстин трактует как этнизирующий признак, доказывающий родство древнего населения Таймыра и Северной Америки (Хлобыстин, 1972а, б, 1973б, в; Турина, Хлобыстин, 1972а, б). Однако более вероятно предположить, что на Таймыр проникли какие-то группы морских охотников из Берингоморья.

Предки юкагиров, освоившие огромные пространства Восточной Сибири, следует думать, были все же крайне малочисленны. Таежные районы Ленского края, верховья Колымы, Индигирки, Яны и Оленека в силу своих природных условий, видимо, никогда не были густо заселены человеком (Окладников, 1941, 178). Все же предки юкагиров, возможно, оказали известное влияние на соседние племена иного этнического происхождения. Неудачи в промысле заставляли их время от времени мигрировать на соседние территории. В III тысячелетии до н. э. на Чукотку, как показывают археологические данные, проникает из Якутии сетчатая керамика, а в I тысячелетии до н. э. — шнуровая. Воздействие неолита Якутии выражается и в распространении характерных

типов каменных изделий, таких, как ступенчатые тесла (Очерки истории Чукотки..., 1974, 29), Носители

145

усть-бельской культуры (I тысячелетие до н. э.— начало п. э.) находились в непосредственных контактах с населением Северной Якутии. Очевидно, в создании ее приняли участие и предки юкагиров (Диков 1961а, б). Это подтверждается и антропологическими данными. Анализ черепа из Усть-Бельского могильника показал, что в нем имеются и признаки, характерные для арктической расы, и признаки байкальского типа, характерного для юкагиров (Гохман, 1961).

Как следствие проникновения юкагирских групп на Охотское побережье в последние века до н. э. в литературе объясняется возникновение в древнекорякской культуре внутриконтинентальных керамических традиций (сосуды с оттисками сетки-плетенки, ложнотекстильная керамика), восходящих к ленскому неолиту (Василевский, 1971, 173—174).

Таким образом, археологические памятники севера Восточной Сибири хронологически совпадают с периодом освоения человеком высоких широт в Западной Сибири. Археологические культуры континентальных районов от Хеты до Анабары допустимо связывать с предками юкагиров. В то же время прослеживается бесспорная связь этих памятников с западными регионами Приполярья и Заполярья, заселявшихся древними уральцами. Как уже говорилось выше, уралоязычные автохтоны, осваивавшие в послеледниковый период высокие широты, вошли в качестве субстрата в состав известных северных народов. Это хорошо прослеживается на примере энцев, ненцев, нганасан и др. (см. раздел об уралоязычном этническом субстрате). В западных регионах расселение этого субстрата и формирование культуры охотников на дикого северного оленя относится ко времени термического оптимума, что в известной мере согласуется с формированием раннеолитической культуры Якутии (по Ю. А. Мочанову). Можно рассматривать раннеолитические и позднеолитические памятники как генетически связанные. Нельзя исключать и этническую двухкомпонентность древнего населения, которое некогда расселялось на тех территориях, которые принадлежали юкагирам. Если допустить, что первые насельники северной тайги и тундры Западной Сибири были генетически связаны с уральцами, то и для территории Восточной Сибири выявляются аналогии древним этническим процессам Западной Сибири и Европейского Севера, т. е. и на этот древний уральский недифференцированный северный субстрат наложились выделившиеся юкагироязычные элементы, которые и составили поздне-неолитическое население.

Этническая интерпретация археологических данных территории севера Якутии в известной степени подтверждается лингвистикой. Обнаруженные в археологических памятниках Восточной Сибири параллели с памятниками, которые связываются с уральцами, соответствуют генетическим связям языков уральской языковой семьи и юкагирского.

146

Как известно, основы научного исследования юкагирского языка были заложены в конце XIX в. В. И. Иохельсоном. Он не только собрал необходимые материалы, но и попытался их проанализировать (Иохельсон, 1892, 1900, 1934). Изучение языка юкагирских групп показало несхожесть его с языками соседних народов. Указывая на характерное для юкагиров слияние нескольких слов в одно слово, В. И. Иохельсон высказал предположение о родстве юкагирского языка с языками коренных народов Северной Америки (Iohlielson, 1899). Однако его предположение не подтвердилось. Уже в начале XX в. было обращено внимание на соответствие некоторых слов юкагирского языка в словах финно-угорских языков. Сводка по этому вопросу приведена Е. А. Крейновичем (1958, 6).

Углубленное исследование юкагирского языка в плане связи его с языками финно-угорских народов было произведено И. Ан-гере (Angere, 1956). Он предложил рассматривать юкагирский язык как прауральский, как язык, находящийся в известном родстве с языками уральской языковой семьи. Согласно представлениям И. Ангере, юкагирский язык и уральский восходят к единому древнему родству. И. Ангере не называет время языкового обособления юкагиров и не определяет период языкового единства, так как для определения языкового тождества им был использован сравнительно ограниченный круг лексических соответствий.

Тот же метод позволил еще раньше Б. Коллиндеру (Colliander, 1940, 1955, 1958, 1960) более определенно говорить о принадлежности юкагирского языка к уральской языковой семье.

Возможность относить юкагирский язык к уральской семье признали К. Буда (Bouda, 1940), Д. В. Бубрих (Бубрих, 1948, а), И. Н. Мещанинов (Мещанинов, 1948), Е. А. Крейнович (Крейнович, 1958) и др. Такая неопределенность позиций была вызвана двумя причинами. Первая заключалась в чрезвычайной скудости юкагирского лингвистического материала. Как известно, изучение юкагирского языка началось сравнительно недавно — в тот период, когда сохранились всего лишь два диалекта — тундровый и лесной. В то же время для XVII в., по аналогии с другими народами рассматриваемой зоны, можно предположить у юкагиров существование многих языков и диалектов, соответствующих территориальным группировкам, как это было, например, у северных самодийцев.

Вторая причина неопределенности позиций перечисленных исследователей состояла в неразработанности методики изучения и определения языковых подобию. Детальная разработка этой проблемы позволила Оливье ги Тайеру доказать бесспорную принадлежность юкагирского языка к уральской языковой семье (Tailleur, 1959).

Принадлежность юкагирского языка к уральской языковой семье позволяет говорить об обособлении предков юкагиров от исходного ареала, о языковом, а следовательно, и этнокультур-

147

яом разделении уралоязычных народов вообще. В этой связи прежде всего обращает на себя внимание факт значительного отличия юкагирского языка от других языков уральской языковой семьи. При сравнении всех языков этой семьи выявляется более значительная степень отличия юкагирского языка, нежели языков финнов, самодийцев и угров. Этот факт может быть объяснен прежде всего более длительным периодом изолированности юкагирского языка или языков, что могло быть следствием прежде всего некоторой несинхронности заселения Восточной Сибири и западных областей уральцами. В Восточной Сибири не было таких мощных ледниковых формообразований, которые имели место на западе от Таймырского п-ова. Восточная Сибирь оказалась пригодной для жизни человека значительно раньше, чем Западная и север Европейской части. Проникновение древних уральцев в северные районы Восточной Сибири могло произойти раньше, чем началось расчленение их в районах, близких обеим сторонам Уральского хребта. Предположительно это время можно отнести или к интерстадиалу между периодом распада урало-алтайской языковой общности и периодом существования недифференцированной уральской языковой общности, к началу распада уральской семьи.

Праюкагиры были самым ранним пластом уральцев, продвинувшихся на Север. Более длительный период изоляции и определил большую степень языковых отличий насельников высоких широт Восточной Сибири (Симченко, 1976).

Значительная метисизация и немногочисленность юкагиров существенно затрудняют антропологическую характеристику аборигенов северо-востока Сибири и ограничивают роль антропологии в исследовании этногенеза юкагиров.

Попытки исследовать антропологию юкагиров предпринимались уже в начале нашего столетия. Л. Д. Иохельсон-Бродская по весьма ограниченной программе описывала антропологические типы Колымского края и юкагиров в частности (Иохельсон-Бродская, 1907). Изучением краниологического типа юкагиров занимался Г. Ф. Дебец (Дебец, 1951). Наиболее детальная разработка антропологической характеристики юкагиров сделана И. М. Золотаревой (Золотарева, 1968; 1975). Ею были рассмотрены все данные, использованные предшественниками, а также собраны соматологические и серологические материалы в низовьях рек Колымы, Индигирки, Алазеи, Чукочей, Ясачной и Нелемной. Достаточно широкий круг источников позволил И. М. Золотаревой сделать несколько важных выводов относительно антропологического типа юкагиров и его месте в расогенезе народов Сибири.

Как уже говорилось выше, Г. Ф. Дебец и М. Г. Левин при рассмотрении расогенеза тунгусской общности относили антропологический тип юкагиров к байкальской группе. Точнее, антропологический тип юкагиров в рассмотрении Г. Ф. Дебца и М. Г. Левина сопоставим с байкальской группой. При этом юка-

148

гирский компонент выступает как древний этнический пласт, определивший антропологический тип тунгусов Восточной Сибири.

Ориентировочное сравнение комплексов признаков, сделанное И. М. Золотаревой, подтвердило в общем точку зрения, по которой юкагирские группы в целом тяготеют к эвено-эвенкийской общности, играя роль древнейшего пласта, с которым взаимодействовали пришлые тунгусоязычные группы. В то же время сравнение антропологических типов юкагиров и чукчей и якутов выявляет существенные отличия. Таким образом, по антропологическим данным юкагиры бесспорно относятся к урало-алтайскому ареалу, а не к «палеоазиатскому».

Заслуживает внимания произведенное И. М. Золотаревой сопоставление антропологического комплекса признаков, выявленных у юкагиров, с одной стороны, и нганасан, генетически восходящих к самым ранним этническим пластам Таймыра и прилегающих территорий — с другой.

И. М. Золотарева отметила их большую близость по ряду признаков с древнейшими расовыми типами на территории Сибири, восходящими к единой исходной форме. Антропологические данные позволили ей высказать предположение о еще большей связи физических типов нганасан и юкагиров в прошлом, когда они образовывали достаточно однородную антропологическую общность с древнейшим населением Енисейско-Ленского междуречья (Золотарева, 1975). Это в известной степени согласуется с языковыми данными.

Близость юкагирских племен к древнейшему автохтонному населению Ленского края и прилегающих

областей подтверждается этнографическими данными.

Юкагирские племена в то время, когда они стали известны русским, представляли собой своеобразную аморфную этнолингвистическую общность, плохо осознававшуюся самими юкагирами, но воспринимавшуюся как единое образование окружающим их населением. На территории, осваивавшейся юкагирами, судя по материалам XVII в., существовал ряд традиционных устойчивых типов хозяйственной деятельности, приспособленных к специфике местных климатических условий (Гурвич, 1975). В верховьях Колымы, Индигирки, Яны юкагиры занимались речным рыболовством, охотой, имели ездовых собак. Основным объектом охоты был лось. Местами сосредоточения юкагиров были речные участки, «ямы» около нерестилищ, где осенью скапливалась рыба. Лук, стрелы, самоловы, тальниковые невода, морды, переметы из костяных или деревянных спиц служили основными орудиями производства. Транспортные средства были представлены скользящими лыжами, подбитыми камусом и голицами, ручной нартой с рулем-оглоблей, берестяными и долблеными лодками. Собаки применялись на охоте, на них также перевозили несложный скраб во время перекочевок (Иохельсон, 1898).

149

Более специализированным было хозяйство предков тундровых юкагиров. Они вели подвижный образ жизни, совершая за стадами диких оленей регулярные перекочевки от лесотундры к морю. Видимо, основой существования была массовая загонная охота на этих животных и охота на речных переправах во время осенних миграций оленей с севера на юг. Подсобными, но важными отраслями хозяйства служили охота на лыных гусей, рыболовство. Существенную роль в их жизни играло собирательство (Иохельсон, 19006; Iochelson, 1924). Тундровые юкагиры были оленеводами. Домашние олени использовались в основном как средство транспорта.

Возможно, своеобразную хозяйственную группу представляли собой оседлые юкагиры в устьях рек. Основой их существования служили рыболовство и охота на диких оленей во время переправ через реки. Разумеется, в отдельных локальных группах материальная культура имела свои отличия, специфические детали.

Значительным архаизмом отличались обычаи и религиозные представления юкагиров. Только у юкагиров были зарегистрированы пережитки культа предков. Юкагирские обычаи расчленения и мумифицирования тела умерших шаманов не находят аналогий в обычаях окружающих народов. Архаические особенности прослеживались и в общественных отношениях юкагиров. Матрилокальность браков, добрачная свобода девушек, билинейный счет родства, своеобразная структура рода, состоявшего из единокровных родичей и свойственников, также свидетельствуют о том, что юкагиры унаследовали элементы общественного устройства далекого прошлого. Все это может рассматриваться как косвенное свидетельство близости юкагиров к древним аборигенам севера Восточной Сибири.

Для понимания происхождения юкагиров многое дает сравнительный анализ их культуры и потомков северных уральцев. Обращает на себя внимание известная генетическая связь са-моедоязычных групп Таймыра и западных юкагироязычных групп (Симченко, 1968). Осознание этого родства было замечено Б. О. Долгих, приведшим примеры присоединения юкагиров к нганасанам в середине XVIII в. (Долгих, 19526, 63). Здесь уместно напомнить, что старые авторы и географы помещали нганасан — «самоедов-тавгийцев» — между Енисеем и Леной (Strahlen-berg, 1730). Здесь же упоминаются некие «самоедо-юкагиры». В качестве общих элементов культуры охотников на дикого оленя, сохранившихся в качестве реликтов у юкагиров, можно назвать способы охоты на копытных (поколка, употребление оле-ней-манщиков и пр.), особенности орудий охоты (простой лук и др.), специфику жилищ и одежды, общественное устройство и мировоззрение.

Большая часть этих соответствий восходит, видимо, к глубокой древности. Однако следует учитывать и то, что в Енисейско-

150

Ленском междуречье имели место длительные и глубокие контакты западноюкагирских племен и восточных самодийцев. Об этом ярко свидетельствует фольклор северных якутов, нганасан, эвен-лов (Гурвич, 1973, 105-106).

Различия между типами хозяйства и особенностями культуры нганасан и тундровых юкагиров сложились вследствие ряда причин. Несомненно, сказалось территориальное обособление. На характер хозяйства предков нганасан оказали влияние эвенки (тунгусы), в особенности южные самодийцы, а на юкагиров — эвены (ламуты). Последние, видимо, проникли в область расселения юкагиров задолго до прихода русских в Сибирь. Эвенское влияние сказалось на всем облике материальной культуры юкагиров. От них они восприняли оленеводство, что привело к значительным изменениям и в хозяйстве, и в характере быта.

На формирование юкагиров воздействовали также предки северо-восточных палеоазиатов. В традиционной культуре юкагиров прослеживаются элементы, указывающие на связь с палеоазиатской

культурой — пережитки обряда трупосожжения, гадания по подвешенным предметам, жертвоприношение собак, представление о возрождении душ, особая роль ворона в мифах, хотя у юкагиров он не выступает, как у коряков и чукчей, в роли ми-роустроителя. Отметим ряд элементов в области материальной культуры, общих для чукчей и коряков, с одной стороны, и юкагиров — с другой. Это прежде всего оленья упряжь и дугокопильные нарты, толкуша — блюдо из толченого вяленого мяса с жиром и ягодами, способы украшения одежды жгутами из крашеной дерпичей шкуры и т. д.

Таким образом, имеющиеся источники показывают, что юкагиры сложились на древней уральской основе, эволюционировавшей вследствие поступательного развития производительных сил и производственных отношений в специфических условиях севера Восточной Сибири. Предки юкагиров испытывали сильное влияние этнических групп, складывавшихся в Прибайкалье и на крайнем северо-востоке Сибири, а также сами приняли участие в их формировании.

151

Глава вторая ЭТНИЧЕСКИЕ КОРНИ ТУНГУСОВ

Тунгусы (эвенки и эвены) заселяют огромное пространство от междуречья Оби и Енисея на западе до Охотского моря на востоке и от полярной тундры Восточной Сибири на севере до Амура на юге. Отдельные группы тунгусов проживают в Китае и Монголии.

Необычайно широкое расселение тунгусов в сочетании с их небольшой численностью представляет собой уникальное явление в человеческой истории. Исследователи уже давно пытаются определить область первоначального формирования тунгусов и время их распространения по Сибири.

Существует большое количество гипотез, объясняющих происхождение тунгусов. Наиболее ранней и популярной у прежних исследователей является маньчжурская гипотеза. Ее последователями были такие ученые, как Ф. И. Страленберг, И. Г. Георги, И. Э. Фишер (XVIII в.), Н. Я. Бичурин, М. А. Кастрен, Л. И. Шренк, В. П. Васильев (XIX в.), И. А. Лопатин, В. Г. Бо-гораз, В. И. Иохельсон, К. М. Рычков, В. И. Огородников (XX в.).

Исходя из бесспорной близости тунгусского языка к маньчжурскому большинство названных исследователей отождествляли сибирских тунгусов с маньчжурами и другими, более древними обитателями Маньчжурии. Однако их построения носили, как правило, априорный характер и не подкреплялись фактами конкретной истории.

Некоторые исследователи связывали с происхождением тунгусов степные районы, примыкающие с юга к Байкалу. К их числу относились в XIX в. Г. И. Спасский, В. Горский, К. Гикиш, в XX в. — Ю. Д. Талько-Грынцевич, А. Н. Максимов, В. И. Сосновский.

Наиболее систематически данная версия изложена в работе К. Гикиша, который отождествлял тунгусских предков с киданями, точнее, с остатками последних после разгрома киданей чжурчженями в начале XII в. (Hieckisch, 1888, 31).

Концепция Гикиша исходила из господствовавшего в его время представления о киданях как о тунгусоязычном народе. Дешифровка киданьского письма показала, однако, что кидани говорили на одном из диалектов монгольского языка («Материалы по дешифровке...», 1970, 6).

Этнографическая аргументация Гикиша выглядит весьма произвольной и натянутой. Несмотря на это, его гипотеза послужила основой для этногенетических построений С. М. Широкогорова, который считал, что прародиной общих предков маньчжуров и тунгусов являлась область между реками Желая (Хуанхэ) и Янц-

152

зы (Архив ИЭ, К-2, оп. 1, д. 167, л. 90, а; д. 164, л. 353—356) '.

Аргументация, выдвинутая Широкогором, столь же произвольна, как и аргументация Гикиша.

Широкогоров описывал воображаемые события этнической истории тунгусов, не опираясь на факты реальной действительности. Его гипотеза была подвергнута обстоятельной критике со стороны советских исследователей Е. М. Залкинда (1947), А. П. Окладникова (1950а), М. Г. Левина (1958).

Многие исследователи рассматривали тунгусов как автохтонов Сибири. В данной группе ученых мы встречаем имена Г. Ф. Миллера (XVIII в.), А. Ф. Миддендорфа (XIX в.), Г. В. Ксенофонта (1937), А. М. Золотарева (1934, 1939), Г. М. Василевич (1949, 1969) и др. Среди гипотез, выдвинутых указанными исследователями, наиболее яркой и законченной представляется гипотеза Г. М. Василевич.

Исследовательница эвенков считала, что территория их предков находилась в таежной местности, примыкающей к Байкалу с юга. После выхода пратунгусов на Амур там в процессе их взаимодействия с местными «палеоазиатами» сформировались маньчжуры. Данный процесс Г. М. Василевич приурочивала к первым векам нашей эры (Василевич, 1969а, 17).

Материальным подтверждением своих взглядов Василевич считала памятники глазковской эпохи на Верхней Ангаре и Верхней Лене, датируемые XVIII—XIII вв. до н. э. По мнению Василевич, неолитические племена той эпохи говорили на языках, из которых позднее развились языки алтайской лингвистической общности (Василевич, 1969а, 39—40).

Со взглядами Василевич во многом совпадают взгляды А. П. Окладникова. Концепция Окладникова основывается на мнении, что «этнографический комплекс, характерный для прибайкальских эвенков», равно как и свойственный им антропологический тип, существовали уже «у людей глазковского времени на Ангаре, Лене и в низовьях р. Селенги около 3—4 тыс. лет тому назад» (Окладников, 1955, ч. III, 9). Окладников полагает, что из района Байкала первые тунгусы-оленьеводы продвинулись на Средний Амур и в Северную Маньчжурию, где «неизбежно становились земледельцами, начинали разводить свиней, лошадей и коров вместо оленей» (Окладников, 1968б, 39—42; Окладников, Дервянко, 1973а, 296-299).

Как известно, главной деталью этнографического комплекса тунгусов считается нагрудник — принадлежность их традиционной распашной одежды (в сочетании с «фраком»). Гипотетическая реконструкция нагрудника по расположению бус, кружков из нефрита и других украшений в погребениях людей глазковской эпохи являлась для Окладникова одним из основных аргументов в пользу отнесения их к тунгусам (Окладников, 1950а, 40—41). Однако существование подобной легкой одежды у явно оседлого неолитического населения Прибайкалья представляется маловероятным².

153

Антропологическое сопоставление древних насельников Прибайкалья с тунгусами было проведено в 1930 г. Г. Ф. Дебецем. Он выделил тогда два местных антропологических типа: монголоидный и европеоидный. Первый, названный им «байкальским», Дебец сближал с типом современных эвенков того же района, а также эвенов (ламуты). Позднее, после накопления новых антропологических данных, Дебец пересмотрел свою позицию в этом вопросе, которая, по его выражению, основывалась «на весьма поверхностном представлении о краниологической классификации монголоидов Северной Азии». В обобщающей работе 1951 г. Дебец охарактеризовал неолитические черепа Прибайкалья как относящиеся к недифференцированному (протоморфному) монголоидному типу, или «как особую форму монголоидной расы» (Дебец, 1951, 91—93). В 1956 г. Дебец прямо указывал, что «неолитические черепа Прибайкалья несколько отличаются от черепов современных эвенков, якутов или бурят» (Дебец, 1956, 62). К аналогичным выводам пришел и М. Г. Левин, исследовавший краниологическую серию из Верхненского могильника, раскопанного А. П. Окладниковым в 1950—1951 гг. (Левин, 1956, 318). Таким образом, более тщательное изучение палеоантропологических материалов Верхней Лены и Верхней Ангары не позволяет отождествлять древних обитателей указанного района с тунгусами.

К числу сторонников автохтонной гипотезы принадлежит также С. А. Федосеева, обследовавшая в 1959—1963 гг. археологические древности Верхнего Вилюя. Федосеева установила «близость древних верхневилюйских культур с прибайкальскими», а в самом характере этих культур нашла даже «черты сходства древнего населения Верхнего Вилюя с эвенкийскими племенами, обитавшими здесь в XVII в.» В связи с этим ею было высказано предположение, что «территория Верхнего Вилюя с неолитического времени входила в ареал формирования и последующего развития наиболее северных эвенкийских племен» (Федосеева, 1968, 168-169).

Вместе с тем более поздние по времени археологические памятники Верхнего Вилюя, содержащие изделия из железа, не имеют, по признанию самой Федосеевой, органической связи с его древним неолитическим комплексом. «Внутреннее развитие» от неолита к железу тут «не прослеживается». Нет никакого сходства в орудиях труда и керамике между нижними и верхними культурными слоями (Федосеева, 1968, 89). Иными словами, очевиден хронологический и культурный разрыв между памятниками эпох неолита и железа. Можно ли в таком случае говорить о «преемственности» в развитии культуры населения Верхнего Вилюя «на протяжении примерно пяти тысяч лет — с IV тысячелетия до н. э. по I тысячелетие н. э.», о чем заявляет Федосеева в заключительной части своей работы? (Федосеева, 1968, 168).

154

Речь, по всей видимости, идет о локальном варианте неолитической прибайкальской культуры на Верхнем Виле. Данное обстоятельство, интересное само по себе, не дает, однако, оснований связывать этот вариант с тунгусами. Что касается появления на Верхнем Виле железных орудий, относящихся к I тысячелетию н. э., то оно объясняется фактами весьма позднего проникновения туда отдельных тунгусских и тюрко-монгольских групп, хорошо знакомых с металлами.

С иных позиций подошли к разработке этногенеза тунгусов антропологи И. И. Майнов и М. Г. Левин. Их взгляды до некоторой степени синтезируют построения сторонников степной и автохтонной гипотез. По мнению Майнова, предки тунгусов вышли на Ангару и Верхнюю Лену «из западной части Забайкалья, которое и должно было явиться исходным пунктом движения тунгусов на Вилею и на Енисей». Выйдя в Северную Сибирь, предки тунгусов («высокорослый», или «южный», элемент) смешались с ее аборигенами («низкорослый элемент»), в результате чего образовались современные тунгусы, также представленные двумя этими типами. Майнов не уточнял, кого он имел в виду под этим «древним, исконно туземным элементом, утратившим некогда свой язык и свою национальность»,

но, судя по всему, он предполагал в нем «финнов», т. е. прауральский пласт (Майнов, 1898, 95—96, 117, 171).

Гипотеза М. Г. Левина очень близка к идеям, высказанным Майковым. Ко времени выхода в свет работы Левина (1958) было известно, что сибирские тунгусы представлены по крайней мере тремя антропологическими типами. Байкальский тип, характеризующийся наибольшей монголоидностью, объединяет эвенков Северного Прибайкалья, различные группы эвенков и юкагиров, а также тунгусоязычные народы Приамурья и Приморья. Центральноазиатский тип, распространенный в прошлом среди тунгусов-скотоводов Южной Сибири³, характерен также для якутов, бурят и монголов. Катангский тип (по эвенкийскому названию Подкаменной и Нижней Тунгусок — Катанга) представлен в основном эвенками, живущими в обширном районе между двумя этими реками и Тазом, а также распространен среди восточных тувинцев и тофаларов (Левин, 1958, 96, 135, 1960, 4).

По наличию у части тунгусов признаков центральноазиатского типа Левин пришел к заключению, что «область формирования тунгусских языков, генетически родственных с языками тюркскими и монгольскими», находилась восточнее Байкала, по соседству с областью формирования тюрко-монгольских народов (Левин, 1958, 198—199). Изучение деталей и терминологии тунгусского оленеводства убедило Левина в том, что идея использования оленя под седло и выюк была заимствована тунгусами от народов, знавших выючно-верховое коневодство. Такими народами могли быть в первую очередь монголы и тюрки (Левин, 1960, 9).

155

Рассмотрение особенностей эвенкийского языка показало, что расселение тунгусов по Северной Сибири было делом сравнительно недавнего прошлого. К такому выводу Левин пришел на основании того, что при всех различиях между говорами и диалектами эвенкийского языка «они сохраняют настолько близкую основу грамматического строя и словаря, что возможно взаимопонимание представителей самых отдаленных говоров» (Левин, 1958, 197).

Формирование современных антропологических типов тунгусов, а также локальные особенности их культуры Левин, как и Майков, связывал с ассимиляцией ими аборигенного населения Северной Сибири, которое он условно именовал «юкагирами». «Распространяясь по Северной Сибири и ассимилируя дотунгусское население этих территорий, тунгусоязычные племена воспринимали очень многие черты хозяйства и культуры аборигенов — охотников и рыболовов таежной зоны — и сами растворялись в массе аборигенного населения», — писал Левин (1958, 204). Предполагаемый у обитателей глазковских стоянок этнографический комплекс он не связывал с предками тунгусов.

Работу Левина выгодно отличает то, что она основана на конкретном материале и критически обобщает все сделанное в данной области антропологами, археологами, лингвистами, и этнографами. Разделяя основные положения гипотез Майнова и Левина, автор настоящей главы излагает материалы, позволяющие уточнить различные данные, относящиеся к сложной проблеме этногенеза тунгусов. До прихода русских в Восточную Сибирь, т. е. до конца XVI — начала XVII в., тунгусы как таковые в письменных источниках практически не упоминаются. Впервые этноним *тунгус* встречается в записке, поданной Генрихом Штаденом в 1577 или 1578 гг. Георгу Иоганну, графу Фельденскому (Бахрушин, 1955, 142). Личное имя или прозвище «Тунгуз» носил в XIII в. один из представителей татаро-монгольской администрации в Средней Азии. Этот Тунгуз был послан «на служение» к хану Угедю сыном умершего правителя Хорасана и Ирана, подчиненного Угедю (Рашид-ад-Дин, 1960, т. 2, 46). Налицо, таким образом, весьма позднее появление в письменных памятниках имени или этнонима *тунгус*.

Имеющиеся данные археологии и палеоантропологии не предоставляют возможности выделить тунгусов или их предков из среды древних насельников Сибири. Археологические памятники Прибайкалья, Приамурья, Якутии и Дальнего Востока рисуют неолитических обитателей этой гигантской области в основном как оседлых и полuosедлых рыболовов, собаководов, знавших гончарство. Соотносить это население с тунгусами —

156

кочевыми охотниками-олeneводами, какими мы их знаем по историческим и фольклорным источникам, нет достаточных оснований.

Как известно, большинство исследователей рассматривают оленеводство как весьма позднее культурно-историческое явление, возникшее под влиянием коневодства. Наиболее ранние сообщения об оленеводах датированы V—VII вв. н. э., и все они, за исключением одного сомнительного известия, имеют в виду забайкальский народ *увань*, в котором с полным основанием можно видеть непосредственных предков тунгусов.

В качестве отправной точки для обозначения местожительства древних оленеводов *увань* в хрониках VII в. принято расселение-тюркоязычного скотоводческого народа *байегу*, занимавшего нижнее течение р. Селенги. По мнению А. Н. Бернштама, байегу (также баэрку, байырку) жили и на восточном побережье Байкала, в бассейне р. Баргузин (Бернштам, 1947, 63).

Согласно одному сообщению VII в., оленеводы находились в шести, а согласно другому — в пятидесяти днях пути от байегу. При этом, как видно, имелась в виду верховая езда на лошадях. О земле оленеводов сообщалось, что там нет травы, нет баранов и лошадей, но имеются деревья, мох и олени, которых жители запрягают в «телеги» или «повозки». Люди носят одежду из оленьих шкур. Все они, как «знатные», так и «низкие», живут «вместе» в деревянных домах (Кюннер, 1961, 36, 51). Упоминание о деревьях и мхе в сочетании с оленями дает основание полагать, что речь идет о горной тайге к северо-востоку от Баргузина и Селенги. Амплитуда расстояний позволяет очертить довольно обширный район, заключенный приблизительно между верховьями Верхней Ангары и Олекмой. Данная местность богата ягелем — основным кормом оленя, а также промысловой фауной (лось, дикий олень, кабарга, медведь, соболь и т. д.).

В разных сообщениях древних хроник жители указанной местности именуются по-разному: *цзюй, гюй, гуй, гяй, увань*. Однако все эти названия относились к одному и тому же народу, причем наиболее распространенным его обозначением было *увань*. В хронике «Таншу» об этом сказано достаточно ясно: «... поколения Увань, иначе, Гувань и Гюй, иначе, Гяй, обитали от байегу на северо-восток. Там растут деревья, но нет травы. Земля произрастает много моху. Нет ни овец, ни лошадей. Содержали оленей как домашний скот; кормили их мохом и впрягали в телеги; одеяние носили из оленьих шкур. Дома строили из дерева, низкие, и жили вместе» (Бичурин, 1950, т. 1, 349—350).

Приведенные сведения свидетельствуют о том, что увани обитали как раз в том районе, с которым исторически связано этническое формирование тунгусов. Этноним *увань* источников VII в. представляет собой, по-видимому, прототип самоназвания тунгусов — *эвенки*.

157

Кто же такие были увани? Являлись ли они аборигенами Забайкалья («финнами» Майнова, «юкагирами» Левина) или были пришельцами из иных районов? На этот счет у нас мало данных, но все же путем сопоставления различных известий, а также этнонимов и топонимов можно прийти к заключению, что увани представляли собой группу бывших кочевников-скотоводов, ушедшую в горно-таежное Забайкалье из более южной, лесостепной местности. Вероятной причиной ухода уваней на север было давление на них со стороны более сильных соседей. На скотоводческое прошлое уваней указывает характер их оленеводства: в VII в. они еще не знали вьючно-верховой езды и запрягали оленей в «телеги», какими пользовались многие скотоводы Центральной Азии.

Анализ этно- и топонимики приводит нас к предположению, что народом, от которого отделилась группа (или племя) Увань, был народ *хи*, или *си* (также *кумохи*, *кумоси*).

Этноним увань в качестве топонима впервые встречается в хронике «Синь-Таншу», где довольно глухо говорится, что «у хребта Увань» остановился на жительство народ *хи*, представлявший собой «отрасль» этнического объединения дун-ху, «пораженного хуннами». Речь идет о III в. до н. э., но далее повествуется уже о событиях III в. н. э. (Бичурин, 1950, т. 1, 370).

Учитывая характер рассеянных хуннами племен дун-ху, можно думать, что хребет Увань находился неподалеку от гор Ухьянь и Суаньби и составлял часть Большого Хинганского хребта. О положении хребта Увань на местности, может быть, свидетельствует река, известная сейчас под названием Хуваньэркухэ; это правый приток р. Нонни⁴ в ее нижнем течении. Здесь важно указать на то, что топонимы Ухуань и Сяньби стали служить обозначениями народов, которые жили возле этих хребтов. Поэтому мы с полным основанием можем предполагать, что и название хребта Увань стало позднее названием части народа *хи*.

Народ *хи* был по своему происхождению этнически неоднороден: он включал как дунхуские, так и хуннские компоненты. *Хи* имели много общего с сяньби и киданями (народы объединения дун-ху), однако предок хисцев Юй-вынь Мохуай принадлежал к одному из родов южных хуннов. Язык кумохов «нарочито разнился от сяньбийского». В отличие от сяньбийской манеры заплетать волосы у мужчин, *хи* (кумохи) «стригли волосы и оставляли [их] только на макушке вместо головного убора» (Бичурин, 1950, т. 1, 208). Такая манера напоминает нам тунгусов-скотоводов Южного Забайкалья периода XVII—XVIII вв. (Паллас, 1788, ч. 3, 331). Добавим также, что В. П. Васильев считал весьма важным замечание исторической хроники «Ци-дань-го-чжи» («История киданей») о том, что хисцы «ни по языку, ни по обычаям не сходились с киданями» (Васильев, 18576, 31).

158

Существование хисцев во второй половине I тысячелетия н. э. было трудным и неустойчивым. Будучи, видимо, не очень многочисленными, они то вступали в союзы с более крупными соседями (тюркоязычные тукюэ и уйгуры, монголоязычные кидани), то попадали в вассальную зависимость от них. В период военно-политического господства киданей и чжурчжэней хисцы несли службу в их пограничных войсках (Васильев, 18576, 19; Воробьев, 1975, 200).

Теперь вернемся еще раз к этнониму *увань*. Известно, что в период династии Юань-Вэй (конец IV в.) «хисцы сами себе приняли название Кучженьхи», но при династии Суй (рубеж VI—VII вв.) они «откинули Кучжэнь и назывались только Хи» (Бичурин, 1950, т. 1, 370). «Кучжэнь» — по-видимому,

название гор, возле которых обитали хи после их разгрома сяньбийцами в 30-х годах IV в. (Бичурин, 1950, т. 1, 371). Более чем вероятно, что этноним *кумохи* был образован по тому же принципу.

Тюркское кум означает «песок», поэтому скорее всего имелись в виду песчаные горы.

Рассуждая подобным образом, мы приходим к предположению, что хисцы, обитавшие в районе хребта Увань, могли называть себя *увань-хи*. Возможно, что это самоназвание они сохранили за собой и позднее, в горно-таежном Забайкалье — Приамурье, в память о своей бывшей родине. Почти так же называют себя современные тунгусы-эвенки, делая ударение на последнем слоге. Хисцы разводили лошадей и «черных овец», занимались охотой. Жили они в войлочных юртах (Бичурин, 1950, т. 1, 371). Перекочевки совершали на лошадях, запряженных в телеги. Цепью из телег они окружали в целях защиты юрты своих предводителей (Васильев, 18576, 19).

Имеющиеся данные позволяют считать, что увани были сравнительно небольшой группой или племенем хисцев. Гораздо более многочисленными были такие хисские группы, как мохэ и чжурчжэни — предки позднейших маньчжуров. «Аймак» Мохэфо (Мохэ) существовал в составе народа хи еще в VI в. Чжурчжэни угадываются в хиском «аймаке» Жугэчжу, упоминаемом применительно к VII в. (Бичурин, 1950, т. 1, 74, 371). В свете указанных фактов племени Увань, Мохэ и Чжурчжэнь можно рассматривать как братские по отношению к общему этническому стволу (народ хи). Соответственно и языки этих племен представляются диалектами языка хи.

Сообразно с предлагаемой этногенетической схемой тунгусы и маньчжуры классифицируются нами как образования второго порядка (на уровне двоюродного родства). Стало быть, тунгусский и маньчжурский языки должны рассматриваться как родственные, но не столь близкие по сравнению с языками уваней, мохэсцев и чжурчженей. Более того, складывается впечатление, что тунгусский язык ближе к чжурчжэньскому, чем к маньчжурскому. К такому выводу нас приводят лингвистические

мате-

159

риалы, опубликованные М. В. Воробьевым (Воробьев, 1968, 98—106). Вероятно, это объясняется более сложным этническим составом маньчжуров, на язык которых оказали влияние ассимилированные ими группы «палеоазиатов» Маньчжурии.

Иными словами, сложение тунгусского и маньчжурского языков совершалось не один из другого, а как бы параллельно друг другу на общей лингвистической основе. В этой связи уместно привести высказывание В. И. Цинциус о характере отношений между обоими языками:

«Расхождения между языками маньчжурским и эвенкийским настолько значительны, что возможны заимствования из одного языка в другой, например, в области лексики... Однако общие моменты настолько характерны и, если так можно выразиться, органичны, что скорее можно говорить о двух путях развития этих, так или иначе тесно соприкасавшихся, языков, чем о совпадениях и массовых заимствованиях» (Цинциус, 1949, 27).

Легкая адаптация хисцев (уваней) в условиях горно-таежного Забайкалья и Приамурья представляется вполне естественной, так как они кочевали в горах и в более южных районах. Более существенным представляется вопрос: каким образом скотоводы (коневоды и овцеводы) сделали оленеводами? Поскольку никаких фактических данных на этот счет нет, можно высказать два предположения: 1) Увани встретили в тайге Забайкалья аборигенов-оленеводов и в процессе общения с ними заимствовали у них оленеводство; 2) Будучи раньше горными скотоводами, увани (хисцы) могли содержать в лесах Большого Хингана некоторое количество прирученных оленей в виде потомства диких важенков (самок), а затем в лучших экологических условиях горно-таежного Забайкалья развить эту новую отрасль хозяйства.

Несмотря на внешнюю парадоксальность второго предположения, оно представляется нам более реалистичным, нежели первое. Уже говорилось, что в VII в. забайкальские увани не знали выючно-верхового способа передвижения на оленях и пользовались ими так, как ранее пользовались лошадьми — запрягали в телеги. Трудно представить себе, чтобы предшествовавшие ува-ням аборигены, занимавшиеся оленеводством, тоже не знали иного способа передвижения на оленях. Похоже на то, что первое время увани сохраняли наряду с оленями в Забайкалье и лошадей, хотя трудности их содержания в условиях долгой и суровой зимы очевидны. Об этом могут свидетельствовать сказания верхнеамурских эвенков, согласно которым их предки встречались «на окраинах земли Кидан» с племенами, которые держали ради мяса оленей, а ради езды — лошадей (Василевич, 19496, 51). Судя по названию «земли», речь идет о периоде господства киданей (916—1125 гг.).

На существование у предков тунгусов коневодства указывает и ряд этнографических признаков, характерных для Забайкалья и Верхнего Приамурья. Г. М. Василевич обнаружила у тамош-

160

них эвенков «особого типа седло *нэмэ*, по форме напоминающее конское, с подпругой, оканчивавшейся пряжкой». В ряде записанных Василевич преданий герои «езды на лошадях». Наконец, предки верхнеамурских эвенков «клали на могилу изображение лошади» (Василевич, 1949а, 58—60).

Несмотря на малую вероятность заимствования уванями оленеводства от забайкальских аборигенов, последние напоминают нам о своем былом существовании топонимикой. Василевич писала, что названия многих больших рек Забайкалья и Приамурья, оканчивающиеся на -м (самая крупная среди них — Витим), «не расшифровываются из тунгусских языков». Она отмечала, что аналогичные гидронимы встречаются и в бассейне Енисея (Василевич, 1949а, 57). Со своей стороны, укажем на их продолжение к западу от Енисея (Нарым, Надым, Муром и др.). Скорее всего гидронимы этого типа имеют прауральское происхождение.

Можно думать, что общение уваней с аборигенами Забайкалья и Приамурья посредством взаимных браков и обмена культурными достижениями и положило начало этническому формированию тунгусов—эвенков и эвенов. Данный процесс не был, очевидно, строго локализован во времени и пространстве. Время от времени к уваням присоединялись новые выходцы с юга, причем не обязательно хиского происхождения. В период военно-политического усиления монголов (XII—XIII вв.) миграции небольших скотоводческих групп в северную тайгу резко усилились. Насколько позволяют судить имеющиеся у нас данные, большинство таких групп имело тюркское происхождение, но среди них, несомненно, встречались и группы чжурчженей и даже монголов.

Одной из известных тюркских групп были *меркиты* — восточные соседи, свойственники и яростные противники Чингисхана. Согласно монгольскому преданию о Чингисхане, «род Мерки», ведший распри с монголами, первоначально обитал на реках Орхон и Селенга (Кафаров, 1866, 186, примеч.). В 1197 или 1198 г. союзник Чингисхана, вождь кераитов Онхан напал на меркитов и разбил их. Глава последних Токта-беги бежал с остатками племени в «Баргуджин» (Рашид-ад-Дин, 1952, т. 1, кн. 2, 111), т. е. на Баргузин. В дальнейшем меркиты в союзе с найманами воевали против Чингисхана на Иртыше и были разгромлены, но какая-то часть меркитов, по-видимому, оставалась на Баргузине. Посетивший в XIII в. ставку монголов Марко Поло писал, что в долине «Бангу» (Баргу, Баргузин) живуг дикие охотники и скотоводы «мекри». Они «занимаются скотоводством, много у них оленей; на оленях, скажу вам, они ездят» (Минаев, 1912, 92-93).

Этноним «мерки» (меркит) нередко встречается в формах *мекри* и *бекри* (также *бекирин*). Часть меркитов именовалась увас-меркитами («Сокровенное сказание», 97). Варианты *бекри* и *увас* мы находим у тунгусов восточного побережья Байкала,

161

у которых в XVII—XVIII вв. существовал *Вакарайский*, или *Увакасильский*, род, включавший как коневодов, так и скотоводов. В 1697 г. коневоды насчитывали 30 плательщиков ясака, а оленеводы — 8 (Долгих, 1960, 337), т. е. соответственно около 150 и 35 человек всего населения.

В преданиях витимских эвенков-олeneводоов отражены их сражения с «вокороями», у которых имелись «пешие и конные» отряды. Конные вакарайцы, вооруженные железными пиками, защищали свои лица железными масками (Воскобойников, 1965, 19, 35-36).

В XII—XIII вв. и позже в составе монголов находились некие *джалаиры*, подчиненные роду Чингисхана еще при детях его прадеда «в седьмом колене» — Дутумина (Абулгази, 17186).

Рашид-ад-Дин писал, что по своему происхождению джалаиры не считались мшголами, как не считались ими «татары», «меркиты», «тумэты» и некоторые другие племена и народы (Рашид-ад-Дин, 1858, 7).

Вероятно, более древним фонетическим вариантом этнонима «Джалаир» является *Иологэ*.

Применительно к VII в. Бичурин писал: «Иологэ есть родовое прозвание Дома ойхор» (Бичурин, 1960, т. 1, 301), т. е. уйгуров. В середине VIII в., кроме Иологэ, в составе уйгуров упоминались также роды Мокэсигйе, Хувынъса и др., всего девять названий (Бичурин, 1950, ч. 1, 308). Мы знаем, что в то время в зависимости от уйгуров находились отдельные киданьские и хиские группы. Род Хувынъсо — несомненно, хиская группа увань либо ее часть, а Мокэсигйе — какая-то мохэская группа. Может быть, и род Иологэ имел хиское происхождение?

У тунгусов роду Иологэ соответствует род *Иологир*.

Начало проникновения джалаиrow °° иологиров на север Сибири можно связывать с событиями XIII в., когда «Чжалаирский [хан] Чжебеке с испугу [перед Чингисханом] бежал в страну Баргузинскую» («Сокровенное сказание», 177). Оттуда джалаиры, по-видимому, проникли в бассейн Нижней Тунгуски, где в начале XVII в. они были известны русским под названием рода

«Елигин» (ААН, ф. 21, он. 4, д. 21, л. 31 об.).

Заметим также, что «ветвь» джалаирав *Куркин* коррелирует с тунгусским родом *Куркагир*, а «ветвь» *Кумгаут* (Рашид-ад-Дин, 1953, 33)—с тунгусским родом *Кумкагир* («кумкаги» XVII в.). Первый из этих двух родов жил в XVII в. на Ангаре, а второй —на юго-западном побережье Байкала (ЦГАДА, ф. 214-ст. 12, л. 497, 498).

Один из наиболее широко расселенных в Сибири, тунгусский: род *Баягир*, вероятно, ведет свое начало от уже известного нам народа *байегу* (байырку), который был генетически связан с уйгурами. К приходу русских тунгусы-баягиры были представлены как скотоводами, так и оленеводами. Первые кочевали преимущественно между реками Шилка и Аргунь, а вторые ушли-

162

нались и на Нижней Тунгуске, и на Вилюе, и на Алдане («Бу-яксир»), и на Охотском побережье («Бояшинский» род).

С древними тюрками или, точнее, с их предками связан, как мы думаем, тунгусский род *Дуликагир* (также «Дулигат», «Дулар» и т. д.). К этому роду принадлежал знаменитый Гантимур, потомки которого до революции считались «родоначальниками» забайкальских конных тунгусов (Тутолуков, 1975). Этноним *Дули-кагир*, очевидно, образован, от эвенк, *дулин*—«середина». Это

слово имеется также в маньчжурском и тюркских языках. Этноним *дулу* известен со II в. н. э. в составе той части северных хуннов, которая после поражения, понесенного от сяньби, откочевала на запад. В конце прошлого века киргизы-дулаты числились в составе среднеазиатской Большой орды, образуя в ней самое крупное подразделение — 40 тыс. кибиток (Аристов, 1894, 400). Несомненно, тюркское происхождение имеет находившийся в составе тунгусов-скотоводов Южного Забайкалья *Сартольский* род («шародувы» русских источников XVII в.). *Сартолы* встречались также среди селенгинских бурят. В бурятском предании о сартолах последние возводятся к «татарско-бухарскому племени» («Сказания бурят», 120). В монгольском языке сартуул означает «узбек» («Монгольско-русский словарь», 1957, 352).

Тюркские корни можно приписывать *Узонскому* роду забайкальских тунгусов-скотоводов. К такому мнению склоняется, в частности, бурятский исследователь Ц. Б. Цыдендамбаев (1972, 240). Аналогичное происхождение имел, можно думать, и *Каранут-ский* род тунгусов Южного Прибайкалья. Подобно сартолам, ка-рануты встречались и среди бурят под названием Шаранутского рода. По нашему мнению, карануты являются потомками древнего тюркоязычного населения долины р. Баргузин (страна «Бар-гуджин»). На это указывает возможность совмещения ийских «корчунов» на левобережье Ангары (XVII в.) с каранутами. В свою очередь ийские и другие *корчуны* русских источников того времени — это монголизированные баргузинские тюрки, вроде меркитов и более поздних баргутов. Достаточно указать на то, что современные эвенки Северного Байкала называют со-сидевших с ними в прошлом баргутов *корчин* (Полевые материалы автора, 1961).

Здесь же стоит упомянуть о *Хатагинских* тунгусо-якутских родах Северной Сибири. К приходу русских *хатагины* обитали на Среднем Алдане, где в 1634—1635 гг. была объясчена «Каталинская землица», включавшая «тунгуских и брацких» людей (АЯФ, ф. 5, оп. 1, д. 174, л. 53, 54). Под «брацкими» людьми в данном случае имелась в виду небольшая группа дауров. Позднее хатагины мигрировали с Алдана в низовья Лены, где в XVIII — начале XIX в. числилось несколько административных Хатагинских («Хатылинских») родов, или наслегов (Гурвич,

163

б*

1966, 89, 166). Члены этих родов, занимавшиеся охотой, оленеводством и рыболовством, сейчас составляют значительную часть так называемых северных якутов-оленево-водов, т. е. ассимилированных якутами тунгусов.

О происхождении хатагинов имеются следующие данные. В монгольском фольклоре среди предков Чингисхана упоминается внучка Юлдусхана по имени Аланка, которая якобы родила от некоего «духа» трех близнецов. Один из них носил имя Бо-кум-Катагун, и от него, согласно Абулгази, пошла генеалогическая линия «катагунов» в монгольском народе (Абулгази, т. 1-196). О том же извещает «Старинное монгольское сказание о Чингисхане»: там сын Аланки именуется Буху-Хатагин, а происшедший от него род — Хатагинским («Труды членов российской духовной миссии», 1866, 30).

Все же, несмотря на как будто очевидную генетическую связь хатагинов с монголами, мы предполагаем у них тюркское происхождение. Подобно джалаирам, хатагины были только покорены и ассимилированы монголами, но не являлись таковыми по происхождению. Основанием

для такого суждения служит предание, записанное А. П. Окладниковым на Нижней Лене. Согласно этому преданию, среди тамошних туманов был человек по-имени *Катышин*, живший за шесть поколений до 1943 г., когда было записано предание (Окладников, 1949, 108). В данном имени следует, очевидно, усматривать этноним *Хатагин*, а ту-маты, как мы знаем, — это бывшие баргузинские тюрки⁵. Представляется маловероятным, чтобы тюрки-туматы стали терпеть в своей среде отпрыска хатагинов, если бы считали последних монголами.

Группы монгольского происхождения вливались в состав тунгусов главным образом уже после ухода основной массы монголов, предводительствуемых Чингисханом, на запад. Исключение составляет, по-видимому, только *Чильчагирский* род оленных тунгусов Северного Забайкалья. Предок чильчагиров — Бочкин-Чалчи, от которого, по словам Абулгази, пошла «линия Чалчу-тов» у монголов, назван этим исследователем в числе самых первых монгольских родоначальников (Абулгази, т. 1, 196). О тунгусах-чильчагирах мы еще будем говорить ниже.

Более поздние монгольские группы в составе тунгусов образуют в Южном Прибайкалье и Забайкалье ряд «Мунгальских» родов, а также роды *Ангутский*, *Гальдегир*, *Гучитский*, *Тукчинский*, *Тумандинский*, *Тыртеевский*, *Улят*, *Чипчинут*, *Чонголир* и др. Аналогичное происхождение имеют два рода *Монго* у западных и восточных тунгусов-оленоводо-в.

Период напряженного взаимодействия тунгусов с монголами Чингисхана и его преемников отражен, как нам кажется, в тунгусских преданиях о *манги*. Это было сильное племя конных охотников, с которыми забайкальские звенки-оленоводы остерегались вступать в открытые сражения и пытались бороться с

164

помощью хитрости. Сообщается также, что всюду, где манги встречались с эвенками, они пытались выкрасть их женщин или жениться на сестрах эвенков (Василевич, 1972а, 148).

С учетом вновь приведенных известий очевидна необходимость несколько расширить очерченный нами выше ареал формирования тунгусов, включив в него лесостепи юго-запада (где кочевали тунгусы-скотоводы) и верховья Алдана и Зеи.

В верховьях Зеи существуют места, характер которых полностью соответствует тому, что мы знаем о земле древних оленеводов Забайкалья из хроник VII в. Для иллюстрации приведем характеристику, извлеченную нами из дневника студента Благовещенского пединститута В. Н. Шевченко — участника студенческой этнографической экспедиции 1959 г. к истокам Зеи: «На земле не встретишь ни травинки — все покрыто мхом; мох растет [и] на лиственницах, свешиваясь хлопьями» (ГААО, ф. 41, оп. 7; д. 73, л. 95).

Начало исхода тунгусов из Забайкалья и Приамурья на север и освоение ими других регионов Сибири мы приурочиваем к XII — началу XIII в.

В анонимной рукописи, обнаруженной нами в фонде акад. И. М. Шегрёна, сообщается, что, по преданиям тунгусов, они «странствовать начали в лесах по причине вшествия из монгольской степи к ним войск китайских, удалились к северу и укрывались от преследования в горах лесистых, кочуя безпрестанно в отдаленнейших, только им проходимых местах». Далее говорится, что «по причине часто многолюдных нападений» на них некоторая часть тунгусов откочевала даже «к Ледовитому морю; через такие долговременные походы они привыкли доставать себе пищи с великими трудами от звероловства» (ААН, ф. 94, оп. 1, д. 3, л. 326 об.). Под китайскими войсками здесь, очевидно, разумеются войска чжурчжэней, которые после сокрушения господства киданей в 1125 г. стремились подчинить себе родственные, но независимые племена Левобережного Приамурья. К этому времени, надо думать, тунгусы уже овладели выючно-верховым способом передвижения на оленях.

Среди первых тунгусов, вышедших в северные области Восточной Сибири, мы встречаем представителей родов *Баягир*, *Вакарай* (Увакасил), *Иологир*, *Калтагир* (Келтегир), *Киндигир*, *Чильчагир*, *Шамагир* и др. Вероятно, именно эти тунгусы принесли с собой древнейший «алтайский» гидроним *Катанга* (Хатанга), обозначив им целый ряд рек Восточной Сибири.

Под названием «Катанга» у эвенков известны Ангара и обе Тунгуски — Нижняя и Подкаменная. Название Хатанга носит крупная река Таймырского полуострова. В тюрко-монгольском мире тот

165

же гидроним встречается на Алтае (Катунь) и в Южной Монголии (Хатунь-гол) ».

Одним из важных этапов расселения тунгусов по Северной Сибири был Вилюй с его обилием рыбы и зверя. Как отмечал П. Кларк, с Вилюя тунгусы вышли на верховья Нижней Тунгуски и

Оленёка (Кларк, 1864, 128—129).

Из Северо-Западного Забайкалья значительная группа тунгусов попала на Охотское побережье. Яков Линденау слышал от тунгусов Удского острога, что их предки пришли туда «из далекой страны», спустившись вниз по течению Лены. Добравшись до устья Олекмы, они через пустоши и горные реки пробрались на Алдан, а оттуда — на берег Охотского моря (ЦГАДА, ф. 199, д. 511, ч. 11, № 9, л. 4). Аналогичное предание охотских ламутов о приходе их предков с Байкала слышал в середине XIX в. И. Булычев (Булычев, 1856, ч. 1, 8).

Довольно рано тунгусы проникли и в тундру Северо-Восточной Якутии. Освоение ими этого региона мы в первую очередь связываем с забайкальскими *вакараями* — потомками меркитов. Следы вакараев встречаются на весьма обширном пространстве Северной Сибири. В бассейне Нижнего Енисея напоминанием о них служит гидроним Вакарай — название верхнего притока р. Большая Хета. На Алазее данному тунгусскому этнониму соответствует юкагирский этноним «Вагарил» (полевые материалы автора, 1970).

Следы пребывания вакараев на Чукотке закреплены в названиях рек Вакривай (приток р. Амгуэма) и Чаван-Вагорин (река с таким названием впадает в Ледовитый океан к северо-востоку от Амгуэмы). Оба гидронима мы обнаружили в дневниковых записях Иосифа Биллингса за 1791 г. (ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 259, л. 65 об., 92). Анадырский чуванец А. Е. Дьячков упоминает в своем сочинении также о протоке Вакариной, соединяющей Анадырь с его правым притоком Майном. «В древности», по сообщению Дьяčkова, там было «жилое место», но к концу XIX в. от него «и следов не осталось» (Дьячков, 1893, 80).

Вероятно, с Анадыря часть вакараев переселилась далеко на юг, в бассейн р. Амгунь, где они в начале XX в. были зафиксированы в составе негидальцев под названием «вакасилов», или «вакагилов» (Мыльников и Цинциус, 1931, 114—115).

Активное участие в освоении высоких широт к востоку от Лены принимали и другие тунгусские выходцы из Северного Забайкалья. Интересное предание об этом было записано на рубеже XIX—XX вв. Н. Н. Березкиным. Поскольку этноним «тунгусы» на северо-востоке Сибири почти неизвестен, речь в этой легенде идет о «ламутах».

«Далеко-далеко на юге жило много народу, были они все одинаковой веры, языка и национальности», — говорится в легенде. Среди этих людей были непоседы, которые не хотели и не могли жить на одном месте. Одним из таких людей был охотник

166

Чельчикян. Он часто отлучался из дома, и однажды с ним случилось несчастье: в течение 27 суток Чельчикян ничего не смог промыслить и голодал. После этого он решил навсегда покинуть родные места и в ознаменование своего решения принес в жертву лучшего быка из оленьего стада своего народа. «На душе быка» он запечатлел завещание соотечественникам и проклял прежний оседлый образ жизни. Съев сердце быка, он ушел на север и после долгого путешествия достиг р. Алазея. Там к нему присоединились другие «ламуты» ... (Архив РГО, р. 64, оп. 1, д. 78, л. 6-10).

Имя Чельчикян, вероятно, представляет собой производное от этнонима *Чильчагир*. Помимо этого, приведенная легенда интересна тем, что рисует два важных аспекта существования древних тунгусов до начала их расселения из Забайкалья. Это были охотники-оленоводы, которые, как можно понять, уже начали испытывать затруднения, связанные с оскудением охотничьей фауны вследствие ее опромышления. Их «оседлый образ жизни» надо, конечно, понимать как гиперболу, изображающую прежнее существование чильчагиров в одном и том же определенном районе с ограниченным радиусом перекочевок. Содержащийся в легенде намек на истощение охотничьей фауны может указывать на возросшую численность населения, которое уже не могло прокормиться охотой, не выходя за пределы своего первоначального ареала. Таким образом, к чисто внешней причине исхода тунгусов из Забайкалья добавляется не менее важная внутренняя причина — потребность в освоении новых промысловых районов.

Достоверность данной легенды доказывается существованием р. Чельчи в системе Олекмы и р. Чельчикан в системе Колымы, низовья которой расположены неподалеку от Алазеев⁷.

Можно думать, что в группе тунгусов, ушедшей вслед за Чельчикяном на север, были не только чильчагиры, но и кинди-гиры. На это указывает предание, записанное в 1920-х годах от северо-байкальской тунгуски-шаманки. В предании повествуется о приходе местных тунгусов с далекого севера: лет 300 тому назад они жили на большой реке, впадающей в «холодное море». У них было много мужчин, в том числе искусный охотник *Кындыгир*, но мало женщин. Он отправился на охоту и пропал девять месяцев. Когда он вернулся, то рассказал, что был в южной стороне, у большого «ламу» (моря, озера), где много рыбы. Там он встретил узкоглазых людей с длинными

косами, называвших себя «баргу» (баргутами). Они одевались в одежды из тканей, украшали седла «белым железом» (серебром), и у них было много женщин. Прошло пять лун и вот Кындыгир с братьями, которых звали *Чэльчэгыр* и *Самайгыр*, собрали желающих переселиться на «ламу». Придя туда, на р. Холодную (приток Верхней Ангары), тунгусы остановились. Потерпев поражение от напавших на них баргутов, братья разделились: люди Чэльчэгыра пошли вверх по большой реке (Верхней Ангаре), люди

167

Самайгыра поселились на берегу «ламу», а люди Кындыгира остались на месте. Тунгусы начали торговать с баргутами. Потом пришли русские (Неупокоев, 1926, 29—30).

Тут изображено поселение на Северном Байкале и Верхней Ангаре сразу трех местных родов — *Киндигир*, *Чильчагир* и *Шамагир* (Самагир). Описанные события произошли либо в конце XVI, либо в начале XVII вв. Они свидетельствуют о том, что к началу XVII в. тунгусы уже не только побывали на Крайнем Севере (в частности, на Индигирке, название которой почти буквально совпадает с этнонимом *Киндигир*), но многие из них уже успели вернуться обратно.

Весьма поздно тунгусы подошли к Енисею. В самом начале XVII в. они упоминались русскими преимущественно в верхнем и среднем течении Ангары, Подкаменной и Нижней Тунгусок. Вместе с тем ряд косвенных данных позволяет считать, что отдельные группы тунгусов еще до прихода русских обосновались на левобережье Енисея среди «остяков», в которых в данном случае следует видеть селькупов. Смешанную тунгусо-селькуп-скую группу представляла собой, в частности, Пумпокольская волость XVII в. во главе с князем Урнуком, существовавшая в верховьях рек Кемь и Кеть. Мы судим об этом по самому названию указанной волости, в его основе лежит селькупский термин *помпэк* — «тунгус» (полевые материалы автора, 1972). Возвращаясь к легенде о переселении Чельчикяна на Алазею, уместно задать вопрос: что заставляло тунгусов двигаться из Забайкалья непосредственно к Ледовитому океану? В легенде, по-видимому, отразились два этапа расселения тунгусов по Сибири: первый, происходивший до прихода якутов, и второй — после их прихода. Мы полагаем, что на первом этапе тунгусы, выйдя из Забайкалья и Приамурья, сосредоточились неподалеку от этих регионов в южных районах Якутии, распространяясь к северу, может быть, до низовий Алдана и Вилюя. Но появление на Средней Лене большой массы якутов заставило тунгусов отойти от нее, оставив эту область якутам.

Первый выход якутов на Среднюю Лену можно датировать началом XII в. Согласно бурятским преданиям, иркутские и забайкальские буряты «вышли из Монголии, теснимые какой-то бродячей ордой ниуча» (т. е. чжурчжэнями). На севере, в стране некоего Аган-цаганхана, буряты «встретились с якутами» и потеснили их, в свою очередь, «на север» (Динео, 1895, 272). Однако массовое переселение якутов на Среднюю Лену происходило, можно думать, в XIII—XIV вв. Вот тогда-то тунгусы и оказались в более высоких широтах Восточной Сибири.

* *

В процессе продвижения по просторам Сибири тунгусы сталкивались с племенами ее аборигенов. С одними они воевали, с другими у них устанавливались добрососедские отношения.

168

Но тех и других они в конечном счете ассимилировали, так как в эвенкийских преданиях даже враждебные племена говорят либо по-эвенкийски, либо на языке, понятном эвенкам. В эвенкийском фольклоре племенам аборигенов приписываются отталкивающие и фантастические черты «полулюдей-получертей», занимающихся каннибализмом.

Наиболее южными из аборигенов были, по-видимому, так называемые *мекачун*, обитавшие в лесах Северного Байкала. Сказитель-эвенк из рода Киндигир П. Г. Марков рассказывал автору в 1961 г.: «Одни мекачуны были на нас похожи, другие были с одной рукой и ногой; этих называли *калтачи*, они жили по реке Холодной в утесах... У мекачунов лицо было лохматое, в бороде. У них были каменные топоры и ножи. Жили они в деревянных балаганах. Одевались в звериные шкуры, как эвенки. Оленей у них не было. Язык мекачунов и эвенков был немного разный ...» (Полевые материалы автора, 1961).

Мекачуны еще жили на Байкале, когда туда пришли русские. После этого мекачуны, по одним сообщениям, ушли на восток — к Сахалину, по другим — на запад, но тоже к морю. Время, в течение которого мекачуны были соседями эвенков на Северном Байкале, П. Г. Марков определял периодом в 500—600 лет (Полевые материалы автора, 1961).

Этноним *калтачи* имеет связь с эвенк *калтаку* — «расколотый», «расщепленный». Именно в таком виде рисовались тунгусам однорукие и одноногие мекачуны. От того же термина образован

эвенкийский родовой этноним *Калтагир*, упоминавшийся нами выше.

В верховьях Нижней Тунгуски до тунгусов обитали аборигены, которые в отличие от них ели сырую рыбу и собачье мясо, снимали чулком шкуру с живых диких оленей (ради забавы) и т. д. (ИФЭ, 369). Г. М. Василевич указывает эвенкийское обозначение этих аборигенов: *чури* — «карлик». Известны и другие названия — *чулурэ*, *чулурэ-сэлэргун* («История Сибири», т. 1, 398-400).

В термине *сэлэргун* угадывается основа *сэлэ* — «металл», «же^лезо». Отсюда следует, что «карлики» были знакомы с металлургией.

К той же группе этнонимов принадлежит этноним *чулугды*. В эвенкийском фольклоре аборигены-чулугды рисуются, подобно мекачунам: это люди с одной половиной тела и к тому же покрытые шерстью. Оседлые рыболовы, они живут по берегам рек и озер. Оленей у них нет, и обращаться с ними они не умеют, но женщины-чулугды, несмотря на это, охотно выходят замуж за тунгусов... Согласно рассказам ангарских тунгусов, записанным в XVII в. ясачной администрацией, «чюлюгдее» являлись вполне реальными обитателями тайги, прилегающей к среднему течению Ангары. Они будто бы жили в «ямах», от которых пахло горелым желе-

169

зом. Они были маленького роста («среднему человеку в груди»), но «поперек толсты» («Чтения», 1888, 3—6).

Название Челюгды в начале XX в. носила одна из русских деревень, расположенных недалеко от железнодорожной станции Тайшет («К истории Енисейской епархии», 50). С «чюлюгдеем» довольно надежно совмещаются асаны и котты, остатки которых встречались на Средней Ангаре и к югу от нее в XVII—XVIII вв. Подобно родственным им кетам, асаны и котты славились как искусные кузнецы (Георги, 1777, ч. 3, 27; Долгих, 1960, 247).

На широком пространстве от Алдана и Зеи на востоке до Енисея на западе среди тунгусов и современных долган бытуют легенды о *чангитах*. Чангит, по рассказам эвенков, «такой же человек, как и эвенки, но язык другой. У них нет ни оленей, ни хозяйства. Они бродят по тайге. Берут с эвенкийских лабазов муку, одежду, иногда убивают оленей. Мужчины их ходят по тайге, женщины с детьми живут около болот» (Василевич, 1947а, 209; Попов, 1937, 248).

Термин *чангит* представлял собой собирательное обозначение «врагов» у тунгусов (Эвенкийско-русский словарь, 515). Происхождение данного термина явно связано с территорией расселения кетоязычных племен к западу от Байкала. Аналогию ему Василевич находила в коттском языке, в котором оно употреблялось в значении «гость» (Василевич, 1947а, 206).

В восточной половине этнического ареала тунгусов предшествующие им аборигены именуются преимущественно терминами *булэн* и *хучана*.

Предания о *булэнах* распространены среди тунгусов на пространстве от междуречья Яны и Лены — на северо-западе до Охотского побережья и Сахалина — на юго-востоке. По этим преданиям, булэны появлялись среди тунгусов только летом. На голое тело они будто бы натягивали сырую шкуру оленя или горного барана, причем шкура как бы прирастала к их телу. У булэнов были длинные волосы и широкие лица, вымазанные черной смолой. Булэны угоняли тунгусских оленей, похищали женщин, бросали в чумы камни и свистели, пугая тунгусов (Полевые материалы автора, 1965, 1969, 1970). Сахалинский эвенк С. А. Надеин (в письме к автору) добавляет, что у булэнов был поперек лица «шрам» — татуировка. Аналогичные предания были записаны якутским этнографом К. И. Гороховым у эвенов (АЯФ, ф. 5, оп. 1, д. 264, л. 120 и др.).

Термин *булэн* служит у части эвенов обозначением юкагиров. То же слово в форме множественного числа *булэсэл* (*булэиэл*) прилагалось эвенками к тунгусоязычному населению, обитавшему в первой половине XVII в. на Нижней Тунгуске («буляши» русских источников).

В эвенкийском языке глагол *булэн-миц* а в эвенском *булэн-дэй* означают «враждовать», «воевать», «охотиться». Соответственно существительное *булэн* означает «враг» (Эвенкийско-русский

170

словарь, 58; Русско-эвенкий словарь, 82). Одновременно эвенк, *булэ* значит «болото», «трясина»; *булэ-ми* — «завязнуть»; *булэкэт-ми* — «бродяжничать, ходить по болотам» (Эвенкийско-русский словарь, 67). Вероятно, таково было первоначальное, основное значение термина *булэ* и всех производных от него слов.

Рассказы эвенов и эвенков о *хучана* во многом перекликаются с рассказами о булэнах. Наряду с хучана (сучана) нам приходилось также слышать термины *хучуку*, *чучуку*.

Вышеназванный С. А. Надеин «слышал рассказы стариков, что раньше на материке встречались какие-то племена — люди со швом на лбу (это, наверно, татуировка), и эти люди преследовали

эвенков. Они владели луком и стрелой, а наконечники стрел были костяные. Их тунгусы называли *чучуку*, а убивать боялись из-за того, что их считали чертями. Если кто убивал *чучуку*, то он вскоре сходил с ума или умирал».

В преданиях якутов эти племена известны под названием *чучуна*. Ряд преданий о них записал Г. В. Ксенофонов. Согласно его записям, «чучуна-человек» живет охотой на диких оленей, ест сырое мясо. Одевается, натягивая на себя шкуру дикого оленя. «Лицо чучуна черное, в нем нельзя разобрать ни носа, ни глаз», голос хриплый, трескучий. Чучуна живет «в норе, наподобие медведя». Вооруженный простым (неклееным) луком и пальмой, он бродит один; быстро бегают. Завидев людей, убегает. На время зимы исчезает (Ксенофонов, 1937, 554).

Ключом к объяснению термина *хучана* служит эвенк, *сучу-ми* (*хучу-ми*) — «кольнуть в бок», «ткнуть пальцем (в бок)» (Эвенкийско-русский словарь, 373, 501). В эвенском языке соответствующий глагол *хучисэндэй* (*суччидэй*) означает «заколоть» (Русско-эвенский словарь, 168).

Якутский фольклор донес до нас и некоторые детали взаимоотношений тунгусов с аборигенами Вилюя. По якутским преданиям, на Вилюе в период появления там тунгусов жил «шито~ лицый» народ *дьирикинэй*, носивший «ровдужные шубы и шапки, окрашенные красной охрой».

Дьирикинэй имели оленей, вели ког чевой образ жизни и существовали охотой. Из числа тунгусов упоминаются представители рода *Сологон*, кочевавшие вместе с дьирикинэями, и рода *Нюрмаган* («нъырбагаты», «нъурбагаты» якутских преданий, «мургаты» русских ясачных книг XVII в.) (Исторические предания и рассказы якутов, ч. 1, 103; «История Якутии», 1949», 1949, т. 1, 352).

...•

Дьирикинэй довольно надежно совмещаются с *ту матами* поскольку из фольклора известно, что «нъырбагаты» ушли с Вилюя «из-за нападений народа с «шитыми» (татуированными) лицами^ носившего наименование туматов» («История Якутии», т. 1^; 352)л-, Вероятно, якутское *дьирикинэй* представляет собой некажечное эвенку *ирки*, или *иркин*, — «дикий олень» (Эвенкийско-русск.иЯ| словарь, 177—178). Так тунгусы могли называть встреченных на Вилюе аборигенов, с которыми они воевали. ;: , :л/;

Интересные сведения о туматах привел, со слов якутских рассказчиков, участник Якутской экспедиции Академии наук СССР (1925—1926 гг.) В. В. Никифоров. Согласно собранным им фольклорным сообщениям, туматы («тумат-омуки») обитали в Вилюй-ском и отчасти в Олекминском округах. Они занимались охотой и рыболовством, жили в «земляных урасах» (очевидно, в жилищах типа тунгусского голомо) и постоянно перекочевывали с места на место. Оружием туматам служили луки и стрелы с железными наконечниками, а также пальмы. Их одежда была сшита из Звериных шкур, украшена кистями из оленьего волоса и расшита ^разноцветным бисером (ААН, ф. 47, оп. 2, д. 122, л. 68—73).

Судя по упоминанию о бисере, данное сообщение рисует культуру туматов в период уже после прихода русских (именно они принесли с собой бисер), но в данном случае это не имеет большого значения. Тут важно иметь в виду следующее. Поскольку туматы поселились на Вилюе не ранее первой половины XIII в., можно думать, что тунгусы оказались там раньше их. Однако до прихода туматов тунгусы вряд ли сумели ассимилировать местных аборигенов (скорее всего прауральцев), и те, конечно, в первую очередь сблизились с безоленными туматами, образовав с ними контактную группу. Лишь позднее тунгусы растворили в себе часть этого смешанного населения. Результатом данного процесса было образование у вилюйских тунгусов ряда родов сложного происхождения. К их числу относятся *Долган*, *Нюрмаган* и *Сологон*, названия которых оформлены нетипичным для тунгусских родовых этнонимов суффиксом *-ган* (*-гон*), означающим принадлежность к определенной местности. Можно предполагать, что встреченные тунгусами аборигены (за исключением туматов и асано-коттских племен) являлись непосредственными потомками того неолитического населения Восточной Сибири, которое обитало там с древних времен. Археологические материалы свидетельствуют об известном единообразии культуры этих аборигенов, для которых были характерны: рыболовство как основное занятие (с применением костяных гарпунов); изготовление из глины остро- или кругл о донных горшков, украшенных орнаментом в виде «вафельной» сетки; погребения с присутствием красной охры («История Сибири», т. 1, 34—127; Федосеева, 1968, 110, 139, 142). Вероятно, они вели оседлый либо полuosедлый образ жизни, а их поселки располагались возле рыбных рек и озер, т. е. в низменной местности, которую тунгусы именовали *булэ*. Единственным домашним животным этих аборигенов была собака, мясо которой употреблялось ими в пищу. И мясо, и рыба

обыкновенно поедались в сыром виде, несмотря на умение добывать огонь.

Это была культура, совершенно не похожая на традиционную культуру тунгусов. Как отмечала Г. М. Василевич, аборигены Северной Сибири резко отличались «от древних тунгусов, которые убивали рыбу острием палки или остроги, сырою ее не ели, со-

1712

бак на мясо не били», а с убитых зверей снимали шкуру не чулком, а «разрезая ее вдоль живота» (Василевич, 1949 б, 50).

Следует сказать и о татуировке лица. Среди зарисовок, сделанных во время путешествия Д. Г. Мессершмидта по Нижней Тунгуске, имеется портрет татуированного тунгуса — обитателя средней части реки (ниже современного пос. Тура). Судя по портрету, татуировка покрывала все лицо, кроме носа. Лицо обрамляют семь отдельных фрагментов рисунка: один — на лбу над глазами, два — на висках, два — на щеках и два — на подбородке. В первых пяти фрагментах содержатся и по две параллельные линии, а в двух последних (на подбородке) — по одной, с ответвляющимися от них поперечными черточками (Messerschmidt, 1964). Такой узор напоминает ряд швов.

В фольклоре северных якутов-оленьеводов, живущих к западу от Нижней Лены, упоминаются племена, украшавшие свои лица «прошитыми швами». Хотя они нередко именовались «тунгусами», сами тунгусские герои называли их «чужеплеменниками». У одних племен были наколоты на лице «простые швы», у других — сложные, в виде «оленьих рогов». Племена с «рогами» обычно аттестовывались рассказчиками как враги, тогда как с обладателями «простых швов» предки рассказчиков поддерживали мирные отношения (Ксенофонов, 1937, 505—517). В этих предках можно видеть древних тунгусов, которые, придя на Вилюй и в низовья Лены, вступили в контакт с местными аборигенами и образовали с ними ряд этнически смешанных групп. При этом обладатели «простых швов» были, по-видимому, более отунгу-шенными, чем обладатели «оленьих рогов». Последние отличались особой свирепостью; их язык, насколько можно понять, был не тунгусский (Ксенофонов, 1937, 526). В XVII—XVIII вв. татуировка лица была более всего распространена у тунгусов правобережной части бассейна Енисея, к северу от Ангары, на Вилюе и пространстве, расположенном к северу от него. Это как раз та область, где происходили наиболее интенсивные процессы взаимодействия тунгусов с предшествовавшими им аборигенами и где в настоящее время локализован катангский антропологический тип. Данный тип отличается от байкальского меньшей высотой лица (при сохранении монголоидной «скуластости») и более выступающим носом. К катанг-скому типу Г. Ф. Дебец относил череп из неолитической стоянки Туойхая на Верхнем Вилюе, открытой в 1954 г. геологом Г. С. Вязовым и впоследствии изученной археологом С. А. Федосеевой.

Отсюда следует, что древний ареал распространения носителей катангского типа был значительно шире того ареала, который отводил для него М. Г. Левин, и захватывал верховья Вилюя, а может быть, и весь бассейн этой реки.

Итак, тунгусы — народ весьма сложной судьбы. Появившись первоначально в горно-таежном Забайкалье и Приамурье на основе мигрировавшей туда с юга группы горных лесостепных ско-

178

товодо-увань, тунгусы в процессе своего расселения по Сибири ассимилировали многие племена ее более ранних насельников, а также «переплавили» в себе отдельные тюркские и монгольские группы, оторвавшиеся от своих этнических массивов на юге и западе. Исторический период существования тунгусов, на наш взгляд, не превышает полутора тысяч лет.

Отмеченные выше особенности этнического формирования тунгусов достаточно хорошо объясняют наличие у них трех антропологических типов (центральноазиатского, байкальского и катангского), а также существование в недавнем прошлом трех различных культурных групп населения (оленьеводов, скотоводов и «пеших» рыболовов).

Изложенная концепция этногенеза тунгусов находит поддержку в палеолингвистических разработках, принадлежащих В. Л. Котвичу и Г. М. Василевич.

На основании анализа числительных в алтайских языках Котвич пришел к выводу, что первоначально «тунгусы» (включая предков маньчжуров) образовывали «компактное целое», но впоследствии сблизилось с монголами, что отразилось на усвоении тунгусами ряда монгольских

числительных, названий оттенков цвета и т. д. (Архив ИЭ, К-2, д. 158, л. 128, 136).

Г. М. Василевич выделяла в эвенкийском языке несколько пластов. Наиболее древний, «алтайский», пласт, эвенкийского языка состоит, по ее мнению, из тунгусо-монголо-тюркского, тунгусо-тюркского и тунгусо-монгольского слоев (Василевич, 1946, 46). Первый слой можно условно связывать с периодом существования тунгусских прапредков в составе этнических конгломератов хун-ну и дун-ху; второй слой, вероятно, отражает период существования народа хи; третий слой нетрудно отнести к периоду взаимоотношений тунгусов с монголами. Длительность и вместе с тем очевидная молодость этого слоя определяют большой удельный вес монгольских заимствований в тунгусском языке.

Формирование многочисленных тунгусских диалектов Василевич справедливо рассматривала как результат взаимодействия древних тунгусов с иноязычными племенами Сибири (Василевич 1946, 47).

Ко времени широкого расселения тунгусов по Сибири у них должны были сложиться все основные признаки их этнографического комплекса; облегчающая распашная одежда в сочетании с нагрудником, переносный конический чум, легкая каркасная лодка (как кожаная, так и берестяная), верховое и вьючное оленьи седла, вьючные сумы, детская колыбель, которую можно привьючивать к седлу, активная охота с ограниченным применением «самоловов», «охота» на рыбу с помощью остроги и лука, особенности шаманства и анимистического мировоззрения.

* * *

В заключение кратко остановимся на вопросах происхождения тунгусов-скотоводов, ламутов и пеших тунгусов.

К приходу русских тунгусы-скотоводы заселяли почти все южные районы этнического ареала тунгусов. Общая численность скотоводческих групп достигала в первой половине XVII в. 17 тыс. человек и тем самым составляла немногим меньше 40% численности всего тунгусского населения Сибири. Наиболее типичными скотоводами были тунгусы Южного Забайкалья, насчитывавшие около 7 тыс. человек. Истории формирования этой группы и ее развитию в период с XVII по начало XX в. мы посвятили специальную статью (Туголуков, 1975), к которой и отсылаем читателя.

Здесь отметим, что имеющиеся данные указывают на оленеводческое прошлое большинства тунгусов-скотоводов. О едином происхождении оленных и конных тунгусов нам приходилось слышать от многих наших информаторов-эвенков, среди которых были как оленеводы, так и скотоводы. Почти все они утверждают, что к коневодству тунгусы переходили вследствие утраты оленей. Переход обезоленивших тунгусов к скотоводству происходил под влиянием их культурных контактов с такими земледельцами и скотоводами Приамурья, Забайкалья и Приуралья, как дючеры, дауры, монголы и буряты.

Ламутов, или теперешних эвенов, мы рассматриваем как особую ветвь тунгусов, чьи антропологические, лингвистические и этнографические особенности обусловлены их развитием на северо-востоке Сибири. Формирование указанных особенностей объясняется поглощением ламутами в процессе их расселения по Северо-Восточной Якутии, Чукотке и Камчатке части пеших коряков и большинства юкагиров. Внешним выражением данного процесса служит рост численности ламутов с 3,6 тыс. человек в XVII в. до 12 тыс. в 1970 г. Вместе с тем показательно, что сами эвенки и эвены не относятся друг к другу как к особым народам.

Пешие тунгусы занимали в XVII в. полосу Охотского побережья приблизительно от устья р. Улья на юго-западе до устья р. Ола на северо-востоке. К приходу русских они насчитывали около 4,3 тыс. человек.

А. М. Золотарев считал, что тунгусы начали заселять Северную Сибирь с Амура на стадии безоленных лыжных охотников. Достигнув Охотского побережья, они нашли там «палеоазиатов» в лице еще более отсталых гиляков и коряков. В результате взаимодействия пришельцев с палеоазиатами и сформировались, по Золотареву, пешие тунгусы — тунгусоязычная контактная группа с палеоазиатской культурой (землянками, ездовым собаководством, жертвоприношением собак и т. д.). С Амура тунгусы якобы принесли на Охотское побережье лыжи, наземные жилища, крытые рыбьей кожей и берестой, берестяные и долбленые лодки (Золотарев, 1938, 86).

175

Точка зрения Золотарева не находит опоры в действительных фактах истории пеших тунгусов. Еще Яков Линденау, которому принадлежит первое обстоятельное описание пеших тунгусов (1742 г.), со слов своих информаторов писал, что они были в недавнем прошлом оленеводами (АЯФ, ф. 5, оп. 1, д. 151, л. 148). Переход части охотских тунгусов-олeneводо-в к рыболовству и

оседлому образу жизни объясняется, с одной стороны, их многосторонними контактами с оседлыми коряками, обитавшими в указанной полосе побережья до прихода тунгусов, а с другой стороны — колоссальными рыбными богатствами края.

¹ Работы С. М. Широкогорова 1926 и 1929 гг. Перевод с английского.

² Гораздо больше оснований связывать с тунгусами обитателей Катандин-ского кургана в Горном Алтае, где в 1965 г. были обнаружены настоящие меховые нагрудник и «фрак», сопоставимый с ламутским (эвенским). Памятник, по определению С. В. Киселева, принадлежит к Пазырыкской эпохе (около рубежа нашей эры) (Киселев, 1951, 186). Но даже такая находка, вне связи с другими бесспорными данными, не представляется достаточно надежной для отнесения ее к тунгусам.

³ Эта этнографическая группа тунгусов к концу XIX — началу XX в. почти полностью слилась с местными русскими и бурятами.

⁴ Река Нонни — левый приток р. Сунгари.

⁵ О бегстве туматов с Баргузина на Виллой под ударами монголов в XIII в. имеются как исторические, так и фольклорные свидетельства (ЦГИА, ф. 159, оп. 1, д. 138, л. 78).

⁶ Монгольское название р. Хуанхэ. В переводе: «Царица-река» (Бичурин, 1829, 24).

⁷ Река Чельчи — правый приток Нюкжи, являющейся правым притоком Олекмы. Река Чильчикан — левый приток Омолона, являющегося правым нижним притоком Колымы.

176

Глава третья

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГЕНЕЗА ТУНГУСОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ' НИЖНЕГО АМУРА И САХАЛИНА

Этногенезу тунгусоязычных народов Нижнего Амура и Сахалина посвящена обширная литература, хотя специальных работ на эту тему мало: те или иные высказывания, гипотезы, предположения публиковались в общих работах по этнографии, истории, языкам этих народов (Шренк, 1883, 136—139, 141, 145—148, 152-157, 159, 293-296; Штернберг, 1933, 4—10, 20-21, 286—291, 466, 397—399; Васильев, 1929; Каргер, 1931; Мыльников, Цинциус, 1931; Золотарев, 1934, 1939; Липская, 1940, 1956; Ларькин, 1957, 1964; Аврорин, Лебедева, 1967; Иванов, 1963; Василевич, 1960, 1969; Суник, 1968; Смоляк, 1953, 1957, 1959, 1960, 1961, 1963, 1966, 1968, 1971, 1973а, 1973б, 1974, 1975а, 1975б; Таксами, 1968, 1972).

Некоторые авторы высказывали предположения о том, что культура тунгусоязычных народов Нижнего Амура, особенно нанайцев и ульчей, живущих несколько в стороне от орочей и удэгейцев, сформировалась на основе аборигенного пласта, на который наслоились более поздние этнические элементы, пришедшие из разных мест и оседавшие на Нижнем Амуре. Так писал А. М. Золотарев — о происхождении ульчей, Л. Я. Штернберг и Н. А. Липская — о происхождении нанайцев; такой же вывод можно сделать на основании исследования С. В. Ивановым орнамента нанайцев, ульчей и др.

Вопрос об аборигенном пласте, однако, не разработан. Л. И. Шренк считал, что аборигенами на Нижнем Амуре были нивхи; А. М. Золотарев, некоторые другие этнографы, а также лингвисты знака равенства между «аборигенами» и «нивхами» не ставили, полагая, что «аборигены» — понятие гораздо более широкое.

Большой вклад в разработку вопросов истории населения Дальнего Востока, в частности народов Нижнего Амура, внесли советские археологи, особенно за последние 15—20 лет. Их исследования позволяют представить себе формирование древнего населения в неолите (V—II тысячелетия до н.э. — раскопки в селениях Малышевское, Вознесенское, у Хабаровска, в Кондоне — на территории расселения современных нанайцев, на о. Сучу — район обитания ульчей).

Исследования советских археологов, проведенные на территории современного Приморья, не менее многочисленны и значительны, однако здесь мы их используем меньше, ибо основной упор делается на прошлое таких наиболее крупных тунгусоязычных народов, как нанайцы и ульчи, живших непосредственно на

177

Нижнем Амуре. Многочисленные находки этого периода позволяют судить о занятиях жителей тех времен (рыболовство, охотничий таежный промысел), а главное — утверждать, что население в этих местах в данный период было весьма неоднородно этнически. На основании исследования форм и типов орудий, керамики и орнамента археологи говорят о проникновении в этот период на север малайско-полинезийских и других групп населения (Бродянский, 1973). О южных аналогиях в неолитической культуре Нижнего Амура на основании исследования петроглифов других материалов писал А. П. Окладников. По его мнению, племена Нижнего Амура осуществляли в неолите «связи на юг, к Вьетнаму, Индонезии и Полинезии» (Окладников, 1971).

Сибирские таежные группы проникали в бассейн Нижнего Амура и на север Приморья в конце неолита (конец II тысячелетия до н. э.) и в раннем железном веке (конец II тысячелетия — I тысячелетие до н. э.), об этом свидетельствуют находки в Сорголе, в устьях Уссури и Амура (у сел. Тэбах), специфической круглодонной керамики Прибайкальского типа, своеобразных «моделей» лодок и колыбели (Окладников, 1970, 188; Ларичев, 1961, 266—269; Окладников, Деревянко, 1973, 176; Окладников, 1963а, б; Васильевский, 1971, 190).

Все эти многочисленные археологические находки дали возможность А. П. Окладникову утверждать, что предки тунгусо-язычных народов Нижнего Амура пришли сюда в конце неолита, а затем появлялись тут многократно (Окладников, 1968).

Раскопки Ю. А. Мочанова на р. Амгунь, в ее верхнем и среднем течении, показали, что в конце периода неолита и позднее — в первых веках нашей эры — здесь существовала оседлая культура, очень близкая к нижеамурской (Мочанов, 1970). Эти находки очень важны: раньше таежная культура, особенно в эпоху неолита, как бы противопоставлялась нижеамурской, оседлой, с ее спецификой и явными южными чертами. Здесь же, на Ам-гуни, находилась своеобразная «контактная» зона, где амурские и таежные черты сосуществовали в единстве. Автор находит аналогии амгунским предметам не только на Нижнем Амуре, но и в Якутии и на о. Хоккайдо. Эти археологические работы, пока еще только начатые, могут дать многое для понимания этногенетических проблем в данном регионе.

О связях неолитического населения Нижнего Амура с более восточными районами писал А. П. Окладников на основании исследования различных источников (Окладников, 1971, 114—119, 121).

Многочисленные данные различного характера свидетельствуют и о, тесных связях населения Нижнего Амура с западом. Можно предположить, что формирование древнего аборигенного пласта в этом районе происходило путем консолидации всех многочисленных элементов, пришедших из самых различных мест на Амур. Весьма знаменательно, что до сих пор южные, северо-за-

178

падные и восточные элементы прослеживаются в культуре и в языках всех живущих здесь народов. В этом плане особенно широко исследовался нивхский язык, установлена его связь с югом (океанийскими элементами) и западом (сибирско-среднеазиатскими элементами) (Крейнович, 1955; Панфилов, 1973а, 1973б).

Разумеется, для решения вопроса о происхождении аборигенного пласта на Нижнем Амуре требуется провести еще очень много исследований, ибо до сих пор неясно слишком многое об этом древнем населении; необходимы антропологические, лингвистические, этнографические работы для выяснения множества возникающих проблем.

По-видимому, много материалов потребуется еще и археологам, чтобы связать древнее население с последующим. Так, о более поздних этапах развития на Нижнем Амуре археологам известно меньше, чем о неолитическом периоде. Согласно новым работам археологов, население на Нижнем и Среднем Амуре и в Приморье в эпоху раннего железа (конец II—I тысячелетие до н. э.) было в этническом отношении однородным (Деревянко, 1973). Думается, что материалов, относящихся собственно к Нижнему Амуре, для этого периода пока еще слишком мало, чтобы можно было делать подобные выводы, вполне естественные для Среднего Амура и Приморья, изученных гораздо более обстоятельно.

Исторические источники мало помогают в выяснении состояния и судеб населения, жившего на Нижнем Амуре в эти отдаленные периоды. Согласно старой востоковедческой традиции, на территории Маньчжурии и к северо-востоку от нее за 2 тысячи лет до н. э. жили племена сушень. Об их расселении, культуре, этнической принадлежности нет точных данных. До нас дошло только одно слово этого народа: «ку» — так они называли дерево, из которого выделывали свои стрелы. Теперь известно, что так нивхи называли стрелы, айны — стрелы и луки (Смоляк, 1959; Добротворский, 1875). Считается, что на месте расселения сушень позднее жили илоу (разные исследователи их относили то к тунгусо-язычным, то к палеоазиатским племенам), затем — уцзи (уги), мохэ. Однако не только этническая и языковая принадлежность мохэ, но даже и их расселение до сих пор окончательно не выяснены (хотя на этот счет существуют разные точки зрения, в основном археологов) *. Поэтому даже если и называть население Нижнего Амура первых веков нашей эры мохэцами, это не проясняет вопроса о том, какое население здесь жило в этот период. Разумеется, эти проблемы очень сложны, над ними в настоящее время как раз и работают археологи.

Столь же мало исследовано население более поздних эпох на Нижнем Амуре. Археологи немногочисленные памятники этого периода считают «чжурчженьскими» скорее по хронологическим, а не по этническим показателям, ибо этническая юс принадлежность неясна (Медведев, 1977).

179

Очень мало данных о населении Нижнего Амура этого периода содержится и в письменных источниках. Таким образом, можно сказать, что археология пока дает определенные свидетельства о неолитическом населении этих мест (хотя не выяснено много вопросов относительно его этнической принадлежности), о разнородности различных его элементов. Лишь условно мы можем считать, что в период неолита здесь складывался аборигенный пласт культуры с его южными, северо-западными и восточными чертами. В результате исследований языков и культуры современных народов Нижнего Амура можно полагать, что прослеживаемые здесь элементы (южные, западные, северные и восточные) относятся к неолитическому периоду (см. ниже).

А. П. Окладников на основании археологических материалов писал, что неолитическая культура на Нижнем Амуре была характерна для предков нанайцев, ульчей и нивхов (Окладников, 1971, 127; Окладников, Деревянко, 1973а; Окладников, Деревянко, 1977, 23).

Археологические исследования, проводившиеся на Сахалине, обнаружили стоянки мезолитического периода (Васильевский, 1973, 157—163). Найденные здесь неолитические материалы сходны как с нижеамурскими, так и с приморскими (Козырева, 1967; «История Сибири...», 1968, 155—156), с одной стороны, с другой — с находками на о. Хоккайдо. Истоки этой культуры прослеживаются на материке: техника изготовления орудий близка к применявшейся в Прибайкалье, на Ангаре, в Якутии (Васильевский, 1973, 161—163).

Но только более позднюю — охотскую культуру (I тысячелетие до н. э. — II тысячелетие н. э.) морских охотников, связанную не только с материком, но и с культурой эскимосов и населением Камчатки (Васильевский, 1973, 201—205), археологи относят к определенным этническим группам. В частности, охотская культура на Сахалине и сходная с ней материковая культура на Нижнем Амуре определяются археологами как древ-нивахские (Васильевский, 1973, 205—207) ?. Без учета антропологических данных в настоящее время невозможно говорить об этногенетических проблемах. Однако антропологи чаще всего относят складывание антропологических типов на Дальнем Востоке ко временам чрезвычайно отдаленным. Так, формирование тихоокеанских вариантов расового монголоидного типа относят к «периоду контактов северных и южных монголоидов», (Чебоксаров, 1947а, б) (хронологически это никак не определено).

М. Г. Левин выделил наиболее древний тип на Нижнем Амуре — амуро-сахалинский (к нему отнесены нивхи, отчасти ульчи и ороочи), более поздний — байкальский (наиболее яркие представители — ороочи, негидальцы, частично он прослеживается у ульчей, орочей, нанайцев), восточномонголоидный (характерен для нанайцев) (Левин, 1958). Хотя в работе М. Г. Левина большое

180

внимание уделено археологическим и лингвистическим исследованиям, возникновение выделенных антропологических типов на Нижнем Амуре с этими данными не соотнесено, и о времени их возникновения судить также трудно. Между данными различных антропологов имеются противоречия. Так, Л. И. Шренк, работавший среди нивхов в течение нескольких лет, не считал, что им присущ «чистый» антропологический тип. «Если у гиляков может быть и был прежде своеобразный, общий им всем тип, то в настоящее время вследствие частых и продолжительных смешений их с соседними племенами давно изгладился» (Шренк, 1883, 221—222). О неоднородности антропологического типа нивхов свидетельствуют и современные исследования (Коваленко, 1977). Об интенсивной метисации нивхов с соседями писал Л. Я. Штернберг на основании изучения истории родов нивхов.

Думается, что антропологические исследования, проводимые за последние годы по расширенным программам (серологические, дерматоглифические, одонтологические и др.), и в дальнейшем будут углублять результаты более ранних работ.

Согласно сообщению Ю. Г. Рычкова, его исследования крови народов Амура показали, что генетически нивхи и ульчи чрезвычайно близки (Рычков, 1965). Углубленные краниологические исследования, проведенные за последние годы Н. Н. Мамоновой, показали, что в антропологическом типе ульчей и нанайцев различия очень невелики (доклады Н. Н. Мамоновой в

1973 г. в ИЭ АН СССР, в Новосибирске в 1973 г. на конференции по этногенезу народов Севера, в 1974 г. — на заседании Ученого совета Института антропологии МГУ). Сходство современных нанайцев с ульчами и лиманскими нивхами обнаружено также по кожным узорам кисти (доклад Г. Л. Хить «Дерматоглифические исследования в Приамурье в 1973 г.», сделанный в ИЭ АН СССР в 1974 г.).

Многолетние исследования, проводившиеся группой советских лингвистов, позволили обосновать выделение в отдельную, амурскую, группу всех тунгусских языков народов Нижнего Амура и доказать, что они занимают особое место как в отношении тунгусского, так и маньчжурского языков, однако ближе стоят к тунгусскому (в этом плане выделяется негидальский) (Цинциус, 1949; Василевич, 1960; Суник, 1962, 1968).

Г. М. Василевич, опираясь на лингвистические, фольклорные, этнографические и исторические материалы, считает, что тунгусы пришли на Нижний Амур на рубеже н. э. (Василевич, 1969б). Она обращает также внимание на влияние айнского языка на тунгусские языки этой группы; она определяла это влияние как воздействие на фонетику амурских тунгусов «аборигенных языков», различных, но родственных между собой (Василевич, 1960, 48, 49). Влияние айнского на удэгейский и ороцкий языки было иным (Василевич, 1949б).

181

В настоящее время советскими лингвистами проводятся работы по изучению истории формирования языков («Проблемы общности алтайских языков», 1971; «Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков», 1972). Особенно большие перспективы обещает широкое лингвистическое исследование всего топонимического материала на Нижнем Амуре, в Приморье и сопредельных районах. Многолетние исследования В. И. Цинциус привели ее к выводам: 1) из тунгусских языков на Амуре ороцкий и удэгейский стоят ближе к эвенкийскому, чем нанайский, ульчский и орокский; 2) три языка — нанайский, ульчский и орокский — являются на Нижнем Амуре относительно древними (имеют «возраст» порядка 2 тыс. лет) (Цинциус, 1978).

Нельзя не отметить, что советские лингвисты подтвердили исследования археологической науки, показав, что на Нижнем Амуре в некоторых языках прослеживается много различных южных элементов. Об этом свидетельствуют, в частности, исследования нивхского языка, проведенные лингвистами за последние 10—15 лет (Панфилов, 1973а, б; Цинциус, 1972); в более ранней работе Е. А. Крейнвича (1955) установлены связи нивхского языка с корейским, маньчжурским, тунгусским³.

Несмотря на имеющуюся обширную лингвистическую, антропологическую, археологическую, историческую литературу, вопрос об аборигенном пласте на Нижнем Амуре пока еще недостаточно ясен. Очень многое в этом плане может дать исторический анализ каждого из тунгусских языков амурской группы с показом различных по времени напластований южных, западных, местных элементов. Пока же мы, опираясь преимущественно на приведенные археологические данные, предположим, что аборигенное население сложилось в неолите на местной мезолитической основе — в результате прихода в эти места элементов различного происхождения с юга (в III тысячелетии до н. э.), с запада (II тысячелетие до н. э., в железном веке и в первых веках н. э.), с севера (конец неолита, железный век, первые века н. э.). Все пришельцы ассимилировались среди местного населения с его специфической культурой.

Тунгусизация населения, судя по многим работам археологов, лингвистов и других специалистов, началась на Нижнем Амуре очень рано, в конце неолита — начале раннего железа (см. приведенные выше работы А. П. Окладникова). Г. М. Василевич придерживалась точки зрения, согласно которой тунгусы появились на Нижнем Амуре примерно на рубеже н. э. Такое же мнение высказывает В. И. Цинциус. О наличии неолитического пласта в искусстве тунгусоязычных народов Нижнего Амура писал на основании анализа огромного материала С. В. Иванов (1963, 424). Несмотря на то что в последующие периоды на Нижний Амур прибывали южные, западные и северные тунгусские элементы, многие черты аборигенной субстратной культуры как основного «фундамента» всех местных культур сохранялись до на-

182

чала XX в.; следы его обнаруживаются и до настоящего времени.

По нашему мнению, понятие «аборигенное, дотунгусское» население Нижнего Амура является весьма условным. Оно возникло в тот период, когда тунгусы считались очень поздними пришельцами на Амур. Эта точка зрения, высказанная впервые Л. И. Шренком, однако не обоснованная им, предполагала монолитный, единый («палеоазиатский») нивхский субстрат на Нижнем Амуре, существовавший вплоть до прихода сюда тунгусов в XV—XVII вв. Эта гипотеза

не предполагала сложного происхождения аборигенов Нижнего Амура, их многосторонних связей, имевших место в самые различные периоды, а также очень раннего появления тунгусов на Нижнем Амуре. Все это стало известно лишь за последние 20—30 лет благодаря развитию археологии, лингвистики, антропологии и других наук.

Теперь поскольку установлено, что имело место постоянное движение северного населения на Нижний Амур с конца неолита до XIX в., трудно вообще говорить о каком-то дотунгусском состоянии субстрата. Тунгусизация проходила, по-видимому, в течение длительного периода. Из многообразных элементов аборигенного пласта сохранялись лишь наиболее рациональные, но и они постепенно совершенствовались в процессе контактов с различными по характеру пришлыми культурами. Все же часть древних элементов местной аборигенной культуры, прекрасно приспособленных к местным условиям, переходила как «эстафета» от одних поколений и племен к другим, приходившим им на смену.

Этнографические данные об аборигенном пласте. А. М. Золотарев к палеоазиатскому пласту ульчей относил рыболовство (удочку, заездки, верши), собаководство, землянку, сфероидальный шалаш, мужскую юбку из тюленьей шкуры, рыбью кожу как материал для одежды, витье веревок из крапивы и тальника, гончарство, жировые лампы (Золотарев, 1939).

Следуя старой традиции, перечислим элементы древней материальной культуры, которые можно рассматривать у нанайцев, ульчей и других народов собственно Нижнего Амура как аборигенные:

1) сфера промыслов — рыболовства, таежной и морской охоты: мешкообразные подледные и плавные сети, сети с крупными ячейками на калуг⁴, зимние и летние заездки, рыболовные снасти, состоявшие из деревянного бруска и вбитого в него клыка кабарги, остроги и крюки на рыб и морского зверя, орудия для изготовления веревок и ниток и т. п.; многообразные способы заготовки юколы, рыбьего жира, кормов для собак; ездовое собаководство со специфической нартой и упряжкой; долбленные и дощатые лодки; 2) материальная культура, хозяйственные постройки — вешала, постоянные промысловые жилища и летники различных форм (сфероидальные, полуцилиндрические, двускатные); деревянная и берестяная утварь; одежда и обувь из рыбьей кожи, нерпичьих и собачьих шкур (обувь амурского типа); специ-

183

фические охотничьи шапочки; некоторые элементы духовной культуры, характерные для данных мест, и др.

Такое выделение указанных элементов культуры весьма условно. Выявление происхождения того или иного элемента осложняется тем, что у всех нижеамурских народов, независимо от языковой принадлежности, характер культуры сравнительно единообразен. Но необходимо отметить важный факт: все перечисленные элементы культуры у нанайцев и ульчей имеют терминологию, отличную от нивхской, а также в большинстве случаев — и от тунгусской (также корейской, китайской, маньчжурской, японской, ительменской, жорякской и пр.).

Со времен Л. И. Шренка принято считать характерной чертой нивхской культуры использование рыбьей и нерпичьей кожи для различных целей (в первую очередь для шитья одежды и обуви), а также употребление мужской юбки. Эти явления культуры у тунгусских народов Нижнего Амура считались заимствованными от нивхов.

Между тем, сравнивая искусство обработки рыбьей кожи у нивхов, ульчей, нанайцев, орочей, мы должны признать, что наибольшего совершенства оно достигло у нанайцев и их тунгусо-язычных 'соседей. Действительно, они имели для обработки рыбьей кожи специальные орудия, тогда как нивхи Амура использовали с этой целью обычные ступки, в которых толкли также юколу, корни, покупную крупу, сушеную икру и т. п., а нивхи лимана мяли рыбью кожу просто в руках.

Нивхский термин для ступки — «кыл»; пест, которым мяли — «кылвывс», «мамаз», «чмыих»; у нанайцев и ульчей специальная колодка, в которой мяли рыбью кожу, называлась «дыли» (у верховых нанайцев — «хаирга», у орочей — «хайга»), специальный «молоток», которым мяли, у ульчей назывался «пааты», у нанайцев — «вэксун» («ук-сун», «конгку», у орочей — «дуктынги»). Можно говорить о сходстве терминов: «дыли» (нан., ульч., ороч.) и нивх, «кыл», хотя они и относятся к предметам, различным по форме. Эти термины обозначают предмет, в котором мнут рыбью кожу.

. Термин «дыли», имеющий аналогии в тюркских языках, был распространен от ульчского ареала до самых верховых групп нанайцев — почти на тысячу километров. Позаимствовали ли его нивхи от древнего субстратного населения или от соседнего тунгусо-язычного населения — сейчас трудно сказать. Искусство обработки рыбьей кожи было у нанайцев развито гораздо выше, чем у нивхов. Об этом свидетельствует ряд фактов: 1) нивхи покупали у нанайцев халаты из рыбьей

кожи (это наблюдал Л. Я. Штернберг в 1910 г., 1933, 469); 2) в МАЭ хранится нивхская коллекция, привезенная от нивхов с устья Амура и с о-ва Сахалина в начале XX в. В ней имеются прекрасные орнаменты, сделанные из рыбьей кожи. Собиратель писал: «Образцы орнамента — гольдского происхождения» (МАЭ, колл. 1764, № 8—14, 17, 18, 20—24); 3) судя по литературным данным, а также и по на>-

184

юшм материалам, нивхи Сахалина и лимана почти не пользовались одеждой из рыбьей кожи, используя для этого нерпичьи шкуры (из рыбьей кожи шили только рукавицы, отчасти обувь). Искусство обработки рыбьей кожи, бесспорно, древнее, местное. Можно предположить, что оно было присуще абorigенам, вошедшим в состав нанайцев, ульчей, нивхов и других местных народностей.

Л. И. Шренк считал мужскую юбку характерным для нивхов элементом местной специфической культуры, наличие же ее у ороков или ульчей — заимствованием от нивхов. А. М. Золотарев и С. М. Широкогоров относили ее к палеоазиатским элементам. Наши полевые материалы показали, что нанайцы всех групп, жившие вплоть до устья Сунгари, употребляли в прошлом юбку из рыбьей кожи как элемент промысловой мужской одежды. Шаманские юбки из ткани, ровдуги, нерпичьей шкуры были известны всем тунгусоязычным народам амурского ареала. О том, что юбка — элемент южной культуры (известна корейцам, китайцам, японцам, народам всей Восточной и Южной Азии), по-видимому, принесенный на Нижний Амур носителями южной культуры еще в неолите, что ее термин у нивхов — «коек», «хоск», «хоски» — близок к тунгусским (амурским) для юбки — «хоси», «хуси», «хосиан», а также к маньчжурскому — «хусикань» и японскому — «косимаки», говорится в вышедшей недавно работе (Смоляк, 1975а, 57-58).

Необходимо подчеркнуть, что юбка отсутствовала у всех народов Севера, однако ее распространение отмечено не только в более южных районах Азии, но и к западу, например у киргизов («Очерки общей этнографии», 1960, 263), у бурят — бурятское название юбки — «бэлэбши» (Хангалов, 1958, 270) — несколько напоминает термин киргизской юбки — «бельдемчи», у народов Передней Азии («Народы Передней Азии», 1957, 198, 199, 236, 254, 272 и др.).

Таким образом, юбку можно признать элементом древней нижеамурской одежды, но она не является здесь исконной. К последнему разряду, несомненно, относилась обувь амурского типа (впервые этот тип выделен в работе А. В. Смоляк-Стрениной, 1949) из рыбьей кожи и нерпичьих шкур, а у нанайцев, удэгейцев и орочей — также и из ровдуги. Существовало очень много вариантов такой обуви в зависимости от покроя и украшений. Подобная обувь была известна и нивхам (Смоляк, 1960; Там же — выкройки обуви этого типа). У ульчей мы зафиксировали несколько терминов для разных вариантов аналогичной обуви — «олём дима», «пымкы», «суэйсу» и др. Есть своеобразные термины для обуви амурского типа у нанайцев и ульчей («пон-до»). Все они не сходны с нивхскими, но далеки также и от тунгусских, маньчжурских и др. Бытовали и нагрудники характерной (не эвенкийской) формы, местные, амурские, но с эвенкийским термином («урупту», от

185

«ур» — желудок). Их носили мужчины, а также старые женщины. Нивхское название таких нагрудников — «коовас» — очень своеобразно (данные о нагрудниках не эвенкийского типа см.: А. В. Смоляк, 1957). Несомненно, местными, оригинальными являлись здесь головные уборы охотников: матерчатые шлемы и маленькие, в виде тюбетеек, шапочки. Названия шлема — «балиа» (нан.) и шапочки — «богдо» (нан.) — не имеют аналогий в других языках.

Сравнивая орудия рыболовства у нивхов и их соседей, мы не нашли терминологических заимствований ульчами или нанайцами от нивхов, хотя древних специфических местных орудий лова у них бытует много (Нивхско-русский словарь, 1970; Петрова, 1936, 1960). В нивхском языке имеются заимствования в этой области из языков тунгусских. Приведем примеры. Маленькая плавная мешкообразная сеть у нивхов называется «тымр», у ульчей — «тымты». Основным ее признак — ее сплавляли вниз по течению. В эвенкийском языке «тэм», «тэму» — плот, паром; «тэмдэми», «тэмурэми» — плыть на плоту по течению. Таким образом, у нивхов, как и у ульчей, термин этого орудия — эвенкийский. Конечно, можно предположить, что у нивхов в прошлом мог существовать иной термин для данного орудия лова. Но это требует дополнительных аргументов. В рыболовном промысле тунгусоязычных народов Нижнего Амура было много дотунгусских местных терминов (не нивхских), например «око», «оо» — крюк для лова рыбы, «ори» — сачок,

«дэси» — один из способов добычи рыбы, «музуки» — заездок (примеры взяты из нанайского языка и ульчского языков).

В начале XX в. у нанайцев и ульчей еще бытовала своеобразная остроносая, плоскодонная дощатая лодка, отличавшаяся от общеизвестной термином, большими размерами и соответственно большим количеством весел. У ульчей и нанайцев она называлась «гила» (в противоположность повседневной «угда», «огда»); ее использовали для поездок в гости, на свадьбу, вообще, когда нужно было перевозить много людей. Ульчи на таких лодках ежегодно ездили на морской промысел, на Сахалин за соболем. В прошлом такие лодки имели широкое распространение. Кормовое весло такой лодки имело своеобразную дугообразную лопасть; остальные опирались не на обычные уключины, а на вырезы в верхнем крае борта. Термин *гила*, по-видимому, — исконный, аборигенный, ибо не имеет аналогий в других языках (эвенкийском, нивхском, маньчжурском и др.). Наличие термина *гила* позволяет предполагать бытование таких лодок (плоскодонных дощатых, многovesельных) у тунгусоязычных народов Нижнего Амура в далеком прошлом независимо от нивхов, ибо термин обычной нивхской дощатой лодки совершенно иной — *му*.

У тунгусоязычных групп мы нашли много и других терминов, своих, не тунгусских и не нивхских, для многих предметов специфической местной культуры. Видимо, аборигены, вошедшие в 186

состав нанайцев, ульчей, орочей и других народностей, отличались от предков нивхов своим языком (это по другим материалам отмечала и Г. М. Василевич, 1960). Мы также отмечали эти факты (Смоляк, 1957) и привели некоторые термины «аборигенного» характера.

У всех нижеамурских тунгусоязычных народов были распространены весьма своеобразные местные постройки. В древности, судя по археологическим данным, здесь строили землянки. Их сменили каркасные наземные зимние жилища с отапливаемыми нарами, сравнительно однотипные по конструкции, летники на сваях, а также наземные в виде корьевых домиков; шалаши различных типов, хозяйственные постройки-вешала, амбары и пр. издревле были весьма разнообразными. Подчеркнем, что многие термины, характерные для этих построек, уникальны и заставляют предполагать, что они возникли у дотунгусского населения, но не нивхского, ибо их названия в нивхском языке не находят аналогий.

В зимнем жилище с отапливаемыми нарами некоторые названия деталей не имеют аналогий ни в одном из живых языков. Приведем примеры: *гило*, *гочи* (нан., ул.), *панску* (ул.), *кэркичэ* (нан.) — названия частей нар. *Генгга* (ул.), *геангга* (нан.) — летник, амбар на сваях; *хонггорау* (ул.), *эпи* (нан., ул.) — малые амбары; *кхалангали* (ул.), *кхалангари* (ороч.) — промысловый шалаш; *хомора*, *хомура* (нан., ул.) — рыбацкий летник; *кава* {ороч.) — ороцкий четырехугольный корьевого дом; *дапси* (нан., ул.) — вешала для собачьей юкеры.

Всем этим терминам мы не нашли аналогий ни в эвенкийском, ни в маньчжурском, ни в нивхском, ни в корейском языках. Количество аналогичных примеров можно увеличить. Примеры можно приводить и из области духовной культуры. Так, в медвежьем празднике ульчей и нанайцев употреблялось много терминов, не сходных с нивхскими. Приведем лишь два: *арачу* у ульчей означало площадку, на которой совершалось ритуальное убийство медведя, содержавшегося в неволе. Второй термин был известен не только ульчам, но и низовым нанайцам, которые держали медведя в неволе и убивали его на празднике. Кости таких медведей ульчи и нанайцы складывали в маленький сруб — *вайе*, *вайи*; эти термины нивхам неизвестны.

Приведенные данные подтверждают, что аборигенный пласт культуры, лежащий в основе культур современных народностей Нижнего Амура, видимо, был неоднороден; разные термины аборигенного, но не нивхского характера употреблялись для промысловых построек, для обуви амурского типа у ульчей, орочей, нанайцев разных групп. Но были термины и общие (*хомора*, *пондо* и др.). Наличие терминов, общих также и для нивхов, — «кютэл», «куйтэли», «китэ» — для крючковой снасти, «кыл-ды-ли» — орудие обработки рыбьей кожи, «мыр-мэнгэ» — заездок — может свидетельствовать скорее всего о заимствованиях местных

187

терминов одними древними группами у других (аналогичные материалы см.: Колесникова, 1972, 303, 307, 308, 314 и др.).

Количество примеров из древних языков, прослеживаемых внутри тунгусских языков на Нижнем Амуре, можно значительно увеличить (в настоящее время их известно не менее 100).

Приведем материалы из других областей культуры. Исследования С. В. Ивановым орнамента народов Нижнего Амура показали существование у них нескольких орнаментальных комплексов

(Иванов, 1963, 425, 426, 478 и др.). Очень важен тезис об аборигенном происхождении орнамента нижнеамурских тунгусо-язычных групп (Иванов, 1963, 424, 478).

Названные элементы культуры — орудия рыболовства, обработки рыбьей кожи, долбленые и дощатые лодки, ездовое собаководство, местные формы жилых, промысловых и хозяйственных построек, обувь амурского типа, головные уборы, своеобразная терминология всех этих элементов, не имеющая аналогий в нивхском, тунгусском и других современных языках, некоторые элементы медвежьего культа и их терминология, орнаментальный комплекс — все это, думается, можно рассматривать как реликты древней исконной местной культуры (не нивхской), живые до сих пор в культуре нанайцев, ульчей, орочей и других народов Нижнего Амура.

Выше на археологическом материале было показано, что западные, северные, южные группы населения проникали сюда еще в неолите; в результате культура субстрата была «многослойной», но доминировали в ней черты специфической местной культуры. В современной культуре народов Нижнего Амура и Сахалина (мы считаем современной и ту, которую наблюдали исследователи в конце XIX в.) с ее ярко выраженной рыболовецкой спецификой прослеживаются элементы западного, северного, южного происхождения.

К южным и отчасти западным элементам современной культуры народов Нижнего Амура и Сахалина можно отнести: 1) мужские юбки; 2) употребление в пищу собачьего мяса (это явление не было известно ни тунгусам, ни северо-восточным палеоазиатам, но составляло характерную черту культуры чжурч-женей (Воробьев, 1965, 24—26), китайцев («Народы Восточной Азии», 1965, 277), народов Южного Китая («Народы Восточной Азии», 1965, 592), Кореи («Народы Восточной Азии», 1965, 792). На Нижнем Амуре это явление отмечалось в культуре ульчей (Смоляк, 1966, 96), орочей (АИЭ, Материалы Северной экспедиции, 1962), нивхов; 3) носовые украшения (у нанайцев, удэгейцев); употреблялись также чжурчженями и далеко на юг — народами Индии, Южного Китая. Они были известны и народам Средней Азии; некоторые исследователи этих народов считают эти украшения происходящими из Индии; 4) некоторые детали духовной культуры: повсеместное распространение на Амуре мифа о множественности солнц, почитание тигра нанайцами, орочами,

188

удэгейцами, распространение представлений о мифической птице-коори у ульчей, нанайцев и др. (у народов Индии — птица Га-руда). Нивхский обычай сожжения умерших сближает их с южными и западными народами. Отметим также в языке этого народа множество южных элементов (Панфилов, 1973а).

Выделяя западные черты культуры народов Нижнего Амура, отметим также: 1) особенности в традициях инкрустации металлов (Иванов, 1963, 341—342); 2) наличие среди нанайских родовых названий этнонима «саян» (Смоляк, 1975в); 3) тюркские, монгольские и среднеазиатские мотивы в орнаменте и в орнаментальной технике (Иванов, 1963, 476—477); 4) срубные ритуальные постройки на западе и на Нижнем Амуре (Смоляк, 1973а). О восточно-азиатских и южных чертах в орнаменте народов Нижнего Амура см. данные в работе С. В. Иванова (1963).

А. М. Золотарев писал о маньчжурском и айнском пластах в культуре ульчей. Маньчжурский пласт прослеживается и в культуре нанайцев, но при этом нужно иметь в виду неоднородность культуры самих маньчжуров. Аборигенное дотунгусское и доманьчжурское население (его характер еще требует исследования) жило в далеком прошлом не только на Амуре, но и в Маньчжурии. Мы полагаем, что культуры охотников и рыбаков Нижнего Амура и охотников и рыбаков Северо-Восточной Маньчжурии имели общие черты, что определялось сходством экологических условий проживания, близостью их занятий, тесным общением, а также в какой-то степени этнической близостью. Сходство к культуре и языку у охотников и рыбаков Северной Маньчжурии и Нижнего Амура было большим, чем у обитателей Северной Маньчжурии и центральных ее районов, где развивались скотоводство и земледелие.

В местах расселения нанайцев, на северном рубеже их ареала, найдены остатки жилищ XII—XIII вв. с кановой системой отопления; там же были обнаружены остатки утвари и датирующие монеты. Хорошо известны события конца XVI — начала XVII в., когда маньчжурские войска, созданные в центральных районах, завоевывали периферийное население Маньчжурии с целью пополнения армии. Соппротивление населения, восстания завоеванных племен, многочисленные карательные походы против этого* населения известны из исторических источников. В источниках отмечены факты многочисленных переселений из периферийных в центральные районы Маньчжурии⁵. Переселений в далекие «дикие» районы Нижнего Амура настоящих маньчжуров, с земледельческой и городской культурой, практически не было-

А. М. Золотарев весьма существенным считал айнский вклад в ульчскую культуру: культ стружек, оформление медвежьего праздника с содержанием медведя в неволе и простой лук (Золотарев, 1939, 30). На это мы можем возразить, что все эти элементы культуры были присущи всем народам Нижнего Амура (медведей не содержали только удэгейцы). Здесь не место анализиро-

189
вать такое явление культуры, как медвежий праздник, однако заметим, что у айнов он был меньше развит; например, у них отсутствовал такой оригинальный элемент культуры, связанный с этим праздником, как «музыкальное бревно», известное всем народам Амура (Смоляк, 1961). Ульчи на медвежьем празднике отбивали на бревне ритмы, показывающие путь «души» медведя к хозяину тайги после убийства зверя (Смоляк, 1966, 125). Этот древний «инструмент» назывался у ульчей и низовых нанайцев тунгусским словом *удядюпу*, *удя*, *одя* (с позиции Л. Шренка он должен был бы называться по-нивхски), ибо по-эвенкийски *удя* — путь, след, *удями* — идти по следу. Нивхское название этого предмета — *зас*, *застяс* — отлично от ульчского и не имеет производных в нивхском.

Таким образом, мы полагаем, что медвежий праздник и культ стружек — черты местной аборигенной амурской культуры, вошедшие в состав культуры всех народов Нижнего Амура и позаимствованные у них айнами. Культ стружек имел на Амуре повсеместное распространение вплоть до самых верховых селений нанайцев, т. е. за тысячу километров от устья Амура, айнские же этнические вкрапления в состав указанных народностей были слишком ничтожны по масштабам, чтобы оказать большое влияние на культуры народов Нижнего Амура (в частности, в этом отношении). Ритуальные стружки у нивхов имели иные названия, чем у нанайцев и ульчей, а у последних отличались по названиям от айнских.

Простой лук был распространен на всем Нижнем Амуре, а также у эвенков южной части Охотского побережья. Вряд ли айны, столь малочисленные на Южном Сахалине и тем более на материке, могли повлиять на широкое распространение этого простейшего орудия — оно возникло, естественно, у самого древнего населения этого ареала, включавшего весь Нижний Амур и побережье Охотского моря.

Весьма показательно, что тщательный анализ С. В. Ивановым айнского орнамента и сравнение его с орнаментом народов Нижнего Амура показал полное отсутствие взаимовлияния в этой области; связи с орнаментом айнов «не чувствуются даже у амурских нивхов» (Иванов, 1963, 427).

Тем не менее нельзя не учитывать, что айны оставили свой след в родовом составе ульчей, удэгейцев, орочей, нивхов и даже, по данным Л. Я. Штернберга, негидальцев. Тщательное исследование культуры ульчей показало, что роды айнского происхождения имеют особенности в духовной культуре, в обычаях. По всей вероятности, при более тщательных исследованиях аналогичные явления могут выявиться и в культуре других народностей.

Вопросы о взаимоотношениях айнов с народами Нижнего Амура и Сахалина — нивхами, сроками, ульчами, нанайцами, орочами — еще требуют тщательного анализа (Смоляк, 1975а).

190

Северный (или тунгусский) пласт ⁶ в культуре народов Нижнего Амура по традиции считался вторым по значению, следующим по времени за местным, аборигенным. Правда, вопрос о времени различными авторами решался по-разному. Крайнюю позицию здесь занимал Л. И. Шренк, полагавший, что приход на Амур тунгусов относился к XV—XVII вв. С. М. Широкогоров, А. М. Золотарев, М. Г. Левин, не высказываясь конкретно, имели в виду более отдаленные времена. Археологические исследования последних десятилетий свидетельствуют о том, что исконный амурский, а также северный таежный комплексы начали переплетаться очень рано (данные о находках неолитического периода в Сорголе, в устье Уссури, у Тебаха, на Верхней и Средней Амгуни); они не только не противоречили, но существенно дополняли друг друга.

Все же о северном пласте следует говорить отдельно, ибо по-существу своему он совсем иной, чем аборигенный; хотя и не всегда легко, но он «вычленяется» из органичной культуры нижеамурских народов. Чрезвычайно важно также, что тунгусы принесли на Нижний Амур другой язык, сменивший аборигенный. Тунгусский язык оказал огромное влияние и на нивхский; по данным Е. А. Крейновича, амурский диалект нивхского языка сформировался в результате влияния тунгусского. Это воздействие прослеживается не только в языке, но и во всех сферах нивхской культуры (так же, как и в родовом составе) (Смоляк, 1974).

Северный, или тунгусский, пласт на Нижнем Амуре неоднороден: в нем видны черты более древние и более поздние, что отразилось в культуре и в языке (об этой разновременности тунгусского «пласта» в материальной культуре ульчей, нанайцев см.: Смоляк, 1957. В языке это

показала Г. М. Василевич, 1960, 47). Приходя в разные периоды с севера, северо-запада, а позднее с северо-востока (с Охотского побережья), различные племена (по-видимому, первоначально ^то были дотунгусские элементы) со специфической таежной культурой расселялись на Нижнем Амуре, а также в среднем и верхнем течении этой реки — на всю эту огромную территорию они принесли многие элементы своей материальной и духовной культуры. Так, на Нижнем Амуре распространились характерные предметы таежной культуры: берестяная лодка, гнутые лыжи, колыбель своеобразной формы. Древним тунгусским вкладом в культуру народов Нижнего Амура были нагрудник и обувь тунгусского типа, ноговицы со специальным пояском (Смоляк, 1957, 101—102). Г. М. Василевич писала, что тунгусы принесли сюда лексику, связанную с тайгой, с таежным рельефом, столь важную для охотников-промысловиков, названия некоторых рыб и животных, термины для лыж, простейшей сети, некоторых элементов одежды (штанов, рукавиц), обуви (Василевич, 1960, 45—46).

Вся лексика нанайцев, ульчей, орочей, удэгейцев, связанная с охотничьим промыслом, согласно нашим материалам, в основном тунгусская.

191

Жители тайги, в том числе тунгусы, приходя на Нижний Амур, овладевали местной рыболовной техникой, ибо этот промысел играл главную роль в местном хозяйстве. В литературе обычно говорится, что тунгусы, оседавшие на Нижнем Амуре, постепенно теряли оленеводство. По нашему мнению, тунгусы приходили сюда вообще без оленей. Об этом свидетельствуют следующие данные: 1) ни один из русских землепроходцев в XVII в. не видел тут оленей, не было их здесь и в XII в., как свидетельствует надпись на Тырском камне; 2) по свидетельству охотников-нанайцев и ульчей, на Нижнем Амуре, а также на большей части его притоков отсутствуют олени пастбища. Согласно родовым легендам ульчских родов орокского происхождения; приходя на Амур, они тотчас же оставляли оленей, ибо их негде было выпасать; 3) оленеводство не отражено в фольклоре и в воспоминаниях нанайцев и ульчей.

По-видимому, не вполне справедливо мнение о том, будто тунгусы непременно были оленеводами, во всяком случае, когда речь идет об эвенках Дальнего Востока. Так, по данным XVII в., известно, что на Охотском побережье жило много безоленных эвенков (Долгих, 1960б; Степанов, 1959). М. Г. Левин справедливо полагал, что так называемые пешие тунгусы Охотского побережья — это «недавно отунгушенные палеоазиаты» (Левин, 1958).

В фольклоре эвенков восточных районов Дальнего Востока об оленях упоминается крайне редко (Василевич, 1936, 215—220, 218, 248 и др.). Конечно, не исключено, что на притоки Нижнего Амура (реки Тунгуска, Амгунь) эвенки приходили с оленями, но в дальнейшем, особенно в поздние периоды, теряли этих животных по разным причинам: из-за эпизоотии, из-за отсутствия пастбищ (см. сноску 7), некоторые же, возможно, оставляли животных, так как в этих местах, изобиловавших рыбными и морскими богатствами, прекрасно можно было прожить и без оленей, а совмещать оседлое хозяйство с оленеводством было затруднительно.

Часть эвенков, живших на юго-востоке Охотского побережья, относящихся к родам Ыгингкаг'ир, Макаг'ир, отличалась своеобразными чертами культуры и языка. Мы полагаем, что в их состав также вошли местные дотунгусские элементы. По предварительным данным Ю. А. Мочанова (1970), в верховьях и в среднем течении Амгуни в неолите и позднее жило оседлое население. Многими чертами культуры оно было связано с жителями Нижнего Амура, с одной стороны, и с населением современной Якутии — с другой. Эвенки, жившие по большей части течения Амгуни в XVII в., были безоленными: условия для содержания оленей тут были неблагоприятны (Радаев, 1926; Литвинцев, 1926) ⁷. В фольклоре негидальцев также мало данных об оленеводстве — они были главным образом оседлыми, пешими охотниками и рыболовами (Мыльников, Цинциус, 1931, 127).

192

Оседлое население р. Амгунь, о котором известно по археологическим данным, и в неолите, и позднее постоянно пополнялось за счет выходивших сюда жителей тайги⁸. Когда же с Амгуни отдельные группы переселялись на Нижний Амур, они уже обладали прочными традициями оседлого хозяйствования, навыками оседлой рыболовческой культуры, что ускоряло процессы ассимиляции их в среде нижеамурских жителей.

Б. О. Долгих доказал, что в XVII в. на Нижнем Амуре жили этнические группы с определенными чертами культуры, известные здесь и в XIX в. (1955а, 1960а): нивхи, ульчи, нанайцы. Согласно данным этого автора, их этнические границы в XVII в. были примерно такими же, как и в XIX в. Хотя в XVII в. примерным «пограничным рубежом» между нивхами и ульчами было устье

протоки оз. Удыль (как и в XIX в.), тунгусоязычные народы спорадически жили и за пределами своих ареалов, ближе к устью Амура, на нивхской территории. Имеются бесспорные показатели; в XVII в. среди нивхских селений находилось сел. Тахта, основанное, по-видимому, ульчами (тахта — от ульч. такту — «амбар на сваях»). О проживании в XVII в. на Нижнем Амуре среди нивхов тунгусоязычных элементов свидетельствуют имена, зафиксированные землепроходцами: Кендюга, Сельдюга, Негда, Килема. Хотя землепроходцы называют этих людей гиляками, ясно, что имена здесь приведены не нивхские, а свойственные тунгусским народам⁹.

В XVII в. на Нижнем Амуре, лимане, побережье Татарского пролива и Сахалина жили нивхи, нанайцы, ульчи (см. данные Б. О. Долгих, 1960а), орочи (в XVIII в. их встретил Лаперуз), сроки (А. В. Смоляк, 1975а), айны, негидальцы (данные Б. О. Долгих, 1960а; Г. М. Василевич, 1969а — о проживании в XVII в. по Амгуни тех же родов, что и в XIX в.).

О том, что тунгусоязычные народы Нижнего Амура и Сахалина сложились в этих местах намного ранее XVII в. (что нашло отражение в работе Б. О. Долгих, 1960а, 600—603), свидетельствуют многие данные (вопреки утверждениям Л. И. Шренка): исследования лингвистов (Василевич, 1960, 1969а; Цинциус, 1978: нанайский, ульчский, орокский языки — своеобразные «древнейшие реликты алтайской семьи языков на Нижнем Амуре»); археологов (см. выше); этнографов, показавших сложность и своеобразие родового состава каждого из этих народов (Каргер, 1931; Золотарев, 1939; Липская, 1956; Штернберг, 1933; Смоляк, 1963, 1975а, 1975б, 1975в); отсутствие воспоминаний и данных фольклора об оленеводческой стадии культуры (Смоляк, 1975в, 1977). Тщательные исследования привели С. Мураяма к выводу о влиянии нижеамурских тунгусских языков (ульчского, орокского, ороцкого, негидальского) на древнеяпонский (Спеваковский, 1975).

После XVII в. на Нижний Амур по-прежнему продолжали спускаться различные этнические группы, в основном с севера,

193

северо-запада и северо-востока. По-видимому, это были поздние тунгусские элементы, которые и в XIX в. мало общались с местными жителями. Постоянно продолжался «внутренний этнический обмен» — по разным причинам отдельные семьи ульчей и нанайцев выезжали и селились среди нивхов, ороцкие и нанайские — среди ульчей, нивхские — среди ульчей, нанайцев и т. п. Но в целом с XVII в. этнический состав Нижнего Амура и Сахалина оставался сравнительно стабильным.

¹ А. П. Окладников поддержал традиционную точку зрения о мохэсах как наследниках предшествующих местных племен (Окладников, 1959). О связях мохэ с тюрками см.: А. П. Окладников, А. П. Деревянко, 1973а, 319—323. Э. В. Шавкунов и А. П. Деревянко (1964, 554) высказывали воззрение, согласно которому мохэ пришли из Забайкалья. Об этом же писала Е. И. Деревянко (1975 и др. ее работы). Об активных связях населения Нижнего Амура в первых веках н. э. с западом см. также: Окладников, 1971, 127. Но все эти вопросы пока еще находятся в стадии решения.

Э. В. Шавкунов и Ю. А. Сем (1960) сравнивают личные имена мохэсцев и бохайцев (V—X вв.) с родовыми этнонимами XIX в. на Нижнем Амуре и в Приморье, однако эта попытка, хотя и признана в литературе удачной («История Сибири...», 1968, 317), не убеждает в правоте ее авторов. Дело в том, что требует доказательств правомерность сопоставления личных имен и родовых этнонимов (этих доказательств нет). Из множества имен, относящихся к V—X вв., авторы выбрали имена с суффиксом -ли и отыскивали их в родовых этнонимах, распространенных на Нижнем Амуре в XIX в. Их нашлось четыре (а всего родовых этнонимов тут известно более ста). Авторы пишут, будто суффикс -ли является «словообразующим формантом в эвенкийских этнонимах». Просмотрев эвенкийские родовые этнонимы, — в книге Г. М. Василевич (1969б) их более 300 — мы увидим, что с суффиксом -ли встречается всего два этнонима — Лалигир и Йолигир. Таким образом, методика, избранная здесь, не является обоснованной; можно было выбрать любые другие имена с другими суффиксами и сделать иные выводы.

² Исследователь почти совершенно исключил из своего рассмотрения айнов, ссылаясь в данном случае главным образом на японские работы, посвященные айнам о. Хоккайдо. Думается, однако, что именно жившие в период охотской культуры на Сахалине айны требуют к себе большего внимания: контакты с этим народом сыграли определенную культурную роль

в истории наших нижеамурских и приморских народов (об этом см.: Смоляк, 1975а).

³ По ряду показателей корейский и японский относят к алтайским языкам. Предполагают, что в Японию алтайские языки проникли либо в I тысячелетии до н. э. («Народы Восточной Азии», 1965, 123), либо на рубеже нашей эры (Сыромятников, 1967). Возможно, что примерно в это время алтайские элементы вошли и в нивхский язык, тогда можно говорить о до-нивхском языковом субстрате на Нижнем Амуре. Действительно, существует много топонимов на нивхской территории, непереводаемых с нивх-

194

ского языка: их можно предположительно считать донивхским языковым субстратом (см. материалы о топонимах такого рода: Крейнович, 1973, 48, 49, 65 и др.). А. Криштофович с помощью стариков-нивхов перевел на русский язык около 20% топонимов на Сахалине, остальные были им непонятны (Криштофович, л. 44—50).

⁴ В неолите на Нижнем Амуре в рыболовстве преобладали различные виды сети, тогда как в Прибайкалье —

всевозможные крючки и удочки (Деревянко, 1973; «История Сибири...», 1968).

^s Завоевание населения, походы с карательными целями имели место в Приморье, на Среднем, но не на Нижнем Амуре (Смоляк, 1968; Мелихов, 1974).

* Известно, что А. П. Окладников, Г. М. Василевич и другие исследователи считали «прародиной» тунгусов район Байкала; отсюда расселялись они по Сибири и Дальнему Востоку. (См.: Окладников, 1955а, 1968б; Г. М. Василевич, 1969б и др. работы этого автора). Эти данные принимаются многими исследователями истории народов Сибири. Вопрос об этнической принадлежности дотунгусских аборигенов Сибири мало исследован. М. Г. Левин полагал, что в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке это были предки юкагиров. (Левин, 1958). Можно полагать, что такое предположение весьма условно, ибо вряд ли на столь обширной территории могло жить этнически однородное население. Вопросы об этнической сущности дотунгусского населения Сибири и Дальнего Востока, о временных рубежах тунгусизации в различных районах разработаны еще недостаточно.

⁷ «Северный олень, дикий и домашний, встречается только в пределах роста корма — белого мха». «Белый мох... идет от севера и доходит только до мест верхнего течения Амгуни, Тунгуски и Бурей. Выгоревший, он пропадает лет на 40» (Дадешкелиани, 1888; об отсутствии оленей на Амгуни в XVII в. см.: Долгих, 1960б).

^a По данным Б. О. Долгих (1960б), в XVII в. население Амгуни не превышало 500 человек, примерно столько же насчитывалось и в конце XIX в., а между тем, как установлено в результате анализа родового состава народов Нижнего Амура, множество выходцев с Амгуни явились основателями нивхских, ульчских, нанайских, ороческих родов, что свидетельствует о пополнении амгуньского населения за счет таежных переселенцев (Смоляк, 1975б).

^s Нивхские имена, как легко убедиться из материалов «Нивхско-русского словаря» (М., 1970), имеют характерное стечение согласных и твердые окончания — Аврин, Кымлун, Клучайн, Тлыгун, Уркай и т. п. Имена с окончанием на «га» были распространены у негидальцев, ульчей, удэгейцев, нанайцев. Негда — это не имя, а прямое указание на этническую принадлежность человека, оно означает «негидалец». Килема — это имя, происходит от этнонима *киле* — так нивхи называли тунгусов. Всех этих лиц землепроходцы звали в своих записках «гиляками».

Приведенные данные показывают, что к этническим определениям землепроходцев XVII в. необходимо подходить критически (Смоляк, 1977).

7*

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

ЭТНОГЕНЕЗ ПАЛЕОАЗИАТСКИХ НАРОДОВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Глава первая ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГЕНЕЗА НИВХОВ

Нивхи — небольшая народность, населяющая ряд районов Сахалина и бассейна Нижнего Амура *. Землепроходцы, первые русские ученые и путешественники» обратили внимание на особенность нивхского языка, на своеобразие их хозяйства, материальной культуры и ряд других моментов.

Это обстоятельство побудило поставить вопрос о происхождении нивхов и о расселении в прошлом этого небольшого народа со своеобразной культурой рыболовов. Каждый ученый пытался по-своему ответить на этот вопрос. Практически вопрос этот не сходит со страниц научной литературы уже многие десятилетия. До середины прошлого столетия сведения о населении Амура и Сахалина были столь отрывочны, что если ставилась проблема происхождения нивхов, то исследование ее не выходило за пределы простых догадок.

Первая научно обоснованная гипотеза о происхождении нивхов была высказана Л. И. Шренком в середине XIX в. Он обратил внимание на изолированное положение нивхского языка: «Гиляки по языку не состоят ни в каком родстве ни со своими соседями, айнами или тунгусскими племенами, ни с каким-либо из народов Сибири, Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америки» (Шренк, 1883, 216, 257).

Это обстоятельство позволило Л. И. Шренку включить нивхов в группу палеоазиатских народов, впервые выделенную им с историко-географических позиций. Л. И. Шренк предполагал, что нивхи, населявшие обширные земли Азии, вынуждены были под напором более сильных народов потесниться и даже переселиться с материка на Сахалин. Возвращение части нивхов с острова на материк было вызвано, по мнению Л. И. Шренка, продвижением с юга острова айнов, теснимых японцами (Шренк, 1883, 21, 257).

Вопросом происхождения нивхов интересовался и Л. Я. Штернберг, собиравший этнографический материал среди них в конце XIX — начале XX в. По его мнению, занимаемая ими ныне тер-

196

ритория на материке не может считаться древней, так как нивхи переселились сюда из более северных районов, близких к арктической полосе. Доказательство этому он видел в некоторых типичных, по его мнению, «арктических» особенностях нивхского быта. К таким особенностям он причислял наличие у нивхов упряжного собаководства, конструкцию полуземлянки и т. д. Л. Я. Штернберг выдвинул любопытную гипотезу о генетических связях нивхов с американскими индейцами. Сходство он усматривал в системе родства, брачных нормах, родовом устройстве, в мифологических сюжетах. Основной же аргумент в пользу родства нивхов с американскими индейцами он видел «в близости в общем строе языков гиляцкого и многих американских». В це-

лом гипотеза, выдвинутая Л. Я. Штернбергом, представляет несомненный интерес (Штернберг, 1933, 14—15), но, к сожалению, пока она не получила достаточного обоснования.

. Большинство исследователей (А. М. Золотарев, М. Г. Левин, А. П. Окладников, А. П. Деревянко, Р. С. Василевский и др.) придерживаются автохтонной теории. «Гиляки,— писал А. М. Золотарев,— безусловно принадлежат к автохтонным племенам, издревле населявшим восточные окраины Азии. Мы не видим основания предполагать их миграцию откуда бы то ни было: ни с побережья Охотского моря, как полагал Штернберг, ни с юга, как утверждал Лауфер. Если оставить в стороне общий вопрос о родине человека и о порядке заселения всей Азии, то проблема появления гиляков в населенной ими ныне области не стоит перед исследователем» (Золотарев, 1933, 239).

По мнению М. Г. Левина, нивхи — древние аборигены Нижнего Амура и Сахалина — являются прямыми потомками неолитического населения, расселенного в прошлом (до появления здесь тунгусо-маньчжуроязычных групп) на более обширной территории (Левин, 1958, 297). Согласно исследованию А. П. Окладникова, древняя неолитическая культура Нижнего Амура вошла в виде компонента в состав современной культуры нивхов. По его мнению, у них, как и у других амурских племен, до недавнего времени сохранялись следы культуры и изобразительного искусства эпохи неолита (Окладников, 1968, 164—165).

Проблема происхождения нивхов и исторические процессы развития этой народности привлекают внимание археологов, лингвистов, этнографов и других специалистов, потому что их решение связано с изучением культуры древнего населения азиатского побережья Тихого океана и формирования местных племен в бассейне Нижнего Амура и на Сахалине. Попытаемся проследить в основных чертах исторический процесс формирования нивхского этноса.

Антропологический тип нивхов своеобразен и занимает самостоятельное место в расовой систематике Северной Азии. Пигментация у нивхов сравнительно темная, волосы умеренно жест-

197

кие, развитие бороды и бровей по монголоидному масштабу сильное, монголоидные особенности глазной области выражены резко, губы толстые, нос слабо выступающий, ширина носа большая, лицо высокое, умеренно плоское, с наклонностью к прогнатизму, мозговая коробка сравнительно высокая. Длина тела ниже среднего. Такое своеобразие антропологического типа позволило М. Г. Левину выделить нивхов сначала в сахалино-амурский, а позднее — в амуро-сахалинский тип (Левин, 1950, 103).

Есть предположение, что формирование этого антропологического типа можно отнести ко времени контакта северных и южных монголоидов (Чебоксаров, 1947, 80). Это произошло, видимо, задолго до проникновения байкальского антропологического типа на территорию Нижнего Амура и Сахалина. Антропологическая наука подтверждает наличие южных черт у нивхов и в то же время отмечает в антропологическом типе корейцев и маньчжуров наличие некоторых черт «северного тяготения», несколько сближающих их с северными монголоидами, и в первую очередь с населением Амура. Но, возможно,— это результат того, что древние связи Амура с соседними южными территориями были взаимными.

Антропологический тип нивхов настолько своеобразен, что должен занять самостоятельное место в расовой систематике Северной Азии. В составе нивхов была замечена айнская примесь. Но влияние нивхского амуро-сахалинского типа распространялось и на все непосредственно соседствующие с нивхами народы тунгусо-маньчжурской языковой семьи. Наличие своеобразного антропологического типа в составе соседних народов позволяет также сделать вывод о том, что нынешние нивхи являются остатком более многочисленного племени, подвергшегося ассимиляции. Последнее обстоятельство требует исследования сложной культуры аборигенного населения Нижнего Амура и Сахалина с целью реконструкции древнего этнического субстрата этого региона.

Согласно результатам исследований археологов, в неолите, около 5—6 тысяч лет назад, на Нижнем Амуре развивалась довольно высокая по тому времени культура оседлых рыболовов и охотников, в жизни которых первостепенное место занимала добыча проходной морской рыбы — кеты и горбуши. Жители как Нижнего Амура, так и Сахалина, занимались также морским зверобойным промыслом, охотой на различную дичь, сбором в лесах ягод, орехов и т. п., а в море — съедобных моллюсков и водорослей (Окладников, 1971, 131—132).

В составе этого древнего населения были и далекие предки современных нивхов.

Археологические и этнографические материалы позволяют сделать вывод о том, что культура нивхов сохранила этногенетические связи с культурой эпохи бронзы, обнаруженной на Нижнем

Амуре. В этом плане очень важны исследования А. П. Окладникова, который отмечает, что нигде 198

более не просматриваются с такой полнотой, так рельефно этногенетические связи современных народов с древним населением эпохи неолита и бронзы, как на Амуре у нивхов, ульчей и нанайцев. У них до недавнего времени сохранились оседлый образ жизни и рыболовецкое хозяйство, возникшее в неолите, а также искусство, уходящее своими корнями в каменный век.

В литературе существуют разногласия в вопросе о том, являются ли нивхи самыми древними жителями Сахалина, или они встретились здесь с еще более древним населением. Этот вопрос был поставлен еще первыми исследователями Сахалина. Они опирались главным образом на предания, услышанные от нивхов, айнов и уроков. Согласно нивхским преданиям, приведенным Л. Я. Штернбергом и Б. О. Пилсудским, нивхи явились на Сахалин позднее айнов и застали их здесь одних. Встречающиеся на острове каменные орудия и глиняную посуду нивхи приписывали айнам. В этой связи следует сделать уточнение, что не все нивхи приписывали эти археологические находки айнам. Большинство нивхов считали их упавшими с неба. Это можно услышать еще и в наши дни. Айны же, отрицая принадлежность древних полуземлянок своим предкам, приписывали их какому-то народу тончи. По их описаниям, у этого народа была такая же культура, как у нивхов. Тончи поднимались вверх по Ару и вели оживленную торговлю с маньчжурами. Айнские предания повествуют о войнах айнов с тончами, в результате которых последние покинули остров и уехали куда-то с мыса Терпения. Имеются и другие гипотезы о судьбе этого легендарного народа (Пилсудский, 1909, 7; Депрерадович, 1877, 10).

Нет единства в этом вопросе и у археологов. Р. В. Чубарева (Козырева), проводившая археологические раскопки на Сахалине, различает три хронологических этапа развития культуры древнего населения острова. Она также придерживается мнения, что существовала культура тончей, родственная древнеэскимосской. Вытесненные айнами, тончи переселились на Алеутские острова. Нивхи же являются более поздними пришельцами на Сахалин (Чубарева, 1957).

Переселение нивхов на Сахалин с материка М. В. Воробьев датирует концом неолита (примерно I тысячелетием н. э.). Аборигенами острова он считал айнов (Воробьев, 1953, 8).

В последние годы древняя культура Сахалина снова привлекла внимание археологов. Эти вопросы затрагиваются в трудах Р. С. Василевского, В. Голубева и др. Привлекая новые археологические материалы, они склонны считать древнейшими жителями Сахалина предков современных нивхов, также являвшихся носителями культуры рыболовов и морских зверобоев. Здесь, как и на Нижнем Амуре, рельефно просматриваются этногенетические связи культуры древних и современных народов. В сущности культура, приписываемая легендарным тончам, аналогична нивхской. Можно думать, что прав М. Г. Левин, писавший: «Впол-

199

не вероятно, что айнские легенды о тончах рисуют предков нивхов или родственные им племена, которые айны застали на Сахалине при своем переселении на этот остров» (Левин, 1950, 129). Можно лишь добавить, что, возможно, тончи являлись предками как нивхов, так и других народов Сахалина. Приведем дополнительные материалы, подтверждающие эту точку зрения. Прежде всего она подтверждается этнонимом «тончи». Во время пребывания на Сахалине нам удалось выяснить, что этнонимом «тончи» айны, японцы и уроки обозначали нивхов. Это слово мы находим и в исторических источниках, в частности в ранних японских, в которых под тончами подразумевали «местных жителей», «аборигенное население», «исконную расу» (Словарь «Кодзиэн», 1959). В айнском фольклоре говорится, и это необходимо отметить, что айны вытеснили сахалинских нивхов с острова сравнительно недавно. Так, судя по айнскому эпосу «Юкар», в XVII в. после пятивековой борьбы айны вытеснили почти всех нивхов с о. Сахалин, за исключением небольшой группы, проживающей до сих пор в долине р. Пороная, на востоке острова (Черевко, 1973).

Эти материалы свидетельствуют о многовековых контактах нивхов Сахалина с айнами, проживавшими на Сахалине. Появление айнов на Сахалине Р. В. Козырева относит к позднему времени, не ранее XI в. н. э. Позднее, уже в XV столетии, японцы окончательно вытесняют айнов с севера Хонсю, вследствие чего резко возрастает плотность айнского населения на Хоккайдо, и большие массы айнов устремляются далее на север. Конечно, не исключено, что какая-то часть носителей культуры Протодзе-мон, которых можно назвать палеоайнами, попала через Хоккайдо на о. Сахалин. Здесь они смешались с аборигенами, скорее всего с древними нивхами.

Культура нивхов, сохранившая этногенетические связи с культурой эпохи неолита и бронзы, обнаруженной на Нижнем Амуре, свидетельствует о том, что ряд элементов их материальной культуры и ритуальные обряды аналогичны встречающимся у других коренных народов, расселенных в

прибрежной полосе. Вполне возможно, что это историко-этнографическое единство распространялось и на более обширную область, до Тихоокеанского побережья Северо-Западной Америки, Северной Японии и других отдаленных районов. Это обстоятельство говорит о том, что культура древних нивхов развивалась не изолированно. Следует полагать, что нивхи находились в контактах с племенами других этносов еще в далекие от нас исторические времена. Так, есть указания на то, что в древности существовали контакты между носителями культуры Дземон, предками айнов и другими племенами островов Тихого океана. Этот вывод, по мнению А. П. Окладникова, может быть распространен и далее — на Австралию и Вьетнам. В то же время на материковой территории расселения нивхов происходил, видимо, сложный этнический

200

процесс, вызванный также заселением Северо-Восточной Азии и районов Тихоокеанского побережья. Нивхи занимали территорию географически весьма выгодную, обладающую так называемым ключевым положением, расположенную на важной водной магистрали. Амур и связанная с ним система рек, озер и морских путей играли большую роль в культурном общении между материком и островными землями, между северными и восточными районами Азии. Предки нивхов взаимодействовали с народами Тихоокеанского побережья. Исследования археологов, этнографов и лингвистов говорят о том, что в далекие от нас времена между коряками и нивхами были тесные контакты. На северном побережье Охотского моря были обнаружены неолитические, но еще докерамические стоянки на островах Ольском и Недоразумения. Р. С. Василевский, исследовавший инвентарь стоянок, отмечает, что эта культура северной части Охотского побережья формировалась под влиянием двух культурных течений: одно из них шло через Якутию из Прибайкалья, другое — с юго-востока, из Приморья и Приамурья (Василевский, 1971, 39). Все это привело к перекрещиванию влияний континентального запада и приморского юго-востока, что, естественно, наложило отпечаток на этнографическую культуру народов Охотского побережья.

Первое проникновение коряков на побережье Охотского моря археологи относят к рубежу II тысячелетия до н. э. Это время, как полагает И. С. Вдовин, следует считать началом нивхско-корякских контактов. Они происходили до выхода на Охотское побережье тунгусов, происшедшего, по мнению А. П. Окладникова, сравнительно недавно — в XV—XVI вв. В результате непосредственных контактов нивхов и коряков у них получили распространение общие элементы в хозяйстве, в материальной и духовной культуре. Отрывочные сведения об этом мы встречаем в ряде исследований.

В них указывается на идентичность орудий и способов ловли рыбы, техники приготовления юколы, на сходство в одежде и в средствах передвижения, в искусстве и в духовной культуре, а также в лексике этих народов. Очень важным является предположение И. С. Вдовина о том, что вся культура, связанная с развитием приморского рыболовства у коряков Охотского побережья, а возможно, и морского зверобойного промысла, имеет нивхские истоки. «Их влияние, — пишет он, — в этом отношении несомненно».

Во время посещения приморских коряков в устье р. Пенжино я обратил внимание на их способ ловли рыбы, на технику приготовления юколы из лососевой рыбы и обработки нерпы. Особенно меня поразили техника обработки кеты, пластование ее на юколу, способ хранения впрок и т. д. Корякские женщины делали юколу точно так же, как рыбацки далекого Нижнего Амура и Сахалина. Удивляет идентичность организации промысла

201

рыбы. У обоих народов не менее поразительна аналогия способов употребления в пищу свежей лососевой рыбы и головы ее в сыром виде. Зная хорошо быт нивхов, можно сказать, что традиционная пища приморских коряков удивительно похожа на пищу амурских и сахалинских рыболовов.

Можно указать и другие параллели, наблюдаемые в культуре нивхов и коряков Охотского побережья. В XIX — начале XX в. нивхи и коряки добывали нерп и лахтаков сетями из ремней, вырезанных из тюленьих шкур. Их ставили в бухтах и небольших заливах во время отлива, а также вблизи лежбищ животных. Зверей убивали дубинками. Нивхи и коряки пользовались для сбора моллюсков специальными орудиями. Некоторые из них, обнаруженные на Охотском побережье, совершенно аналогичны орудиям, найденным на стоянке у г. Невельска на Сахалине (Чубарова, 1957, 5).

Некоторые орудия рыболовства одинаково были распространены и у коряков, и у нивхов. Так, рыбу ловили ставными сетями, устанавливаемыми на кольях, а также неводами и крючковыми острогами. При раскопках на Охотском побережье в ряде мест были обнаружены кости собак. Р. С. Василевский предполагает, что эти животные попали сюда вместе с группами населения, эмигрировавшими из районов Нижнего Амура, употреблявшими в пищу собачье мясо. Р. С. Василевский допускает, что от этих амурских аборигенов коряки заимствовали упряжное собаководство где-то лишь в XVI—XVII вв. По мнению некоторых ученых, нивхи и эскимосы являются наиболее древними жителями азиатского побережья Тихого океана, предшествовавшими широко распространенным здесь тунгусским и другим племенам. В культуре этих народов ученые также находят ряд параллелей, представляющих большой

интерес для решения проблемы формирования культуры Тихоокеанского побережья СССР. Прежде всего в предметах эскимосов зафиксированы украшения в виде криволинейно-глазчатого орнамента, повсеместно распространенного в северной части Тихоокеанского побережья с древнеберингоморского времени. Подобными орнаментированными украшениями были оформлены и нивхские блюда для приношения жертвы «хозяину воды». Нередко вместо обычного реалистического исполнения ручек блюда в виде головы и ног животного мы встречаем сильно стилизованное изображение, в котором тем не менее можно опознать орнамент, широко распространенный у наших северных народов Дальнего Востока.

Многие аналогичные представления, связанные с морским зверобойным промыслом, сохранились в этнографической культуре нивхов. Так, нивхи и эскимосы почитали касатку и приносили ей жертвы. Празднества принесения жертвы воде, хозяину воды связаны с использованием сосудов-корытец.

Эскимосы изготавливали их, как правило, из моржового клыка, и они известны у

202

них в археологической и этнографической культуре (Арутюнов, Сергеев, 1969, 145—161). Нивхи же делали подобные корытца из дерева.

В середине XIX в. у нивхов Поморья были обнаружены костяные наконечники поворотного гарпуна для добычи белух. Подобные наконечники были обнаружены археологами на Сахалине. Как известно, поворотный гарпун был широко распространен у морских зверобоев северо-востока Азии, в частности у эскимосов, коряков и алеутов. Конструктивные особенности наконечников гарпунов нивхов близки к наконечникам древнеберингоморского периода. Обнаружилось сходство и эскимосских способов охоты с гарпунами на нерпу. Об этом можно судить по рисункам, приведенным в вышеупомянутой книге С. А. Арутюнова и Д. А. Сергеева о древней эскимосской культуре, и по собственным наблюдениям у нивхов Сахалина.

По мнению Р. С. Василевского, памятники охотской культуры, особенно сахалинские, обнаруживают определенное единство с нижеамурскими культурами. Этнически это единство он определяет как древненивхское. Кроме того, Василевский предполагает, что в ходе распространения охотской культуры и ее взаимодействия с другими культурами шли и ассимилятивные процессы. Особенно близко связана она с культурами, входившими в ареал северной части Тихого океана — с древнекорякской и алеутской, имеющими особую исходную историческую основу, на которой они выросли. Таким образом, нивхская культура связана с алеутской. На это обстоятельство обращали внимание многие ученые — Л. И. Шренк, Л. Я. Штернберг, Г. Ф. Дебец и др. Не случайно Л. И. Шренк выделил нивхов вместе с камчадалами, алеутами, коряками и чукчами в палеоазиатскую группу народов Сибири. Видимо, древние этнические связи нивхов и алеутов наложили отпечаток на их позднейшую этнографическую культуру. Так, алеуты ежегодно собирались в устьях рек и оставались здесь до тех пор, пока не заготовят рыбу себе и собакам. Таким образом, они, как и сахалинские и амурские рыболовы, имели два постоянных поселения — зимнее и летнее.

Вышеприведенные параллели говорят не только об общих экологических условиях развития этих народов, но и являются, видимо, результатом древних контактов.

Древняя культура народов Нижнего Амура развивалась в контакте с культурами сибирских народов, в частности тунгусоязычных. Согласно исследованиям археологов, на Амуре издавна имело место взаимодействие разных культур, происходивших из двух соседних районов: дальневосточного, с одной стороны, и таежного, восточносибирского — с другой. Происходило не просто механическое переселение и тем более не вытеснение одних культурных традиций другими, а протекал сложный культурный синтез, складывалось нечто качественно новое.

203

Можно сказать, что в районах расселения нивхов скрестились культура древних рыболовов и морских зверобоев с культурой оленеводов и охотников. В этом процессе часть нивхов была ассимилирована пришедшими племенами тунгусоязычных народов. В этом процессе культура первых вошла в состав таковой нынешних тунгусоязычных народов как составной элемент. Можно полагать, что Широкогоров прав, утверждая, что некоторые палеоазиатские группы поглощены нанайцами. Такого же мнения придерживается и Ю. А. Сем (Сем, 1973, 25, 98). В результате этого процесса (Окладников, 1971, 122) появились смешанные по этническому составу семейно-родовые группы в составе уль-чей, негидальцев, нанайцев, сроков и других. Подобные группы имеются и в среде нивхов. Многовековая связь нивхов с тунгусоязычными народами не могла не наложить заметного отпечатка на культуру нивхов, и прежде всего амурских.

На основании археологических данных и письменных источников А. П. Окладников определяет время контактов амурских племен с тюрками и монголами мохэским временем и в еще большей степени — эпохой чжурчженей. Возможно, в это время на Амур проникли какие-то тюркские элементы.

Для освещения проблемы этногенеза большое значение имеет языковой материал. Согласно классификации языков народов СССР, нивхский язык со своим грамматическим строем и лексическим

составом включен в группу языков-одинок. Скорее всего нынешние нивхи, являясь остатком некогда более многочисленного племени, сохранили на небольшой территории древний и своего рода уникальный язык, представляющий последний осколок древних языков Нижнего Амура и Сахалина. В нивхском языке мы находим довольно многочисленные материалы, свидетельствующие о формировании специфического хозяйственного уклада. Так, в нивхском языке двадцать шесть категорий числительных, но абсолютное большинство из них выработано для конкретного счета орудий рыболовства и морского зверобойного промысла и связанных с ними предметов, количества рыб и связок рыбы. Это обстоятельство довольно убедительно свидетельствует о древности названных промыслов, влиявших на формирование культуры нивхов. Есть все основания для предположения, что нынешняя культура нивхов-рыболовов сформировалась именно в районе Нижнего Амура и Сахалина, когда здесь еще не возникла сложная этническая ситуация.

Возможно, что тогда это население состояло из ряда локальных групп, отличавшихся друг от друга некоторыми диалектными различиями в языке и в элементах хозяйственной деятельности. Но все представители этого населения были типичными рыболовами. В комплексном хозяйстве этих отдельных групп большую роль играли морской зверобойный промысел или охота, но все они были носителями сложной и высокоразвитой по тому времени культуры оседлых рыболовов, в жизни которых перво-

204

степенное место занимала добыча проходной морской рыбы, кеты и горбуши.

Представляют интерес последние лингвистические исследования советских ученых в плане этногенеза нивхов. Нивхский язык обнаруживает некоторые черты типологического и материального сходства с алтайскими языками, куда включается и корейский язык. Так, В. З. Панфилов пишет, что количество лексических параллелей между нивхским, с одной стороны, и монгольскими, тюркскими, тунгусо-маньчжурскими и в меньшей степени корейскими языками — с другой, весьма значительно. По его мнению, нивхско-алтайские грамматические и лексические параллели таковы, что дают основания говорить если не о генетическом родстве нивхского и алтайского языков, то по меньшей мере об их родстве, приобретенном в результате давних и длительных контактов (Панфилов, 1973б, 12).

В научной литературе высказана также гипотеза о южном происхождении нивхов, основывающаяся на некоторых типологических, морфологических и лексических чертах сходства между нивхским и корейским языками. Последнее обстоятельство позволило выдвинуть предположение, что нивхи некогда жили южнее их теперешней территории, в тесном соприкосновении с предками корейского народа, с одной стороны, и с древними маньчжурами — с другой. Продвинувшись же на север и освоив низовья Амура и Северный Сахалин, они испытали здесь сильное влияние тунгусо-маньчжурских народов (Крейнович, 1955).

Этнокультурные связи нивхов с тунгусоязычными группами создали условия для взаимного обогащения и обоюдного влияния этих культур, что привело к образованию новых групп сложного этнического состава. В основу некоторых из них легла культура оседлых рыболовов. Может быть, локальные группы аборигенов составляли основу образования новых этнических групп на Нижнем Амуре и на Сахалине из среды тунгусов. Возможно, существенную роль в этом процессе сыграли диалектные особенности языка нивхов. Наше предположение согласуется с особенностью классификации тунгусо-маньчжурских языков.

Прежде всего, согласно исследованию Г. М. Василевич, фонетические особенности, в разной степени характерные для тунгусо-маньчжурских языков Нижнего Амура и Приамурья и не свойственные другим языкам этой группы, могут быть отнесены за счет субстрата — языков аборигенов, населявших бассейн Нижнего Амура до выхода туда тунгусоязычных народов. Аборигенное рыболовецкое население, войдя в состав пришельцев, сумело сохранить в историческом процессе их слияния многие элементы культуры рыболовов. Возможно, они составили основу хозяйства и оседлого быта новых этнических групп, таких, как ульчи, нижеамгунские негидальцы, орочи, ороки и др. Конечно, в этой ситуации в результате сложного взаимодействия различных культур складывалось нечто качественно новое.

205

Благодаря вытеснению старой дивхской лексики словами тун-гусоязычных народов, видимо, образовался амурский диалект. Например, древние названия рыб, орудий промысла, частей жилища, предметов материальной и духовной культуры нивхи Сахалина сохранили, а амурские во многих случаях заимствовали от соседей. Встречаются даже термины, общие с таковыми у тунгусоязычных народов. Неменьшее влияние оказало и нивхское население Нижнего Амура и Сахалина на тунгусоязычные народы. Прежде всего фонетические особенности и лексика тунгусо-язычных народов Приамурья свидетельствуют о том, что они складывались и развивались под влиянием и во взаимодействии различных, но родственных между собою

языков аборигенного населения. Заимствования из нивхского языка в тунгусо-маньчжурских языках отмечаются, в частности, в слоях лексики, относящихся к областям материальной культуры, освоенным этими народами под влиянием нивхов, в том числе к рыболовству, морскому промыслу, собачьей упряжке и некоторым видам одежды, например из рыбьей и нерпичьей кожи (Панфилов, 1973а, б, 8—11). Это подтверждается обширным лексическим материалом тунгусо-маньчжурских языков.

В историческом процессе развития нивхов, вероятно, имели место широкие этнокультурные контакты рыболовов с населением, имеющим подобные и иные хозяйственные уклады. Эта важная проблема привлекала и привлекает внимание многих исследователей. Так, например, в последние десятилетия вышли в свет работы, в которых даются лексические параллели между нивхским языком и языками чукотско-камчатской группы, а также финно-угорским и самодийскими. Эти лингвистические материалы представляют интерес и нуждаются в дальнейшей разработке.

Нивхи издавна населяют районы Нижнего Амура и Сахалина. Но все же в каких границах занимали они эту территорию? Согласно историческим сведениям, приведенным нами выше, в I в. н. э., в начале II тысячелетия и в XVII в. нивхи населяли районы Нижнего Амура и Сахалина. Сравнение же границ занимаемой ими территории, указанной первыми землепроходцами и исследователями середины XIX в., показало, что за последние два с лишним века границы расселения основной массы нивхов остались без изменения. Топонимические материалы и некоторые исторические сведения говорят о том, что в прошлом площадь их расселения была более обширной. Нивхи населяли северные районы, примыкающие к левобережью Нижнего Амура в системе озер Удыль, Орель, Чля и р. Амгунь, а на Охотском побережье — устье р. Тугур (Миддендорф, 1878, 43, 64; Тихменев, 1863, 43, 64).

Известно, что в XVII в. сорок человек нивхов жили вместе с негидальцами в сел. Кульчи, расположенном на берегу оз. Орель (ДАИ, т. III, 56). На берегу этого озера были нивхские селения,

206

названия которых разъясняются при переводе с нивхского языка: Пыркиво — «селение при устье», Чомокф — «место, подобное •отрезанной рыбе», Кеэф — «место установки сетей». Севернее Удской губы протекает р. Лангр — «нерпа». Реки с подобным названием встречаются в нынешних местах расселения нивхов. Вышеприведенные материалы дают нам основание поддержать предположение исследователей, считающих, что северная граница расселения нивхов когда-то смыкалась с территорией расселения коряков на Охотском побережье (Золотарев, 1933), граница которой проходила значительно южнее.

Представляют интерес и материалы о расселении нивхов на Сахалине. В середине XIX столетия было точно установлено, что основная часть нивхского населения жила на севере острова, а остальная часть — на юге, на побережье залива Терпения. Нивхи встречались и на побережье Анивского залива. Как современные нивхи, так и их предки оставили следы своего пребывания на острове в топонимике. На северном Сахалине основная топонимика полностью типологизируется из нивхского языка. Немного сложнее обстояло дело на юге. Здесь сказалось длительное пребывание айнского населения, поэтому топонимика Южного Сахалина отражает многоязычие его этнического состава. Тем не менее следует упомянуть, что и в южных районах встречаются нивхские названия рек, заливов, гор и т. д.: Плыи — «полная река» (Поронаи), Хои — «тайменья река», Хаги — «черемшанная река», Хурити — «Серединная река», Чири — «речка, где растет ягода Чир», Потаво — «селение, где обрабатывают рыбу на юколу», Лангр — «нерпа» и т. д.

Здесь важно отметить, что многие гидронимы Южного Сахалина являются сложными словами, в составе которых присутствует нивхское слово, обозначающее речку, реку, — «И». Подобные гидронимы мы встречаем и в местах расселения тунгусо-маньчжурских народов — ульчей, негидальцев, орочей и др. Возможно, что подобное явление свидетельствует о наложении культуры одного этноса на культуру другого. Все вышеперечисленные сведения могут служить материалом, подтверждающим гипотезу доайнского заселения нивхами о. Сахалина.

Обобщая топонимические материалы, зафиксированные на нивхском языке, мы можем в целом предположить, что нивхи, потомки древнего субстратного населения Нижнего Амура и Сахалина, занимали территорию, обширнее современной. Нынешние нивхи, бесспорно, являются остатком более многочисленных палеоазиатов, живших на берегах Амура и Сахалина.

Вместе с процессом формирования современного нивхского антропологического типа происходил и процесс складывания у них особого культурно-хозяйственного типа, продиктованного со-

ответствующими экологическими условиями Нижнего Амура и Сахалина. Это была культура речных и прибрежных морских рыболовов и охотников на морского зверя. Их жизнь была свя-

207
зана с просторами рек и морей. Поэтому неудивительно, что айны называли нивхов «людьми морских просторов».

Вплоть до тридцатых годов нашего столетия народы Приамурья называли нивхов этнонимом гилыми—гилями—гилэкэ. В русской транскрипции это звучало как гиляки. Тунгусоязычные народы Нижнего Амура объясняли нам, что это слово означает «люди, гребущие своеобразно, парными веслами, на больших лодках». Заметим, что наименование «гиляки» в другой фонетической транскрипции фигурировало в тунгусо-маньчжурских памятниках еще в XV в. Так, на знаменитом Тырском памятнике они были зафиксированы как цзи-мэ-ли (Попов, 1896). Тунгусо-маньчжурские народы указанным этнонимом подчеркивали характерную особенность летних средств передвижения нивхов, обособливая их как аборигенное население Нижнего Амура и Сахалина. Этот термин подтверждается особенностью их хозяйства.

Согласно китайским историческим данным I в. н. э. о народах севера, в районах Нижнего Амура и Сахалина обитали жители «собачьего царства», «одевающиеся в рыбью кожу» (Васильев, 1897, 97—101; Кюнер, 1949, 97—101). В этих лаконичных выражениях подмечены основные черты культуры аборигенного населения, в составе которого были и нивхи, сохранявшие в течение многих веков, а быть может, и тысячелетий культуру рыболовов. Это подтверждается и сообщениями первых русских землепроходцев XVII в.

Основные виды хозяйственной деятельности, отмеченные землепроходцами, сохранялись и через двести лет, в середине XIX в. Так, Л. И. Шренк, посетивший в этот период нивхов, характеризуя комплексное хозяйство этого народа, дает следующую оценку роли рыболовства в их существовании. Рыболовство, указывает он, у нивхов превращается в «*conditio sine qua non*» — «непременное условие их существования». Промысел рыбы приносил нивхам основную продукцию и являлся важным звеном в их экономике. Это нашло отражение в словарном составе нивхского языка, в частности, в названии месяцев (Таксами, 1975, 12—14) и в системе счета (Крейнович, 1932; Панфилов, 1962, 180-190).

Согласно историческим сведениям, нивхи, как и прочее население Нижнего Амура и Сахалина, владевшее рыболовецкой культурой, включались в понятие «рыбьекожий народ», «рыбье-кожие варвары».

Важное место в хозяйстве нивхов занимал морской зверобойный промысел. Практически эта отрасль хозяйства имела для нивхов значение не меньшее, чем рыболовство. В XIX — начале XX в. у нивхов бытовали многочисленные орудия морского зверобойного промысла, в том числе гарпуны с костяными наконечниками. Подобные по конструкции костяные наконечники, собранные этнографами и археологами в районах расселения нив-

208
хов и местах древних поселений, датировались II—I тысячелетиями до н. э.

Исторический интерес представляет у нивхов и собирательство, которое можно назвать специализированной отраслью их хозяйства.

Сбор нивхами «даров моря» имеет много общего с культурой «раковинных куч», обнаруженной, как известно, на Сахалине, в Приморском крае и Приамурье. По данным советских археологов, эта культура была распространена на значительной части Приморского края (от р. Гладкой до устья Амура) и датируется второй половиной II тысячелетия до н. э.— I тысячелетием н. э. Хозяйство людей «раковинных куч», по мнению А. П. Окладникова, отражает своеобразную культуру, сложную, специализированную и в ряде случаев даже более высокую, чем культура континентальных племен, стоявших на неолитическом уровне развития.

Надписи на Тырских утесах, относящиеся к началу XV в., указывают, что жители Нижнего Амура разводили собак. На эту особенность хозяйственной деятельности аборигенов данного района указывают и более ранние источники. Так, мы уже говорили, что в китайских источниках I в. н. э. районы Нижнего Амура и Сахалина были названы «собачьим царством». Важно отметить, что собаководство как форма хозяйства было развито у нивхов и в более поздние периоды.

В прошлом у нивхов встречались большие лодки, в которые садилось около двадцати гребцов.

Подтверждение этому мы находим в донесениях первых русских землепроходцев XVII в.

(ЦГАДА, ф. ЯПИ, оп. 1, д. 139, л. 41). Около сел. Калиновка на Нижнем Амуре стоит большой камень. На нем наряду с личинами высечено изображение лодок. Прямыми короткими полосками, поставленными вертикально, обозначены люди, находящиеся в лодке. Гребцов довольно много —

в каждой лодке от пяти до тридцати пяти. Концы лодок спереди длинные, далеко и круто выступающие вверх. Эта черта, по мнению А. П. Окладникова, напоминает особенность формы современных лодок амурских народностей с их характерными выступами — волнорезами (Окладников, 1971, 63-65).

Надо сказать, что вышеописанная многовесельная лодка производила внушительное впечатление. Поэтому, видимо, в период первых контактов нивхов с тунгусо-маньчжурскими народами появился этноним «гиляки». В первоначальной транскрипции этим словом подчеркнули одну из существенных сторон особенности быта предков современных нивхов — «людей, передвигающихся при помощи парных весел на больших лодках».

Традиционные промыслы нашли широкое отражение в духовной культуре нивхского народа, в частности в их мировоззрении и искусстве. Например, характеризуя промысловое хозяйство нивхов, необходимо сказать о том, как они обожествляли воду и

209

тайгу и создали им своеобразный культ, ибо вся традиционная духовная культура нивхов связана с морем, с хозяином воды. По мировоззрению нивхов, водное пространство являлось системой, организованной так же, как и человеческий мир.

Основные черты традиционного хозяйства и культуры нивхов, приведенные нами выше, указывают на многовековую специализацию и накопление огромного опыта. На основании имеющихся данных аборигенами Нижнего Амура и Сахалина являлось население, известное среди тунгусо-маньчжурских народов под названием «гилями—гилями (гиляки)». Они были носителями классической рыболовецкой культуры и культуры морского зверобойного промысла в бассейне Нижнего Амура, на Охотском побережье и Сахалине. В историческом прошлом это население, жившее оседло, занимало обширную территорию бассейна Нижнего Амура и Сахалина. Но культура предков нынешних нивхов развивалась в контакте с культурами народов, расселенных на Охотском побережье, в Центральной и Юго-Восточной Азии.

Вследствие этого этнический облик нивхов, естественно, изменился, но тем не менее они сохранили основные, характерные черты своеобразной культуры рыболовов и морских зверобоев. Это дает право считать нивхов наследниками древней неолитической культуры бассейна Нижнего Амура и Сахалина. Можно полагать, что этот народ как этническая общность сформировался здесь же. Действительно, культура современных нивхов отражает несомненные связи с культурой эпохи неолита и бронзы, обнаруженной на Нижнем Амуре. Вместе с тем ряд элементов материальной и духовной культуры нивхов аналогичен встречающимся у других народов северной части Тихоокеанского побережья. Вполне возможно, что это историко-этнографическое единство распространялось и на более обширную область. Эти гипотезы при существующем уровне знаний рождают целый ряд вопросов, нуждающихся в дальнейших исследованиях, предполагающих накопление новых фактических материалов.

¹ По данным переписи 1970 г., общее число нивхов составило 4400 человек. Вплоть до тридцатых годов нашего столетия соседние народы называли нивхов этнонимом гиляки. Сами себя нивхи именовали «нивх» (ам. д.), «нихивын» (сах. д.), что означает человек.

210

Глава вторая

ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЧУКЧЕЙ, КОРЯКОВ И ИТЕЛЬМЕНОВ

Происхождение чукчей, коряков и ительменов неоднократно привлекало к себе внимание выдающихся представителей этнографии, антропологии и археологии *. Интерес к этой проблеме объясняется загадочной обособленностью языков северо-восточных палеоазиатов, близостью области расселения этих народов к Американскому матерiku, своеобразием, архаичностью и экзотичностью их культуры, наличием в ней американоидных черт.

Наиболее обстоятельное решение проблемы этногенеза северо-восточных палеоазиатов в свете антропологических данных с привлечением других источников было предложено в 1958 г. М. Г. Левиным. Основные положения, выдвинутые им о том, что северо-восточные палеоазиаты сформировались на основе местных неолитических племен, что наиболее вероятной областью их формирования были Камчатка и северная часть Охотского побережья, продолжают оставаться в силе. Однако накопившиеся после выхода монографии М. Г. Левина археологические материалы, языковые свидетельства, этнографические наблюдения проливают свет на некоторые стороны этой проблемы.

Рассмотрение происхождения северо-восточных палеоазиатов целесообразно начать с вопроса об особенностях, выделяющих их из среды окружающих народов. Еще в XVIII в. было обращено внимание на близость корякского, чукотского и ительменского языков («Языки и письменность

народов Севера», 1934; Скорик, 19586). Последующие исследования показали не только близость, но и родство, позволявшее объединить их в группу чукотско-камчатских языков² («Языки народов СССР», 1968, 294—333). Общность, характерная для этой группы, охватывает все стороны языковой системы. Вместе с тем чукотский и корякский языки объединены большим сходством, и они в целом в известной мере противостоят ительменскому³.

О близости всех трех групп северо-восточных палеоазиатов свидетельствуют и антропологические данные. Население крайнего северо-востока Азии по основным расово-дифференцирующим признакам выделяется в особую арктическую группу, или арктическую расу, в составе двух типов: берингоморского и камчатского (Дебец, 1951). Определенное единство северо-восточных палеоазиатов вырисовывается и по этнографическим данным. Тип хозяйства чукчей и коряков, формы одежды, транспорта, орудий охоты и рыболовства, жилища, несмотря на встречающиеся локальные особенности, обнаруживают много общих черт (Ио-хельсон, 1907, 75).

211

Об известной целостности этой группы говорят также исторические материалы, данные о ее расселении в XVII в. к приходу русских (Долгих, 1960а, 549—578). В целом имеющиеся материалы рисуют северо-восточных палеоазиатов как сложную, в известной степени единую, хотя и очень аморфную, этноязыковую общность. Это обстоятельство заставляет искать общие корни происхождения северо-восточных палеоазиатов. В культуре этого своеобразного этнического образования, как неоднократно отмечалось, прослеживаются разновременные пласты (Золотарев, 1938).

Накопившиеся за последние десятилетия археологические данные позволяют в известной мере датировать отдельные этапы складывания и развития культуры палеоазиатов, наметить географические пределы распространения отдельных культурных элементов. Появление человека на крайнем северо-востоке Азии, по косвенным данным, археологическим находкам в Америке, датируется не менее как тридцатью тысячами лет (Береговая, 1967, 85—103; Мочанов, 1969а, 79—86; Ларичев, 1969, 41—43), но подлинные следы человека в интересующей нас области относятся к значительно более позднему времени.

Открытие Ушковской стоянки на Камчатке, датирующейся по радиоуглеродному методу 10360±350 лет с характерным мезолитическим инвентарем (Диков, 1967а, 16—31; 1969, 103—113), и Сумнагинской культуры Якутии, датирующейся VIII—V тысячелетиями (Мочанов, 1969б), позволяет утверждать, что отдельные, редкие коллективы бродячих охотников появились в послеледниковый период и на северо-востоке Сибири. Однако пока нет убедительных данных, для того чтобы говорить о какой-либо этнической или языковой принадлежности малочисленных носителей позднепалеолитической или мезолитической культур этой области, тем более о прямых генетических связях их с предками северо-восточных палеоазиатов.

В культуре последних, так же как и в культуре многих народов Сибири и Северной Америки, можно видеть следы древней мезолитической и раннеолитической комбинированной культуры бродячих охотников и рыболовов. Не вдаваясь в детальный сравнительный анализ каменного и костяного инвентаря мезолитических и раннеолитических стоянок Камчатки, Чукотки, Охотского побережья с бытовавшими у северо-восточных палеоазиатов в XVIII—XIX вв. орудиями труда, отметим, что в культуре последних к этому древнейшему пласту, стадии охотничье-рыболовецкой культуры, видимо, восходят простейшие гарпуны, остроги, костяные рыболовные крючки, переметы из обоюдоострых тонких костяных, роговых или деревянных спиц. Способы консервации мяса и рыбы единообразны на всем протяжении приполярной зоны Азии и Америки (Eidlitz, 1969).

Человек эпохи мезолита обладал определенными навыками выделки шкур с помощью каменных скребков и различных жи-

212

вотных дубителей. Эти способы также поразительно схожи в Северной Азии и Северной Америке. По-видимому, для этой культуры был характерен способ добычи огня с помощью сверления. Прибор для добывания (высверливания) огня, состоявший из лучка со стержнем, еще недавно применявшийся чукчами и коряками, азиатскими и американскими эскимосами, видимо, имел распространение и среди северных племен Якутии и Таймыра. Так, долганы, северные якуты, юагиры широко используют лучковое сверло для высверливания отверстий в полозьях и копыльях при изготовлении нарт (Попов, 1948, 70).

К этой стадии предположительно может быть отнесен и промысловый культ умирающего и воскресающего зверя, имевший широкое распространение среди северо-восточных палеоазиатов (Богораз, 1926). Значительное распространение следов этого культа в Восточной Сибири позволяет думать, что этот архаический культ был воспринят предками северо-восточных палеоазиатов у древнейшего населения Северной Азии, но получил у них, так же как и у эскимосов, тлинкитов,

алгонкинов и других североамериканских племен, дальнейшее развитие. Видимо, основные из отмеченных культурных явлений все же были выработаны охотничьими племенами, просочившимися на Север в эпоху голоцена.

В этот период северо-восток Азии, судя по археологическим данным, входил в большую культурную провинцию, включавшую Прибайкалье, Приамурье, север Монголии, значительную часть Северо-Восточной Сибири. Особенности археологического инвентаря Камчатки (Ушки, V—VI слой) (Диков, 1971, 10) обнаруживают известное сходство с инвентарем древнейшей стоянки Анангулой на Алеутских о-вах, датирующейся 8—10 тысячами (Васильевский, 1973, 12—34), с Приангарьем, Забайкальем, Приморьем, Японией (Аксенов, 1970, 43—52) и Восточной Монголией' (поселение Хере Уул) (Окладников, 1966, 371; Васильевский, 1973, 43—44).

На стоянке Хере Уул сконцентрированы все характерные элементы, встречающиеся в различных сочетаниях на древнейших стоянках Прибайкалья, Камчатки и Алеутских о-вов. Все это позволило Р. С. Васильевскому сделать вывод, что именно из района Восточной Монголии шли культурные импульсы на север и восток. Археологические материалы, указывающие на Восточную Монголию как на область первичного формирования мезолитической культуры бродячих охотников-рыболовов, сочетаются с антропологическими данными.

Исследования соматологических и краниологических материалов Чукотки и Камчатки и сопоставление их с данными континентальных районов Северной Азии привели Г. Ф. Дебеца к заключению, что одним из путей заселения Америки является Тихоокеанское направление (Дебец, 1951, 109). По мнению Г. Ф. Дебеца, такие признаки арктической расы, как сравнитель-

213

но темная пигментация кожи, темная окраска волос и глаз, максимальная жесткость волос головы, 'относительно слабая выраженность монголоидных особенностей строения верхнего века, свидетельствуют в пользу древних связей носителей этих признаков с обитателями Восточной Азии.

Исследования как берингоморского, так и камчатского типов арктической расы выявляют признаки, позволяющие говорить о генетических связях их носителей с древними представителями монголоидной расы (Дебец, 1951). Однако свои особенности берингоморский тип приобрел в результате изоляции и воздействия особых условий среды. Это положение относится и к камчатскому типу. Как показал М. Г. Левин, различия берингоморского и камчатского типов объясняются тем, что формирование их происходило в группах, в большей или меньшей степени территориально отдаленных друг от друга, хотя оба типа близки друг к другу (Левин, 1958, 206—212).

Возможно, с этой волной бродячих охотников-рыболовов, проникших из глубин Азии на северо-восток Сибири и на север Америки, связан древний языковой субстрат, прослеживающийся в палеоазиатских языках. На этот субстрат в свое время указал В. Г. Богораз, отметивший, что в чукотско-камчатских языках имеются особые словарные элементы, отличные и от эскимосских, и от американо-индийских (Богораз, 1928, 241). На древность его, так же как и на долговременность обособления чукотско-камчатских языков, указывает то обстоятельство, что эти языки не обнаруживают прямых связей с языковыми системами азиатского и американского материков. Однако специфические черты культуры северо-восточных палеоазиатов проявляются не в этот изначальный период их формирования, а в эпоху развитого неолита. Своеобразные прибрежные региональные культуры вдоль Тихоокеанской дуги начали складываться в раннем неолите. Так, на севере Охотского побережья возникла комплексная прибрежная культура. Основной существования населения здесь служили сухопутная охота, рыболовство, дополняемое сбором съедобных моллюсков и растений, случайной охотой на ластоногих (Васильевский, 1971, 32—46). В центральной части и на юге Камчатки доминировало рыболовство (Диков, 1964а). В континентальных районах Чукотского п-ова и прилегающих областей господствовала культура бродячих охотников-рыболовов (Диков, 1963). Около четырех тысяч лет назад на Алеутских о-вах развилась культура с характерным приморским хозяйственным укладом (Васильевский, 1971, 100—103).

В конце II тысячелетия до н. э. в северной части Тихого океана, как на побережье, так и на островах, в результате эволюции местных прибрежных культур возникли специализированные приморские культуры. Так, к началу I тысячелетия до н. э., судя по материалам американских исследователей, значительного

214

развития на побережье Юго-Западной Аляски достигли культуры морских зверобоев (район Бристольского залива) (Чард, 1962, 98; Collins, 1945; Doumond, 1965, 3, 102—104; Васильевский,

1971, 47—202). В ряде областей Азиатского побережья Тихого океана стали формироваться культуры морских зверобоев. В последние века до н. э. — в первые века н. э. неолитические культуры на о. Сахалине, в северной части Охотского побережья, в приморских районах Чукотки трансформировались в специализированные культуры морских зверобоев, характеризовавшиеся наличием поворотных гарпунов, каркасных лодок, обтянутых моржовыми или лахтачьими шкурами. Основой существования прибрежного населения, носителей этих во многом своеобразных и специфических культур, стала охота на нерп, лахтаков, моржей и китов, что способствовало возникновению прочной оседлости и сравнительно крупных поселений. Для нашей темы особый интерес представляет культура морских зверобоев северной части Охотского побережья, так называемая древнекорякская культура, описанная Р. С. Васильевским. Экономика этой культуры всецело была ориентирована на добычу морского зверя, подсобную роль играли рыболовство, собирательство и сухопутная охота. Анализ инвентаря древнекорякских стоянок показывает, что в ней явно прослеживаются континентальные черты. Древнекорякская керамика (остродонные и круглодонные сосуды с ложнотекстильными оттисками) находит прямые аналогии в неолитической культуре Якутии и Прибайкалья. Характерно, что ложнотекстильной керамике, обнаруженной на Охотском побережье, не предшествовала керамика каких-либо других форм. Появление здесь керамики справедливо связывается с выходом на побережье континентальных охотников (Васильевский, 1971, 174—175). Они принесли не только ложнотек-стильную керамику, но и тесла с широким овальным лезвием, характерные для ангарских раннеолитических стоянок, ряд специфических форм каменных наконечников стрел и ножей (Васильевский, 1971, 174—175). Значительное влияние на древнекорякскую культуру оказали неолитические культуры Приморья и Приамурья. Обнаруженные при раскопках древнекорякских поселений земляные юрты с выходом через дымовое отверстие в крыше и со снегозащитными устройствами не только близки к землянкам коряков позднего времени, известным по этнографическим описаниям, но и к неолитическим землянкам низовой Амура, бытовавшим 4—5 тысяч лет назад (Окладников, 1953а, 8—8; Васильевский, 1973). В период становления неолитических морских зверобойных культур, а возможно, и в более раннее время сложилась и оседлая рыболовецкая Камчатская культура. О древности ее возникновения свидетельствует то, что уже в раннеолитический период, судя по материалам Ушковской стоянки, рыболовство если не домини-

215

ровало, то играло весьма важную роль в хозяйственной деятельности обитателей центральной и южной части Камчатского п-ова (Диков, 1969, 162).

К сожалению, камчатская культура, несмотря на неоднократные археологические разведки, производившиеся на полуострове, исследована крайне недостаточно (Дитмар, 1901, 210—213; Iochelson, 1928; Bergman, 1926; Лев, 1935). Все же накопленный инвентарь, характерный для этой культуры (костяные и обсидиановые наконечники копий и стрел, роговые кирки-мотыги для копки корней, костяные остроги, наконечники дротиков, гарпуны простых форм, каменные кожи, в том числе и женские широколезвийные, шлифованные скобели, тесла, топоры), говорит о том, что здесь господствовала развитая неолитическая культура (Руденко, 1948, 164—165).

Можно полагать, что обитатели центральной и южной части Камчатки контактировали не только с охотниками на морского зверя северной части Охотского побережья и Курил, но и Алеутских о-вов. В инвентаре неолитических стоянок Камчатки обнаружены алеутского типа фигурные скребки, ножи, острообушные тесла, клинья из ребер кита, вилообразные инструменты, остроги и губные украшения — лабретки. Однако общий археологический облик Камчатской культуры, как отметил С. И. Руденко, оказался близким неолитическим культурам Верхней Лены и Прибайкалья (Руденко, 1948).

В целом археологические данные позволяют заключить, что древнекорякская культура, так же как и близкая к ней камча--дальская, формировались под влиянием не только континентальных культур Якутии и Прибайкалья, но и культур Приамурья и Приморья.

Значительное воздействие на северные культуры морских зверобоев оказал сложившийся в Приамурье очаг производства железа (Деревянко, 1973). Видимо, отсюда железо (путем многократного перехода из рук в руки) стало проникать на Камчатку, в Северные области Охотского побережья, на Чукотку, Алеутские о-ва и Аляску.

Гравировальные инструменты, снабженные железными резцами, впервые были обнаружены в 1930-х годах Н. Коллинзом при раскопках эскимосских памятников пунукского времени на о. св. Лаврентия (Collins, 1937). В дальнейшем гравировальные инструменты были найдены на Ипиутакском могильнике (Larsen, Rainy, 1948). В 1959 г. Чукотским отрядом Северной экспедиции во время раскопок Уэленского могильника был найден аналогичный инструмент (Левин, Сергеев, 1960).

Открытие гравировального инструмента с железным резцом вместе с инвентарем, характерным для древнеберингоморской культуры, позволило М. Г. Левину и Д. А. Сергееву утверждать, что железо проникло в Берингоморье не позднее середины I тысячелетия н. э. (Арутюнов, Сергеев, 1969).

216

Железо могло поступать к жителям Берингоморского побережья с Нижней Лены или Амура. Анализ материалов Уэленского и Эквеновского могильников убеждает в том, что население Берингоморья, а следовательно и Камчатки, имело связи с Приамурьем, Приморьем, Японскими о-вами. Об этом говорят формы каменных ножей, имитирующих широколезвийные бронзовые мечи, распространенные в Японии на рубеже н. э. цепочки из звеньев, выполненные из единого куска моржового клыка, изготовленные, видимо, в подражание металлическим цепочкам (Арутюнов, Сергеев, 1975, 128). Имевшие распространение среди чукчей, коряков и азиатских эскимосов костяные пластинчатые панцири, шлемы, наручники, щиты обнаруживают сходство с японскими пластинчатыми панцирями и другими формами снаряжения японских воинов.

В целом археологический материал, касающийся Охотского побережья, Камчатки и частично Чукотки, позволяет заключить, что этническую основу северо-восточных палеоазиатов составили группы неолитических охотников, проникшие в эти районы из Якутии, Приамурья и Приморья и, возможно, смешавшиеся с остатками более древнего мезолитического населения и частично унаследовавшие его культуру.

В процессе постепенного экономического развития предки северо-восточных палеоазиатов перешли к морскому зверобойному промыслу, а в ряде районов — к полуоседлому рыболовству. Это способствовало известной дифференциации арктической расы, выделению камчатского и берингоморского типов. На базе полуоседлых береговых племен охотников на морского зверя сформировался берингоморский антропологический тип. Камчатский, или оленный, антропологический тип, по данным Г. Ф. Дебеца, сложился во внутренних районах Чукотки и Охотского побережья на основе кочевых охотничьих племен еще до выделения оленных подразделений, так как особенности этого типа не могут быть объяснены только смешением с представителями байкальского типа, хотя их позднейшее влияние несомненно (Дебеч, 1951).

Переход к морскому зверобойному промыслу и оседлости способствовал не только известному обособлению локальных культур, но и расхождению языков. Период расцвета приморских зверобойных культур языковеды связывают с диалектным дроблением эскимосских и алеутских языков (Меновщиков, 1973, 11—13). Видимо, к этому времени относится дробление на диалекты и корякского языка, выделение ительменского языка. Значительная обособленность ительменского языка внутри чукотско-камчатской группы языков, на что указал И. С. Вдовин, возможно, объясняется более древним формированием камчатской культуры по сравнению с северо-охотской (древнекорякской). По мнению И. С. Вдовина, особенности языка и культуры ительменов свидетельствуют об их отличном происхождении от коряков и чукчей. Наблюдавшиеся элементы общности, он пола-

217

гает, возникли вследствие контактов исторического порядка (Вдовин, 1973, 28—36). Однако близость материальной части и грамматической структуры корякского и ительменского языков настолько значительна, что позволяет говорить не только о контактах, но и о генетических связях (Скорик, 1958а, б).

Становление специализированных культур морских зверобоев, культур оседлых рыболовов и соседствовавших с ними континентальных культур бродячих охотников на диких оленей постепенно привело к возникновению в северном секторе Тихого океана и в прилегающих районах большой историко-культурной области. Этнографические исследования культурных связей и миграций внутри этого обширного региона проливают некоторый свет на историю формирования северо-восточных палеоазиатов. Этнографические материалы позволяют выделить целый ряд общих культурных элементов для северо-восточных палеоазиатов и населения южной части Охотского моря, Курильских о-вов, о. Сахалина, о. Хоккайдо, а также Приамурья и Приморья.

Археологические данные, как отмечалось выше, свидетельствуют о близости, а в некоторых случаях и единстве конструкции землянок в этом регионе. Этнографические свидетельства говорят о близости не только зимних жилищ-землянок, но и летних. Летом коряки и ительмены жили в двускатных, крытых травой шалашах на сваях (Jochelson, 1908; Крашенинников, 1948). Свайные жилища имели широкое распространение на Амуре и в Приморье (Штернберг, 1933). С использованием землянок с выходом через дымовое отверстие в крыше и свайных жилищ у северо-восточных палеоазиатов, так же как у эскимосов и значительной части населения Америки, возникли особые способы переноски тяжестей. Женщины носили детей и груз в мешках за спиной, используя налобную лямку, а мужчины — лямку, охватывавшую грудь и плечи (Voas, 1907).

Значительное сходство обнаруживается в типах долбленых лодок ительменов и народов Амура («Историко-этнографический атлас Сибири», 1961). Много общих деталей выявляется в способах

запорного рыболовства, характерного для этих районов (Штернберг, 1933). Конечно, эти соответствия в значительной мере объясняются спецификой промыслов. Однако часто совпадают и детали, не имеющие функционального значения.

Несомненный интерес для понимания культурных связей в северной части тихоокеанского региона представляет распространение ступательных лыж-ракеток. Они широко использовались северо-восточными палеоазиатами, населением Курильских о-вов, Сахалина, Северной Америки (Boas, 1933; коллекция МАЭ). Во всех этих районах ступательные лыжи очень близки по конструкции. Но эти важные приспособления для ходьбы по снегу не применялись в континентальных районах Северной Азии; во всяком случае, в известный нам период истории лыжами-ракетками в этой части света пользовались только северо-восточные палео-

218

азиаты, тундровые юкагиры, айны и эскимосы («Историко-этнографический атлас Сибири», 1961). Возможно, это связано с тем, что снегоступы особенно удобны при передвижении по мокрому вязкому снегу, по неровностям ледяного припая. Однако нельзя не заметить, что скользящие лыжи в ряде районов Тихоокеанского побережья в XIX в. вытеснили ступательные (юг Камчатки, Командорские о-ва). По-видимому, снегоступы были широко распространены в силу древней традиции, а также отсутствия прочных контактов с населением Восточной Сибири, владевшим более удобными скользящими лыжами.

Северо-восточных палеоазиатов, в особенности ительменов и коряков, роднит с народами, осваивавшими Курильские о-ва, Приамурье и Приморье, а также с эскимосами, алеутами, атапасками и тлинкитами — плетение, употребление крапивы для изготовления сетей и циновок (Попов, 1955).

Еще в XVIII в. ительмены и коряки шили одежду из птичьих шкур. Этот элемент островной культуры, видимо, проник к ним с юга. Парки из птичьих перьев шили и алеуты (коллекция МАЭ).

Заслуживает внимания и то, что северный сектор Тихого океана является областью распространения особого, весьма сложного полосового орнамента. Техника его крайне специфична. Она заключается в том, что на кожаную основу накладываются кожаные полоски или заменяющие их материалы, которые затем обматываются оленьим волосом, сухожильными нитками или узкой полоской более тонкой кожи (Иванов, 1963, 244—249). Полосовой орнамент встречается в Северной Азии только у чукчей, коряков, юкагиров, нивхов, ульчей и негидальцев, а в Америке — у алеутов, западных эскимосов, северных атапасков (Штернберг, 1938; Wissler, 1920). У всех этих народов совпадали и сами узоры (Иванов, 1963, 245).

Л. Я. Штернберг этот орнамент считал характерным для народов тихоокеанского круга. Картографируя обивки кожаных изделий, С. В. Иванов выделил особый северотихоокеанский ареал. Наличие его — свидетельство определенных культурных связей между народами Тихоокеанского побережья. Наряду с элементами культуры, общими для большого круга тихоокеанских народов, в культуре северо-восточных палеоазиатов выделяется и ряд элементов, свидетельствующих об особенно тесных связях палеоазиатов с эскимосами, алеутами, тлинкитами и алгонкинами.

Так, северо-восточные палеоазиаты использовали некоторые орудия охоты, широко распространенные среди коренных народов Северной Америки и почти неизвестные в Северной Азии. Для ловли птиц применяли метательный снаряд, состоявший из трех-четырех моржовых зубов или камней, привязанных к нер-ПРГЧЫМ ремешкам или шнуркам, сплетенным из оленьих жил. Свободные концы ремешков или шнурков соединяли и укрепляли в ручке из птичьих перьев. Снаряд бросали в птичью стаю.

219

Он опутывал птицу, и она становилась добычей охотника. В качестве орудия охоты на птиц и нерп, а иногда и боевого оружия использовалась праща. Она состояла из продолговатой овальной: полоски кожи с пришитыми к ее концам ремешками. Из пращи метали камни.

Чукчам, части береговых коряков были известны метательные" дротики и копьеметалки. Они применялись для охоты на птиц. Это охотничье оружие имело широкое распространение среди алеутов (Bogoras, 1909). Следует отметить, что в среде северо-восточных палеоазиатов широко применялись для ловли рыбы всевозможные сачки, сплетенные из оленьих жил, травы или китового уса. Сачки такого же назначения имели распространение и среди племен Северной Америки (Boas, 1885; коллекция МАЭ).

В северной части тихоокеанского побережья сложились и своеобразные традиции в области одежды. С азиатскими, аляскинскими и гренландскими эскимосами, алеутами, тлинкитами и алгонкинами северо-восточных палеоазиатов сближает глухой покрой одежды, близкие по покрою формы меховой обуви. Не вдаваясь в детальное сопоставление покровов одежды всех этих народов (это тема особой работы), отметим лишь некоторые совпадения, свидетельствующие, по нашему мнению, о близких связях этих групп населения. Как известно, корякские и чукотские кухлянки снабжаются небольшим меховым нагрудником, чтобы предохранить мех кухлянок около горла от дыхания и влаги. Такой же формы

нагрудники встречаются в одежде некоторых групп эскимосов, тлинкитов и равнинных индейцев. Летние корякские замшевые жилеты без рукавов типа пончо с бахромой, не зашитые под руками, находят аналоги у различных североиндейских племен Америки (Hatt, 1934).

Украшения в виде кругов-розеток, орнаментированные подшейным оленьим волосом или бисером, характерные для женских корякских кухлянок типа «гагагли», в той или иной степени: свойственны также чукчам, эскимосам, различным племенам индейцев (Hatt, 1934). То же следует сказать об украшениях в виде тонких жгутов из окрашенного в красный цвет нерпичьего меха. Характерно, что отмеченные формы и детали одежды, так же как и формы украшений, локализируются только на крайнем северо-востоке Азии и в Северной Америке и не свойственны населению континентальной части Северной Сибири.

Несомненный интерес представляет сравнительный анализ некоторых черт традиционной духовной культуры северо-восточных палеоазиатов и их западных соседей.

Колдовские промысловые праздники ительменов (Крашенинников, 1948), коряков (Jochelson, 1905), азиатских эскимосов (Воблов, 1952) обнаруживают близость к промысловым сезонным церемониям тлинкитов, алгонкинов и других североамериканских племен. Обращает внимание и то обстоятельство, что в обрядовых церемониях коряков и береговых чукчей использова-

220

лись деревянные и кожаные антропоморфные маски, а также маски из травы. Деревянные маски раскрашивали (Jochelson, 1905: 75; Гурвич 1962, 240). Антропоморфные и зооморфные маски применяли на праздниках при проведении плясок и во время обрядов лечения больных американские эскимосы и североамериканские индейцы (Авдиев, 1937, 272—277, 286—289, 292—295; коллекция МАЭ № 2448/8-17). Напротив, народы Сибири, соседствовавшие с северо-восточными палеоазиатами, в известный нам период масок не знали.

О контактных, а возможно, и генетических связях северо-восточных палеоазиатов и населения западного берега Аляски свидетельствуют мифологические предания. Древнеительменские представления о вбране-мироустроителе, рисующемся в виде хитреца, обманщика, совпадают с представлениями тлинкитов. Здесь трудно видеть только стадильные совпадения (Мелетинский, 1963). Вопрос о том, почему ареал легенд о вороне расчленен областью легенд о Седне — владычице морей, как известно, был разрешен В. И. Иохельсоном в том плане, что эскимосы вторглись в Берингоморье и отделили индейцев от родственных им палеоазиатов (Иохельсон, 1907).

Он предложил и другое объяснение этому факту. Согласно второй гипотезе, коряки и в известной мере чукчи являются выходцами из Северной Америки (Jochelson, 1908). В этом случае понятно, что они принесли и фольклорный запас, характерный для индейцев. По-видимому, более близок к истине был А. М. Золотарев, объяснявший расчлененность ареала легенд о великом вороне становлением в Берингоморье специализированного зверобойного хозяйства и возникновением представления об особом духе-хозяине морских зверей (Золотарев, 1938).

С американцами северо-восточных палеоазиатов связывают и: другие формы искусства, в частности народная хореография. Таким образом, этнографические материалы свидетельствуют о наличии особой северотихоокеанской культурной области, включавшей Приморье, Приамурье, Охотское побережье, Камчатку, Чукотку, Аляску, Алеутские о-ва. В этногенетическом плане это-позволяет говорить не только о древних культурных связях и взаимовлияниях этнических этноязыковых общностей, сложившихся в северной части Тихого океана, но также о диффузном проникновении. Не этим ли объясняется наличие в погребениях на Камчатке алеутских черт — лабреток, скорченных костяков и т. д. Однако применительно ко времени расцвета китобойных про-тоэскимосских культур типа Дорсет, Туле, Пунук имеются данные, указывающие на миграции носителей этих культур и на прямые контакты предков эскимосов с предками северо-восточных палеоазиатов. Становление развитых китобойных культур-вызвало значительные перемещения населения внутри северного сектора Тихого океана (Giddings, 1966). Эскимосские поселения

221

стали распространяться с Чукотки на восток («История Сибири...», 1968) и на юг вплоть до Камчатки. По-видимому, в этом кроется причина того, что эскимосские топонимы встречаются в прибрежных районах Северной Камчатки в области расселения коряков и аляуторцев (Вдовин, 1961. 27—63; Меновщиков, 1972, 30).

Возможно, здесь эскимосские колонии перемежались с поселениями древних коряков и впоследствии были поглощены последними. Этнографические материалы позволяют видеть, что эскимосы оказали сильнейшее влияние не только на соседящих с ними чукчей, но и на культуру береговых коряков и ительменов. Это сказалось как в распространении эскимосского типа орудий и средств транспорта, так и в ряде элементов, которые можно в известной мере рассматривать как

эскимосские этнические индикаторы.

Как известно, до недавнего времени обязательной принадлежностью корякской погребальной куклянки служил «хвост» — широкое удлинение задней полы. Его богато расшивали оленьим лодшейным волосом. Удлинение-хвост не находит аналогий в одежде ни у кого из ближайших соседей коряков, кроме чукчей (Богораз, 1935, 356—357; Врангель, 1948, 387). Но такие удлинения округлой, а в ряде случаев и трапецевидной формы характерны для одежды арктических эскимосов (коллекция МАЭ; Hult, 1969, 120—122). Удлинение-хвост затягивали между ног, закрепляли впереди у пояса. Оно предохраняло охотника во время долгого сидения на льду в ожидании зверя. Видимо, этот эскимосский элемент одежды, потерявший в условиях Камчатки функциональное промысловое значение, сохранился в силу традиции в погребальной одежде.

Значительные изменения в этническом и этнографическом облике северо-восточных палеоазиатов вызвало восприятие оленеводства. Для понимания этногенеза чукчей и коряков, как отмечал В. Г. Богораз, необходимо ответить на «вопрос о двойственности чукотско-корякских племен, которая в конечном счете сводится к двум этнографическим стихиям, сплетенным вместе много веков назад в одну неразрывную ткань» (Богораз, ААН, ф. 135, оп. 2, д. 43). Действительно, приморские зверобои и оленеводы вплоть до недавнего времени представляли собой два различных хозяйственно-культурных подразделения в корякском и чукотском этносах. При всей близости каждое из них отличалось известной замкнутостью.

Характерно, что оленные и береговые оседлые коряки говорили на разных диалектах и редко заключали между собой браки. Можно полагать, что выделение оленеводческих подразделений из среды племен, осваивавших прибрежные районы Берингова и Охотского морей, было фактором, способствовавшим складыванию традиционного облика корякского и чукотского этносов.

Напомним, что А. М. Золотарев, исследовавший этногене-

222

тические проблемы северо-востока Сибири, относил формирование чукчей и коряков ко времени возникновения у них оленеводства (Золотарев, 1938, 86—87). К этому положению присоединился и М. Г. Левин (Левин, 1951, 221).

Впервые мнение о том, что чукчи и коряки заимствовали оленеводство от тунгусских народов, высказал Л. Шренк (Шренк, 1883, 176—178). Г. М. Василевич и М. Г. Левин убедительно показали, что техника чукотско-корякского оленеводства обнаруживает ряд признаков, сходных с тунгусским (ламутским) оленеводством. Чукчи и коряки, так же как и эвены (ламуты), выпасали оленей без пастушеской собаки, не доили оленей, применяли закрытый (бескровный) способ их кастрации. В чукотско-корякском и тунгусском оленеводстве совпадают такие детали, не имеющие функциональной нагрузки, как прохождение поводка справа от упряжного оленя, отсутствие в упряжке поясного ремня.

Посадка как чукчей и коряков, так и тунгусов (ламуты) производится справа (Василевич, Левин, 1951, 82—84). Одинаковы и некоторые термины, относящиеся к оленеводству. Заслуживают внимания и доводы, приведенные Г. М. Василевич и М. Г. Левиным о том, что чукчи и коряки (скорее их предки) заимствовали оленеводство тунгусского типа от своих непосредственных соседей — чуванцев (одно из юкагирских племен). К этому следует добавить, что оленеводство было, очевидно, воспринято не только какой-то частью береговых оседлых зверобоев, в первую очередь предками северных оседлых коряков, парань-цев, олюторцев и паданцев, диалекты которых обнаруживают наибольшую близость к чавчувенскому оленному диалекту, но и группами бродячих племен, занимавшихся охотой и рыболовством.

Археологические материалы пока не позволяют датировать время возникновения домашнего оленеводства на Охотском побережье. О том, что оленеводство возникло здесь сравнительно недавно говорит и то, что олени чукотско-камчатской породы крайне слабо одомашнены и очень близки к местным диким оленям. Укажем на то обстоятельство, что оленеводы — чукчи и коряки — затрачивают огромные физические усилия для того, чтобы предотвратить отход отдельных косяков оленей от стада. Поимка ездовых оленей производится ими главным образом при помощи аркана. В пути, на остановках чукчи и коряки не отпускают ездовых оленей на вольную кормежку, как это делают оленеводы эвенки, северные якуты, долганы, а привязывают их на длинных ремнях к кольям, камням или кочкам.

Чукотско-корякские олени трудно поддаются обучению ходьбе в упряжке. В связи с этим для упряжных оленей применяются особые недоуздки с шипами («Историко-этнографический атлас народов Сибири», 1961, 21). Наличие у чукчей и коряков оленей особой местной тундровой

породы на первый взгляд лишает доказательности гипотезу о заимствовании их предками олене-
223

водства от тунгусов, издавна использовавших оленей лесной породы. Однако это противоречие может быть объяснено тем, что предки северо-восточных палеоазиатов, восприняв оленеводство, приручили стада диких оленей (Гурвич, Кузаков, 1960, 34; Гурвич, 1967, 732).

Возможно также, что небольшое число оленей таежной породы, первоначально оказавшихся в руках предков чукчей и коряков, при частом заходе в стада домашних оленей диких самцов и спаривании домашних оленей с дикими, постепенно выродилось, вернее, уподобилось местной породе оленей. Напомним, что чукчи и коряки-олeneводы благожелательно относились к заходу в их олени стада диких самцов и высоко ценили полученное от них потомство (Богораз, 1901).

Чукчи и коряки-олeneводы позаимствовали многие элементы культуры из арсенала своих оседлых приморских собратьев-зверобоев. Так, чукчи-олeneводы использовали для поимки оленей аркан из лахтачей шкуры, не плетеный, а лишь прошитый, укрепленный добавочным ремнем (Bogoras, 1909, 84). Грузовые олени нарты (нельзя не указать на близость оленьей нарты и собачьей) имели решетчатый кузов, подобно решетчатому каркасу байдары или каяка (Bogoras, 1909, 90). В качестве погоняча чукчи и коряки-олeneводы применяли не шест-хорей, а прут с костяным клювом или кнут, подобный кнуту для понукания собак (Bogoras, 1909, 84, 112).

Специфическое приспособление кочевого жилища чукчей и коряков-олeneводо́в — меховой полог, видимо, широко использовался в землянках. Характерно, что у чукчей для него существовало, по данным В. Г. Богораза, описательное наименование «шкура полярного медведя» (Богораз, ААН, 27). Вероятно, в землянках материалом для полога служили шкуры белых медведей. Полог — жилое спальное помещение в яранге — освещался и отапливался лампой-жирником. По форме лампы-жирники, использовавшиеся оленными и береговыми зверобоями — чукчами и коряками, не различались. Полог с лампой-жирником — на первый взгляд несложное добавление к яранге — явился важным культурным элементом, позволявшим круглый год существовать в лишенных древесного топлива открытых районах северной тундры.

Вместе с тем, как справедливо подчеркнул В. Г. Богораз, «уклад материальной жизни оленных чукчей остается тяжелым и громоздким, явно свидетельствующим о неполном приспособлении к потребностям кочевой жизни» (Богораз, ААН, 29). Развивая оленеводство, предки современных чукчей и коряков освоили обширные тундровые районы Камчатки, Охотского и Берингоморского побережий. В результате продвижения на Север, в глубь Чукотки, отдельных групп оленеводов-охотников и длительного отрыва их от основной массы коряков, можно полагать, и сложились чукчи как особая народность.

224

По мнению И. С. Вдовина, обособление чукчей произошло в связи с тем, что юкагиры, потесненные тунгусами и якутами в XIV—XIX вв., заняли бассейн Анадыря и отрезали чукчей от коряков (Вдовин, 1973, 257). Однако то, что это событие не нашло отражения ни в фольклоре чукчей и коряков, ни в исторических преданиях юкаги́ров, заставляет усомниться в реально сти столь позднего возникновения юкагирского клина. Судя по археологическим данным и позднейшим историческим материалам XVII в., долину р. Анадырь и прилегающие районы, за исключением устья, издавна осваивали племена, занимавшиеся охотой на дикого оленя и рыболовством (Окладников, 1953; Окладников, Гурвич, 1957). Оленеводы, предки чукчей, видимо, просочились сквозь редкие юкагирские кочевья по р. Анадырь на север Чукотки (Долгих, 1960а, 434—435). В этих сравнительно бедных оленем и рыбой районах переселенцы, естественно, старались держаться около побережья, где сталкивались и смешивались с эскимосами. Видимо, этот период отражают древние чукотские легенды о войнах с эскимосами. Как отметил В. Г. Богораз, древние рассказы о столкновениях с эскимосами весьма обезличены и стерты. «В них нет собственных имен, нет типичных фигур; постоянно встречается ряд однообразных поединков двух бойцов — эскимосского и чукотского — из-за морской добычи» (Богораз, 1934, XXIII). В. Г. Богораз высказал предположение, что эти легенды относятся к XII—XIII вв. н. э., т. е. ко времени, когда, по его представлениям, эскимосы отступали из Азии в Гренландию. В этих древнейших рассказах чукчи уже называются оленными. Однако они изображаются не столько оленеводами, сколько бродячими охотниками, промышляющими в глубине страны. Этот штрих весьма важен. Видимо, первые группы оленеводов-палеоазиатов, проникавшие на Чукотский п-ов, существовали не столько за счет домашнего оленеводства, сколько за счет охоты и рыболовства. Этим, очевидно, объясняется то, что в чукотском календаре, в астрономических представлениях и фольклорных материалах наличествуют данные, свидетельствующие о значительной роли охоты на дикого оленя в хозяйстве древних чукчей (Вдовин, 1950, 77-80).

Оленеводы-охотники чукчи, владевшие небольшим количеством оленей, в условиях сравнительно бедной континентальной фауны Чукотки, естественно, стремились выйти на побережье, изобилующее морским зверем. Если бы оленеводческое хозяйство удовлетворяло потребности чукчей в пище и

одежде, у них не было бы стимула для выхода на побережье. Напомним, что в близкое к нам время в среду берегового населения вливались главным образом семьи, лишившиеся своих оленей. Очевидно, до прихода русских на Крайний северо-восток Сибири чукотское оленеводство не имело значительных размеров. В условиях частых

225

столкновений с юкагирами и эскимосами содержание больших стад в этом районе было невозможным. Более значительный очаг оленеводства существовал в районе Охотского побережья, где сформировалась сравнительно однородная этническая среда.

Таким образом, можно выделить несколько этапов культурно-генеза, оказавшего несомненное влияние на формирование северо-восточных палеоазиатов. Видимо, древнейший субстратный пласт, легший в основу этого этнического образования, был связан с мезолитической культурой бродячих охотников и рыболовов, датирующейся VI—VIII тысячелетиями до н. э. Период возникновения оседлых зверобойных и рыболовецких культур, период распространения железных орудий явились временем становления специфических этнических черт северо-восточных палеоазиатов. Наконец, переход части северо-восточных палеоазиатов к оленеводству знаменовал собой сложение современного этнического облика чукчей, коряков и ительменов.

Формирование северо-восточных палеоазиатов, как показывают археологические и антропологические материалы, происходило не только на основе местных аборигенных элементов. Значительную роль в этом процессе сыграли выходцы из Прибайкалья, Якутии, Приморья и Приамурья.

Длительное обособление отдельных региональных подразделений предков северо-восточных палеоазиатов в период господства неолитических зверобойных и рыболовецких культур способствовало формированию специфических черт языка, физического облика. Этот период, особенно период распространения железных орудий, характеризовался медленным диффузным взаимопроникновением носителей региональных культур северного сектора Тихого океана. Этнические и культурные связи, миграции, видимо, резко усилились во время становления китобойных эскимосских культур. Переход части населения этого региона к оленеводству способствовал обособлению северных групп, осваивавших Чукотку.

В результате всех этих процессов на крайнем северо-востоке Азии сложилась своеобразная этнолингвистическая общность, именуемая в литературе северо-восточными палеоазиатами.

¹ Историография вопроса освещена в ряде работ (Левин, 1951, 212—224; Ру-денко, 1947, 5—13).

² Однако положение о генетической языковой близости чукчей, коряков и ительменов разделяется не всеми лингвистами (Вдовин, 1970).

³ В 1950 г. исследователь чукотско-корякских языков П. Я. Скорик пришел к выводу, что два диалекта корякского языка — керякский и алуторский — являются особыми языками и вся группа насчитывает пять языков (Скорик, 1958а). Однако пересмотр языковой классификации чукотско-корякских языков в этом плане встречает серьезные возражения (Вдовин, 1973, 16-17).

226

Глава третья **ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЭСКИМОСОВ И АЛЕУТОВ**

Происхождение эскимосов и алеутов — одна из сложнейших и пока не решенных проблем этногенеза народов Севера. Эскимосы и алеуты — единственные народы Севера, которые живут как в Азии, в пределах нашей страны, так и на Американском континенте и прилегающих к нему островах, а именно: на Алеутских о-вах, на Аляске, на севере Канады и в Гренландии. Общая численность эскимосов составляет около 90 тыс. человек, а алеутов — 7 тыс. (Circumpolar community, 1975, 8, 11, 25).

Подавляющее большинство этих людей живет за рубежом. В СССР, на побережье Чукотки, живет немногим более тысячи эскимосов, а на Командорских о-вах — несколько сот алеутов (ИВПН, 1973, 11), поселившихся на этих островах в первой половине XIX в., в период существования Российско-Американской компании.

Хотя в настоящее время и эскимосы, и алеуты живут на двух континентах и на территории нескольких государств, исторически они были едиными народами — первые в отдаленном, а вторые — в недавнем прошлом. Поэтому невозможно отдельно рассматривать этногенез азиатской и американской ветвей этих двух народов. Более того: представляется наиболее целесообразным трактовать вопросы происхождения эскимосов, с одной стороны, и алеутов — с другой, не порознь, а во взаимосвязи, так как археологические, этнографические и лингвистические данные свидетельствуют в пользу преобладающего в настоящее время взгляда, что когда-то эскимосы и алеуты составляли единый народ, условно называемый исследователями «эскоалеутами». Прежде чем рассматривать этапы развития эскимосской культуры, необходимо определить, в чем ее специфика. Без этого невозможно выделить эскимосов из числа соседних этнических групп. Согласно наиболее распространенному определению, сформулированному И. Мельдгардом, характерной особенностью эскимосской культуры является ее приспособленность к морю (например, такие черты, как каяк, поворотный гарпун, жировая лампа для приготовления пищи, отопления и освещения жилища и т. п.) (Melgaard, 1960, 65).

В последнее время в результате более глубокого изучения отдельных этапов развития эскимосской культуры и ее локальных вариантов в новое и новейшее время значительное распространение приобрело другое определение, делающее основной акцент не на морском характере этой культуры, а на ее, как выражается В. Тейлор, «всеядности», т. е. на способности быстро приспосабливаться к меняющимся условиям, переходя от преимуществен-

227

8«

но морской к преимущественно сухопутной охоте и наоборот (Taylor, 1966, 114-119; 1968, 16-17).

Нам кажется, что при выделении эскимосской культуры из ряда других культур Севера необходимо учитывать обе эти дефиниции. Несомненно, что приспособление к морю является характерной чертой как алеутской, так и подавляющего большинства эскимосских культур. Но в то же время гибкость, адаптабельность эскимосов сыграли большую роль в освоении обширных пространств Американской Арктики, когда от морской охоты только на открытой воде приходилось переходить к охоте с кромки льда, через продушины во льду, в полыньях и т. д. Пока формировался комплекс морской охоты со льда, охота на суше становилась основным источником средств существования. То же происходило и при резком ухудшении условий для морской охоты. В этом плане показательна, например, культура Индепенденс Северо-Восточной Гренландии, создатели которой занимались преимущественно охотой на мускусных быков, а также более поздние культуры, такие, как Предорсет и Дорсет Канады и Сар-как Западной Гренландии, для которых было типично более или менее равномерное сочетание морского зверобойного промысла и охоты на оленя-карибу.

И в позднейший период, когда у эскимосов существовала развитая морская охота, включавшая китобойный промысел, гибкость, присущая эскимосской культуре, обеспечивала выживание ее носителей даже при резко неблагоприятном изменении природной среды. Так, в XVII—XVIII вв. в результате подъема суши и соответственно обмеления морей центрального сектора Американской Арктики в этом районе исчезли киты. Охота на тюленей и моржей не могла обеспечить пищей все жившее здесь эскимосское население, для которого важным источником ПРПЦИ в предшествующие столетия служил китобойный промысел. И тогда часть этих так называемых центральных эскимосов ушла с побережья во внутренние районы (Бэрренграундз), перейдя от морской охоты к охоте на оленя-карибу и к рыболовству во внутренних водоемах.

По основному объекту промысла эти люди получили в научной литературе название эскимосов-карибу. Их приспособление к окружающей природной среде было столь совершенным, что до последних лет все специалисты, вслед за исследователем этих эскимосов К. Биркет-Смитом, были убеждены, что эскимосы-карибу не недавние пришельцы во внутренние районы, а остаток древнейшего палеоэскимосского населения, которое еще не перешло к морской охоте (Birket-Smith, 1959). И только новые исследования показали, что всего лишь несколько веков назад прямые предки эскимосов-карибу жили на морском побережье, занимаясь охотой на тюленей, моржей, китов (Taylor, 1966, 114—117; Oswalt, 1967, 35).

228

На Аляске эскимосы, живущие во внутренних районах (ну-намиут, кобукмиут), также являются потомками недавно покинувших побережье береговых жителей. Эти выводы, основанные на материалах археологии и антропологии, подтверждаются и данными лингвистики. Характерно, что нет существенных языковых различий ни между нунамиут и тарямиут (береговыми жителями) Северной Аляски, ни между иглулик североканадского побережья и эскимосами-карибу.

После этого краткого вступления обратимся непосредственно к вопросу о происхождении эскимосов и их культуры. На этот счет существует много теорий. Мы не будем останавливаться на их обзоре, так как он имеется в монографиях С. И. Руденко, М. Г. Левина, С. А. Арутюнова и Д. А. Сергеева, Л. А. Файн-берга, Г. Банди. Отметим лишь, что в настоящее время все или почти все исследователи согласны с тем, что корни эскимосской культуры находятся в Азии. Расхождение в точках зрения связано прежде всего с вопросом о времени и месте формирования эскимосской культуры, о том, какие из древних культур Северо-Восточной Азии и Американской Арктики считать эскимосскими, а какие — нет, и о генетических связях между ними.

Существуют две основные точки зрения относительно района, где произошло окончательное оформление эскимосской культуры. Согласно одной из них, это произошло в районе Берингова пролива, прежде всего на его азиатском берегу, т. е. на востоке Чукотки. И древнейшей из ныне известных эскимосских культур является Древнеберингоморская, самые ранние этапы которой датируются последними веками первого тысячелетия до н. э. Наиболее последовательно эта точка

зрения выражена в докторской диссертации Д. А. Сергеева (Сергеев, 1974).

В то же время широко распространена и иная точка зрения. Согласно ей, окончательное оформление эскимосской культуры произошло не на востоке Чукотки, а на юго-западе Аляски, отсюда она распространилась сначала на север — до Берингова пролива, а затем на восток — до Гренландии — и на запад — на Чукотку (Чард, 1962, 98—99; Oswalt, 1967, 236; Bandi, 1969, 181-182; Laughlin, 1952, 66, 1963, 1, 12).

В последнее время в принципе сходные взгляды по вопросу о месте окончательного сложения эскимосской культуры и путях ее последующего распространения высказаны и некоторыми советскими специалистами (Васильевский, 1973, 211—212; Диков, 1972, 110—111; Файнберг, 1964, 21—23). Ниже, исходя из исследований как советских, так и зарубежных североведов, мы высказываем некоторые предположения о месте, времени и путях складывания и развития эскимосской культуры или, может быть, лучше сказать, эскимосских культур.

В недавних работах Н. Н. Дикова и Р. С. Васильевского было показано, что микролитическая индустрия того облика, который, по широко распространенному убеждению, может рассматривать-

229

ся как преэскимосский или ведущий к формам эскимосской культуры, существовала на Камчатке около 10—11 тысяч лет назад (Bandi, 1969, 176; Dumond, 1965, 1247-1251; Oswalt, 1967, 50; Ford, 1959, 231) (V—VI слои стоянок Ушки I, Ушки II, Ушки IV).

Как отмечает Н. Н. Диков, для комплекса каменных изделий из V—VI слоев этих стоянок характерно наличие многочисленных клиновидных нуклеусов, сколотых с них ножевидных пластинок и лыжеподобных сколов, наконечников стрел как листовидной формы, так и более широких, преобладание концевых скребков и скребел, ножей разной формы, в том числе ножей на тонких и широких пластинчатых отщепах, лабретоподобных изделий из стеатита и т. д. (Диков, 1971, 16, 17). Сходные формы этой индустрии, все варианты которой объединяются Г. Банди под именем эпи-граветтиен, были выявлены Г. Лафлиным при раскопках на Алеутских о-вах на стоянке Анангула. Ее древность — около 8,5 тыс. лет. Обращает на себя внимание сходство ушковских и анангульских конических и цилиндрических нуклеусов, микропластинок, концевых и боковых скребков, остроконечных ножей на пластинах. Очевидно, прав Р. С. Васильевский, считающий, что это сходство объясняется общими азиатскими корнями двух названных индустрий (Васильевский, 1974, 9, 10).

Этот вывод получил дальнейшее обоснование и развитие в результате работ совместной советско-американской экспедиции на Алеутских о-вах. Совместное рассмотрение и обсуждение сделанных на стоянке Анангула находок показало, что культура ее жителей имела семь элементов, связывавших ее с древними культурами Азии, тогда как раньше был известен только один такой элемент — так называемый гобийский, или клиновидный, нуклеус. Теперь известны такие общие элементы, как пластины левал-луазского облика, традиция галечных орудий, использование метода продольного и диагонального резцового скола, скалывание у пластин ударного бугорка, остроконечники, близкие мустьерским, и скребок сибирского типа. Все это не только указывает на азиатский облик каменной индустрии Анангулы, но и свидетельствует о ее тяготении к тихоокеанской культурной области.

Другим достижением экспедиции является находка промежуточного звена между культурами Анангулы и Чалуки. Таким промежуточным звеном стал комплекс Вилледж Сайт на восточном берегу о-ва Анангула, предварительно датированный временем 6000—5000 лет назад, заполняющий промежуток между Анангулой (8500—7800 лет назад) и Чалукой (4000 лет назад — XVII в.). Таким образом, теперь уже не предположительно, а вполне определенно можно говорить о развитии в течение 8—10 тыс. лет сначала на Умнакско-Анангульском выступе древней Берингии, а потом на Алеутских о-вах непрерывной и не претерпевшей резких изменений приморской культурной традиции, легшей в основу

230

традиционной Алеутской культуры (Окладников, Васильевский, 1976, 99-102, 108).

Самым древним представителем последней является уже собственно Алеутская культура, обнаруженная на стоянке Чалука и датируемая по наиболее ранним образцам рубежом III—II тысячелетия до н. э. (Laughlin, 1963, 2—6). С течением времени эта палеоалеутская культура постепенно переходит в ту алеутскую культуру, которую застали на Алеутских о-вах и описали первые русские путешественники и исследователи.

На Аляске сходные с Анангулой по происхождению и типу микролитические индустрии

существовали 8—10 тыс. лет назад. Это культурные комплексы Кампус, Акмак, Хилли-Лейк, Донне-ли-Ридж, Теклапика. Они образовали на Аляске, по выражению Н. Н. Дикова, субстрат протоэскимосской культуры. Их более поздними наследниками являются комплексы Трейл-Крик и Денби (Диков, 1972, 107—109). Более ранние из этих комплексов датируются примерно тем же временем, что и Анангула. Нам представляется обоснованным мнение Н. Н. Дикова, что все названные комплексы восходят к позднепалеолитической культуре, отраженной в V—VI слоях Ушковских стоянок, с такими ее элементами, как «техника скалывания ножевидных пластин с клиновидных нуклеусов и двусторонняя отжимная обработка каменных лезвий и метательных наконечников», ставшими впоследствии в развитых формах Денби «основными компонентами материальной культуры с самых ранних этапов эскимосской истории». Эта эскимосская культура оформилась ко II тысячелетию до н. э. на территории Южной и Юго-Западной Аляски и Западной Канады (Диков, 1972, 107—110).

Восточнее также обнаружены культуры, сходные с Анангулой и Денби. Это преддорсетские культуры Канады и Индепенденс Гренландии, древность которых достигает 5 тыс. лет, а также Саркак Западной Гренландии древностью около 2,5—3 тыс. лет. Для этих культур Восточной Арктики характерно сохранение значительных элементов континентальной культуры или даже их преобладание, например в культуре Индепенденс, над зарождающейся культурой морских зверобоев.

Не только археология, но и лингвистика помогают воссоздать облик древнейших эскимосских культур и особенно хозяйственно-культурный тип их носителей вплоть до эпохи, предшествовавшей разделению эскимосов и алеутов. Как показали исследования Г. А. Меновщикова, названия предметов морской охоты и морских зверей являются общими для всего эскимосского ареала (от Берингова пролива до Гренландии), но ни одно из этих названий не совпадает с алеутскими. В то же время терминология, связанная с сухопутной охотой и рыболовством, у эскимосов и алеутов совпадает. Поэтому, как справедливо замечает Г. А. Меновщиков, можно предполагать, что «в гипотетическое время языковой общности протоэскоалеуты вели континенталь-

231

вый образ жизни, занимаясь охотой на мелкого зверя, рыболовством и собирательством» (Меновщиков, 1974, 47).

Этнографические данные также свидетельствуют в пользу подобного вывода. Сравнительное изучение материальной культуры алеутов и эскимосов показывает, что если луки и стрелы алеутов, т. е. оружие, непригодное для морской охоты, «были во всем подобны эскимосским», то, напротив, орудия и вообще техника морской охоты алеутов значительно отличаются от эскимосской (Ляпунова, 1970, 12). Нам представляется, что это различие невозможно объяснить только разнообразием условий обитания эскимосов и алеутов. Весьма показательным, что разнится и техника морской охоты алеутов и тихоокеанских групп эскимосов, живущих в более или менее сходных географических условиях. На наш взгляд, основная причина этого в том, что морская охота развилась у эскимосов и алеутов уже после их разделения и исторические традиции ее были различны, что и выразилось в несходстве морской терминологии этих двух народов.

Пока невозможно сказать с полной определенностью, когда эскоалеуты разделились на две этнические общности. Этот вопрос может быть решен лишь на основе сочетания и сравнительного анализа археологических и лингвистических данных. Д. Дюмонд, проводивший такой анализ, пришел к обоснованному выводу, что с учетом данных археологии представляются заниженными сделанные методом глоттохронологии известные выводы М. Свадеша, Д. Гирша и других лингвистов о разделении эскимосского и алеутского языков и соответствующих им этнических общностей 2600—1000 лет н. э. (Swadesh, 1958, 672; Hirsch, 1954, 827).

Д. Дюмонд полагает, что разделение эскимосов и алеутов и их языков произошло не менее чем за 4000 лет до н. э., скорее всего в период между 6000 и 4000 лет до н. э. Такая оценка учитывает, на наш взгляд, как уточнения, внесенные в методику лексикостатистической датировки К. Бергсландом, так и признанную и советскими, и зарубежными исследователями датировку Анангулы, древнейшей ныне известной эскоалеутской культуры, возраст которой определяется примерно в 6500 лет до н. э. (Bergsland, 1958, 656; Dumond, 1965, 1250—1251).

Что касается вопроса о месте первоначального разделения эскимосской и алеутской этнических общностей, то он пока остается открытым. Мы согласны с Р. С. Васильевским по многим моментам древнейшей этнической истории района, где зарождались эскимосская и алеутская культуры. Но в то же время мы уже отмечали, что этот исследователь несколько переоценивает различие древних путей развития предков эскимосов и алеутов и по этой причине склонен считать, что разделение этих двух

этнических общностей произошло в отдаленном прошлом, еще в Азии (Файнберг, 1974, 180).

Обосновывая свою точку зрения, Р. С. Васильевский подчеркивает отличие индустрии Анангула от других американских ин-

232

дустрий, в частности от индустрии Денби, и приходит к выводу об их разном происхождении. Но он не обращает внимания на элементы сходства названных индустрий, например на наличие в Анангуле микролезвий и микронуклеусов, позволяющих связать Анангулу с американскими индустриями малых форм. В результате Р. С. Васильевский приходит к выводу, что обитатели Анангулы были предками алеутов, но не эскимосов. Нам же представляется более аргументированной точка зрения, согласно которой Анангула входит в ряд, составляющий американскую арктическую традицию малых орудий, и является генетической предшественницей праэскимосской индустрии Денби. Таким образом, обитатели стоянки Анапгула могут рассматриваться как предки не только алеутов, но и эскимосов (Bandi, 1969, 176—177; Dumond, 1965, 1250—1251; Васильевский, 1973, 33—41, 48).

Поэтому, на наш взгляд, наследницей Анангулы является не-только алеутская культура на последующих этапах своего развития (Чалука и далее), но и древнекитобойная культура мыса Крузенштерна на Аляске, Преддорсет и Дорсет Канады, Индепенденс и Саркак Гренландии. Не вполне ясно, какие из названных культур считать праэскимосскими, или формирующимися, а какие — вполне сложившимися эскимосскими. Ранее мы уже высказывались в поддержку разделяемого многими исследователями взгляда, что Саркак Гренландии и Дорсет Канады — сложившиеся эскимосские культуры, носители которых к тому же имеют эскимосский антропологический тип (Файнберг, 1964, 20—28). В. Освальт, исходя из существования сложившегося морского промысла у носителей древнекитобойной культуры (1800—1700 лет до н. э.), считает ее наиболее ранней эскимосской культурой Аляски.

При этом надо отметить, что ранние культуры Канады и Гренландии (Индепенденс, Саркак, Дорсет) обнаруживают больше черт сходства не с более или менее синхронной им раннеалеутской культурой стоянки Чалука, а со значительно более древней Анангулой, в период существования которой предшественники всех вышеуказанных культур Канады и Гренландии, по-видимому, жили еще на юго-западе Аляски и контактировали между собой.

Для ранних эскимосов Канадской Арктики характерно более медленное формирование морской культуры по сравнению с ранними алеутами или эскимосами, оставшимися на западе Аляски. Под последними мы имеем в виду древних китобоев мыса Крузенштерн, а также те группы эскимосов, которые сначала жили на Аляске, а затем переселились на Чукотку. По мнению Р. С. Васильевского, это переселение могло произойти на стадии Оквик, т. е. во второй половине I тысячелетия до н. э. (Васильевский, 1973, 212).

На наш взгляд, отставание канадских и гренландских эскимосов от их западных собратьев скорее всего было связано с

233

тем, что в прибрежной зоне Западной и Юго-Западной Аляски существовали более благоприятные условия для складывания и развития культуры морских зверобоев, чем в восточном секторе Американской Арктики, где создание морской культуры требовало изобретения приемов и разработки техники подледной охоты через продушины. Кроме того, расселявшимся на восток праэски-мосам приходилось затрачивать много сил на приспособление к природным условиям новых районов и на создание форм арктической культуры (новые типы жилища, одежды и т. п.). Таким образом, нам кажется, что первоначальное формирование морской культуры эскимосов в ее разных формах происходило с различной скоростью на широкой прибрежной и островной территории от Алеутских о-вов и до Гренландии и ее создателями была группа племен со сходной этнокультурной традицией, микролитическая индустрия которых восходит к азиатским прототипам, представленным, в частности, в V—VI слоях Ушковских стоянок.

Праэскимосские культуры существовали много столетий, и такие их поздние формы, как Дорсет и, вероятно, Саркак можно считать уже не праэскимосскими, а сформировавшимися древне-эскимосскими культурами. Но все же они ближе к таким ранним формам арктической культуры, как Индепенденс, чем к развитым эскимосским культурам, таким, как Оквик, Бирнирк, Туле. Поэтому мы, понимая всю условность классификации эскимосских культур, склонны теперь подразделять их на две группы: прото-эскимосские (Индепенденс, Саркак, Преддорсет, Дорсет, древнеки-тобойная) и собственно эскимосские, или развитые эскимосские (Качемак, Оквик, Бирнирк, Туле и др.). Характерной чертой этих последних является то, что они непосредственно перешли в культуры, известные уже не по археологическим, а по историческим данным, по результатам этнографических наблюдений. Так, чугачи стали культурными наследниками качемакцев, медные эскимосы и эскимосы нетсилик являются непосредственными наследниками

людей с культурой Туле и т. д.

Значительно позднее, чем протоэскимосские культуры, где-то на рубеже I—II тысячелетия н. э., на востоке Аляски и северо-западе Канады появляется культура Туле, ориентированная преимущественно на морской, в частности китобойный промысел. Создатели этой культуры быстро распространяются на восток и примерно к XII в. н. э. заселяют Гренландию. По-видимому, в ходе экспансии на восток и последовавшего вскоре возвратного движения на запад происходит ассимиляция предшествующих протоэскимосских культур (Collins, 1937, 377—378; Ford, 1959, 242, 244; Bandi, 1969, 154).

В результате этих процессов на всем побережье Американского Севера от залива Нортон на западе Аляски и мыса Барроу на ее северо-западе и до восточного побережья Гренландии появилась единая в основных чертах эскимосская культура, про-

234
существовавшая с небольшими изменениями до XVII в. и постепенно перешедшая в во многом сходную с ней так называемую историческую культуру, известную по непосредственным наблюдениям европейских путешественников и ученых и сохранявшуюся на Американском Севере до первых десятилетий XX в.

К югу от залива Нортон культура Туле почти не проникла, а на Чукотку попала в небольшой степени. Поэтому в этих районах, несмотря на значительные передвижки населения и взаимовлияния, по-видимому, сохранились в отдельных местах прямые потомки древних эскимосов. На юго-западе Аляски — это потомки качемакцев чугачи, в основном сохранившие культурный облик своих предков, и, возможно, сиреникцы на Чукотке.

Правда, на Чукотке не найдено протоэскимосских культур, сравнимых по своей древности с вышеупоминавшимися находками на Американском Севере. Наиболее древние слои древнеберингоморской и оквикской культур на Азиатском побережье датируются, как известно, временем не ранее середины I тысячелетия до н. э. Поэтому нам кажется, что правы Р. С. Васильевский, В. Освальт и другие исследователи, считавшие, что эскимосские культуры, обнаруженные на Чукотке, и в частности Оквик, первоначально сформировались на юго-западе Аляски, а уже затем их носители продвинулись на север и перешли через Берингов пролив на Чукотку (Васильевский, 1973, 212; Oswalt, 1967, 240).

Что же касается древнеберингоморской культуры, то мы не будем останавливаться на ее характеристике, так как она широко известна. Заметим лишь, что Н. Н. Диков недавно привел серьезные аргументы в пользу того, что эта культура является не чисто эскимосской, а продуктом синтеза собственно эскимосской культуры, проникшей на Чукотку с Аляски в I тысячелетии до н. э. и генетически связанной с такими культурами Аляски, как Денби, Чорис, Нортон, Ипиутак, Оквик, и неэскимосских континентальных культур Чукотки, прежде всего усть-бельской. Такой вывод, по мнению названного исследователя, явствует из того, что в каменном инвентаре древнеберингоморской культуры преобладают усть-бельские элементы: костяные двусторонневилячатые держатели наконечников стрел, различные листовидные и треугольные наконечники стрел, резцы, ножи, скребки усть-бельского типа и т. д. (Диков, 1971, 112—115; Очерки истории Чукотки..., 1974, 56—57).

Большинство исследователей, правда, пока не отказалось от мнения о Древнеберингоморской культуре как о чисто эскимосской. Такая точка зрения нашла отражение в работах С. А. Арутюнова и Д. А. Сергеева, полагающих также, что древнеберингоморская культура является древнейшей из известных ныне эскимосских культур. Тем самым они исключают из эскимосского ряда значительное число древних культур Американской Арктики (Арутюнов, Сергеев, 1969, 20, 27, 36).

235

На наш взгляд, для того чтобы окончательно решить вопрос о чисто эскимосском или смешанном характере древнеберингоморской культуры, требуются дополнительные исследования. Но даже если вывод Н. Н. Дикова о смешанном характере древнеберингоморской культуры и не оправдался бы, бесспорно, что древнеберингоморье — это поздняя локальная культура, хотя и очень яркая, и изучение ее, будучи весьма интересным и важным для познания поздних этапов этнической истории Чукотки, не может решить вопроса о происхождении эскимосской этнической общности с присущими ей основными культурными особенностями.

Выделение из первоначальной эскимосской этнической общности различных групп эскимосов сопровождалось процессом дифференциации эскимосского языка, расщеплением его на множество диалектов и даже отдельных языков. Первое деление эскимос-ского языка на ветви юпик и инупик произошло, по различным оценкам, в I—XI вв. н. э., т. е. в любом случае значительно позднее, чем

разделение алеутского и эскимосского языков (Swa-desh, 1958, 672; Hirsch, 1954, 827; Bergsland, Vogt, 1962, 128).

Вероятно, разделение юпик и инупик не произошло в одном месте и в одно время, а было процессом, который шел в разных районах расселения древних эскимосов на протяжении нескольких веков, скорее всего во второй половине I тысячелетия н. э. В последующие столетия племена, говорившие на юпик, жили сравнительно изолированно друг от друга, и это повело к возникновению нескольких диалектов юпик. Напротив, занимавшие Арктическую Америку племена, говорившие на инупик, сохраняли более или менее тесные связи между собой, благодаря чему у них в большей степени, чем у племен юпик, сохранялась как языковая, так и культурная близость. Ей могло способствовать упоминавшееся выше возвратное движение носителей культуры Туле (во многом сходные идеи см.: Oswalt, 1967, 33).

На языковую близость указывал К. Расмуссен, проехавший в 20-х годах XX в. вдоль всего Арктического побережья Америки от Гренландии до Барроу и имевший практическую возможность сравнить все диалекты и говоры инупик (Расмуссен, 1958, 28, 181). Надо сказать, что в подавляющем большинстве они ближе друг к другу, чем диалекты юпик, например чаплинский и науканский. Конкретные оценки времени диалектического-дробления внутри языковых групп инупик и юпик (к сожалению, только Аляски) содержатся в работах Свадеша, Гирша, Хам-мериха, Бергсланда и Вогта. Критический анализ этих глоттохронологических оценок с учетом данных археологии проведен Дюмондом (Dumond, 1965, 1233—1237, 1252).

Ниже приводятся некоторые из этих оценок. При всей их условности в смысле абсолютной датировки они позволяют представить относительную хронологию дробления эскимосского языка на диалекты, показателем которой является степень их близости

236

между собой. Тем самым эти датировки помогают выявлению последовательности в дифференциации первоначальной эскимосской этнической общности на те этнические подразделения, которые застали у эскимосов этнографы, т. е. на эскимосов карибу, иг-лулик, западногренландских и т. п.

В пределах языковой группы инупик, по оценке Гирша, наиболее далеки между собой диалект эскимосов внутренних районов Аляски, с одной стороны, и диалекты эскимосов иглулик, карибу и Западной Гренландии — с другой. Напротив, эскимосы Уэльса, Барроу и Макензи существенно не отличаются по языку. С диалектом Западной Гренландии диалект жителей мыса Барроу разделен по оценке Гирша, 217 + 88 лет назад (Hirsch, 1954). Д. Дюмонду эта цифра представляется заниженной вдвое: он полагает, что языковое разделение западногренландских и североалюскинских эскимосов надо датировать 1300—1500 гг. н. э. (Dumond, 1965, 1252). Датировка Дюмонда кажется нам более вероятной, так как хорошо согласуется со временем окончания возвратного движения на запад культуры Туле — последнего крупного движения, охватившего всю территорию Американской Арктики и приведшего на какой-то период к культурной и, по-видимому, также и языковой унификации на этой территории.

Диалекты азиатских эскимосов (чаплинский и науканский), по мнению Л. Хаммериха, отделились от языковой группы юпик лишь немногим позднее разделения юпик и инупик. Более того, этот автор предполагает, что еще в эпоху разделения юпик и инупик на Аляске существовали отдельные общности, соответствующие диалектам азиатских эскимосов и эскимосов Аляски (Hamme-rich, 1960, 96). М- Свадеш также отмечает, что если связь между нунивакским, унааликским и кускоквимским диалектами Аляски существовала недавно, то, напротив, их связь с диалектами азиатских эскимосов прервалась давно. Свидетельством этого являются существенные различия, особенно фонетические между диалектами юпик Аляски и Чукотки (Swadesh, 1952, 28, 166).

В ходе многочисленных миграций, которыми сопровождалось этническое развитие эскимосов, «разошедшиеся диалекты и языки снова перекрещивались и снова расходились, что и явилось причиной изменений в их фонетике, грамматическом строе и лексике» (Меновщиков, 1964, 4). В ходе этнических процессов, происходивших в основном на прибрежных территориях протяженностью в несколько тысяч километров, образовалось более 20 эскимосских диалектов, подразделяющихся на несколько эскимосских языков (классификацию эскимосских диалектов см.: Меновщиков, 1964). В результате повторных переселений, многие из которых пока еще нельзя установить по археологическим данным, нередко диалекты эскимосских групп, живших в XIX в. по соседству друг с другом, значительно различаются между собой и часто ближе к диалектам групп, живших в этот период далеко друг от друга. Например, как отмечает Г. А. Меновщиков, по

237

грамматическим, лексическим и фонетическим признакам диалекты чаплинцев и науканцев Чукотки не близкие, а далеко разошедшиеся между собой (Меновщиков, 1962, 11).

Совсем далеко в лингвистическом плане отстоит от чаплинского и науканского диалектов сиреникский язык, на котором говорило в XVIII в. несколько тысяч эскимосов Чукотки. Позднее, в

результате смешения сиреникцев с чаплинцами, этот язык начал отмирать. К настоящему времени он почти полностью исчез. В прошлом же азиатские эскимосы, несмотря на то что они жили близко друг от друга, говорили на двух языках — на одном, подразделявшемся на чаплинский и науканский диалекты, и на другом — сиренинском.

Г. А. Меновщиков в результате детального исследования языка сиренинских эскимосов пришел к выводу, что в этом языке сочетаются лексические и структурные элементы алеутского языка, структурные элементы нунивакского диалекта эскимосского языка, лексические заимствования из чукотского и большое число лексических, фонетических и грамматических элементов, которых нет ни в одном эскимосском диалекте и которые не находят себе соответствий и в других языках севера. В языке сиренинских эскимосов нет такой общей для всех эскимосских диалектов категории, как двойственное число, изменены система склонения, состав личных показателей в именах и глаголах и т. д. (Меновщиков, 1962, 12, 13; 1964, 7—9, 24, 25).

На основании лингвистического анализа Г. А. Меновщиков делает вывод, что язык сиренинских эскимосов — одно из древнейших (после алеутского) ответвлений древнего общеэскимосского языка. При этом высказывается предположение, что предки сиреникцев, рано отколовшись от общеэскимосского ствола, оказались где-то на территории Америки или Азии в соседстве с иноязычными племенами или с «эскимоидными типами алеутов» (Меновщиков, 1964, 9, 24).

Думается, что необходимо специальное археолого-этнографическое исследование сиренинской группы эскимосов и ее исторических связей в тех направлениях, на которые указывают лингвистические данные. И в целом, на наш взгляд, необходим больший учет языковых данных при определении направлений археологического поиска. Лишь дальнейшие комплексные исследования на территории расселения отдельных диалектальных групп эскимосов позволят выявить конкретную историю тех локальных подразделений этого народа, знания о которых пока недостаточны.

Исходя из вышеизложенного, мы можем сделать следующие выводы.

Разделение протоэскоалеутов на протоэскимосов и протоалеу-тов произошло на северо-востоке Азии (но не на Чукотке, а южнее или же, что кажется более вероятным, на берингоморском мосту в период его существования, т. е. не менее 8—10 тыс. лет назад). Ко времени разделения у протоэскоалеутов еще не было

238

развитой морской охоты, и они занимались охотой на сухопутных животных и птиц и рыболовством.

Потомки протоалеутов не совершили больших миграций и, поселившись на Алеутских о-вах, создали совершенный комплекс для охоты на морского зверя на открытой воде.

Напротив, эскимосы, перейдя по берингоморскому мосту на Юго-Западную Аляску и приобретая там некоторые черты культуры морских охотников с сохранением значительных элементов континентальной культуры, двинулись на север, а затем на восток вдоль Арктического побережья Америки. Во время движения они поглощали родственные им по культуре группы носителей микролитической традиции и постепенно вырабатывали элементы культуры, необходимые для выживания в Арктике (жилища, орудия и т. д.). Не позднее чем 5 тыс. лет назад они достигли северо-востока Гренландии. В результате не позже чем с III тысячелетия до н. э. от Алеутских о-вов и до Гренландии существовала цепочка родственных генетически и сохранявших значительные черты сходства культур (Ананагула — Чалука, Денби, Преддорсет — Дорсет, Индепенденс, Саркак). При этом протоэски-мосские культуры Американской Арктики, естественно, обнаруживают больше сходства не с более или менее синхронной им Чалукой, а с более древней Анангулой, в период существования которой предшественники всех вышеназванных культур жили по соседству друг с другом на западе Аляски и контактировали между собой.

Для протоэскимосских культур Американской Арктики характерно, в отличие от синхронной им в основном Чалуки, сохранение значительных элементов континентальной культуры или даже их преобладание над зарождавшейся культурой морских зверобоев. Примером сказанного является культура Индепенденс. Более медленное формирование морской культуры у протоэскимосов Арктики по сравнению с протоалеутами, а также с протоэски-мосами, оставшимися на западном побережье Аляски (например, древними китобоями мыса Крузенштерна), или несколько позднее, возможно на стадии Оквик, переселившимися на Чукотку, связано, на наш взгляд, с тем, что на западе и особенно юго-западе Аляски были более благоприятные условия для складывания культуры морских зверобоев, чем в Арктике. Кроме того, тем, кто двигался на восток,

приходилось затрачивать много сил на приспособление к природным условиям новых районов и на создание арктической культуры (новые приемы охоты, новые типы жилища, одежды и т. д.). Развитая культура арктических морских зверобоев, а именно культура Туле, возникла на северо-востоке Аляски и северо-западе Канады где-то на рубеже I—II тысячелетий н. э. В результате быстрого распространения на восток до Гренландии, а затем возвратного движения на запад на Аляску Туле поглотило или сменило предшествующие культуры Арктического побережья.

239

По-видимому, именно в то время, когда началось движение с Западной или Юго-Западной Аляски на север и восток, оттуда ушли все группы, говорившие на диалектах инупик, а также, возможно, и часть говоривших на юпик. На западе Аляски остались только племена, говорившие на юпик. Их потомки переселились впоследствии на Чукотку и, взаимодействуя с носителями местных неэскимосских культур, особенно усть-бельской, создали здесь древнеберингоморскую культуру. Культура Туле была создана какой-то группой племен, говорившей на инупик. Ее экспансия привела к переходу на инупик всего коренного населения Американской Арктики. Только на Чукотке и Аляске к югу от залива Нортон сохранились диалекты юпик.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Суммированные в работе данные различных дисциплин позволяют наметить общую, в известной мере гипотетичную картину сложения этнолингвистических групп Северной Евразии.

В высокие широты человек проник в эпоху палеолита. Однако пока нет каких-либо данных, позволяющих судить об этноге-нетических процессах применительно к этому отдаленному времени. Этнические черты в археологических культурах начинают проступать лишь в позднем мезолите и неолите. Ранний этап зарождения этнических общностей в Западной Сибири, видимо, связан с распространением в широкой области от Зауралья до Енисея единообразных микролитических культур со специфическими формами вкладышевых наконечников. Это обстоятельство рассматривается как свидетельство существования здесь близких по культуре групп охотников и рыболовов.

Палеолингвистические исследования позволяют полагать, что носители этих культур принадлежали к уральской семье языков. Имеющиеся данные о некоторых соответствиях уральских языков и юкагирского дают основания считать, что группы охотников-рыболовов, принадлежавшие к уральской этнолингвистической общности, распространялись далеко на восток от Уральского хребта. Антропологические исследования также свидетельствуют об участии в формировании народов уральской семьи языков и народов, складывавшихся к востоку от Енисея, носителей какого-то древнего единого физического типа, хотя специалисты расходятся в его характеристике.

Древние уральцы, видимо, являлись субстратным слоем, предшествовавшим предкам саамов и самодийцев на Европейском Севере.

Большой интерес представляет вопрос о взаимоотношениях и взаимосвязях древнеуральской этноязыковой общности с другими, например с эскоалеутской. Однако источники пока не позволяют дать удовлетворительный ответ на этот вопрос.

Более близкие к нашему времени этапы этногенеза народов Крайнего Севера распадаются на ряд самостоятельных, но взаимосвязанных проблем. Одной из них, много лет обсуждаемой в историко-археологической литературе, является происхождение саамов. Анализ материалов по этой проблеме позволил прийти к выводу об участии в формировании саамов древних уральцев и

241

более поздних компонентов, связанных с так называемым европейским комплексом особенностей. Возникновение в III тысячелетии до н. э. на всей территории Карелии своеобразной археологической культуры, по-видимому, было одним из этапов сложения культуры саамского этноса, что не означало еще образования здесь единого языкового и этнического массива.

Процесс перемешивания и сближения племенных групп — предков современных саамов, видимо, шел на огромной территории, охватывающей на западе северные районы Скандинавии, а на востоке — бассейны Онеги, Северной Двины и Мезени. Наличие в антропологическом типе саамов особого комплекса признаков подтверждает положение о длительном процессе сложения этой общности и большой территории ее распространения. Этнографические данные в сочетании с археологическими свидетельствуют о самобытности культуры саамов. Древние саамы вели комплексное охотничье-рыболовецкое хозяйство. В процессе приспособления хозяйства к специфике природно-географической среды в связи с поступательным развитием техники внутри саамской территории произошло обособление отдельных групп. Во второй половине I

тысячелетия у части саамов появилось домашнее оленеводство.

Накопленные в последние десятилетия археологические, антропологические и топонимические материалы в значительной мере уточняют выработавшееся в сибиреведении представление об этногенезе самодийских народов. Выявленный в Среднем Прииртышье, в Томско-Нарымском Приобье и на Среднем Урале ряд археологических культур, связываемых с предками самодийцев, позволяет очертить значительную область древнего формирования этой этнической общности. На севере современного расселения самодийцев обнаружены неолитические памятники, восходящие к досамодийскому аборигенному населению. О широком расселении самодийцев на юге Сибири свидетельствуют топонимические данные.

Детальный сравнительный анализ самодийских этнонимов, предпринятый в настоящей работе, также подтверждает положение о том, что самодийские группы в прошлом заселяли обширные пространства лесостепной полосы Западной и Средней Сибири, где, видимо, вели скотоводческое хозяйство. Имеющиеся источники позволяют полагать, что южные самодийцы, вытесненные кочевниками, проникли на север в область своего современного расселения в виде ряда волн. Во II—IV вв. н. э. самодийскоязычные предки тундровых ненцев распространились по Северному Уралу и Средней Оби. В IX и XIII вв. вследствие тюркских миграций на Азиатский Север продвинулись другие группы самодийцев, принявшие участие в формировании энцев. Самодийцы принесли на север Западной Сибири навыки добычи железа, выючное оленеводство, распашную одежду. Значительную роль в этногенезе северо-самодийских народов, как

242

свидетельствуют фольклорные и этнонимические источники, сыграл весьма неоднородный аборигенный этнический пласт.

Проблема происхождения обских угров — хантов и манси, а также близких к ним по культуре селькупов — неоднократно привлекала к себе внимание археологов, антропологов, лингвистов и этнографов, показавших, что эти общности сформировались на основе разных этнических элементов. В состав хантов, манси, селькупов в качестве субстрата вошло местное неолитическое население Западной Сибири. Основным элементом все же были угорские и самодийские группы. Обзор современных археологических и этнографических данных об этногенезе обских угров и селькупов, приведенный в настоящей работе, подтверждает положение о том, что в конце I тысячелетия до н. э. происходила инфильтрация в Приобье из южных степей Западной Сибири и Северного Казахстана угров — возможно, носителей андроновской культуры. Угорская общность в процессе формирования испытала и влияние самодийцев.

Селькупы в свете имеющихся материалов выступают как сравнительно позднее этническое образование, сложившееся к I тысячелетию до н. э. Их предки испытали, видимо, вначале угорское, а впоследствии самодийское влияние.

Детальный анализ материальной и духовной культуры обских угров и селькупов показал в ней наличие элементов, свойственных арктическим народам, и элементов, выработанных населением Южной Сибири, что говорит о двухкомпонентности этих этнических общностей. Длительный процесс формирования специфической обско-угорской культуры, протекавший на обширной территории в особых таежных условиях, привел к возникновению ряда обособленных групп, населения. Вероятно, в результате культурной и языковой дифференциации появились существенные различия между хантыйским и мансийским языками.

Значительной сложностью отличается проблема этногенеза кетов, так как вопрос о времени и территории первоначального формирования енисейской языковой общности далек от разрешения. Несомненно, что эту область следует искать в сопредельных с Сибирью районах Центральной Азии. Неясной остается и нижняя дата проникновения енисейскоязычных племен в Сибирь. Требуют дальнейшего подтверждения гипотезы о принадлежности карасукской и тагарской культур к енисейскоязычным племенам. Более доказательным представляется предположение о присутствии предков кетов в гуннском конгломерате племен и участии их в формировании ряда южносибирских тюркских и самодийских народностей.

Топонимические данные и исторические свидетельства позволяют обосновать положение о длительном обитании предков кетов в горно-таежных областях юго-западной Сибири и проникновении их в XI—XIII вв. на Енисейский Север.

243

9*

Анализ кетских этнонимов, хотя эти материалы и относятся к сравнительно позднему времени, говорит о многокомпонентное™ кетского этноса. Этот вывод подтверждают данные антропологии и в особенности результаты исследования традиционной культуры кетов. В ней явственно

проступает пласт таежной пешей охотничьей культуры, пласт, связанный с таежным рыболовством, и черты, характерные для культуры южных степных скотоводов.

Для понимания этногенетических процессов в Северной Азии большое значение имеет история сложения в районе Саян аборигенных этнических образований — оленеводов-охотников — тувинцев-тоджинцев и тофаларов. Этногенез этих групп отразил сложные этнические процессы, происходившие в Саянах. В неолитическое время сюда проникли самодийские племена, позже — тунгусоязычные, в эпоху гуннской экспансии — кетоязычные группы, а впоследствии — тюрки и монголы. Специфический антропологический тип саянских оленеводов указывает на смешение древних самодийцев и тунгусоязычных племен. Значительное влияние на коренное население Саян оказала кетская этническая волна. В языке саамских оленеводов прослеживаются кетские лексические и фонетические элементы, а в родо-племенной структуре — кетские компоненты. С продвижением в Саяны тюркских племен со второй половины I тысячелетия н. э. началась тюркизация саянцев. Сложное происхождение тувинцев-тоджинцев и тофаларов отразилось в их культуре. В ней отчетливо выделяются древний лесной комплекс и более поздний степной, сформировавшийся под влиянием тюрков.

На просторах лесостепной части Восточной Сибири формировались тунгусские племена. Ранние этапы становления тунгусской этнической общности, очевидно, связаны с формированием байкальской и других родственных неолитических культур, охвативших огромную область таежных и лесостепных районов Восточной Сибири. В этой области во взаимодействии с центрами образования тюркских и монгольских языков возникли тунгусские языки.

В эпоху бронзы и железа тунгусоязычные племена в степных районах перешли к скотоводству, а в южных — к земледелию. В V—VI вв. н. э. на Дальнем Востоке появились крупные тунгусские военные союзы и государственные объединения. На границе лесостепных, горных и таежных районов, возможно в Забайкалье, тунгусы скотоводы-охотники приручили оленей. Оленеводство и специфический тунгусский комплекс таежной охотничье-оленьеводческой культуры позволили тунгусским группам расширить область своего расселения, освоить тайгу Средне-Сибирского плоскогорья и территории, прилегающей к Охотскому побережью. В процессе продвижения на Север они смешивались и ассимилировали аборигенные племена. На облике тунгусской культуры сказались и контакты с тюрками и монголами.

244

Рассмотрение разнообразных, но в общем скудных материалов так или иначе свидетельствующих о происхождении юкагиров, позволяет присоединиться к неоднократно высказывавшейся гипотезе о том, что юкагиры — прямые потомки древних неолитических охотников, осваивавших территорию Восточной Сибири. Возможно, они развивались на той же недифференцированной языковой основе, что и древние уральцы. Об этом в известной мере говорят генетические параллели в уральской семье языков и в юкагирском языке.

О древности юкагирского этноса свидетельствуют и этнографические материалы, и наличие крайне архаических черт в материальной и духовной культуре юкагиров. Характерно, что общие элементы, выявляющиеся в культуре юкагиров и северо-восточных самодийцев, также восходят к глубокой древности.

Материалы о сходстве и различии в культурах этих двух этносов могут быть истолкованы как результат обособления и длительного развития в особых природно-климатических условиях и как следствие взаимовлияний. В настоящее время трудно решить этот вопрос.

При современном состоянии наших знаний в общем не удастся выявить в культуре юкагиров какие-либо субстратные слои. Из этого, однако, не следует, что юкагиры развивались обособленно. Предки современных юкагиров контактировали с племенами северо-восточных палеоазиатов, самодийцев, а также с тунгусами (эвенками) и ламутами (эвенами). Можно полагать, что эти этнические группы в какой-то мере участвовали в формировании юкагирского этноса.

Рассмотрение проблемы происхождения нивхов с привлечением новых археологических и этнографических материалов в общем подтверждает автохтонную гипотезу. Своеобразие физического типа нивхов, отличного от антропологического типа их соседей, обособленность нивхского языка, близость традиционной культуры нивхов к амурским неолитическим культурам оцениваются как свидетельства того, что предками нивхов были местные неолитические племена рыболовов и морских зверобоев, испытывавшие влияние как своих южных, так и северных соседей. Наличие общих элементов в материальной культуре нивхов, коряков, эскимосов, а также тунгусоязычных народов Нижнего Амура позволяет говорить о древних контактах предков нивхов

с народами, населявшими северную часть Тихоокеанского бассейна и восточносибирскую тайгу. Топонимические данные, языковые связи с коряками дают основания для предположения о том, что ареал расселения древних нивхских племен был более широким, чем современный. За последние десятилетия много нового внесено в исследование этногенеза тунгусоязычных народов Нижнего Амура и Сахалина. Археологические материалы, добытые здесь в советский период, позволяют предполагать, что уже в неолите в этом ре-

245

гионе прослеживаются черты культуры тунгусоязычных племен. Это обстоятельство не позволяет рассматривать нанайцев и ульчей как недавний субстрат, наложившийся на какой-то древний аборигенный этнический пласт. Анализ традиционной культуры тунгусоязычных племен с привлечением языковых данных также свидетельствует о том, что в их культуре имеются очень древние автохтонные элементы. В свете этих данных предки тунгусских народов Нижнего Амура должны рассматриваться как аборигены, принявшие активное участие в выработке нижнеамурской культуры.

Теперь можно видеть, что она не была однородной и единой на протяжении всего этого огромного региона. В древней местной культуре прослеживаются южные, западные и северные черты, возникавшие в результате проникновения в область Нижнего Амура в различные периоды элементов разного этнического происхождения, вливавшихся в состав местных племен. Известное влияние на нижнеамурскую культуру оказали и соседние маньчжурские и айньские племена. Одним из древних автохтонных компонентов, создателем нижнеамурской культуры и были тунгусские племена, связанные с сибирской тайгой.

Значительной сложностью отличается и проблема происхождения северо-восточных палеоазиатов — чукчей, коряков и ительменов. Эта этнолингвистическая общность возникла между двумя этнографическими мирами — эскоалеутским и айньским.

Создателями неолитических палеоазиатских культур были, видимо, группы континентальных охотников-рыболовов, проникшие из Прибайкалья, Якутии, Приамурья и Приморья на крайний северо-восток Азии и смешавшиеся здесь с более древним мезолитическим населением. Они многое усвоили из культурного багажа плейстоценовых охотников. Сложившиеся на северо-востоке культуры охотников и рыболовов Чукотки, древнекорякская культура северной части Охотского побережья, камчатские культуры являлись звеньями цепи культур, составлявших обширную северотихоокеанскую неолитическую провинцию. Дальнейшее обособление локальных культур в связи с развитием зверобойного промысла и переходом к оседлому образу жизни привело к расхождению языков, выделению диалектов.

В период развитого неолита, несмотря на известную тенденцию к обособлению, имели место и культурный обмен, и общее поступательное развитие производительных сил в северном секторе Тихоокеанского бассейна. Выработка ряда общих элементов культуры, характерных для всей области, сопровождалась диффузным проникновением этнических общностей. Расцвет протоэскимосских культур, очевидно, способствовал появлению эскимосских поселений в районах расселения палеоазиатов. В южных районах Камчатки ощущалось влияние айньских племен, что, видимо, и способствовало выработке особых отличий в ительменском языке.

246

Значительные изменения в этническом облике северо-восточных 'палеоазиатов вызвало восприятие ими оленеводства. В результате продвижения групп оленеводов-охотников на север, отрыва их от основной массы племен, занимавшихся морским зверобойным промыслом на Камчатке и Охотском побережье, и возникла чукотская народность.

Начало II тысячелетия н. э. — время распространения оленеводства на крайнем северо-востоке Азии — может рассматриваться как период сложения современного этнического облика северо-восточных палеоазиатов — коряков, ительменов и чукчей.

В глубокую древность уходит история формирования эскимосского и алеутского этносов.

Археологические и лингвистические данные позволяют полагать, что предки этих народов — протоэскоалеуты — в эпоху позднего палеолита были континентальными охотниками и рыболовами. В ходе освоения территорий Берингоморья и севера Аляски произошло их разделение на две ветви — протоэскимосов и протоалеутов. Переход к морской специализированной охоте первоначально совершили предки алеутов между VI и IV тысячелетиями до н. э. Впоследствии к морской охоте в юго-западной части Аляски перешли и предки эскимосов, сохранив при этом навыки континентальных охотников.

В III тысячелетии до н. э. в восточном секторе Американской Арктики возник ряд сходных

протоэскимосских культур. Позднее появились эскимосские культуры, ориентированные на китобойный промысел. В I тысячелетии до н. э. эскимосские поселения возникают на Чукотке. Здесь древние эскимосы, видимо, находились в контакте с континентальными охотниками. Сложение обособленных культур охотников на морского зверя привело к расщеплению эскимосского языка на множество диалектов. Вследствие многочисленных миграций образовавшиеся диалекты перекрещивались. В сравнительно, хорошо изученном языке азиатских сирениковских эскимосов прослеживаются алеутские и чукотские лексические элементы, а также фонетические и грамматические элементы, не находящие соответствий ни в эскимосских диалектах, ни в языках народов Севера. Таким образом, имеющиеся данные свидетельствуют о сложной истории формирования эскимосского этноса.

В целом изложенные в настоящей работе материалы позволяют видеть, что большинство северных этнических общностей представляет собой сложные многослойные образования. Их история связана и с развитием аборигенных неолитических племен, и с бурными событиями на юге Сибири, и с великими переселениями народов, когда носители культур бронзы и железа проникали на Крайний Север.

Исследование этногенеза народов Севера показывает, что связи с югом не сводились к миграциям. Значительную роль играла инфильтрация отдельных групп южного происхождения в среду

247

северных этносов. На изменение облика культуры северных этнолингвистических образований большое влияние оказывал межплеменной обмен.

Имеющиеся материалы позволяют видеть, что свой традиционный облик северные этносы приобрели не только в результате взаимодействия разных по происхождению этнических компонентов, но и вследствие длительной спонтанной эволюции культуры, поступательного развития производительных сил в специфических условиях отдельных регионов Севера. При господстве архаических форм хозяйства и первобытнообщинных отношений северные этносы отличались значительной обособленностью. Все же они взаимодействовали и влияли друг на друга, сливались и расчленились в ходе миграций, в результате преобразований в хозяйственной жизни.

К сожалению, материалы, свидетельствующие о взаимодействии северных этносов, крайне скудны. Очевидно, лишь в процессе накопления новых археологических и лингвистических данных проблема взаимовлияний может быть освещена соответствующим образом. В связи с этим представляется важным подчеркнуть значение тщательного исследования языковых, антропологических и культурных сходжений как на территории Северной Азии, так и на территории Северной Америки.

Предлагаемое исследование представляет собой лишь первый опыт реконструкции общей картины этногенетического развития народов Крайнего Севера СССР.

Авторский коллектив сознает, что проблемы этногенеза северных общностей во многом дискуссионны (это объясняется характером материалов). Появление новых археологических, лингвистических и антропологических исследований, несомненно, потребует внесения корректив. Следует надеяться, что работа будет способствовать дальнейшим изысканиям в этой области знаний.

И. С. Гурвич

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абулеази-Баядур-хан.* Родословная история о татарах. Издание Российской академии наук (б. м. и г.).
- Авдеев И. И.* 1935. Тайны древних городищ.— Тобольская правда.
- Авдиев А. В.* 1937. Маски: (Опыт типологической классификации по этнографическим материалам).— В кн.: Сборник. МЭА, М.; Л., вып. XVII.
- Аврорин В. А., Лебедева Е. П.* 1967. Ороцкие сказки и мифы. Новосибирск.
- Акимов М. С.* 1964. Некоторые итоги изучения палеоантропологии Приуралья и вопрос о древних венграх.— Труды VII МКАЭН. М.
- Акимов М. С.* 1968. Крайноэскимосские материалы IV—IX вв. с территории Верхнего Прикамья.— Учен. зап. Перм. ун-та, вып. 191.
- Аксенов М. П.* 1970. Комплекс нижнего культурного горизонта стоянки Маркове на Лене.— В кн.: Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск.
- Аксенова Г. А.* 1974а. Одонтологическая характеристика некоторых групп Европейского Севера.— ВА, вып. 47.
- Аксенова Г. А.* 1974б. Проблема древнейшего населения Европейского Севера в свете данных одонтологии.— ВА, вып. 47.
- Аксенова Г. А.* 1975. Антропологические исследования у зауральских ненцев.— В кн.: Полевые исследования ИЭ 1974 г. М.

- Алексеев В. А. 1954. Палеоантропология лесных племен Северного Алтая.—КСИИМК, вып. XXI.
- Алексеев В. П. 1961. О смешанном происхождении уральской расы.— В кн.: Вопросы археологии Урала. Свердловск. Вып. 1.
- Алексеев В. П. 1963. Происхождение хакасской народности по данным антропологии.— В кн.: Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск.
- Алексеев В. П. 1968. Сибирь как очаг расообразования.— В кн.: Проблемы антропологии и исторической этнографии. М.
- Алексеев В. П. 1969. Происхождение народов Восточной Европы. М.
- Алексеев В. П. 1971. Лесные ненцы: (Соматологические таблицы).— ВА, вып. 39.
- Алексеев В. П. 1973. К происхождению таштышского населения Южной Сибири.— В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М.
- Алексеев В. П. 1974а. Антропологическая характеристика скульптурного портрета Шестаковского могильника.— СА, № 4.
- Алексеев В. П. 1974б. География человеческих рас. М.
- Алексеев Е. А. 1967. Кеты: Истори-ко-этнографические очерки. Л.
- Алексеев Е. А. 1969. Оленеводство у кетов.— В кн.: Кетский сборник: Мифология, этнография, тексты. М.
- Алексеев Е. А. 1970. Социальная организация кетов: Общественный строй у народов Северной Сибири. М.
- Алексеев Е. А. 1973а. К вопросу о доенисейском компоненте в составе кетов.— ПАС.
- Алексеев Е. А. 1973б. Южносибирские элементы в культуре кетов.— В кн.: IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М.
- Алексеев Е. А. 1975. К вопросу о так называемых кетах-югах.— В кн.: Этногенез и этническая история народов Севера. М.
- Алексеев Е. А. 1976. Некоторые вопросы этногенеза и этнической истории кетов. Томск.
- 249
- разии: 1. Саянский очаг происхождения оленеводства.— СЭ, № 6.
- Вайнштейн С. И. 1970б. Социальная организация саянских оленеводов-охотников.— В кн.: Общественный строй у народов Северной Сибири. М.
- Вайнштейн С. И. 1971. Проблема происхождения оленеводства в Евразии: II. Роль саянского очага в распространении оленеводства в Евразии.— СЭ, № 5.
- Вайнштейн С. И. 1972. Историческая этнография тувинцев: Проблемы кочевого хозяйства. М.
- Вайнштейн С. И. 1974а. История народного искусства Тувы. М.
- Вайнштейн С. И. 1974б. Этнический состав древнего населения Саян.— В кн.: Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск.
- Вайнштейн С. И. 1979. К реконструкции хозяйственно-культурных типов у южносамодийских народов Саян в XVII—XVIII вв.—В кн.: Проблемы типологии в этнографии. М.
- Вайнштейн С. И., Дьяконова В. П. 1966. Памятники в могильнике Ко-кэль конца I тысячелетия до н. э.— первых веков нашей эры.— Труды /Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция 1959—1960 гг. М.; Л.
- Вайнштейн С. И., Крюков М. В. 1966. Об облике древних тюрков.— В кн.: Тюркологический сборник. М.; Л.
- Балл М. Н., Вернер Г. К. 1973. Об истоках падежной системы в енисейских языках.— ПАС.
- Василевич Г. М. 1936. Материалы по эвенкийскому фольклору. Л.
- Василевич Г. М. 1946. Материалы языка к проблеме этногенеза тунгусов,— СИЭ, вып. I.
- Василевич Г. М. 1947а. Древние языковые связи современных народов Азии и Европы.— ТИЭ, т. 2.
- Василевич Г. М. 1947б. Фольклорные материалы и племенной состав эвенков (тунгусов): Рукопись.— Архив ИЭ АН СССР, кол. 11, оп. 1, д. 156.
- Василевич Г. М. 1949а. Эвенкийская экспедиция: Предварительный отчет.— КСИЭ, вып. V.
- Василевич Г. М. 1949б. К вопросу о палеоазиатах Сибири.— КСИЭ, вып. VIII.
- Василевич Г. М. 1960. К вопросу о классификации тунгусо-маньчжурских языков.— ВЯ, № 2.
- Василевич Г. М. 1963. Типы обуви народов Сибири.— В кн.: Сборник МАЭ. М.; Л., вып. XXI.
- Василевич Г. М. 1966. Исторический фольклор эвенков. М.; Л.
- Василевич Г. М. 1969а. Значение; дневников Мессершмидта для тунгусоведения.— Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. Сер. обществ. наук, № 6, вып. 2.
- Василевич Г. М. 1969б. Эвенки: Истори-ко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.), Л.
- Василевич Г. М. 1972а. Заселение тунгусами тайги и лесотундры между Леной и Енисеем.— В кн.: Вопросы языка и фольклора народностей Севера. Якутск.
- Василевич Г. М. 1972б. Отражение межродовых войн в фольклоре эвенков.— В кн.: Вопросы языка и фольклора народностей Севера. Якутск.
- Василевич Г. М., Левин М. Г. 1951. Типы оленеводства и их происхождение.—СЭ, № 1.
- Васильев В. А. 1929. Основные черты этнографии сибирских народов.— Этнография, № 1.
- Васильев В. И. 1962а. Проблема происхождения орудий заповольного рыболовства обских угров.— В кн.: Сибирский этнографический сборник. М., т. IV.
- Васильев В. И. 1962б. Система оленеводства лесных энцев и ее происхождение.—КСИЭ, вып. XXXVII.
- Васильев В. И. 1963. Лесные энцы.— В кн.: Сибирский этнографический сборник. М., т. V.
- Васильев В. И. 1967. Рец. на кн.: Хо-мич Л. В. Ненцы. М.; Л., 1966.— СЭ, № 5.
- Васильев В. И. 1968. Самодийское население низовьев Енисея: (Очерки по этнической истории, современному хозяйству и быту): Автореф. канд. дис. М.
- Васильев В. И. 1970а. Сиритя — легенда или реальность? — СЭ, № 1.

Васильев В. И. 1970б. Социальная организация азиатских ненцев, энцев и нганасан.— В кн.: Общественный строй у народов Северной Сибири. М.

Васильев В. И. 1973. О генетической природе этнических компонентов лесных ненцев.— СЭ, № 4.

252

Васильев В. И. 1974а. К проблеме этногенеза североамериканских народов.— В кн.: Социальная организация и культура народов Севера. М.

Васильев В. И. 1974б. Ляпинские ненцы.— В кн.: Новое в этнографических исследованиях: Итоги полевых работ ИЭ в 1972 г. М. Ч. II.

Васильев В. И. 1979. Проблемы формирования северосамодийских народностей. М.

Васильев В. Л. 1857а. Описание Маньчжурии.— Зап. Санкт-Петербург, теогр. о-ва, XII.

Васильев В. П. 1857б. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII в.: С приложением перевода китайских известий о киданях, чжурчжэнях и монго-ло-татарах. СПб.

Васильев В. П. 1859. Сведения о маньчжурах во времена династий Юань и Мин: Отд. отт. из «Годичных актов Санкт-Петербургского ун-та».

Васильев В. 77. 1897. Записи о Нин-гутах.— Зап. РГО, кн. XII.

Васильевский Р. С. 1971. Происхождение и древняя культура коряков. Новосибирск.

Васильевский Р. С. 1973. Древние культуры Тихоокеанского севера. Новосибирск.

Васильевский Р. С. 1974. Древние культуры Тихоокеанского севера: (Истоки, адаптация и эволюция приморских культур). Новосибирск.

Вдовин И. С. 1950. К истории общественного строя чукчей.— Учен. зап. ЛГУ, № 113.

Вдовин И. С. 1954. История изучения палеоазиатских языков. М.; Л.

Вдовин И. С. 1961. Эскимосские элементы в культуре чукчей и коряков.— В кн.: Сибирский сборник. М.; Л., вып. III.

Вдовин И. С. 1970. К проблеме этногенеза ительменов.— СЭ, № 3.

Вдовин И. С. 1973. Очерки этнической истории коряков. Л.

Ведомость, учиненная о нравах живущих в Охотском уезде народов. Октября 28 дня 1770 года.— В кн.: Российский магазин. СПб., 1972, ч. 1.

Вениамин, архимандрит. 1855. Самоеды мезенские.— Вести. РГО. СПб., кн. III.

Вербов Г. Д. 1936. Лесные ненцы.— СЭ, № 2.

Вербов Г. Д. 1939. Пережитки родового строя у ненцев.— СЭ, № 2.

Вербов Г. Д. 1973. Диалект лесных ненцев.— В кн.: Самодийский сборник.— Новосибирск.

Вернер Г. К. 1969а. К вопросу о древних енисейско-индоевропейских лексических отношениях.— В кн.: Вопросы филологии. Омск.

Вернер Г. К. 1969б. К типологической характеристике енисейской слоговой акцентизации.— ПАС.

Вернер Г. К. 1972. Происхождение

§арингализации в тувинском и то-аларском языках. С. Т. Вернер Г. К. 1973. К вопросу об этнической привязке енисейцев к древним культурам Южной Сибири.— В кн.: Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.

Вернер Г. К. 1976. К этимологии числительного «один» в енисейских языках.— ПАС.

Вернер Г. К., Вернер И. Г. 1976. Об аффиксальной деривации у енисейских существительных.— ПАС.

Вернер И. Г. 1973. О некоторых енисейско-дравидийских типологических параллелях.— ПАС.

Викторова В. Д. 1968. Памятники лесного Зауралья в X—XIII вв. н. э.— Учен. зап. Перм. ун-та, вып. 191.

Викторова В. Д., Генинг В. Ф., Стоянов В. Е. 1964. Археологические экспедиции Уральского университета.— В кн.: Археология и этнография Башкирии. Уфа. Т. II.

Воблов И. К. 1952. Эскимосские праздники.— В кн.: Сибирский этнографический сборник. М.; Л. Вып. IV.

Воробьев М. В. 1953. Каменный век стран Японского моря: Автореф. канд. дис.

Воробьев М. В. 1965. Хозяйство и быт чжурчжэней до образования династии Цзинь.— Геогр. о-во СССР: Докл. по этногр., вып. 1/4.

Воробьев М. В. 1968. Словарный состав чжурчжэньского языка как этнографический источник.— Докл. Геогр. о-ва СССР, вып. 5.

Воробьев М. В. 1975. Чжурчжэни и государство Цзинь (X в.—1234 г.). Исторический очерк. М.

253

Воробьева И. А. 1969. Гидронимы аборигенов Западной Сибири в русских исторических документах.— ПАС.

Воскобойников М. Г. 1965. Эвенкийские народные предания — улгу-рил.— В кн.: Языки и фольклор народов Крайнего Севера. Л.

Врангель Ф. П. 1948. Путешествие к северным берегам Сибири и по Ледовитому морю. 1820—1824. М.

Геденитром М. М. 1829. Описание берегов Ледовитого моря от устья Яны до Баранова камня.— В кн.: Сибирский вестник. СПб. Ч. 2.

Генинг В. Ф. 1959. Очерк этнических культур в эпоху железа Прикамья.— Труды / Казанский филиал АН СССР. Сер. гуманитар, наук, т. 2.

Генинг В. Ф. 1970. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху.— В кн.: Вопросы археологии Урала. Свердловск; Ижевск. Вып. 10.

Генинг В. Ф. 1971. Этнический субстрат в составе башкир и его происхождение.— В кн.: Археология и этнография Башкирии. Уфа. Т. IV.

Генинг В. Ф. Южное Приуралье в III—VII вв. н. э.: (Проблема этно-ма и его происхождения).— В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М.

Генинг В. Ф., Корякова Л. Н., Овчинникова В. В., Федорова Н. В. 1970. Памятники железного века в Омском Прииртышье.— В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск.

- Георги И. Г.* 1776—1777. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. СПб. Ч. I.
- Георги И. Г.* 1799. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. СПб. Ч. III.
- Гецадзе И. О.* 1974. К типологии падежных систем.— В кн.: Склонение в палеоазиатских и самодийских языках. Л.
- Гинзбург В. В.* 1963. Материалы к антропологии древнего населения Северного Казахстана.— В кн.: Сборник МАЭ, вып. XXVII.
- Гладкова Т. Д., Левин М. Г.* 1960. Дерматоглифика чукчей.— ВА, вып. 3.
- Голдина Р. Ц.* 1968. К вопросу о своеобразии неволинских памятников бассейна р. Сылвы.— Учен. зап. Перм. ун-та, № 191.
- Горский В.* 1852. Начало и первые дела Маньчжурского дома.— В кн.: Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. СПб. Т. 1.
- Гохман И. И.* 1961. Древний череп с Чукотки.— Зап. Чукот. краевед. музея, вып. 2 (Магадан).
- Гохман И. И.* 1963. Материалы к антропологии елогуйских кетов.— КСИЭ, вып. XXXVIII.
- Гохман И. И., Лукьянченко Т. В., Хартанович В. И.* 1978. О погребальном обряде и краниологии лопарей.— В кн.: Полевые исследования ИЭ, 1976. М.
- Гребенников А. В.* 1932. Маньчжурия (рукопись). Владивосток. Архив Ин-та востоковед. АН СССР, ф. 75, он. 1, д. 6.
- Гришина Н. М.* 1975. Выражение подчиненной связи показателями локальных падежей в составе глагольных форм кетского языка.— В кн.: Языки и топонимия Сибири. Томск. Т. VII.
- Громов В. И.* 1950. Геологический возраст палеолита на территории СССР.— В кн.: Материалы по четвертичному периоду СССР. М.; Л., Вып. 2.
- Грумм-Гржимайло Г. Е.* 1926. Западная Монголия и Урянхайский край, Л., т. II, вып. 1.
- Грязное М. П.* 1951. Археологическое исследование территории одного древнего поселка.— КСИИМК, вып. X.
- Грязное М. П.* 1952. Некоторые итоги трехлетних археологических работ на Верхней Оби.— КСИИМК, вып. XVIII.
- Грязное М. П.* 1956. История древних племен Верхней Оби.— МИА, вып. 48.
- Гумилев Л. Н.* 1959. Удельно-лест-вичная система у тюрок в VI— VIII вв.: (К вопросу о ранних формах государственности).— СЭ, № 3.
- Гумилев Л. Н.* 1960. Хунну. М.

254

- Гумилев Л. Н.* 1967. Древние тюрки. М.
- Гурвич И. С.* 1962. Корякские промысловые праздники.— В кн.: Сибирский этнографический сборник. М.; Л. Вып. IV.
- Гурвич И. С.* 1966. Этническая история северо-востока Сибири. М.
- Гурвич И. С.* 1967. Чукчи перед приходом русских: Макет «Истории Сибири». Новосибирск. Т. 1.
- Гурвич И. С.* 1972. Первая монография XVIII в. о народах Восточной Сибири.— ТИЭ. Нов. сер., т. 95.
- Гурвич И. С.* 1973. К вопросу об этнической принадлежности древнего населения между Енисеем и Леной.— В кн.: Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.
- Гурвич И. С.* 1975. Юкагирская проблема в свете этнографических данных.— В кн.: Юкагиры: (Историко-этнографический очерк). Новосибирск.
- Гурвич И. С., Кузаков К. Г.* 1960. Корякский национальный округ. М.
- Гурина Н. Н.* 1950. Некоторые данные о заселении южного побережья Кольского полуострова.— СА, № 2.
- Гурина Н. Н.* 1951а. Неолитические поселения северного побережья Кольского полуострова.— МИА, вып. 20.
- Гурина Н. Н.* 1951б. Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера.— МИА, вып. 20.
- Гурина Н. Н.* 1953. Памятники эпохи раннего металла на северном побережье Кольского полуострова.— МИА, вып. 39.
- Гурина Н. Н.* 1961. Древняя история северо-запада Европейской части СССР. М.; Л.
- Гурина Н. Н., Хлобыстин Л. П.* 1972а. Исследования Института археологии в Арктике: Краткие тезисы докладов к симпозиуму. Обмен и торговля в древних обществах. Л.
- Гурина Н. Н., Хлобыстин Л. П.* 1972б. Заселение Арктики: Тезисы докладов экспедиционной сессии Ин-та археологии. М.
- Гуя Я.* 1974. Прародина финно-угров и разделение финно-угорской этнической общности.— В кн.: Основы финно-угорского языкознания. М.
- Гюк Г.* 1866. Путешествие через Монголию в Тибет к столице Тале-Ламы. М.
- Давыдова Г. М.* 1975. Антропологические особенности некоторых финно-угорских народов и вопросы их этногенеза.— СЭ, № 6.
- Давыдова Г. М.* 1976. Антропологическое исследование северных манси и некоторые вопросы их расо-и этногенеза: Автореф. канд. дис. М.
- Дадеишкелани К. Н.* 1888. Часть Амурской области между рр. Бу-реей и Амгуниью, исследованная в 1887 г.— В кн.: Сборник географических, топографических материалов по Азии. СПб. Вып. 32.
- Дебец Г. Ф.* 1930. Антропологический состав Прибайкалья в эпоху позднего неолита.— Рус. антропол. журн., т.

19, № 1/2.

- Дебец Г. Ф. 1947. Селькупы: (Антропологический очерк).— ТИЭ. Нов. сер., т. 2.
- Дебец Г. Ф. 1948. Палеоантропология СССР. М.; Л.
- Дебец Г. Ф. 1951. Антропологические исследования в Камчатской обл. М.
- Дебец Г. Ф. 1956. Древний череп из Якутии.— КСИЭ, вып. XXV.
- Дебец Г. Ф. 1959. Происхождение коренного населения Америки.— В кн.: Народы Америки. М. Т. 1.
- Дебец Г. Ф. 1961. О путях заселения северной полосы Русской равнины и Восточной Прибалтики.— СЭ, № 6.
- Дебец Г. Ф., Левин М. Г., Трофимова Т. А. 1952. Антропологические материалы как источник изучения вопросов этногенеза.— СЭ, № 1.
- Демьяненко З. П. 1973а. Лексический материал как источник по истории долган и якутов.— В кн.: Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.
- Демьяненко З. П. 1973б. Тюркско-кетские словарные общности и их отражение в долганском языке.— ПАС.
- Деникер И. Е. 1902. Человеческие расы. СПб.
- Депредадович Р. 1877. Этнографические очерки Южного Сахалина.— В кн.: Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных странах. СПб., т. 2, вып. 1.
- Деревянко А. П. 1971. Приамурье в древности: Автореф. докт. дис. Новосибирск.

255

- Деревянко А. П. 1973. Ранний железный век Приамурья. Новосибирск.
- Деревянко Е. И. 1975. Мохэские племена Среднего Амура. Новосибирск.
- Диков Н. Н. 1958. Древнейшее прошлое Чукотки и задачи его изучения.— Зап. Чукот. краевед. музея, вып. 1 (Магадан).
- Диков Н. Н. 1960. По следам древних костров: Археологи идут по Чукотке. Магадан.
- Диков Н. Н. 1961а. Первая археологическая коллекция с континентальной Чукотки.— Зап. Чукот. краевед. музея, вып. 2 (Магадан).
- Диков Н. Н. 1961б. О раскопках Усть-Бельского могильника.— Зап. Чукот. краевед. музея, вып. 2 (Магадан).
- Диков Н. Н. 1963. Первые археологические исследования на о-ве Айон.— Зап. Чукот. краевед. музея, вып. 2 (Магадан).
- Диков Н. Н. 1964а. Каменный век Камчатки и Чукотки в свете новейших археологических данных.— Труды / Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский ин-т СО АН СССР, вып. 8 (Магадан).
- Диков Н. Н. 1964б. Новые данные по археологии северо-востока Сибири. М.
- Диков Н. Н. 1967а. Открытие палеолита на Камчатке и проблема первоначального заселения Америки.— В кн.: История и культура народов Севера и Дальнего Востока. М.
- Диков Н. Н. 1967б. Археологическое изучение северо-востока в советское время.— В кн.: Проблемы науки на Северо-Востоке СССР. Магадан.
- Диков Н. Н. 1968. Открытие петроглифов на Чукотке.— АО, 1967. М.
- Диков Н. Н. 1969. Древние костры Камчатки и Чукотки. Магадан.
- Диков Н. Н. 1971. Древние культуры Камчатки и Чукотки. Новосибирск.
- Диков Н. Н. 1972. Новые данные к истории эскимосской культуры.— Краевед, зап., вып. IX (Магадан).
- Дионео. 1895. На крайнем северо-востоке. СПб.
- Дитмар К. 1901. Поездки и пребывание в Камчатке в 1851—1855 гг. СПб., т. 1, ч. 1.
- Добролюбовский М. М. 1875. Айно-русский словарь. Казань.
- Долгих В. О. 1934. Кеты. Иркутск.
- Долгих В.-О. 1952а. Некоторые данные о заключении брака и свадебном обряде у кетов в прошлом.— КСИЭ, вып. XVI.
- Долгих В. О. 1952б. Происхождение нганасанов.— В кн.: Сибирский этнографический сборник. М.; Л. Т. 1.
- Долгих В. О. 1952в. Старинные землянки кетов на р. Подкаменная Тунгуска.— СЭ, № 2.
- Долгих В. О. 1953. Некоторые данные к истории бурятского народа.— СЭ, № 1.
- Долгих В. О. 1955а. Этнический состав и расселение народов Амура к XVII в. по русским источникам.— В кн.: Сборник статей по истории Дальнего Востока. М.
- Долгих В. О. 1955б. Этнографический состав населения Якутского уезда в XVII в.— КСИЭ, вып. XXIV.
- Долгих В. О. 1957. Тамги нганасан и энцев.— КСИЭ, вып. XXVII.
- Долгих В. О. 1960а. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.; Л.
- Долгих В. О. 1960б. Родоплеменной состав, расселение и численность народов Сибири в XVII в. М.
- Долгих В. О. 1961а. Мифологические сказки и исторические предания энцев: Записи, введение и комментарии.— ТИЭ. Нов. сер., т. 66.
- Долгих В. О. 1961б. О похоронном обряде кетов. СА, № 3.
- Долгих В. О. 1962а. Бытовые рассказы энцев: Записи, введение и комментарии.— ТИЭ. Нов. сер., т. 75.
- Долгих В. О. 1962б. Родовая экзогамия нганасан и энцев.— В кн.: Сибирский этнографический сборник. М. Т. IV.
- Долгих В. О. 1964а. Род, фратрия, племя у народов Северной Сибири.— Докл. на VII МКАЭН. Отд. отд.
- Долгих В. О. 1964б. Проблемы этнографии и антропологии Арктики.— СЭ, № 4.
- Долгих В. О. 1970. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М.
- Долгих Т. В. 1971. Традиционное жилище лесных ненцев бассейна р. Пур.- СЭ, № 4.
- Долгопольский А. Б. 1964. Гипотеза древнейшего родства языковых се-

256

- мей Северной Евразии с вероятностной точки зрения.— ВЯ, № 2.
- Дополнения к Актам историческим. СПб. Т. II, 1846; Т. III, 1848; Т. V, 1853; Т. VI, 1857; Т. VII, 1859; Т. X, 1867.

Дорожные заметки на пути от Пекина до Благовещенска через Монголию в 1870 г. архимандрита Палладия. 1872. СПб.

Древнетюркский словарь. 1969. Л.

Дрема В. А. 1967. Этническая связь племен Среднего Приобья.— Изв. Лаб. археол. исслед. Кемерово, вып. 1.

Дрема В. А. 1973. Краниология обских угров.— В кн.: Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.

Дульзон А. П. 1958. Томский неолитический могильник.— Учен. зап. Томск, пед. ин-та, т. XVII.

Дульзон А. П. 1959а. Кетские топонимы в Западной Сибири.— Учен. зап. Томск, пед. ин-та, т. XVIII.

Дульзон А. П. 1959б. Топонимика Западной Сибири как один из источников ее древней истории.— В кн.: Некоторые вопросы древней истории Западной Сибири. Томск.

Дульзон А. П. 1960. Этнический состав древнего населения Западной Сибири по данным топонимики: Доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов. Отд. отт.

Дульзон А. П. 1961а. Дорусское население Западной Сибири.— В кн.: Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.

Дульзон А. П. 1961б. Словарные материалы XVIII в. по кетским наречиям.— Учен. зап. Томск, пед. ин-та, т. XIX.

Дульзон А. П. 1962а. Былое расселение кетов по данным топонимики.— В кн.: Географические названия: Вопросы географии. М., кн. 58.

Дульзон А. П. 1962б. Кетские наречия первой половины XVIII в.— Труды / Томский краевед, музей, т. 6, вып. П.

Дульзон А. П. 1963. Этнический состав древнего населения Западной Сибири по данным топонимики.— Труды / XXV Междунар. конгр. востоковедов. М. Т. III.

Дульзон А. П. 1964. Древние топонимы Южной Сибири индоевропейского происхождения.— В кн.: Топонимы Востока: Новые исследования. М.

Дульзон А. П. 1966а. О древней цент-ральнoазиатской языковой общности.— В кн.: Материалы Всесоюзной конференции по общему языкознанию: Основные проблемы языка. Самарканд. Ч. 1.

Дульзон А. П. 1966б. О методологии историко-сопоставительного изучения неродственных языков.— В кн.: Вопросы языкознания и сибирская диалектология. Томск. Кн. 1.

Дульзон А. П. 1966в. О связях енисейских языков с тюркскими.— В кн.: Тюркологическая конференция: Тезисы докладов. Баку.

Дульзон А. П. 1968а. Гунны и кеты: (к вопросу об этногенезе по языковым данным).— Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. № 11, вып. 3.

Дульзон А. П. 1968б. Кетский язык. Томск.

Дульзон А. П. 1969а. Гипотеза об отдаленном родстве урало-алтайских языков с индоевропейскими.— ПАС.

Дульзон А. П. 1969б. О древних связях енисейских народов с чукотско-камчатскими по данным языка.— В кн.: Этногенез народов Северной Азии. Новосибирск.

Дульзон А. П. 1969в. Опыт этнической привязки топонимов субстратного происхождения.— В кн.: Вопросы лингвистики. Томск. Вып. 2.

Дульзон А. П. 1970а. Общность падежных окончаний в самодийских и енисейских языках.— В кн.: III Междунар. конгр. финно-угроведов. Таллин.

Дульзон А. П. 1970б. Строение кет-ского глагола.— ВЯ, № 5.

Дульзон А. П. 1971. Кетско-тюркские параллели в области склонения.— В кн.: Советская тюркология. М. Т. 1.

Дульзон А. П. 1972. Сказки народов Сибирского Севера. Томск.

Дульзон А. П. 1974. Кетско-тюркские параллели в области склонения.— В кн.: Склонение в палеоазиатских и самодийских языках. Л.

Дульзон А. П. 1975. Пратюркское окончание ганитива.— В кн.: Языки и топонимика Сибири. Томск, т. VII.

257

Кляшторный С. Г. 1973. Рунические надписи Саянского каньона Енисей.— Учен. зап. ТНИИЯЛИ, вып. XVI (Кызыл).

Коваленко В. Ю. 1977. Соматологи-ческая характеристика сахалинских нивхов.— ВА, вып. 55.

Козин С. А. 1941. Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. под названием Юань Чао би ши.— В кн.: Монгольский обыденный избороик. М.; Л. Т. 1.

Казьмин Н. 1918. Туба.— Сибирские записки, № 4.

Козырева Р. В. 1967. Древний Сахалин. Л.

Колесникова В. Д. 1972. К характеристике частей тела в тунгусо-маньчжурских языках: Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л.

Колычева Е. И. 1956. Ненцы Европейской России в конце XVII — начале XVIII в.— СЭ, № 2.

Константинов И. В. 1970. Неолитические стоянки на Оленеке.— В кн.: По следам древних культур Якутии. Якутск.

Кормазов В. А. 1928. Барга: Экономический очерк. Харбин.

Косарев М. Ф. 1964а. Бронзовый век лесного Обь-Иртышья.— СА, № 3.

Косарев М. Ф. 1964б. О некоторых обских орнаментах.— СИА. вып. 101.

Косарев М. Ф. 1966. Некоторые проблемы древней истории Обь-Иртышья.— СА, № 2.

Косарев М. Ф. 1969. Некоторые вопросы этнической истории Обь-Иртышья по археологическим материалам.— В кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск.

Косарев М. Ф. 1973а. К вопросу о возможностях этнической интерпретации древних западносибирских культур.— В кн.: Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.

Косарев М. Ф. 1973б. Этнокультурные ареалы Западной Сибири в бронзовом веке.— В кн.: Из истории Сибири. Томск.

Косарев М. Ф. 1974а. Древние культуры Томско-Нарымского При-обья. М.

Косарев М. Ф. 1974б. К проблеме западносибирской культурной общности.— СА, № 3.

Костяков М. М. 1976. Некоторые осо-

- бенности пумпокольского и его место среди енисейских языков.— ПАС.
- Котвич Ел. Материалы к изучению алтайских языков / Пер. с фр. Рукопись. Архив ИЭ АИ, ф. К-П, д. 158.
- Краткие замечания о ламутах, тунгусах и юкагирах.— В кн.: Сибирский вестник. СПб., 1823. Ч. III.
- Крашенинников С. П. 1948. Описание земли Камчатки. М.; Л.
- Крейнович Е. А. 1932. Гилякские числительные. Л.
- Крейнович Е. А. 1934. Промысел белухи у гиляков д. Пуер.— СЭ, №5.
- Крейнович Е. А. 1948. Юкагирский язык. Канд. дис. М.
- Крейнович Е. А. 1955. Гиляцко-тун-гусо-маньчжурские параллели.— Докл. и сообщ. Ин-та языкознания. Л. Вып. VIII.
- Крейнович Е. А. 1958. Юкагирский язык. М.; Л.
- Крейнович Е. А. 1973. Нивху. Л.
- Кривошапкин М. Ф. 1865. Енисейский округ и его жизнь. СПб.
- Кривошекова-Гантман А. С. 1973. К вопросу о западносибирском компоненте в топонимике Прикамья.— В кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск.
- Кривцова-Гракова С. А. 1948. Алек-сеевское поселение и могильник.— Труды / ГИМ, т. XVI. М.
- Криштофович А. Исследования нивхских топонимов северо-западной части Сахалинского побережья.— Архив ВГО, ф. 1190, оп. 1, д. 11.
- Ксенофонов Г. В. 1937. Уангхай-Са-лахар: Очерки по древней истории якутов. Иркутск.
- Кулемзин А. М. 1973. Этнокультурная принадлежность некоторых новых археологических памятников Кемеровской обл.— В кн.: Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.
- Кулемзин В. М. 1976. Шаманство ва-сюганско-ваховских хантов (конец XIX — начало XX в.).— В кн.: Из истории шаманства. Томск.
- Курьянова З. Н. 1973. Собрание и изучение фольклора кетов в советское время.— В кн.: Язык и фольклор народов Крайнего Севера. Л.
- Кызласов Л. Р. 1959. К вопросу об этногенезе хакасов.— Учен. зап. Хакас. НИИЯЛИ, вып. VII (Абакан).

260

- Кызласов Л. Р. 1960. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М.
- Кычанов Е. И. 1963. Сведения в «Юаньши» о переселении киргизов в XIII в.— Изв. АН КиргизССР. Сер. обществ. наук, т. V, вып. 1 (Фрунзе).
- Кычанов Е. И. 1966. Чжурчжэнь в XI в.: (Материалы для этнографического исследования).— В кн.: Сибирский археологический сборник. Новосибирск.
- Кюннер Н. В. 1949. Китайские исторические данные о народах Севера.— Учен. зап. ЛГУ. Сер. востоковед, наук, вып. 1.
- Кюннер Н. В. 1961. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.
- Ламартиныер П.-М. 1912. Путешествие в северные страны.— Зап. Моск. археол. ин-та, т. XV. Ларичев В. Е. 1961а. Бронзовый век Северо-Восточного Китая: (По материалам раскопок китайских и японских археологов).— СЭ, № 1. Ларичев В. Е. 1961б. Неолитические поселения в низовьях Уссури.— В кн.: Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск. Ларичев В. Е. 1969. Новые открытия в области нижнего палеолита Восточной Азии, проблема его локальности и вопрос о первоначальном заселении человеком севера Азии.— В кн.: Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии». Новосибирск. Ларькин В. Г. 1957. Некоторые данные о родовом составе удэгейцев.— КСИЭ, вып. XXVII. Ларькин В. Г. 1964. Орочи. М. Латкин В. 1853. Дневник путешествия на Печору. СПб. Ч. I. Лацук Л. П. 1958. Очерк этнической истории Печорского края. Сыктывкар.
- Лацук Л. П. 1972. Формирование народности коми. М.
- Лебедева Е. П. 1958. К вопросу о родовом составе монголов.— В кн.: Филология и история монгольских народов. М.
- Лев Д. Н. 1935. Новые археологические памятники на Камчатке.— СЭ, № 4/5. Левин М. Г. 1959. Новые материалы по группам крови у эскимосов и ламутов.— СЭ, № 3. Левашова В. П. 1950. О городищах сибирского юрта.— В кн.: СА. М. Вып. XIII.
- Левин М. Г. 1949. Антропологический тип корейцев.— КСИЭ, вып. VIII. Левин М. Г. 1950. Антропологические типы Сибири и Дальнего Востока: (К проблеме этногенеза народов Северной Азии).— СЭ, № 2. Левин М. Г. 1951. Древние переселения человека в Северной Азии по данным антропологии.— ТИЭ. Нов. сер., т. 16.
- Левин М. Г. 1954. К антропологии Южной Сибири.— КСИЭ, вып. XX. Левин М. Г. 1956. Антропологический материал из Верхо-Ленского могильника.— В кн.: Антропологический сборник. М. Вып. 1. Левин М. Г. 1958. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М. Левин М. Г. 1960. К проблеме этногенеза тунгусов: Доклад на Международном конгрессе востоковедов. Отд. отд.
- Левин М. Г. 1963. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М. Левин М. Г., Сергеев Д. А. 1960. К вопросу о времени проникновения железа в Арктику.— СЭ, № 3. Лепехин И. 1805. Дневные записки путешествия доктора Лепехина. СПб. Ч. IV.
- Линденау Я. Описание пеших тунгусов, или так называемых ламутов, в районе Охотска (Пер. с нем. Рукопись). ЯФАН, ф. 5, оп. 1, д. 5. Липская Н. А. 1940. Краткий предварительный отчет о командировке к нанаям (гольдам).— В кн.: Этнография. М. Т. III. Липская Н. А. 1956. Нанайцы.— В кн.: Народы Сибири. М.; Л. Литвинцев В. П. 1926. Промысловое население Амгуньского района.— Экономическая жизнь Дальнего Востока, № 6/7 (Хабаровск). Лукина Н. В. 1966. Средства передвижения нарымских селькупов.— Учен. зап. Томск, ун-та, № 60. Лукина Н. В. 1972а. Материальная культура васюганско-ваховских хантов в конце XIX — начале XX в.: Автореф. канд. дис. Л. Лукина Н. В. 1972б. Некоторые итоги этнографического изучения ва-

261

- сюганско-ваховских хантов.— В кн.: Материалы зонального совещания археологов и этнографов: (Тезисы докладов). Томск.
- Лукина Н. В. 1972в. Об этнических связях васюганско-ваховских хантов.— В кн.: Материалы по этнографии

Сибири. Томск.

Лукина Н. В. 1973. Оленеводство ва-ховских хантов.— В кн.: Из истории Сибири. Томск. Вып. 5.

Лукияненко Т. В. 1971. Материальная культура саамов (лопарей) Кольского полуострова конца XIX—XX в. М.

Любарских П. 1792. Краткое известие о пермских, чердынских во-гуличах.— В кн.: Российский магазин. СПб. Кн. 1.

Ляпунова Р. Г. 1970. Материальная культура алеутов: (К проблеме этногенеза). Л.

Маак Р. 1883. Вилюйский округ Якутской области. СПб. Т. 1.

Майков И. И. 1898. Некоторые данные о тунгусах Якутской области. Иркутск.

Майнов И. И. 1927. Население Якутии.— В кн.: Якутия. Л.

Малое С. Е. 1951. Памятники древне-тюркской письменности. М.; Л.

Марк К. Ю. 1956. Вопросы этнической истории эстонского народа в свете палеоантропологии. Таллин.

Мартынов А. И. 1976. О роли Тагар-ской культуры в истории народов Сибири. Происхождение аборигенов Сибири. Томск.

Мартынова Г. С. 1969. Древнейшие археологические данные о много-ульных жилищах сибирских народов.— ПАС.

Мартынова Г. С., Мартынов А. И. 1969. Таштыкская культура в свете генезиса народов Западной Сибири.— В кн.: Материалы конференций «Этногенез народов Северной Азии». Новосибирск.

Матвеев А. К. 1964а. О древнем расселении самодийцев по данным топонимики. В кн.: Топонимика Востока. М.

Матвеев А. К. 1964б. Субстратная топонимика Русского Севера,— ВЯ, № 2.

Матвеев А. К. 1961. Древнеуральская топонимика и ее происхождение.— В кн.: Вопросы археологии Урала. Свердловск. Вып. 1.

/

Матвеев А. К. 1968. О древнейших местах расселения угорских/народов (по данным языка).— Учен. зап. Томск, ун-та, вып. 191. Материалы Комиссии по изучению Якутской автономной социалистической республики. 1929. Л. Вып. X. Материалы по дешифровке кидань-

ского письма. 1970. М. Кн. II. Материалы по истории Карелии

XII—XVI вв. 1941. Петрозаводск. Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. 1936. Л. Медведев В.

Е. 1977. Культура амурских чжурчжэней. Новосибирск. Мелетинский Е. М. 1963. Происхождение героического

эпоса: (Ранние формы и архаические памятники). М. Мелихов В. В. 1974. Маньчжуры на

Северо-Востоке (XVII в.). М. Мельхеев М. Н. 1969. Топонимика Бурятии. Улан-Удэ.

Меновицков Г. А. 1962. Грамматика языка азиатских эскимосов. М.; Л. Ч. 1. Меновицков Г. А. 1964. Язык сире-

никских эскимосов. М.; Л. Меновицков Г. А. 1972. Местные названия на карте Чукотки. Магадан.

Меновицков Г. А. 1973. Эскимосско-алеутская языковая общность и ее отношение к другим языкам.— В кн.:

Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск. Меновицков Г. А. 1974. Эскимосско-алеутские языки и

их отношение к другим языковым семьям.— ВЯ, № 1.

Мещанинов И. И. ~1948. Палеоазиатские языки.— Изв. АН СССР, Отд-ние. лит. и яз., т. VII, вып. 6. Миддендорф

А. Ф. 1878. Путешествие на Север и Восток Сибири. СПб. Ч. 1. Миллер Г. Ф. 1937. История Сибири.

М.; Л. Т. I. Миллер Г. Ф. 1941. История Сибири.

М.; Л. Т. II. Минаев И. П. 1912. Путешествие

Марко Поло. СПб.

Могильников В. А. 1964. Население южной части лесной полосы Западной Сибири в конце I — начале II

тысячелетия н. э.: Автореф. канд. дис. М.

262

\

газации Среднего Прииртышья и БКрабы.— СА, № 1. Могильников В. А. 1967. Исследования в лесостепном

Прииртышье.— АО №66. Могильников В. А. 1968а. Культура племен лесного Прииртышья IX— начала XIII в. н. э.— Учен. зап. Перм. ун-та,

вып. 191. Могильников В. А. 1968б. Лесные племена Прииртышья и Нижнего Приобья в I — начале II тысячелетия

н. э.— В кн.: История Сибири. Л. Т. 1.

Могильников В. А. 1969а. К вопросу о самоедской принадлежности культур эпохи железа Среднего Приобья.— В

кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск.

Могильников В. А. 1969б. Периодизация культур эпохи железа Среднего Прииртышья.— В кн.: Материалы

конференции «Этногенез народов Северной Азии». Новосибирск.

Могильников В. А. 1970. К вопросу об этнокультурных ареалах Среднего Прииртышья и Приобья эпохи раннего

железа.— В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной

Сибири. Томск.

Могильников В. А. 1971. К вопросу о связях населения Башкирии и Зауралья в конце I тысячелетия до н. э.— I

тысячелетия н. э.— В кн.: Археология и "этнография Башкирии. Уфа. Т. IV.

Могильников В. А. 1972. К вопросу о сарганской культуре.— В кн.: Проблемы археологии и древней истории

угров. М.

Могильников В. А. 1973а. К этнокультурной характеристике Западной Сибири в эпоху раннего железа.— В кн.: Из

истории Сибири. Томск, вып. 7.

Могильников В. А. 1973б. Начало тюркизации населения Притомья и Среднего Приобья.— В кн.: Проблемы

этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока Новосибирск. Могильников В. А. 1974. К вопросу о

дифференциации этнической общности обских угров в I тысячелетии н. э.— СА, № 2. Монгольско-русский

словарь. 1957. М. *Моора Х. А.* 1956. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии.— В кн.: Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин.

Мочанов Ю. А. 1969а. Древнейшие этапы заселения Северо-Восточной Азии и Аляски.— СЭ, № 1. *Мочанов Ю. А.* 1969б. Многослойная стоянка Белькачи-Г и периодизация каменного века Якутии. М. *Мочанов Ю. А.* 1970. Археологическая разведка по р. Амгунь: По следам древних культур Якутии. Якутск.

Мошинская В. И. 1953а. Керамика Усть-Полуйской культуры.— МИА, вып. 35.

Мошинская В. И. 1953б. Материальная культура в хозяйстве Усть-По-луй.— МИА, вып. 35. *Мошинская В. И.* 1964. Железный век на севере Западной Сибири в его отношении к истории культур приполярной полосы: Доклад на VII МКАЭН. Отд. отд.

Мошинская В. И. 1965. Археологические памятники северо-западной Сибири.— САИ, вып. ДЗ-8. *Мошинская В. И.* 1968. Племена лесостепной и лесной полосы Западной Сибири в I тысячелетии до н. э.— В кн.: История Сибири. Л. Т. 1.

Мошинская В. И., Чернецов В. Н. 1951. Городище Большой Лог.— КСИИМК, вып. XXXVII. *Мошинская В. И., Чернецов В. Н.* 1953. Городище Андрюшин городок.— КСИИМК, вып. XI. *Мыльникова К. М., Цинциус В. И.* 1931. Материалы по исследованию негидальского языка.— В кн.: Тунгусский сборник. Л. Вып. 1. *Мягков И. И.* 1927. Находки на г. Ку-лайке.— Труды / Томский краевед, музей, т. 1.

Мягков И. И. 1929. Древности На-рымского края.— Труды / Томский краевед, музей, т. 2. *Надаров И.* 1887. Северо-Уссурийский край.— В кн.: Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб. Т. XXVII.

Нанайско-русский словарь. 1960. М. Народы Восточной Азии; 1965. М.; Л. Народы Передней Азии. 1957. М. Народы Сибири. 1956. М.; Л. *Неупокоев Вяч.* 1926. Большой ша-

263

Потанов Л. П. 1963. О народе Бек-лийской степи.— В кн.: Тюркологические исследования. М.; Л. -«Проблемы общности алтайских языков». 1971. Л.

Прокофьев Г. Н. 1940а. Самодийские языки и проблема происхождения современных народностей самодийской группы — ненцев, энцев и селькупов.— ЛО ААН, ф. 282, он. 1, д. 169, л. 4.

Прокофьев Г. Н. 1940б. Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна (ненцев, нганасанов, энцев, селькупов, кетов, хантов и манси). — СЭ, № 3.

Прокофьева Е. Д. 1947. Древние жилища на реках Тым и Кеть.— СЭ, № 2.

Прокофьева Е. Д. 1950. Орнамент селькупов.— КСИЭ, вып. X.

Прокофьева Е. Д. 1952. К вопросу о социальной организации селькупов.— В кн.: Сибирский этнографический сборник. М.; Л. Вып. 1.

Прыткова Н. Ф. 1953. Одежда хантов.— МАЭ, вып. XV.

Прыткова Н. Ф. 1970. Одежда народов самодийской группы как исторический источник.— В кн.: Одежда народов Сибири. Л.

Радаев Н. Н. 1926. Гилюй-Ольдойский и Амгуньский охотничье-промысловые районы.— Экономическая жизнь Дальнего Востока, № 6/7.

Радлов В. В. 1884. Древние аборигены Сибири.— В кн.: Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. СПб.

Радлов В. 1893. К вопросу об уйгурах. СПб.

Расмуссен К. 1958. Великий санный путь. М.

Рассадин В. И. 1969. Этапы истории тофаларов по языковым данным.— ПАС.

Рассадин В. И. 1971. Фонетика и лексика тофаларского языка, Улан-Удэ.

Рассадин В. И. 1976. Антропонимы у тофаларов.— В кн.: Ономастика Бурятии. Улан-Удэ.

Рашид-ад-Дин. 1858. Сборник летописей: История монголов / Сочинение Рашид-Эддина.— Труды / Вост. отд-ния имп-а археол. о-ва. СПб. *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 1. 1952; Т. 2, 1960. М.; Л.

Риттер Карл. 1856. Землеведение Азии. СПб. Т. 1.

Ришес Л. Д. 1955. Основные /Особенности арманского диалекта эвенского языка.— Доклады и/ сообщения Ин-та языкознания Дн СССР, № 7.

Ришес Л. Д., Цинциус В. И. 1952. Краткий очерк грамматики эвенского (ламутского) языка.— В кн.: Русско-эвенский словарь. М. *Рогинский Я. Я., Левин М. Г.* 1955. Основы антропологии. М. *Розов Н. С.* 1958. Антропологический состав древнего населения Средней Оби.— Учен. зап. Томск, ун-та, № 32.

Розов Н. С. 1961. Антропологические исследования коренного населения Западной Сибири.— ВА, вып. 6.

Руденко С. И. 1914. Антропологическое исследование инородцев Северо-Западной Сибири.— Зап. АН по физ.-мат. отд-нию, т. XXXIII, № 3. *Руденко С. И.* 1947. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.; Л.

Руденко С. И. 1948. Культура доисторического населения Камчатки.— СЭ, № 1.

Руденко С. И. 1953. Культура населения горного Алтая в скифское время. М.; Л.

Руденко С. И. 1955. Башкиры. М.; Л. *Руденко С. И.* 1962. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.; Л. *Рудое Л. Н.* 1961. Кидани.— В кн.: Дальневосточный сборник статей-по филологии, истории, философии. М.

Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. 1952. М.; Л. Русско-эвенский словарь. 1952. М. *Рышков К. М.*

1916. Береговой род юраков.— Зап. Зап.-Сиб. отд-ния РГО, т. 38.
- Рышков Ю. Г. 1959. Особенности серологической дифференциации на- • родов Сибири.— ВА, вып. 33. Рышков Ю. Г. 1961. Материалы по антропологии западных тунгусов.— В кн.: Антропологический сборник. М. Т. III.
- Рышков Ю. Г. 1965. Особенности серологической дифференциации ва-родов Сибири. ВА, вып. 21. Рышков Ю. Г. 1969. Некоторые популяционно-генетические подходы к антропологии Сибири.— В кн.: Вопросы антропологии. М., вып. 33.
- Рышков Ю. Г., Перевозчиков И. В., Шереметьева В. А., Волкова Т. В., Ваилай А. Г. 1969. К популяционной генетике коренного населения Сибири: Восточные Саяны.— ВА, вып. 31.
- Сальников К. В. 1951. Бронзовый век Южного Зауралья.— МИ А, вып. 21. Сальников К. В. 1967. Очерки древней истории Южного Урала. М. Сапожникова Т. 1917. В лимане Амура.— Приамурская жизнь, 23 февр. (Хабаровск).
- Сарычев Г. 1952. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М. Сат III. Ч. 1969. Некоторые супер-стратные явления в тувинском языке.— ПАС.
- Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI—XVII вв. 1930. Л.
- Свадеш М. 1965. Лингвистические связи Америки и Евразии / Сокращенный пер. и примеч. А. Б. Долгопольского.— В кн.: Этимология. 1964. М.
- Сегал Д. М. 1968. Опыт типологического описания фонологии кетско-го языка.— В кн.: Труды по востоковедению. Тарту. Вып. 1. Сем Ю. А. 1959. Родовая организация нанайцев и ее разложение. Владивосток.
- Сем Ю. А. 1973. Материальная культура нанайцев. Владивосток. Сергеев Д. А. 1974. Проблемы этнической истории северо-восточного побережья Азии. М. Симченко Ю. В. 1964. Основные черты культуры охотников на дикого оленя Северной Евразии. М. Симченко Ю. В. 1966. Тамги народов Сибири XVII в. как историко-этнографический источник. М. Симченко Ю. В. 1968. Некоторые данные о древнем этническом субстрате в составе народов Северной Евразии.— В кн.: Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М. Симченко Ю. В. 1976. Культура охотников на оленей Северной Евразии. М.
- Сказания бурят, записанные разными собирателями. 1890. Иркутск. Скорик П. Я. 1958а. К вопросу о классификации чукотско-камчатских языков.— ВЯ, № 6.
- Скорик П. Я. 1958б. К вопросу о сравнительном изучении чукотско-камчатских языков.— Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз., т. XVII, вып. 6. Скорик П. Я. 1974. Итоги и задачи исследования в области палеоазиатских и самодийских языков.— В кн.: Склонение в палеоазиатских и самодийских языках. Л.
- Словарь «Кодзиэн. 1959/Сост. Идзу-ру Симмура. Токио.
- Смоляк (Стренина) А. В. 1949. Этнографическое изучение ульчей в 1947 г.— КСИЭ, вып. V.
- Смоляк А. В. 1953. К вопросу о происхождении ороков.— КСИЭ, вып. XXIII.
- Смоляк А. В. 1957. Материальная культура ульчей и некоторые вопросы их этногенеза.— СЭ, № 1.
- Смоляк А. В. 1959. Некоторые вопросы древней истории Приамурья.— СЭ, № 1.
- Смоляк А. В. 1960. Заметки по этнографии нивхов Амурского лимана.— ТИЭ, т. 56.
- Смоляк А. В. 1961. Некоторые вопросы происхождения народов Нижнего Амура: (К вопросу об айнском влиянии на культуру).— В кн.: Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.
- Смоляк А. В. 1963. Состав, расселение и происхождение ульчских родов.— ТИЭ, т. 84.
- Смоляк А. В. 1966. Ульчи. М.
- Смоляк А. В. 1968. К вопросу об истории Приморья в XVI — начале XVII в.— СЭ, № 6.
- Смоляк А. В. 1971. Орочи.— ВИ, № И.
- Смоляк А. В. 1973а. Западные (цент-ральноеазиатские) элементы в культуре народов Нижнего Амура.— В кн.: Рефераты докладов и сообщений Ин-та истории, археологии и этнографии Дальнего Востока. Владивосток. Вып. 1.
- Смоляк А. В. 1973б. Тунгусоязычные компоненты в родовом составе нивхов.— В кн.: Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.
- Смоляк А. В. 1974. Родовой состав нивхов в XIX — начале XX в.— В кн.: Социальная организация и культура народов Севера. М.
- Смоляк А. В. 1975а. О взаимных культурных влияниях народов Сахалина и некоторых проблемах этногенеза.— В кн.: Этногенез и этническая история народов Севера. М.
- Смоляк А. В. 1975б. Об орокском, не-гидальском и тунгусском компонентах в родовом составе ульчей.— В кн.: Итоги полевых исследований Ин-та этнографии в 1974 г. М.
- Смоляк А. В. 1975в. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и 'Сахалина в середине XIX — начале XX в. М.
- Смоляк А. В. 1977. Негидальцы: Их культура, происхождение; загадки и факты.— Изв. АН СССР. Сер. обществ. наук, вып. 1.
- Соколова З. П. 1957. К истории жилища обских угров.— СЭ, № 2.
- Соколова З. П. 1963а. Из истории жилища обских угров: (К вопросу о развитии обско-угорской землянки). Будапешт.
- Соколова З. П. 1963б. Материалы по жилищу, хозяйственным и культурным постройкам обских угров.— В кн.: Сибирский этнографический сборник. М. Т. V.
- Соколова З. П. 1975а. К вопросу о формировании этнографических и территориальных групп обских угров.— В кн.: Этногенез и этническая история народов Севера. М.
- Соколова З. П. 1975б. Находки в Ши-шингах.— СЭ, № 6.
- Соколова З. П. 1976. Проблема рода, фратрии и племени у обских угров.— СЭ, № 6.
- Спаский Г. 1820. Изображение обитателей Сибири. СПб.
- Спаский Г. И. 1953. Сведения русских о реке Амуре в XVII столетии.— Вест. РГО, ч. II, отд. 1.
- Спаский Г. 1956. Словарь койбальского языка, составленный Г. Спаским.— СЭ, № 3.

- Спеваковский А. В. 1975. О взаимоотношении неолитических культур Приамурья, Приморья и Японских о-вов.— В кн.: Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных стран. Новосибирск.
- Старинное монгольское сказание о Чингисхане.— Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. 1866. СПб. Т. IV.
- Степанов А. П. 1835. Енисейская губерния. СПб. Ч. II.
- Степанов Н. Н. 1943. Первая экспедиция русских на Тихий океан.— Изв. ВГО, т. XXV, вып. 2.
- Степанов Н. Н. 1950. Первые /ведения об Амуре и гольдах.— СЭ, № 1.
- Степанов Н. Н. 1959. Русские^ экспедиции на Охотском побережье в XVII в. и их материалы ь тунгусских племенах.— Учен. зап. Ле-нингр. пед. ин-та. Сер. истор. наук. т. X.
- Сулеев Г. В. 1969. Могильник «Репка» и поздние археологические памятники Средней Оби.— ПАС.
- Суник О. П. 1962. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках. М.; Л.
- Суник О. П. 1968. Тунгусо-маньчжурские языки.— В кн.: Языки народов СССР. М.; Л. Т. V.
- Сухбаатар Г. К. 1974. К вопросу об этногенезе монголов.— В кн.: Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. Улан-Батор.
- Сыромятников Н. А. 1967. Об урало-алтайском слое древнеяпонского языка.— Народы Азии и Африки, № 2
- Таксами Ч. М. 1965. Нивхи: Краткий историко-этнографический очерк.— В кн.: Русско-нивхский словарь. М.
- Таксами Ч. М. 1968. Тунгусские народы Сахалина.— В кн.: Страны и народы Востока. М. Вып. VI.
- Таксами Ч. М. 1972. Охотники, рыболовы, собиратели Амурского бассейна.— В кн.: Охотники, собиратели, рыболовы. Л.
- Таксами Ч. М. 1975. Основные проблемы этнографии и истории нивхов. Л.
- Татаринцев Б. И. 1973. О енисейской гипотезе происхождения фаринги-зации в тувинском и тофаларском языках.— В кн.: Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.
- Тереженко Н. М. 1957. К вопросу о взаимоотношениях самодийских языков с языками других групп.— ВЯ, № 5.
- Тереженко Н. М. 1974. Склонение в самодийских языках.— В кн.: Склонение в палеоазиатских и самодийских языках. Л.
- Титов А. А. 1890. Сибирь в XVII в. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней зем-лях. М.
- Титов В. Е. 1972. О культуре Спе-рингс.— В кн.: Археологические исследования в Карелии. Л.
- \
- Тито\ Е. И. 1926. Тунгусско-русский словарь. Иркутск.
- Тихменев П. 1863. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании. СПб. Ч. II.
- Токарев С. А. 1949. К постановке проблем этногенеза.— СЭ, № 3.
- Токарев С. А. 1952. Пережитки родовых отношений у хакасов в XIX в.— ТИЭ, вып. XVIII.
- Токарев С. А. 1958. Этнография народов СССР. М.
- Топоров В. Н. 1964. О некоторых кет-ско-селькупских типологических параллелях.— В кн.: Вопросы структуры языка. М.
- Топоров В. Н. 1967. Из этимологии енисейских языков: (К вопросу о •соответствиях пумпокольскому).— В кн.: Этимология. 1965. М.
- Топоров В. Н. 1968. Материалы к сравнительно-исторической фонетике енисейских языков: 1. Ачин-ско-енисейские соответствия (часть первая).— В кн.: Кетский сборник: Лингвистика. М.
- Топоров В. Н. 1969. Библиография по кетскому языку.— В кн.: Кетский сборник: Мифология, этнография, тексты. М.
- Третьяков П. Н. 1934. Первобытная охота в Северной Азии.— Изв. ГАИМК, вып. 106.
- Третьяков П. Н. 1937. Экспедиция по изучению арктического палеолита.— СА, № 2.
- Туголуков В. А. 1957. Эвенки Охотского побережья. Рукопись. Архив ИЭ.
- Туголуков В. А. 1963. Дзедтулакские писаницы.—КСИЭ, вып. XXXVIII.
- Туголуков В. А. 1968. Оленные эвенки Бурятии.— В кн.: Бахрушин-ские чтения. Новосибирск. Вып. II.
- Туголуков В. А. 1972. Союз доха у удэгейцев и орочей.— СЭ, № 3.
- Туголуков В. А. 1975. Конные тунгусы: (Этническая история и этногенез) .— В кн.: Этногенез и этническая история народов Севера. М.
- Убрятова Е. И. 1973. Язык народа — важный исторический источник.— В кн.: Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.
- Удальцов А. Д. 1947. Теоретические основы этногенетических исследований.— СЭ, № 6/7.
- Ураев Р. А. 1956. Кривошеинский клад.— Труды 7 Томе. обл. краевед. музей, т. VI.
- Ураев Р. А. 1959. Кулайская культура Среднего Приобья.— В кн.: Некоторые вопросы древней истории Западной Сибири. Томск.
- Файнберг Л. А. 1964. Общественный строй эскимосов и алеутов. М.
- Файнберг Л. А. 1971. Очерки этнической истории зарубежного Севера. М.
- Файнберг Л. А. 1974. Рецензия на книгу Р. С. Васильевского «Древние культуры тихоокеанского севера».— СЭ, № 3.
- Федосеева С. А. 1968. Древние культуры Верхнего Вилюя. М.
- Федосеева С. А. 1975. Стоянка Конза-бой — памятник очмыяхтахской поздненеолитической культуры на Колыме.— В кн.: Якутия и ее соседи в древности. Якутск.
- Филатова В. Ф. 1972. К вопросу о связи каменных орудий памятников с чистым комплексом керамики Сперрингс и позднемезолитиче-скими.— В кн.: Археологические исследования в Карелии. Л.
- Фишер И. Э. 1774. Сибирская история с самого открытия Сибири и до завоевания сей земли Российским оружием. СПб.
- Хазанова А. В. 1971. Дерматоглифика лопарей и коми Кольского полуострова.— ВА, вып. 37.
- Хазанова А. Б., Шамлян Н. П. 1970. К антропологии и популяционной генетике лопарей Кольского полуострова.— ВА, вып. 34.
- Хайду П. 1953. К этногенезу венгерского народа. Budapest.
- Хакаско-русский словарь. М.
- Халиков А. Х. 1969. Древняя история Среднего Поволжья. М.

- Халикова Е. А. 1972. Погребальный обряд Танкеевского могильника и его венгерские параллели.— В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М.
- Хангалов М. Н. 1958. Соч. Улан-Удэ. Т. 1.
- Хлобыстин Л. П. 1969. О расселении предков самодийских народов в эпоху бронзы (II тысячелетие до н. э.).— В кн.: Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии». Новосибирск.
- Хлобыстин Л. П. 1972а. Оомен в эпоху неолита и бронзы: (По материалам археологии Сибири).— В кн.: Краткие тезисы докладов к симпозиуму «Обмен и торговля в древних обществах». Л.
- Хлобыстин Л. П. 1972б. Поселение развитого неолита Маймече 1 и его место в неолите Восточной Сибири.— КСИА, вып. XXXII.
- Хлобыстин Л. П. 1973а. Древнейшие памятники Западного Таймыра.— КСИА, вып. XXXIII.
- Хлобыстин Л. П. 1973б. Древние культуры Таймыра и крупные этнические общности Сибири.— ПАС.
- Хлобыстин Л. П. 1973в. Крайний Северо-Восток Европейской части СССР в эпоху неолита и ранней бронзы.— В кн.: Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР в эпоху неолита. Л.
- Хлобыстин Л. П., Мелентьев А. Я., Студзитская С. В. 1974. Работы на п-ве Таймыр.— АО 1973 г. М.
- Хлобыстина М. Д. 1973. Этногенетические аспекты в проблеме классификации андроновских памятников Южной Сибири, Казахстана, Средней Азии.— В кн.: Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.
- Хомич Л. В. 1964. К проблеме этногенеза ненцев: Доклад на VII МКАЭН. Отд. отт.
- Хомич Л. В. 1966. Ненцы. Л.
- Хомич Л. В. 1970а. Ненецкие предания о сиртях.— В кн.: Фольклор и этнография. Л.
- Хомич Л. В. 1970б. Одежда канинских ненцев.— В кн.: Одежда народов Сибири. М.
- Храмова В. В. 1950. Заболотные татары.— Изв. ВГО, вып. 2.
- Цинциус В. И. 1949. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л.
- Цинциус В. И. 1972. К этимологии алтайских терминов родства: Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л.
- Цинциус В. И. 1978. Центральные и маргинальные фонетические ареалы Приамурья и Приморья.— В кн.: Народы и языки Сибири. М.
- Цыдендамбаев Ц. В. 1972. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ.
- Чадамба З. В. 1974. Тоджинский диалект тувинского языка. Кызыл.
- Чард Ч. 1962. Происхождение хозяйства морских охотников северной части Тихого океана.— СЭ, № 5.
- Чарнолуцкий В. В. 1965. Легенда об олене-человеке. М.
- Чебоксарое Я. Я. 1947а. К вопросу о происхождении китайцев.— СЭ, № 1.
- Чебоксарое Я. Я. 1947б. Основные направления расовой дифференциации.— ТИЭ. Нов. сер, т. 2.
- Чебоксарое Н. Н. 1948. Некоторые вопросы изучения финно-угорских народов в СССР.— СЭ, № 3.
- Чебоксарое Я. Я. 1949. Еще раз о некоторых вопросах изучения финно-угорских народов.— СЭ, № 2.
- Чебоксарое Я. Я. 1951. Основные приемы антропологических классификаций.— В кн.: Происхождение человека и древнее расселение человечества. М.
- Чебоксарое Я. Я. 1952. К вопросу о происхождении народов финно-угорской языковой группы.— СЭ, № 1.
- Чебоксарое Н. Н. 1964. Основные этапы формирования антропологического состава населения Восточной Азии. М.
- Черевко К. Е. Коренное население Приморья, Сахалина, Курил и Японских о-вов до XVII в. Рукопись.
- Чернецов В. Я. 1935. Древняя приморская культура на полуострове Ямал.— СЭ, № 4/5.
- Чернецов В. Н. 1941. Очерк этногенеза обских югров.— КСИИМК, вып. IX.
- Чернецов В. Н. 1946. Основные этапы истории Приобья от древнейших времен до X в. н. э.— КСИИМК, XIII.
- Чернецов В. Н. 1948. Орнамент ленточного типа у обских угров.— СЭ, № 1.
- Чернецов В. Н. 1951. К вопросу о месте и времени формирования финно-угорской этнической группы.— В кн.: Тезисы докладов и выступлений сотрудников ИИМК АН СССР, подготовленные к совещанию по методологии этногенетических исследований. М.
- Чернецов В. Н. 1953а. Древняя история Приобья.— МИА, вып. 35. Чернецов В. Н. 1953б. Усть-Полуйское время в Приобье.— МИА, вып. 5.
- Чернецов В. Н. 1957. Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э.— МИА, № 58.
- Чернецов В. Н. 1960. К вопросу о месте и времени формирования уральской (финно-угро-самодийской) общности. М. Чернецов В. Н. 1964а. К вопросу об этническом субстрате в циркумполярной культуре: Доклад на VII МКАЭН. Отд. отт.
- Чернецов В. Н. 1964б. Наскальные изображения Урала.— САИ, вып. ВЧ-12(1). М.
- Чернецов В. Н. 1969. Опыт выделения этнокультурных ареалов в Северо-Восточной Европе и Северной Азии.— ПАС.
- Чернецов В. Н. 1970. Наскальные изображения Урала: Автореф. докт. дисс. М. Чернецов В. Н. 1970. Наскальные изображения Урала. М. -Чернецов В. Н. 1971. Наскальные изображения Урала.— САИ, вып. ВЧ-12(2).
- Чернецов В. Н. 1972. Наскальные изображения уральского ареала.— В кн.: Проблемы происхождения и древней истории угров. М. Чернецов В. Н. 1973. Этнокультурные ареалы в лесной и субарктических зонах Евразии в эпоху неолита.— В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М.
- Чернецов В. Н., Мошинская В. И. 1954. В поисках древней родины угорских народов.— В кн.: По следам древних культур: от Волги до Тихого океана. М.
- Чернов Г. А. 1951. Петрушинская стоянка на Средней Печоре.— КСИИМК, вып. 39. Чиндина Л. А.

1969. Молчановский могильник Релка и некоторые вопросы этногенеза народов Западной Сибири.— ПАС.
- Чиндина Л. А. 1970. Нарымско-Томское Приобье в середине I тысячелетия н. э. Автореф. канд. дис. М. • Чиндина Л. А. 1975. О погребальном обряде поздних могильников Нарымского Приобья.— В кн.: Из истории Сибири. Томск, вып. 16. Чиндина Л. А. 1977. Могильник Релка на Средней Оби. Томск. Чистяков Э. Ф. 1977. Шорско-кетские параллели в лексике.— ПАС. Членова Н. Л. 1964а. Карасукская культура.— В кн.: Материалы по древней истории Сибири. Улан-Удэ.
- Членова Н. Л. 1964б. Тагарская культура.— В кн.: Материалы по древней истории Сибири. Улан-Удэ. Членова Н. Л. 1975. Соотношения культур карасукского типа и кетских топонимов на территории Сибири.— В кн.: Этногенез и этническая история народов Севера. М. Чубарова Р. В. 1957а. К истории древнейшего населения Сахалина.— СЭ, № 4.
- Чуеунов С. М. 1893. Материалы для остеологии остяков.— В кн.: Материалы для остеологии Сибири. Томск.
- Шавкунов Э. В. 1973. Советские ученые о чжурчжэнях.— Проблемы Дальнего Востока, № 3. Шавкунов Э. В., Деревянко А. П. 1964. Народы советского Дальнего Востока во второй половине I тысячелетия н. э.— В кн.: Материалы по древней истории Сибири. Улан-Удэ. Т. 1.
- Шавкунов Э. В., Сем Ю. А. 1960. Мохэские родоплеменные названия и их связь с этнонимами XVII—XX вв.— В кн.: Материалы Второй научной конференции по истории, археологии и этнографии Дальнего Востока. Владивосток. Шварц Л. 1864. Подробный отчет о результатах исследований математического отдела Сибирской экспедиции РГО.— Труды / Сиб. экспедиция РГО. СПб.
- Швецов С. П. 1900. Горный Алтай и его население: Кочевники Бийско-го уезда. Барнаул, вып. 1, прилож. 5.
- Шестаков С. А., Петровых Ф. И. 1968. Материалы к топонимике Среднего Прикамья.— Учен. зап. Перм. ун-та, № 191.
- Шлугер С. А. 1941. Антропологическое исследование ненцев.— В кн.: Краткие сообщения о научных работах Института и Музея антропологии МГУ. М.
- Шмидт А. В. 1930. Древний могильник на Кольском заливе.— В кн.: Кольский сборник. Л.
- Шренк А. 1855. Путешествие к северо-востоку Европейской России. СПб.
- Шренк Л. И. 1883. Об инородцах Амурского края. СПб. Т. 1.
- Шренк Л. И. 1899. Об инородцах Амурского края. СПб. Т. 2.
- Штернберг Л. Я. 1931. Орнамент из лосиного волоса и игл дикобраза.— СЭ, № 3/4.
- Штернберг Л. Я. 1933. Гиляки, гольды, орочи, негидальцы, айны. Хабаровск.
- Щербак А. М. 1970. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л.
- Эвенкийско-русский словарь. 1958. М.
- Языки и письменность народов Севера. 1934. М.; Л. Ч. III.
- Якимов В. П. 1956. Начальные этапы заселения Восточной Прибалтики. М.
- Якимов В. П. 1960. Антропологические материалы из неолитического могильника на Южном Оленьем острове.— В кн.: Сборник МАЭ, вып. XIX.
- Ярхо А. И. 1947. Саянские тюрки. Абакан.
- Angere I. Die uralo-jukagirische Frage: Ein Beitrag zum Problem der sprachlichen Urverwandschaft. Stockholm.
- Bandi H. 1969. Eskimo prehistory. Seattle.
- Bergsland K. 1958. Is lexico-statistic dating valid? — In: XXXII Intern. Congr. of Americanists 1956. Copenhagen.
- Boas F. 1885. The Central Eskimo. Copenhagen.
- Boas F. 1907. Eskimo of Baffin Land and Hudson Bay.— In: Bull. Amer. Mus. Nat. History. N.—Y. V. 15, pt. 1/2.
- Bogoraz W. 1904—1909. The Chukchee.— In: Publications of the Jesup North Pacific Expedition. Leiden — New-York. V. VII, t. 1—3.
- Bouda K. 1957. Die Sprache der Jenisseier: Genealogische und morphologische Untersuchungen.— Anthropolos, v. 52.
- Byrne J. 1892. General Principles of the Structure of Language. London. V. 1.
- Castren M. A. 1856. Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845—1849. St.-Pb.
- Castren M. A. 1857. Versuch einer Koi-balischen und Karagassischen Sprachlehre. St.-Pb.
- Castren M. A. 1858. Versuch einer jeni-sei-ostjakischen Koztischen Sprachlehre nebst Worterzeichnissen aus den genannten Sprachen. St.-Pb.
- Circumpolar Community. 1975. Ottawa.
- Collinder B. 1940. Yukagirisch und Uralisch.— Uppsala Universitets Arskrift, v. 8.
- Collinder B. 1955. Feuno-Ugric vocabulary. Stockholm.
- Collinder B. 1958. Uralo-Ugric Nachles.— Uppsala Universitets Arskrift, v. 12.
- Collinder B. 1960. Hat das Uralische Verwandte? Uppsala.
- Collins H. 1937. Culture migrations and contacts in the Bering Sea Region.— American Anthropologist, v. 39, N 3.
- Collins H. 1937. Archaeology of St. Lawrence.— Smithsonian Miscellaneous Publications, v. 96.
- Collins H. 1945. The Aleutian Islands, their people and natural history. Washington.
- Collins H. 1954. Arctic Area — Program of the History of America: Indigenous Period 1. Mexico.
- Coon C. St. 1939. The races of Europe. N.-Y.
- Donner K. 1916—1920. Beiträge zur Frage nach dem Ursprung der Jenisseier — Ostjaken.— Journal de la Société Finnoougrienne, v. 37.
- Dumond D. 1965. On Eskaleutian Linguistics, Archaeology and Prehistory.— American Anthropologist, v. 67, N 5.
- Eidlitz C. 1969. Food and emergency food in the circumpolar area. Uppsala.
- Ford J. 1959. Eskimo prehistory in the vicinity of Point Barrow. Alaska. N.-Y.

Giddings I. L. 1966. The Archaeology of Bering Strait— Current Anthropology, N 2.

272

Gmelin I. 1751—1752. Reise durch Si-birien von dem Jahr 1733 bis 1743. Gottingen, Hf. 1—4.

Hajdu P. 1953. Die ältesten Berührung-gen zwischen den Samojeden und den jenesseischen Völkern.— Acta Orientalia. Budapest. T. 3.

Hambis L. 1957. Notes sur trois tribus le l'Enissei superieur les US qap-qanas et talangutt.— Journal Atlan-tique, N 3.

Hammerich L. 1960. Some linguistic problems in the Arctic.— Acta Arc-tica, N 12.

Halt G. 1934. North American and Eurasian Culture Connections.— In: Proceedings of the 5th Pacific Scientific Congress, Canada, 1933. University of Toronto Press. V. 4.

Hirsch D. 1954. Giotto-chronology and Eskimo and Eskimo Aleut Prehistory.— American Anthropologist, v. 56, N 5.

Holmer N. M. 1953. Some Further Traces of Paleo-Eurasian.— In: International Anthropological and Linguistic Review for Scientists and for the Cultures Public in General. Miami.

lochelson W. 1924. The Yukaghir and the Yukagirized Tungus.— The Jesup North Pacific Expedition, N 4, v. IX.

lochelson W. 1928. Archeological investigations in Kamtchatka. Washington.

lochelson W. 1905—1908. The Koryak.— In: Memoir of the American Museum of Natural History. N. Y. V. IV.

lohansen U. 1966. Alacyq Resid ran-meti arat icin. Ankara.

Joki A. J. 1952. Die Lehnwörter des Sajansamojedischen. Helsinki.

Larsen H., Reiney F. 1948. Ipiutak and the Arctic Whale Hunting Culture N 4.— In: Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. N. Y. V. 42.

Laughlin W. 1963. Eskimos and Aleuts: their origins and evolution.— Science, v. 142, N 3593.

Lew] E. 1933. Zum Jenissei-Ostjaki-schen (Kettischen).— Ungarische. Hf. 3-4.

Luho V. 1956. Die Askola-Kultur. Helsinki.

Melgaard J. 1960. Origin and evolution of eskimo cultures in the Eastern Arctic.— Canadian Geographical journal, v. LX, N 2.

Messerschmidt D. G. 1964. Forschung-reise durch Sibirien (1720—1727). Berlin. Bd. 2.

Mark K. 1970. Zur Herkunft der finni-schugrischen Völker vom Stadtpunkt der Anthropologie. Tallinn.

Nieckish K. 1879. Die Tungusche Eine ethnologische Monographie. St.-Pb.

Oswalt W. 1967. Alaskan Eskimos. San-Francisco.

Pohlhausen H. 1953. Zur Frage der Herkunft der Lappen. «Anthropos», Fasc. 5—6.

Pulleyblank E. G. 1963. The consonantal system of Old Chinese: (Appendix. The Hsiung-nu Language).— Asia Major, new series, v. 9.

Ramstedt U. J. 1907. Über den Ursprung der sogenannten Jenissej-Ostjaken.— Journal de la Societe Finno-Fougrienne, v. 24, N 2.

Rnong J. 1962. Die Lappen in Sweden. Stockholm.

Sebestyen J. 1953. Beiträge zur Problem der Protolappischen Sprache.— Acta Linguistica, III, N 3—4.

Simonson P. 1960. The History of Settlement,— North Norway of 65. Froms0 museums Skrifter, vol. 8.

Sirelius U. T. 1910. Über die primitiven Wohnungen bei den ob-ugri-schen Völkern. Helsingfors.

Steinitz W. 1938. Totemismus bei den Ostjaken in Sibirien.— Ethnos, N 4-5.

Strahlenberg Ph. L. 1730. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm.

Swadesh M. 1952. Unalak and proto-Eskimo.— International journal of American Linguistics, v. 18.

Swadesh M. 1958. Some new glotto-chronological dates for Amerindian linguistic groups.— In: XXXII Intern. Congr. of Americanists 1956. Copenhagen.

Szokolova S. P. 1964. Az obi-ugor La-kohazak Tushelyei.— Muveltseg es Hagymaby. Budapest. T. VI.

Tailleur O. G. 1958. Un îlot basco-caucasien en Sibirie: les langues ienisseiennes.— Orbis, v. 7, N 2.

Tailleur O. 1959. Plaideyer pour le Joukaghir branche orientale de la famille Ouralienne.— Lingua, v. 8, N 4.

273

Tailleur O. L. 1964. Contribution a la dialectologie ienisseienne les paries denka et poumpokolsk.— In: Communications et rapports fu Premier Congres International de Dialectologie general. Louvain.

Taylor W. 1966. An archaeological perspective on Eskimo economy.— Antiquity, v. XL, N 158.

Taylor W. 1968. An archaeological overview of Eskimo economy.— In: Eskimo of the Canadian Arctic. Toronto.

Toivonen S. H. 1950. Zum Problem der Protolappischen.— In: Sitzungs-berichte der Finnischen Akademie der Wissenschaften. Helsinki.

Vilkuna K. 1950. t)ber die ob-ugri-schen und samojedischen Pfeile und Kocher.— In: Memoires de la So-ciete Finno-Ougrienne. Helsinki, v. XCVIII.

Vorren O., Manker E. 1962. Lapp life and customs. London.

Wissler C. 1920. North American in-dians of the plains.— In: American museum of natural history. N. Y.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААН	— Архив Академии наук
АИЭ	— Архив Института этнографии
АНОЗ	— Архив Нарьянмарского окружного загса
АПГЗ	— Архив Печерского городского загса
АО	— Археологические открытия. М.
ВА	— Вопросы антропологии. М.
ВГО	— Всесоюзное географическое общество
ВИ	— Вопросы истории

ВЯ	— Вопросы языкознания
ГАИМК	— Государственная Академия истории материальной культуры
ГАКК	— Государственный архив Красноярского края
ГАОО	— Государственный архив Амурской области
ТИМ	— Государственный Исторический музей
ДАЙ	— Дополнение к Актам историческим
ИВПН	— Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. М.
ИИМК	— Институт истории материальной культуры
МРГО	— Императорское Российское географическое общество
ИЭ	— Институт этнографии Академии наук СССР
АН СССР	
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.; Л.
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии. М.
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет
ЛО ААН	— Ленинградское отделение Архива Академии наук
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. М.
МИЯ	— Материалы по истории Якутии
МКАЭН	— Международный конгресс антропологических и исторических наук
НИИЯЛИ	— Научно-исследовательский институт языка и литературы
ЛАС	— Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск
РГО	— Русское Географическое общество
СА	— Советская археология
€АИ	— Свод археологических источников. М.
€О	— Сибирское отделение Академии наук СССР
АН СССР	

275

СЭ	— Советская этнография
ТИЭ	— Труды института этнографии. М.; Л.
ТМКАЭН	— Труды Международного конгресса антропологических и этнографических наук
ТНИИЯЛИ	— Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ТФ ГАТО	— Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области
ЦГАВМФ	— Центральный государственный архив Военно-Морского флота
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов
ЦГВИА	— Центральный государственный военно-исторический архив
ЯФАН	— Якутский филиал Академии наук

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

Раздел первый

ЭТНОГЕНЕЗ УРАЛОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ И КЕТСКАЯ ПРОБЛЕМА

Глава первая. Ранние этапы этногенеза народов уральской языковой семьи Заполярья и Приполярья Евразии (Ю. Б. Симченко)	11
Глава вторая. Этногенез саамов (Т. В. Лукьянченко).....	28
Глава третья. Проблема этногенеза северосамодийских народов (ненцы, энцы, нганасаны) (В. И. Васильев).....	41
Глава четвертая. Происхождение саянских оленеводов (Проблема этногенеза тувинцев-тоджинцев и тофаларов) (С. И. Вайнштейн)	68
Глава пятая. К проблеме этногенеза обских угров и селькупов (З. П. Соколова).....	89
Глава шестая. Кетская проблема (Е. А. Алексеев) .-.....	118

Раздел второй ЭТНОГЕНЕЗ ЮКАГИРОВ И ТУНГУССКИХ НАРОДОВ

Глава первая. Этногенез юкагиров (И. С. Гурвич, Ю. В. Симченко)	141
Глава вторая. Этнические корни тунгусов (В. А. Туголуков)	152
Глава третья. Проблемы этногенеза тунгусоязычных народов Нижнего Амура и Сахалина (А. В. Смоляк).....	177

Раздел третий

ЭТНОГЕНЕЗ ПАЛЕОАЗИАТСКИХ НАРОДОВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Глава первая. Проблемы этногенеза нивхов (Ч. М. Таксами)	196
Глава вторая. Проблемы происхождения чукчей, коряков и ительменов (И. С. Гурвич).....	211
Глава третья. Происхождение эскимосов и алеутов (Л. А. Файн-берг).....	
Заклучение	

227 241

Список литературы..... 249

Список сокращений..... 275

**ЭТНОГЕНЕЗ
НАРОДОВ
СЕВЕРА**

Утверждено к печати
Институтом этнографии!
им. Миклухо-Маклая
АН СССР

Редактор издательств
С. Н. Романова

Художник

А. Н. Шаев

Художественный редактор

И. В. Разина

Технические редакторы

З. Б. Павлюк, Ю. В. Серебрякова

Корректор Ф. А. Дебабов

ИБ № 15297

Сдано в набор 16.08.79

Подписано к печати 22.11.79

Т-17440. **Формат** 60Х90/и

Бумага типографская № 2

Гарнитура обыкновенная

Печать высокая

Усл. печ. л. 17,5 Уч.-изд. л. 20,3

Тираж 1500 экз. Тип. зак. 2222

Цена 2 р. 80 к.

Издательство «Наука» 117864 ГСП-7 Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука» 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

В 1981 г.

в издательстве «НАУКА» выйдут в свет:

Халиков А. Х.

ОСНОВЫ ЭТНОГЕНЕЗА НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ

20 л., 2 р. 40 к.

В монографии освещена древняя и средневековая история народов Среднего Поволжья и Приуралья — чувашей, мордвы, марийцев, коми-зырян, коми-пермяков, башкир и др., показано, как в результате многовековой совместной жизни и братской дружбы с русским народом происходило становление этнических основ финно-угорских и тюркских народов края. Автор убедительно доказывает свои выводы на основе широкого использования историко-археологических, этнографических, антропологических данных.

1 кв.

Попова У. Г.

ЭВЕНЫ МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ (Очерки истории хозяйства и культуры эвенов Охотского побережья 1917—1977 гг.) 19 л., 2 р. 30 к.

В книге освещаются хозяйство, быт, социально-семейные отношения, обычаи, обряды эвенов, исследуются их древние и христианские верования. Много места уделено истории социалистических преобразований в годы Советской власти. Работа написана на основе архивных материалов, полевых исследований.

1 кв.

Хить Г. Л.

ДЕРМАТОГЛИФИКА НАРОДОВ СССР

(в связи с проблемой этногенеза)

20 л., 2 р. 30 к.

В монографии исследуются основные закономерности ферма-тоглифической дифференциации населения. Составлена генеалогия расовых типов и этнических групп. Впервые обобщаются обширные данные о южном рельефе кистей рук у населения СССР и сопредельных стран, рассмотренные в расо- и этногенетическом аспектах.

1 кв.

Заказы просим направлять

по одному из перечисленных адресов

магазина «Книга — почтой» «Академкнига»:

480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97;

370005 Баку, 5, ул. Джапаридзе, 13; 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95;

252030 Киев, ул. Пирогова, 4;

443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2;

197110 Ленинград, П-110, Петрозаводская ул., 7;

220012 Минск, Ленинский проспект, 72; 117192 Москва, В-192, Мичуринский проспект, 12;

630090 Новосибирск, 90, Морской проспект, 22; - 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; 700187

Ташкент, ул. Дружбы народов, 6;

450059 Уфа, 59, ул. Р. Зорге, 10;

720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42;

3110003 Харьков, Уфимский пер. 4/6.

_____ • _____

Страница	Строка	Напечатано	должно быть
11	11 св.	представлявших	представляющих
71	10 сн.	VII в.	XVII в.
100 111	5—6 сн. 3—4 сн.	так и 2) как у котов западносибирского типа;	и селькупов — см . 2) лодка саападпосбир- ского типа.
112	1 св.	лице	;к илиЩе

Заи аз Л» 2222